

Права проданы в 25 стран!
Полгода в книжном топе сайта Amazon!
Скоро — один из главных мировых киноблокбастеров!

ПОД АЛЫМИ НЕБЕСАМИ

РОМАН

МАРК САЛЛИВАН

Приключения, любовь, война и эпический герой —
и все действие разворачивается на фоне одного из мрачайших
моментов человеческой истории. Это исключительной силы
произведение на тему Второй мировой.

Тесс Герритсен

Annotation

Пино Лелла, молодой итальянец, как и всякий человек в его возрасте, любит музыку, девушек и себя. И все бы шло по нормальным законам жизни, когда бы в мир не вторглась война. Дом в Милане, где Пино живет с родителями, превращается в развалины при бомбежке. Юноша связывается с подпольщиками. Помогая еврейским семьям бежать от свастики через Альпы, Пино встречает Анну, свою любовь. Но неисповедимы пути войны – чтобы уберечься от смерти, юноша вступает в германскую армию, и судьба сажает его за руль личного авто Ганса Лейерса, одного из самых влиятельных и таинственных военачальников Третьего рейха, человека, которому покровительствует сам рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер. С этой поры Пино живет между двумя полюсами – любовью к Анне и ненавистью к бездушной силе, чье имя фашизм.

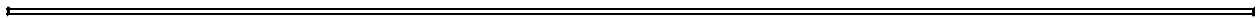
Роман М. Салливана «Под алыми небесами» уже полгода держится на верхних строчках списка «Топ-100» интернет-магазина «Амазон», собрал двенадцать с половиной тысяч отзывов, восемьдесят процентов читателей, откликнувшихся на выход романа, дали ему высшую оценку в пять звезд – случай для книги уникальный.

Компания «Паскаль пикчерс» приобрела права на экранизацию романа. Главную роль в кинопроекте сыграет актер Том Холланд, прославившийся после роли Человека-Паука в знаменитом фильме.

- [Марк Салливан](#)
 -
 -
 - [Предисловие](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)

- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
- [Глава двенадцатая](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)
 - [Глава тридцать вторая](#)
- [Часть пятая](#)
 - [Глава тридцать третья](#)
 - [Глава тридцать четвертая](#)
- [Послесловие](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

Марк Салливан

Под алыми небесами

Mark Sullivan
BENEATH A SCARLET SKY
Copyright © 2017 by Mark Sullivan
All rights reserved

© Г. Крылов, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается памяти восьми тысяч итальянских евреев, которых не удалось спасти.

Памяти миллионов, обращенных в рабство нацистской военной машиной, и бесконечному числу тех, кто не вернулся домой.

И Роберту Делендорфу, который первым услышал эту историю и спас меня.

Предисловие

В начале февраля 2006 года мне исполнилось сорок семь лет, и никогда в жизни не было мне так плохо, как в этот год.

Мой младший брат, который был и моим лучшим другом, предыдущим летом допился до смерти. Я написал роман, который никому не нравился, я оказался втянутым в деловой конфликт и стоял на грани личного банкротства.

Я ехал в одиночестве по одному из хайвеев Монтаны, наступили сумерки, и я начал думать о моем договоре страхования и понял, что мертвый я гораздо нужнее семье, чем живой. Падал снежок, освещение было плохое. Никто бы не заподозрил, что это самоубийство.

Но тут перед моим мысленным взором в кружащихся хлопьях снега возникли жена и сыновья, и я передумал. Съехав с хайвея, я почувствовал, что меня трясет. Я был на грани нервного срыва и потому склонил голову и стал просить Бога и Вселенную о помощи. Я молился, чтобы Он послал мне какой-нибудь сюжет, что-нибудь более крупное, чем я сам, я молил о проекте, который дал бы мне возможность забыться.

Хотите верьте, хотите нет, но в тот же самый вечер за обедом в Бозмане, штат Монтана, – это кому бы такое могло прийти в голову? – я услышал обрывки необычной и неизвестной истории времен Второй мировой войны, героем которой был семнадцатилетний итальянский парнишка.

Поначалу я решил, что история жизни Пайно Леллы в последние двадцать три месяца войны – вымысел. Иначе мы знали бы про нее. Но потом я узнал, что Пайно – итальянцы произносят «Пино» – шесть десятилетий спустя был все еще жив, он вернулся в Италию после почти тридцати лет, проведенных в Беверли-Хиллз и Маммот-Лейкс в штате Калифорния.

Я позвонил ему. Мистер Лелла поначалу очень неохотно говорил со мной. Он сказал, никакой он не герой, а скорее уж трус, чем заинтриговал меня еще больше. Наконец, после еще нескольких звонков, он согласился встретиться со мной, если я приеду в Италию.

Я прилетел в Италию и три недели провел с Пино на старой вилле в городке Леза на озере Маджиоре к северу от Милана. В то время Пино, несмотря на свои семьдесят девять лет, был крупным, сильным, красивым, обаятельным, забавным и нередко уклончивым. Я слушал его часами

напролет, а он вспоминал прошлое.

Некоторые воспоминания Пино были такими яркими, что они словно появлялись в воздухе перед моими глазами. Другие представляли не очень ясными, и мне приходилось добиваться большей четкости многочисленными вопросами. Он явно избегал упоминать некоторые события и характеры и, казалось, вообще боялся говорить о других. Когда я поднажал на него, он стал рассказывать о тех мучительных временах, вспоминал трагедии, которые заставляли рыдать нас обоих.

Во время того первого путешествия я говорил и с историками холокоста в Милане, беседовал с католическими священникам и членами Сопротивления. Я вместе с Пино посетил все места основных событий. Я становился на лыжи и поднимался в Альпы, чтобы лучше представить себе маршруты бегства. Я поддерживал старика, когда он погрузился в скорбь на Пьяццале Лорето, видел, как мучительно переживает он утраты, когда бродил с ним по улицам вокруг Каstellо Сфорцеско. Он показал мне, где в последний раз видел Бенито Муссолини. В большом миланском соборе Дуомо я смотрел на его трясущуюся руку, когда он зажигал свечку в память мертвых и мучеников.

И все это время я слушал человека, вспоминавшего два года своей необычной жизни здесь, – он стал взрослым в семнадцать, а в восемнадцать уже превратился в старика, пережившего взлеты и падения, испытания и торжество, любовь и разбитое сердце. Мои личные проблемы и вообще вся моя жизнь казались такими мелкими и незначительными в сравнении с тем, что досталось на его долю в столь юные годы. И его взгляд на жизненные трагедии задал мне новую перспективу. Я начал излечиваться, мы с Пино вскоре стали друзьями. И, вернувшись домой, я чувствовал себя так, как не чувствовал уже много лет.

После первого путешествия я на протяжении следующего десятилетия совершил еще четыре поездки в промежутках между написанием других книг – проводил разыскания, связанные с историей Пино. Я консультировался с персоналом Яд ва-Шема, главного израильского мемориала холокоста, с историками в Италии, Германии и Соединенных Штатах. Я проводил недели в военных архивах этих трех стран и Соединенного Королевства.

Я разговаривал с выжившими свидетелями – по крайней мере, с теми, кого мне удалось найти, – чтобы уточнить различные события, о которых рассказал мне Пино, а также с потомками и друзьями давно умерших, включая Ингрид Брук, дочь таинственного нацистского генерала, чья фигура осложняет понимание сути случившегося.

Если это было возможно, я держался фактов, отобранных из архивов, разговоров и свидетельств. Но вскоре я понял: по мере того как исход Второй мировой войны становился ясен, нацисты начали повсеместно уничтожать документы, а потому свидетельства, касающиеся событий из жизни Пино, в лучшем случае отрывочны.

Кроме того, моим исследованиям мешала некая коллективная амнезия, поразившая Италию и Германию после войны. Тысячи книг были написаны о Дне Д^[1], военной кампании союзников в Западной Европе, и усилиях храбрецов, которые рисковали жизнями, спасая евреев в других европейских странах. Но нацистская оккупация Италии и католическая «подпольная железная дорога»^[2], созданная для спасения итальянских евреев, почти не привлекли внимания исследователей. Около шестидесяти тысяч солдат союзников погибли в битвах за освобождение Италии. Около ста сорока тысяч итальянцев погибли во время нацистской оккупации. И тем не менее так мало было написано о сражении за Италию, что историки стали называть эти события «Забытый фронт».

В значительной мере этой амнезии способствовали выжившие итальянцы. Один из итальянских партизан сказал мне как-то: «Мы были так молоды и хотели забыть. Мы хотели оставить позади пережитые нами ужасы. Никто в Италии не говорит о Второй мировой, а потому никто и не помнит».

Из-за уничтожения документов, коллективной амнезии и смерти многих действующих лиц к тому времени, когда я узнал об этой истории, мне пришлось местами строить сцены и диалоги исключительно на воспоминаниях Пино о событиях, происшедших несколько десятилетий назад, на скудных сохранившихся материальных свидетельствах и моем воображении, которое подпитывалось проведенными мною исследованиями и обоснованными предположениями. В некоторых случаях я объединял персонажей или сжимал события ради повествовательной достоверности и драматизировал ситуации, о которых сам узнал в гораздо более мягком изложении.

И как следствие этого, история, которую вы собираетесь прочесть, является не документальной прозой, а биографическим и историческим романом, строго прослеживающим события, случившиеся с Пино Лелла между июнем 1943 и маем 1945 года.

Любовь побеждает все.

Вергилий

Часть первая

Никто не будет спать

Глава первая

9 июня 1943 года

Милан, Италия

1

Дуче, как и все фараоны, императоры и тираны до него, видел торжество своей империи, а позднее присутствовал на ее похоронах. И в самом деле, к тому дню в конце весны власть уже ускользала из рук Бенито Муссолини, как радость из сердца молодой вдовы.

Потрепанные армии фашистского диктатора отступили из Северной Африки, армия союзников готовилась к броску с Сицилии на континент. И Адольф Гитлер каждый день отправлял на юг все новые пополнения и припасы, чтобы усилить «итальянский сапог».

Пино Лелла знал обо всем этом из новостей Би-би-си, которые каждую ночь слушал по коротковолновому радиоприемнику. Он своими глазами видел, что повсюду увеличивается число немецких солдат. Но, гуляя по средневековым улицам Милана, Пино блаженно не замечал симптомов усиливающегося противостояния. Вторая мировая война присутствовала всего лишь в новостях, и нигде более, – послушал, а через минуту забыл, потому что ее вытесняли мысли на три любимые темы: девочки, музыка и еда.

В конце-то концов, ему было всего семнадцать, и при росте сто восемьдесят пять сантиметров он весил семьдесят пять килограммов, а потому был долговязым и нескладным, с большими руками и ногами, непослушной копной волос и таким избытком угрей и неловкости, что ни одна из девушек, которых он приглашал в кино, не принимала его приглашения. Но Пино это не останавливало – характер не позволял ему сдаваться.

Он уверенно вышел со своими друзьями на площадь перед Дуомо, базиликой Рождества Пресвятой Девы Марии, величественным готическим собором в самом центре Милана.

– Я сегодня встречаюсь с красивой девушкой, – сказал Пино, грозя пальцем в алое тревожное небо. – И мы потеряем голову от безумной, страстной любви, нас ждут необыкновенные приключения с музыкой, едой,

вином и интригами каждый день с утра до ночи.

– Ты живешь в мире фантазий, – произнес Карлетто Белтрамини, лучший друг Пино.

– А вот и нет. – Пино шмыгнул носом.

– Живешь-живешь, – сказал Миммо, брат Пино, который был на два года моложе его. – Ты влюбляешься во всех хорошеньких девушек, с которыми знакомишься.

– Только никто из них не отвечает Пино взаимностью, – сказал Карлетто, парнишка хилого сложения, с лунообразной физиономией и гораздо ниже Пино ростом.

Миммо, который был даже ниже Карлетто, проговорил:

– Вот уж точно.

Пино всех их поставил на место:

– Вы абсолютно неромантичны.

– Что это они там делают? – спросил Карлетто, показывая на людей, работающих на соборе.

Некоторые из них вставляли деревянные доски в проемы окон, из которых были извлечены витражи. Другие переносили из грузовика мешки с песком и укладывали их у основания собора. Третьи устанавливали прожектора под бдительным присмотром священников, стоявших у двойных центральных дверей храма.

– Пойду узнаю, – бросил Пино.

– Сначала я, – отозвался его младший брат и поспешил к рабочим.

– Миммо всегда хочет быть первым, – сказал Карлетто. – Ему пора научиться держать себя в руках.

Пино рассмеялся и ответил через плечо:

– Если ты знаешь, как его этому научить, расскажи моей матери.

Обогнув рабочих, Пино направился прямо к священникам и похлопал одного из них по плечу:

– Прошу прощения, отец.

Священник, которому было лет двадцать пять, ростом не уступал Пино, но казался тяжелее. Он повернулся, свысока посмотрел на мальчишку, увидел его новые туфли, серые льняные брюки, крахмальную белую рубашку и зеленый фуляровый галстук (подарок матери ему на день рождения), потом внимательно посмотрел в глаза Пино, словно мог заглянуть в его голову и прочесть грешные мальчишеские мысли.

Молодой человек в сутане произнес:

– Я учусь в семинарии. Не рукоположен. Воротника не ношу.

– Ай-ай, прошу прощения, – сказал испуганный Пино. – Мы хотели

узнать, почему вы ставите прожектора.

Прежде чем молодой семинарист успел ответить, у его правого локтя появилась узловатая рука. Он отошел в сторону, и перед Пино предстал невысокий, стройный, в белых одеждах и красном пилеолусе^[3] священник лет пятидесяти. Пино сразу же узнал его и, почувствовав, как завязался узлом его желудок, упал на одно колено перед кардиналом Милана.

– Милорд кардинал, – сказал Пино, склонив голову.

– Ты должен говорить «ваше высокопреосвященство», – жестко поправил семинарист.

Пино смущенно поднял голову:

– Моя английская нянька учила меня: если я когда-нибудь увижу кардинала, то должен говорить «милорд кардинал».

Строгое лицо семинариста словно окаменело, но кардинал Ильдефонсо Шустер тихо рассмеялся и сказал:

– Я думаю, он прав, Барбарески. В Англии ко мне бы обращались «лорд кардинал».

Кардинал Шустер в Милане был не только знаменит, но и влиятелен. О кардинале часто писали газеты, ведь он был католическим лидером Северной Италии и человеком, к которому прислушивался папа Пий XII. Пино подумал, что выражение лица Шустера – вот что в нем самое незабываемое. Его улыбка излучала доброту, но в глазах таилась угроза проклятия. Явно обиженный семинарист проговорил:

– Но мы же в Милане, ваше высокопреосвященство, а не в Лондоне.

– Это не имеет значения, – сказал Шустер. Он положил руку на плечо Пино и попросил его подняться. – Как тебя зовут, молодой человек?

– Пино Лелла.

– Пино?

– Прежде мать называла меня «Джузеппино», – ответил Пино, поднимаясь на ноги. – Осталось только «Пино».

Кардинал Шустер поднял голову, посмотрел на «Маленького Иосифа» на соборе и рассмеялся:

– Пино Лелла. Это имя стоит запомнить.

И зачем кардиналу понадобилось говорить слова, которые смутили Пино?

В наступившей тишине Пино пробормотал:

– Я видел вас раньше, милорд кардинал.

– И где же это было? – удивленно спросил Шустер.

– В «Каса Альпина», лагере отца Ре над Мадезимо. Несколько лет назад.

Кардинал Шустер улыбнулся:

– Я помню ту поездку. Я сказал отцу Ре, что он – единственный священник в Италии, чей собор величественнее Дуомо и собора Святого Петра. Молодой Барбарески уезжает туда на следующей неделе и будет работать с отцом Ре.

– Он и «Каса Альпина» понравятся вам, – сказал Пино. – Там хорошо лазать по горам.

Наконец Барбарески улыбнулся.

Пино неуверенно поклонился и стал пятиться, что, казалось, еще сильнее развеселило кардинала Шустера.

– Ты вроде бы интересовался прожекторами? – спросил он.

Пино остановился:

– Да.

– Это моя идея, – сказал Шустер. – С сегодняшнего вечера начинается светомаскировка. По ночам будет освещен только Дуомо. Я молюсь о том, чтобы пилоты бомбардировщиков увидели его, поразились его красотой и пощадили. Эту великолепную церковь строили почти пять столетий. Было бы трагедией, если бы ее разрушили в одну ночь.

Пино оглядел затейливый фасад громадного собора. Построенный из бледно-розового мрамора, добытого в карьерах Кандольи, ошетилившийся десятками шпилей, имеющий множество балконов и башенок, Дуомо казался покрытым инеем, величественным и нездешним – таким же, как Альпы зимой. Кататься на лыжах и лазать по горам Пино любил не меньше, чем музыку и девочек, а при виде этого собора его мысли всегда воспаряли к горным вершинам.

Но теперь кардинал считал, что собор и Милан могут погибнуть. Впервые опасность воздушного налета показалась Пино реальной.

– Значит, нас будут бомбить? – спросил он.

– Я молюсь, чтобы этого не случилось, – сказал кардинал Шустер. – Но предусмотрительный человек всегда готовится к худшему, и пусть вера в Господа укрепит тебя в предстоящие дни.

Кардинал Милана ушел, а Пино, пребывавший в ужасе, вернулся к Карлетто и Миммо, которые были потрясены не меньше, чем он.

– Это был кардинал Шустер, – сказал Карлетто.

– Я знаю, – ответил Пино.

– Ты с ним долго говорил.
– Да?
– Да, – ответил его младший брат. – Что он тебе сказал?
– Что он запомнит мое имя, а прожектора для того, чтобы летчики не бомбили собор.

– Ну, видишь? – сказал Миммо, обращаясь к Карлетто. – Я же тебе говорил.

Карлетто подозрительно оглядел Пино:

– Зачем это кардиналу Шустеру запоминать твое имя?

Пино пожал плечами:

– Может быть, ему понравилось, как оно звучит: Пино Лелла.

Миммо фыркнул:

– Ты и в самом деле живешь в мире фантазий.

Они услышали гром и поспешили с Пьяцца Дуомо, пересекли улицу и зашли под огромную арку в «Галерею», первый в мире торговый центр, – два широких пересекающихся коридора со множеством магазинов под куполом из металла и стекла. Но сейчас стеклянные панели были вынуты, остался только металлический каркас, который отбрасывал прямоугольные тени на пол и стены торговых залов.

Гром все приближался, и Пино увидел озабоченность на многих лицах в «Галерее», но сам он не разделял их тревоги. Гром есть гром, это тебе не взрыв бомбы.

– Цветы? – сказала женщина с тележкой свежесрезанных роз. – Для твоей девушки?

– Я вернусь, когда найду ее, – ответил Пино.

– Синьора, вам, вероятно, придется ждать этого дня долгие годы, – сказал Миммо.

Пино замахнулся на младшего брата, а Миммо уклонился от удара и бросился прочь из «Галереи» на площадь, где стоял памятник Леонардо да Винчи. За статуей, по другую сторону улицы и трамвайных путей, в театре Ла Скала были распахнуты двери, чтобы проветрить зал знаменитого оперного театра. Изнутри доносились звуки настраиваемых скрипок и виолончелей и голос тенора, упражняющегося в гаммах.

Пино неся за младшим братом, но тут увидел хорошенькую девушку – черные волосы, кремовая кожа и сверкающие темные глаза. Она пересекала площадь в направлении «Галереи». Он резко остановился и уставился на девушку. Желание настолько переполнило его, что он потерял дар речи.

Когда она прошла, Пино сказал:

– Кажется, я теряю голову от любви.
– Ты ее уже давно потерял, – сказал подошедший к нему сзади Карлетто.

К ним подбежал Миммо:

– Тут кто-то сейчас сказал, что союзники будут здесь к Рождеству.
– Я хочу, чтобы американцы пришли поскорее, – сказал Карлетто.
– И я тоже, – согласился Пино. – Больше джаза! Меньше оперы!

Припустив с места в карьер, он перепрыгнул через пустую скамейку и металлическую решетку вокруг статуи Леонардо, проскользил по ровной поверхности постамента, перепрыгнул через решетку по другую сторону и приземлился мягко, как кот.

Миммо, которого переполняли амбиции, попытался повторить тот же трюк, но растянулся перед темноволосой коренастой женщиной в платье с цветочным узором. Ей было примерно сорок, может, чуть больше. Она несла футляр для скрипки, на голове у нее была синяя широкополая соломенная шляпка, защищавшая от солнца.

3

Женщина настолько перепугалась, что чуть не выронила футляр. Она прижала его к груди и была очень сердита, а Миммо застонал и схватился за ребра.

– Это Пьяцца делла Скала! – брюзгливо сказала она. – Здесь памятник великому Леонардо! Неужели у тебя нет никакого уважения? Играй в свои детские игры в другом месте.

– Вы думаете, мы дети? – сказал Миммо, выпятив грудь. – Маленькие мальчики?

Женщина посмотрела ему за спину и ответила:

– Маленькие мальчики, которые не понимают большой игры вокруг них.

Над площадью начали собираться тучи, отчего вокруг потемнело. Пино развернулся и увидел большой черный «даймлер-бенц», едущий по улице, которая отделяла площадь от оперного театра. На обоих крыльях машины красовались красные нацистские флаги. На радиоантенне трепыхался генеральский флаг. Пино увидел силуэт генерала, который утвердился с прямой спиной на заднем сиденье. Почему-то от одного только вида генерала Пино пробрала дрожь.

Когда Пино повернулся, скрипачка уже уходила с высоко поднятой

головой; она демонстративно пересекла улицу после проезда нацистской штабной машины и вошла в театр.

Парни тронулись с места, Миммо прихрамывал, потирал правое бедро и жаловался. Но Пино почти не слушал его. Прямо на них шла светло-рыжая молодая женщина с серо-голубыми глазами. Он предположил, что ей двадцать с небольшим. Она была прекрасно сложена, на лице – благородной формы нос, высокие скулы и губы, которые естественно складывались в улыбку. Стройная, среднего роста, она была одета в желтое летнее платье и несла в руке матерчатую сумку для продуктов. Свернув с тротуара, она вошла в пекарню.

– Я снова влюблен, – сказал Пино, прижав обе руки к сердцу. – Ты ее видел?

Карлетто фыркнул:

– Почему бы тебе не оставить это занятие?

– Никогда, – ответил Пино, затрусил к окну пекарни и заглянул внутрь.

Девушка укладывала хлеб в сумку. Он увидел, что обручального кольца на ее левой руке нет, и остался ждать, пока она не расплатится и не выйдет.

Когда она появилась, он встал перед ней, приложил руку к сердцу и сказал:

– Прошу прощения, синьорина. Ваша красота пленила меня, я должен с вами познакомиться.

– Слушаю вас. – Она усмехнулась, обошла его и двинулась дальше.

Проходя мимо Пино, она обдала его таким женским жасминовым запахом, что у него голова пошла кругом, чего раньше не случалось.

Он поспешил за ней со словами:

– Это правда. Я вижу много красивых женщин, синьорина. Я живу в квартале моды Сан-Бабила. Там много моделей.

Она скосила на него взгляд:

– Сан-Бабила – шикарное место.

– Мои родители владеют магазином, продают сумки – «Сумочки ди Лелла». Знаете такой?

– Моя... моя нанимательница купила там сумочку на прошлой неделе.

– Правда? – спросил довольный Пино. – Так что, как видите, я происхожу из уважаемой семьи. Не хотите сегодня вечером сходить со мной в кино? Показывают «Ты никогда не была восхитительнее». Фред Астер. Рита Хейворт. Танцы. Песни. Так прекрасно. Как вы, синьорина.

Наконец она повернула голову и посмотрела на него пронзительным взглядом:

– Сколько тебе?

– Почти восемнадцать.

Она рассмеялась:

– Ты для меня слишком юн.

– Это же только кино. Мы пойдем как друзья. Для этого я ведь не слишком юн?

Она ничего не ответила – продолжала идти.

– Да или нет? – спросил Пино.

– Вечером объявлена светомаскировка.

– Когда фильм начнется, будет еще светло, а потом я провожу вас домой – можете не опасаться, – заверил ее Пино. – В темноте я вижу, как кошка.

Несколько шагов она сделала молча, и сердце у Пино упало.

– А где идет этот фильм? – спросила она.

Пино назвал ей адрес и спросил:

– Вы придете, да? В половине седьмого у билетной кассы?

– Ты забавный парень, а жизнь коротка. Почему нет?

Пино усмехнулся, приложил руку к груди и выпалил:

– До вечера.

– До вечера, – сказала она, улыбнулась и перешла на другую сторону улицы.

Пино, у которого от радости перехватило дыхание, проводил ее взглядом, но тут вдруг понял кое-что – она в этот момент остановилась в ожидании трамвая и удивленно посмотрела на него.

– Синьорина, простите меня, – закричал он. – Как вас зовут?

– Анна, – крикнула она в ответ.

– А меня Пино! – крикнул он. – Пино Лелла!

Трамвай со скрежетом остановился, заглушив его фамилию и загородив ее от него. Когда трамвай поехал дальше, Анны уже не было.

– Она ни за что не придет, – бросил Миммо, который все это время тащился за ними. – Она так сказала, чтобы отделаться от тебя.

– Конечно же она придет, – сказал Пино, потом посмотрел на Карлетто, который тоже шел за ними. – Я видел это по ее глазам, по глазам Анны. Ты разве не заметил?

Его брат и его друг не успели ответить, как сверкнула молния и первые капли быстро усиливающегося дождя упали на землю. Они припустили бегом.

– Я домой! – крикнул Карлетто и побежал в сторону.

Глава вторая

1

Разверзлись небеса, и начался потоп. Пино со всех ног бежал за Миммо к кварталу мод, он промок, но ему было все равно. Анна пойдет с ним в кино. Она сказала «да». У него голова пошла кругом.

Братья были мокры до нитки, а молния сверкала вовсю, когда они нырнули в мастерскую, совмещенную с магазином их дяди в здании цвета ржавчины по адресу: Виа Пьетро Верри, дом семь, – «Продажа чемоданов Альбанезе».

С парней капала вода, когда они вошли в длинный, узкий магазин, воздух в котором был насыщен густым запахом новой кожи. На полках стояли превосходные кейсы и сумки, чемоданы и саквояжи. На стендах за стеклом лежали кожаные бумажники, портсигары с красивыми узорами и портфели. В магазине находилось два посетителя – пожилая женщина у дверей, а за ней, в дальнем конце, немецкий офицер в черно-серой форме.

Пино смотрел на него, но слышал слова пожилой женщины:

– Так какую, Альберт?

– Слушайте своего сердца, – сказал ей человек за прилавком. Крупный, с широкой грудью, усатый, в великолепном костюме мышинового цвета, крахмальной белой рубашке и изящном галстуке-бабочке в горошек.

– Но мне нравятся обе, – сказала посетительница.

Он погладил усы, ухмыльнулся и воскликнул:

– Тогда покупайте обе!

Она подумала, хихикнула:

– Что ж, может, и куплю.

– Отлично! Отлично! – сказал он, потирая руки. – Грета, принеси мне коробки для этой великолепной синьоры с безупречным вкусом.

– Я сейчас занята, Альберт, – ответила Грета, австрийская тетушка Пино, она обслуживала немца. Это была высокая худая женщина с короткими каштановыми волосами и легкой улыбкой. Немец курил, разглядывая портсигар в кожаном футляре.

– Я принесу коробки, дядя Альберт, – сказал Пино.

Дядя Альберт стрельнул в сторону Пино глазами:

– Вытрись сначала.

Пино, думая об Анне, двинулся к двери в мастерскую, минуя тетушку и немца. Офицер повернулся и посмотрел на Пино, на его лацканах мелькнули полковничьи дубовые листья. На околыше офицерской фуражки красовался Totenkopf – маленький череп с костями, под орлом, держащим в когтях свастику. Пино знал, что этот высокопоставленный офицер служит в Geheime Staatspolizei – гестапо, секретной службе Гитлера. Среднего роста и сложения, с тонким носом и надменными губами, гестаповец смотрел на мир пустыми темными глазами, по которым ничего нельзя было прочесть.

Пино, чувствуя испуг, открыл дверь и вошел в мастерскую – большое помещение с высоким потолком. Мастерицы и резальщики заканчивали работу. Он нашел ветошь и вытер руки. Потом взял две картонные коробки с логотипом Альбанезе и направился обратно в магазин, его мысли снова радостно вернулись к Анне.

Она была красивой, старше его и...

Он помедлил, прежде чем открыть дверь. Полковник гестапо как раз выходил из магазина под дождь. Тетушка Пино стояла у дверей, провожая полковника взглядом и кивая.

Когда она закрыла за гестаповцем дверь, Пино почувствовал себя лучше.

Он помог дяде упаковать две сумочки. Клиентка ушла, и дядя Альберт попросил Миммо запереть входную дверь и повесить табличку «Закрывается» в окне.

Когда Миммо сделал это, дядя Альберт сказал:

– Ты запомнила его имя?

– Штандартенфюрер Вальтер Рауфф, – ответила тетя Грета. – Новый шеф гестапо в Северной Италии. Он приехал с Украины. Туллио за ним присматривает.

– Туллио вернулся? – удивленно и радостно спросил Пино. Туллио Галимберти, его идол и близкий друг семьи, был на пять лет старше его.

– Вчера, – сказал дядя Альберт.

– Рауфф сказал, что гестапо будет находиться в отеле «Реджина».

– Кому принадлежит Италия – Муссолини или Гитлеру? – проворчал ее муж.

– Это не имеет значения, – сказал Пино, пытаясь убедить их. – Война скоро закончится, придут американцы – и повсюду будет джаз!

Дядя Альберт отрицательно покачал головой:

– Это зависит от немцев и дуче.

– Пино, ты смотришь на часы? – спросила тетя Грета. – Твоя мать ждала вас двоих час назад, ей нужна ваша помощь – она готовится к

вечеринке.

Пино почувствовал пустоту в желудке. Его мать была не из тех людей, которых можно разочаровывать.

– Я вас увижу позднее? – спросил он, направляясь к двери с Миммо, который шел следом.

– Мы непременно придем, – сказал дядя Альберт.

2

Когда ребята добрались до дома номер три по Виа Монтенаполеоне, принадлежащий их родителям магазин «Le Borsette di Lella» – «Сумочки ди Лелла» – уже закрылся. При мыслях о матери Пино охватывал страх. Он надеялся, что поблизости будет отец и уймёт этот ураган страстей. Когда они поднимались по лестнице, до них доносились запахи пищи: ягнятина с чесноком, свеженарезанный базилик, хлеб только что из духовки.

Они открыли дверь в просторную квартиру, гудевшую голосами большого числа людей. Их постоянная горничная и еще одна, специально нанятая для такого случая, сутились в столовой, расставляли хрусталь, столовые приборы и фарфор. В гостиной высокий, худой, сутулый человек со скрипкой и смычком стоял спиной к дверям и играл какую-то мелодию, незнакомую Пино. Человек сфальшивил и перестал играть, тряхнув головой.

– Папа? – тихо позвал Пино. – У нас что-то случилось?

Микеле Лелла опустил скрипку и повернулся, прикусив щеку. Ответить он не успел – в коридор из кухни выбежала шестилетняя девочка. Младшая сестра Пино, Сиччи, остановилась перед ним и спросила:

– Пино, где ты был? Мама тобой недовольна. И тобой тоже, Миммо.

Пино проигнорировал ее – все его внимание было теперь приковано к локомотиву в переднике, пыхтя и неотвратно надвигающемуся из кухни. Он мог поклясться, что видел дым, выходящий из ушей матери. Порция Джемма была не менее чем на тридцать сантиметров ниже старшего сына и килограммов на двадцать легче. Но она подошла к Пино, сняла очки и потрясла ими перед его носом.

– Я тебя просила быть дома в четыре, а сейчас четверть шестого, – сказала она. – Ты ведешь себя как ребенок. Я в большей мере могу рассчитывать на помощь твоей сестры.

Сиччи задрала нос и кивнула.

Несколько мгновений Пино не знал, что сказать. Но тут вдруг его

посетило вдохновение: взгляд у него стал беспомощный, он согнулся и ухватился руками за живот.

– Извини мама, – сказал он. – Я что-то съел на улице. У меня началось расстройство, а потом нас застала гроза, и мы были вынуждены переждать у дяди Альберта.

Порция скрестила руки на груди, вперила в него взгляд. Сиччи приняла такую же скептическую позу.

Мать перевела взгляд на Миммо:

– Это правда, Доменико?

Пино настороженно посмотрел на брата.

Миммо кивнул:

– Я ему говорил, что у сосиски сомнительный вид, но он меня не послушал. Пино в три кафе забегал в туалет. А в магазине у дяди Альберта был полковник из гестапо. Он сказал, что они занимают отель «Реджина».

Мать побледнела:

– Что?

Пино скорчил гримасу, согнулся еще сильнее:

– Мне нужно выйти.

Сиччи подозрительно посмотрела на него, но гнев матери сменился тревогой.

– Иди, иди! Только руки потом не забудь помыть.

Пино поспешил по коридору. И услышал голос у себя за спиной:

– А ты куда, Миммо? У тебя же нет расстройства.

– Мама, – жалобным голосом сказал Миммо. – Пино все всегда сходит с рук.

Пино не стал ждать ответа матери. Он пробежал по кухне с ее невероятными запахами, поднялся по лестнице, которая вела на второй этаж квартиры и в ватерклозет. Он посидел внутри десять убедительных минут, отданных без остатка воспоминаниям об Анне, в особенности тому, как она удивленно посмотрела на него, перейдя трамвайные пути. Его щеки покрылись румянцем, он чиркнул спичкой, чтобы прикрыть отсутствие дурного запаха, а потом улегся на свою кровать и включил приемник, настроенный на волну Би-би-си и джазовую программу – Пино не пропускал ни одной.

Оркестр Дюка Эллингтона играл «Cotton Tail» – «Кролика», одну из его последних любимых композиций, и он закрыл глаза от наслаждения, слушая соло на саксофоне Бена Вебстера. Пино влюбился в джаз с первого раза, когда услышал Билли Холидей и Лестера Янга, исполнявших «Не могу начать». Хотя это и звучало еретически в доме Лелла (где царили

опера и классическая музыка), с того дня Пино считал, что джаз – величайший музыкальный жанр. Это убеждение породило в нем желание побывать в Штатах, где родился джаз. Это была самая заветная его мечта.

Пино размышлял о том, какой может быть жизнь в Америке. Язык не составлял проблемы. Его вырастили две няньки – одна из Лондона, другая из Парижа. На всех трех языках он говорил чуть ли не с детства. Неужели в Америке повсюду джаз? Неужели это что-то вроде вот такого прекрасного звукового занавеса, который колышется при каждом движении? А американские девчонки? Есть среди них такие хорошенькие, как Анна?

«Кролик» закончился. Начался «Кати их» Бенни Гудмена в ритме буги-вуги, переходящем в соло кларнета, Пино вскочил с кровати, сбросил туфли и принялся изображать свинг, представляя, как они с красавицей Анной танцуют линди-хоп, – никакой тебе войны, никаких нацистов, только музыка, еда, вино и любовь.

Потом он понял, что музыка играет слишком громко, и приглушил звук. Он не хотел, чтобы пришел отец и между ними начался очередной спор о музыке. Микеле презирал джаз. Неделей ранее он застал Пино за семейным «Стейнвеем» – Пино пытался наигрывать «Собаку в стиле блюз» Мида Люкса Льюиса; по мнению отца, сын словно осквернил святыню.

Пино принял душ и переоделся. Через несколько минут после того, как колокола на соборе отбили шесть, Пино забрался на кровать и посмотрел в окно. Грозовые тучи ушли, с улиц Сан-Бабилы доносились знакомые звуки. Закрывались магазины. Богатые и модные миланцы спешили по домам. Он слышал их оживленные голоса, сливавшиеся в один уличный хор, – смеющиеся маленьким радостям женщины, дети, плачущие над своими минутными трагедиями, мужчины, спорящие из-за пустяков, просто из итальянской любви к словесной перепалке и напускному гневу.

Пино вздрогнул, услышав донесшийся снизу звонок в квартиру. Он услышал радостные приветственные голоса, посмотрел на часы – они показывали четверть седьмого. Сеанс начинался в семь, а до кинотеатра и Анны путь был неблизкий.

Пино высунул ногу из окна, нащупал карниз, по которому можно было добраться до пожарной лестницы, когда услышал резкий смех за спиной.

– Она не придет, – сказал Миммо.

– Непременно придет, – возразил Пино и целиком вылез из окна.

До земли было не меньше девяти метров, а ширина карниза не позволяла разгуляться. Ему пришлось прижаться спиной к стене и, потихоньку перебирая ногами, перебраться к другому окну. Он влез в него и направился к запасной лестнице. Минуту спустя он уже был на земле и

спешил к кинотеатру.

Вход в кино не был освещен, этого требовали правила светомаскировки. Но сердце Пино забилось сильнее, когда он увидел на афише имена Фреда Астера и Риты Хейворт. Он любил голливудские мюзиклы, в особенности с музыкой в стиле свинг. И ему снилась Рита Хейворт, которая... ладно, не будем...

Пино купил два билета. Другие зрители заходили в кинотеатр, а он стоял, оглядывая улицу в поисках Анны. Он ждал, пока тоскливое, опустошительное понимание не пришло к нему: ждать бесполезно.

– Я тебе говорил, – сказал Миммо, появившийся вдруг словно ниоткуда.

Пино хотел рассердиться, но не мог. В глубине души он признавал интуицию и чутье младшего брата, его ум и уличную смекалку. Он протянул Миммо билет.

Они вошли в кинотеатр, сели на свои места.

– Пино? – тихо спросил Миммо. – Когда ты начал расти? В пятнадцать?

Пино подавил улыбку. Его брат всегда сетовал на свой малый рост.

– Вообще-то, уже после шестнадцати.

– Но бывает, что и раньше?

– Бывает.

Свет в зале погас, начался пропагандистский киножурнал. Пино все еще переживал, что Анна обманула его, когда на экране появился дуче. В генеральском мундире, увешанном медалями, в бриджах и сверкающих черных сапогах для верховой езды, доходящих до колена, Бенито Муссолини прохаживался с одним из своих полевых командиров по берегу Лигурийского моря.

Закадровый голос сообщил, что итальянский диктатор инспектирует укрепления. На экране дуче шел, сцепив руки за спиной. Императорский подбородок указывал на горизонт. Спина напоминала триумфальную арку. Грудь была выпячена вперед.

– Он похож на петушка, – сказал Пино.

– Ш-ш-ш-ш! – прошептал Миммо. – Не так громко.

– Да почему? Как его увидишь, сразу ждешь, что он тебе прокричит «кукареку».

Его брат усмехнулся, а с экрана продолжали распространяться об итальянской системе обороны и о растущем уважении к Муссолини в мире. Это была чистейшая пропаганда. Пино каждый вечер слушал Би-би-си. Он знал: то, что он видит на экране, не соответствует действительности, и порадовался, когда кинохроника закончилась и начался фильм.

Вскоре комедийный сюжет фильма и сцены, в которых Хейворт танцевала с Астером, увлекли Пино.

– Рита! – со вздохом сказал Пино, когда Хейворт принялась вращаться и подол ее платья взметнулся, как плащ матадора. – Она так элегантна, почти как Анна.

Миммо поморщился:

– Она тебя обманула.

– Но она так красива! – прошептал Пино.

Завыли сирены воздушной тревоги, люди с криками вскочили со своих мест.

Сцена замерла на крупном плане: Астер и Хейворт танцуют, прижавшись щека к щеке, их губы и улыбки обращены к объатым паникой зрителям.

Экран погас, и рядом с кинотеатром раздались выстрелы зениток, а первые невидимые бомбардировщики союзников открыли люки, и вниз полетели бомбы – прелюдия к огню и разрушению, ожидавшим Милан.

Глава третья

1

Зрители с криком бросились к дверям кинотеатра. Ужас охватил Пино и Миммо, стиснутых стремящейся к выходу толпой, когда с оглушающим грохотом взорвалась бомба и задняя стена кинотеатра обрушилась, полетели камни и осколки, изорвавшие экран в клочья. Свет погас.

Что-то больно ударило Пино по щеке, вспороло ее. Он почувствовал пульсирующую боль, кровь потекла по щеке и подбородку. Теперь уже состояние паники сменилось шоком, он задыхался от дыма и пыли, пробираясь к выходу. Глаза и ноздри у него жгло от попавшего в них песка. Наконец они с Миммо выбрались из здания и, согнувшись пополам, зашли в кашле.

Снаружи выли сирены, бомбы продолжали падать, бомбардировка еще была далека от своего пика. Пожары бушевали на улице по обеим сторонам от кинотеатра. Грохотали зенитки. Трассирующие снаряды описывали красные дуги в небе. Они взрывались с такой яркостью, что Пино видел силуэты бомбардировщиков «ланкастер», которые летели крыло к крылу боевым клином, словно стая темных гусей в ночи.

Бомбы падали и падали, издавая звук, похожий на жужжание шмелей, и взрывались одна за другой. В небо устремлялись языки пламени и маслянистого дыма. Некоторые бомбы падали так близко, что взрывной волной братьев чуть не сбивало с ног.

– Мы куда бежим, Пино? – воскликнул Миммо.

Пино был слишком напуган, чтобы подумать об этом, но все-таки ответил:

– К Дуомо.

Пино повел брата к единственному сооружению в Милане, которое было освещено не пожаром. Вдали лучи прожекторов высвечивали собор, который казался неземным, чуть ли не ниспосланным Провидением. Пока они бежали, жужжание шмелей в воздухе и взрывы прекратились. Больше не было ни бомбардировщиков, ни зенитного огня.

Только вой сирен, вопли и крики людей. Впавший в отчаяние отец, держа в одной руке фонарь, другой разгребал гору кирпичей. Рядом рыдала его жена, держа на руках мертвого сына. Другие плачущие люди с

фонарями стояли вокруг мертвой девочки, которой оторвало руку, она смотрела на людей остекленевшими глазами.

Пино никогда прежде не видел мертвецов и теперь сам заплакал. Ничто не будет таким, как прежде. Он чувствовал это с такой же очевидностью, с какой все еще слышал жужжание и взрывы. Ничто не будет таким, как прежде.

Наконец они добрались до Дуомо. Вокруг собора не было воронок, оставленных взорвавшимися бомбами. Не было ни развалин, ни пожаров. Если бы не крики, доносившиеся издалека, то здесь казалось, что никакой бомбежки и не было.

Пино слабо улыбнулся:

– План кардинала Шустера сработал.

Миммо нахмурился и сказал:

– Наш дом недалеко от собора, но и не очень близко.

Парни пробежали по лабиринту темных улиц, который вывел их к дому номер три по Виа Монтенаполеоне. Магазин сумочек и их квартира наверху стояли целыми и невредимыми. После того, что они видели, это казалось чудом.

Миммо открыл дверь, и они стали подниматься по лестнице. Пино шел следом, слыша вздохи скрипок, игру на рояле и пение тенора. Почему-то эта музыка привела Пино в ярость. Он обогнал Миммо и постучал в дверь квартиры.

Музыка прекратилась. Дверь открыла его мать.

– В городе пожары, а у вас музыка? – прокричал Пино Порции, которая испуганно отступила. – Люди умирают, а вы играете?

В коридор следом за матерью вышли люди, среди них его тетушка, дядя и отец.

– Музыка помогает нам выжить в трудные времена, Пино, – сказал Микеле.

Пино увидел, что и остальные в переполненной квартире кивают. Среди них была и скрипачка, которую Миммо чуть не сбил с ног сегодня днем.

– Что с тобой, Пино? – сказала Порция. – У тебя кровь.

– С другими случилось кое-что намного хуже, – сказал Пино со слезами на глазах. – Извини, мама. Это было... ужасно.

Порция оттаяла, раскинула руки и обняла своих перепачканных, исцарапанных мальчиков.

– Теперь все кончилось, – сказала она, целуя их по очереди. – Не хочу знать, где вы были и как ушли из дома. Я счастлива, что вы вернулись.

Она сказала сыновьям, чтобы они умылись и переоделись – среди гостей есть доктор, он осмотрит рану Пино. Пино вдруг увидел в матери то, чего не видел никогда прежде: страх. Страх, что в следующий раз им при бомбардировке может и не повезти.

Страх не сходил с ее лица и когда доктор зашивал рану на щеке Пино. Когда доктор закончил, Порция посмотрела на сына осуждающим взглядом:

– Мы с тобой поговорим об этом завтра.

Пино опустил глаза и кивнул:

– Хорошо, мама.

– Поешь что-нибудь, если тебя, конечно, не очень тошнит.

Он поднял взгляд и увидел, что мать насмешливо смотрит на него. Он должен был продолжать делать вид, что у него по-прежнему болит живот, и отправиться в постель на голодный желудок. Но его мучил голод.

– Мне стало лучше, – сказал он.

– А я думаю, тебе стало хуже, – сказала Порция и вышла.

2

Пино мрачно пошел за ней по коридору в столовую. Миммо уже наложил себе полную тарелку еды и оживленно рассказывал об их приключении нескольким друзьям родителей.

– Да, похоже, невеселый был вечер, – сказал кто-то у него за спиной.

Пино повернулся и увидел красивого, безупречно одетого человека лет двадцати с небольшим. Под руку его держала поразительно красивая женщина. На лице Пино появилась улыбка.

– Туллио! – сказал он. – Я слышал, что ты вернулся!

– Это моя подруга Кристина, – сказал Туллио.

Пино вежливо поклонился ей. У Кристины был усталый вид, и она, извинившись, вышла.

– Когда ты с ней познакомился? – спросил Пино.

– Вчера, – сказал Туллио. – В поезде. Она хочет стать моделью.

Пино отрицательно покачал головой. С Туллио Галимберти такое происходило постоянно. Успешный торговец одеждой, Туллио в общении с привлекательными женщинами становился волшебником.

– Как тебе это удастся? – спросил Пино. – Все хорошенькие девушки твои.

– А ты не знаешь как? – спросил Туллио, отрезая сыр.

Пино хотел чем-нибудь похвастаться, но вспомнил, что Анна его обманула. Приняла приглашение, лишь бы он отвязался.

– Очевидно, не знаю. Нет.

– На обучение могут уйти годы, – сказал Туллио, подавляя улыбку.

– Да брось ты, Туллио, – сказал Пино. – Наверно, есть какой-то трюк, о котором я не...

– Никаких трюков, – всерьез сказал Туллио. – Первое: слушать.

– Слушать?

– Слушать девушку, – раздраженно сказал Туллио. – Большинство парней не слушают. Начинают болтать о себе. Женщин нужно понимать. Поэтому слушай, что они говорят, хвали их внешний вид или пой что угодно. И если ты будешь это делать – слушать и говорить комплименты, – ты будешь впереди восьмидесяти процентов парней на Земле.

– Но если они неразговорчивы?

– Тогда шути. Или льсти. Или и то и другое.

Пино подумал, что он шутил с Анной и льстил ей, но, вероятно, недостаточно. Потом он подумал еще кое о чем.

– Так куда сегодня ходил полковник Рауфф?

Дружеские манеры Туллио мигом исчезли. Он крепко ухватил Пино за руку и прошипел:

– Мы не говорим о людях, подобных Рауффу, в таких местах. Ты понял?

Такая реакция друга расстроила Пино, но, прежде чем он успел что-либо ответить, снова появилась подружка Туллио. Она подошла к нему и что-то прошептала ему на ухо.

Туллио рассмеялся, отпустил руку Пино и сказал:

– Конечно, милая. Вполне.

Туллио снова обратился к Пино:

– Я, пожалуй, подожду, пока твое лицо не перестанет быть похожим на разрезанную сосиску, может быть, после этого ты сможешь шутить и научишься слушать.

Пино наклонил голову, неопределенно улыбнулся, а потом заскрежетал зубами – швы на его щеке натянулись. Он увидел, как ушли Туллио с подружкой, опять подумал о том, как бы ему хотелось быть похожим на него. Все в этом парне было идеально, изящно. Хороший парень. Человек безупречного вкуса. Отличный друг. Умел искренне смеяться. И в то же время была в нем некая таинственность – он почему-то всюду сопровождал полковника гестапо.

Жевать было больно, но Пино так проголодался, что положил себе

добавки. Он ел, слушая разговор трех гостей-музыкантов, двух мужчин и скрипачки.

– С каждым днем в Милане все больше немцев, – сказал коренастый валторнист из Ла Скала.

– Хуже того, – сказал ударник. – Не просто немцев – эсэсовцев.

Скрипачка сказала:

– Мой муж говорит, что ходят слухи о готовящихся погромах. Раввин Цолли советует нашим римским друзьям бежать. Мы собираемся уехать в Португалию.

– Когда? – спросил ударник.

– Чем скорее, тем лучше.

– Пино, пора в постель, – резко сказала ему мать.

Пино взял тарелку с собой в комнату. Он сидел на кровати, ел и думал об услышанном. Он знал, что эти три музыканта – евреи, а еще он знал, что Гитлер и нацисты ненавидят евреев, хотя и не мог понять почему. У его родителей было много друзей-евреев, в основном музыкантов или из индустрии моды. Пино считал, что евреи умны, забавны и добры. Но что такое «погром»? И почему раввин советует всем евреям бежать из Рима?

Он закончил есть, снова посмотрел на свою заштопанную щеку и лег в кровать. Выключив свет, он откинул шторы и глянул в темноту. Здесь, в Сан-Бабиле, пожаров не было, ничто не говорило о разрушениях, которые он видел в других районах. Он старался не думать об Анне, но, когда положил голову на подушку и закрыл глаза, обрывки этой встречи стали мелькать перед его мысленным взором вместе с кадрами из фильма, на которых Фред Астер прижимался щекой к щеке Риты Хейворт. И обрушившаяся стена кинотеатра. И девочка с оторванной рукой.

Он не мог уснуть. Он не мог забыть все это. Наконец он включил радио, покрутил верньер, нашел станцию, передававшую скрипичную музыку, которую он сразу узнал, потому что его отец всегда пытался играть ее: Никколо Паганини, Каприс № 24, ля минор.

Пино лежал в темноте, воспринимал неистовый темп скрипки и ощущал бешеное настроение этой вещи как свое собственное. Когда музыка закончилась, он почувствовал себя измочаленным и опустошенным. Наконец он уснул.

На следующий день около часа пополудни Пино отправился на поиски

Карлетто. Из окна трамвая он видел дымящиеся руины в некоторых районах, другие районы оставались нетронутыми. Произвольность разрушений беспокоила его не меньше, чем сами разрушения.

Он сошел с трамвая на Пьяццале Лорето, большой городской развязке со сквером посередине, а по периметру – с магазинами и деловыми конторами. Он посмотрел на Виа Андреа Коста по другую сторону площади, а перед его глазами возникли боевые слоны. Ганнибал провел боевых слонов через Альпы и вниз, чтобы завоевать Рим, двадцать один век назад. Отец Пино говорил, что все армии завоевателей приходили с тех пор в Италию через Милан.

Он прошел мимо бензозаправки «Эссо», балочная ферма которой возвышалась на три метра над насосами и емкостями. По диагонали от бензозаправки за развязкой он увидел бело-зеленый тент магазина «Свежие фрукты и овощи Белтрамини».

Магазин работал. Бомбежка не нанесла ему никакого видимого ущерба. Отец Карлетто находился на улице, взвешивал фрукты. Пино ухмыльнулся и ускорил шаг.

– Не беспокойтесь, у нас есть секретные бомбостойкие сады у реки По, – говорил мистер Белтрамини пожилой женщине, когда подходил Пино. – А потому у Белтрамини всегда будут лучшие продукты в Милане.

– Я вам не верю, но я люблю, когда вы шутите, – сказала она.

– Любовь и смех, – сказал синьор Белтрамини, – это всегда лучшее лекарство, даже в такой день, как сегодня.

Женщина, уходя, все еще продолжала улыбаться. Отец Карлетто, невысокий, полный, похожий на медведя, заметил Пино, и на лице его появилось еще более довольное выражение.

– Пино Лелла! Где ты пропадал? Где твоя мать?

– Дома, – ответил Пино, пожимая ему руку.

– Да благословит ее Господь. – Синьор Белтрамини уставился на него. – Ты ведь не собираешься больше расти, нет?

Пино улыбнулся и пожал плечами:

– Не знаю.

– Знаешь-знаешь, ты скоро начнешь задевать деревья. – Он показал на повязку на щеке Пино. – Да я смотрю, ты уже начал.

– Я попал под бомбежку.

Постоянное шутливое настроение синьора Белтрамини мигом испарилось.

– Не может быть! Неужели?

Пино рассказал ему, что случилось с момента, когда он вылез в окно,

до возвращения домой, где он обнаружил, что все гости там музицируют и хорошо проводят время.

– Я думаю, они поступают правильно, – сказал синьор Белтрамини. – Если тебе суждено умереть под бомбой, то ты под ней и умрешь. Нельзя жить с мыслями об этом. Продолжай делать то, что тебе нравится, и наслаждайся жизнью. Я прав?

– Пожалуй. А Карлетто дома?

Синьор Белтрамини показал себе за плечо:

– Работает.

Пино направился к двери магазина.

– Пино! – позвал его синьор Белтрамини.

Юноша оглянулся и увидел озабоченность на лице торговца фруктами.

– Да?

– Вы с Карлетто присматриваете друг за другом? Как братья, да?

– Всегда, синьор Б.

Лицо торговца посветлело.

– Ты хороший мальчик. Хороший друг.

Пино вошел в магазин и увидел Карлетто, который перетаскивал мешки с финиками.

– Ты был в городе? – спросил Пино. – Видел, что происходит?

Карлетто отрицательно покачал головой:

– Я работал. А ты слышал об этом, да?

– Слышал рассказы, решил сам посмотреть.

Карлетто это не показалось забавным. Он поднял еще один мешок с сухофруктами на плечо и стал спускаться по деревянной лестнице, ведущей в подпол.

– Она не пришла, – сказал Пино. – Анна.

Карлетто высунул голову из подпола:

– Ты вчера вечером был в городе?

Пино улыбнулся:

– Меня чуть не убило, когда бомба попала в театр.

– Врешь.

– Нет, – сказал Пино. – Откуда, ты думаешь, у меня вот это?

Он сорвал повязку, и Карлетто с отвращением скривил губы:

– Ужасно.

С разрешения синьора Белтрамини они пошли осмотреть кинотеатр при свете дня. Пино на ходу еще раз в красках рассказал вчерашнюю историю, он приплясывал, описывая Фреда и Риту, воспроизводил голосом взрывы, которые они с Миммо слышали, когда бежали по городу.

Пока они не дошли до кинотеатра, чувствовал он себя неплохо. Над развалинами все еще поднимался дым, здесь стоял резкий, неприятный запах – Пино мгновенно узнал его: запах отработанной взрывчатки. Кто-то бесцельно бродил вокруг развалин. Другие разбирали кирпичи и балки, надеясь найти живыми пропавших близких.

Потрясенный увиденным, Карлетто сказал:

– Я бы не смог сделать то, что сделали вы с Миммо.

– Еще как смог бы. Когда тебя напугают хорошенько, еще и не то сделаешь.

– Когда на меня начнут падать бомбы? Я бы упал на пол и закрыл голову руками.

Они замолчали, разглядывая обуглившуюся и разрушенную стену. Фред и Рита танцевали вот здесь, на высоте девяти метров, а потом...

– Как ты думаешь, самолеты прилетят снова? – спросил Карлетто.

– Мы этого не узнаем, пока не услышим шумелей.

Глава четвертая

1

В июне и в июле 1943 года самолеты союзников прилетали каждую ночь. Здания рушились одно за другим, тучи пыли поднимались над улицами и висели в воздухе, даже когда вставало кроваво-красное солнце и палило нещадно, усугубляя ужас первых недель бомбардировок.

Пино и Карлетто почти каждый день бродили по улицам Милана, смотрели на развалины, видели убитых, сопереживали боли, которая присутствовала, казалось, повсюду. Спустя какое-то время все в душе у Пино омертвело, он чувствовал себя маленьким. Иногда ему хотелось сделать то, о чем говорил Карлетто: свернуться калачиком и спрятаться от жизни.

Но он почти каждый день вспоминал Анну. Он понимал, что это глупо, но часто заходил в пекарню, где увидел ее, в надежде, что встретится с нею снова. Но так и не встретился. А когда он спросил о ней у жены пекаря, та ответила, что понятия не имеет, о ком он говорит.

23 июня отец Пино отправил Миммо до конца лета в «Каса Альпина» в Альпах, к северу от озера Комо. Он пытался отправить туда и Пино, но тот отказался уезжать. Мальчишкой и подростком Пино любил лагерь отца Ре. Он с шестилетнего возраста проводил в «Каса Альпина» по три месяца каждый год: два полных месяца летом лазал по горам, а еще приезжал в общей сложности на месяц покататься на лыжах. У отца Ре было здорово. Но компанию, которая там собиралась, Пино уже перерос. Он хотел остаться в Милане и вместе с Карлетто на его улицах искать Анну.

Бомбежки усилились. 9 июля Би-би-си рассказала о высадке союзников на Сицилии и о яростных сражениях с немецкими и итальянскими войсками. Десять дней спустя бомбардировке подвергся Рим. Известие о налете ошеломило Италию и семью Лелла.

– Если бомбят Рим, то Муссолини и фашистам конец, – объявил отец Пино. – Союзники выдавливают немцев из Сицилии. Они высадутся в Южной Италии. Скоро все закончится.

Как-то в конце июля родители Пино посреди дня поставили пластинку на фонограф и принялись танцевать. Король Виктор Эммануил III арестовал Бенито Муссолини и заключил его в крепость на горе Гран-Сассо

к северу от Рима.

Но к августу целые кварталы Милана лежали в руинах. Повсюду хозяйничали немцы, устанавливали зенитные орудия, оборудовали блокпосты, пулеметные гнезда. В квартале от театра Ла Скала над отелем «Реджина» развевался яркий немецкий флаг.

Полковник гестапо Вальтер Рауфф ввел комендантский час. Пойманные на улице в неурочное время без документов – арестовывались. Если у человека не было документов, его могли расстрелять на месте. Владение радиоприемником также каралось расстрелом.

Пино не обращал внимания на запреты. По ночам он прятался в туалете и слушал радио – музыку и новости. А днем он начал приспосабливаться к новому порядку в Милане. Трамваи теперь ходили редко. Можно было идти пешком, ехать на велосипеде или искать попутную машину.

Пино предпочитал велосипед, он ездил по городу, не обращая внимания на жару, проезжал через различные блокпосты, запоминал, что ищут немцы, останавливая его. Большие участки улиц были изуродованы воронками, и ему приходилось идти там пешком или выбирать другие маршруты. В своих поездках он видел семьи, живущие под брезентовыми навесами рядом с их превращенными в руины домами.

Он понимал, как ему повезло. И чувствовал, что везение в мгновение ока может отвернуться от него и на его голову обрушится бомба. И еще он думал: жива ли Анна?

2

В начале августа Пино наконец понял, почему союзники бомбят Милан. Диктор Би-би-си сообщил, что союзники почти уничтожили промышленную базу нацистов в долине Рура, где прежде изготавливалась большая часть вооружений для немецкой армии. Теперь они уничтожают промышленную базу в Северной Италии, чтобы немцы не смогли воспользоваться ею и затянуть таким образом войну.

Ночью 7 и 8 августа британские «ланкастеры» сбросили на Милан тысячи бомб – их целью были фабрики, промышленные предприятия и военные объекты, но неизбежно страдали и находящиеся поблизости дома.

Когда бомбы стали взрываться достаточно близко от их дома, сотрясая его стены, Порция запаниковала и попыталась убедить мужа увезти семью в Рапалло на западном берегу.

– Нет, – сказал Микеле. – Они не будут бомбить рядом с собором. Здесь все еще безопасно.

– Одной случайной бомбы нам будет достаточно, – сказала Порция. – Я беру Сиччи и уезжаю.

Отец Пино, хотя и расстроенный, был полон решимости:

– Я останусь ради бизнеса, но думаю, что Пино пора отправляться в «Каса Альпина».

Пино отказался во второй раз.

– Это для маленьких мальчиков, папа, – сказал Пино. – Я уже не маленький.

12 и 13 августа в налете на Милан участвовало более пяти сотен бомбардировщиков союзников. Впервые бомбы падали рядом с Дуомо. Одна из них повредила церковь Санта-Мария делле Грации, но чудесным образом не затронула фреску Леонардо да Винчи «Тайная вечеря».

Ла Скала повезло меньше. Бомба пробила крышу театра и взорвалась, в театре начался пожар. Другая бомба попала в «Галерею», которая сильно пострадала. Взрывной волной сотрясало и дом Лелла. Пино ту жуткую ночь пересидел в подвале.

На следующий день он встретился с Карлетто. Белтрамини собирались уехать от бомбардировок на ночь за город. Отец Пино, тетя Грета, дядя Альберт и Туллио Галимберти со своей последней подружкой присоединились к Белтрамини.

Когда поезд тронулся с вокзала, направляясь на восток, Пино, Карлетто и Туллио стояли у открытой двери товарного вагона, набитого миланцами, покидающими на ночь город. Поезд набрал скорость. Пино посмотрел на небо, такое безупречно-голубое, что он не мог себе представить его черным, с тесно летящими по нему самолетами.

3

Они пересекли реку По, и задолго до наступления темноты, когда земля еще млела от летней жары, поезд со скрежетом остановился среди холмистых сельскохозяйственных угодий, паровоз спустил пар. Пино с одеялом на плече поднялся следом за Карлетто на невысокий травянистый холм, окруженный фруктовым садом.

– Пино, – сказал синьор Белтрамини, – ты смотри внимательнее, к утру пауки сплетут паутину у тебя на ушах.

Синьора Белтрамини, хорошенькая хрупкая женщина, которая,

казалось, всегда страдала от какой-нибудь болезни, пожурела его:

– Зачем ты это сказал? Ты же знаешь, я боюсь пауков.

Торговец фруктами едва сумел сдержать улыбку:

– О чем ты говоришь? Я всего лишь предупредил парня об опасностях, которые подстерегают, когда спишь в высокой траве.

Его жена хотела было что-то возразить, но потом просто отмахнулась от него, как от назойливой мухи.

Дядя Альберт выудил из полотняной сумки хлеб, вино, сыр и салями. Белтрамини достали пять спелых дынь. Отец Пино сел в траве рядом со скрипичным футляром, обхватил руками колени. На его лице появилось очарованное выражение.

– Ну не великолепно ли? – сказал Микеле.

– Что великолепно? – спросил дядя Альберт, недоуменно оглядываясь.

– Это место. Какой чистый воздух. А запах. Ни дыма, ни вони взрывчатки. Все кажется таким... не знаю. Невинным?

– Точно, – сказала синьора Белтрамини.

– Что точно? – спросил синьор Белтрамини. – Пройди чуть подальше – и все не так уж невинно. Коровьи лепешки, пауки, змеи...

Хлоп! Синьора Белтрамини стукнула мужа по руке:

– У тебя нет ни капли жалости? Хоть когда-нибудь?

– Эй, больно же, – сказал синьор Белтрамини с улыбкой.

– И хорошо, – сказала она. – Прекрати это. Я глаз не сомкнула прошлой ночью после всех этих разговоров о пауках и змеях.

Карлетто, который казался необъяснимо расстроенным, поднялся и пошел вниз по склону холма к фруктовому саду. Пино заметил девушек у каменной стены, окружавшей сад. Никто из них по красоте не мог сравниться с Анной. Но может, настало время действовать. Он потрусил вниз за Карлетто, поделился с ним своим планом, и они попытались перехватить девушек, но другая стайка парней оказалась проворнее.

Пино посмотрел на небо и сказал:

– Я всего лишь прошу немного любви.

– Я думаю, тебя устроил бы и поцелуй, – сказал Карлетто.

– Я удовольствуюсь и улыбкой.

Пино вздохнул.

Парни перелезли через стену и пошли вдоль рядов деревьев, ветки которых гнулись под тяжестью плодов. Персики еще не до конца созрели, но инжир был уже спелый. Некоторые ягоды попадали на землю. Они подняли несколько плодов, отерли их, сняли кожуру и съели.

Хотя им редко выпадало удовольствие поесть плоды с дерева во

времена нормирования продуктов, с лица Карлетто не сходило обеспокоенное выражение.

– У тебя все в порядке? – спросил Пино.

Его друг отрицательно покачал головой.

– И что случилось?

– Так, ощущение.

– Чего?

Карлетто пожал плечами:

– Похоже, жизнь пошла не так, как мы ожидали, ничего хорошего она нам не сулит.

– Почему ты так думаешь?

– Ты всегда был невнимателен на уроках истории. Когда воюют большие армии, победитель в побежденной стране разрушает все.

– Не всегда. Саладин не разграбил Иерусалим. Все же я что-то слушал на уроках истории.

– Бог с ней, с историей, – сказал Карлетто, еще более расстроенный. – Просто я так чувствую, и оно не прекратится. Оно повсюду и...

Карлетто поперхнулся словами, слезы побежали по его щекам. Он тщетно пытался взять себя в руки.

– Да что такое с тобой? – спросил Пино.

Карлетто наклонил голову, словно разглядывал картину, которую никак не мог понять. Губы его дрожали, когда он произнес:

– Мама больна. Все плохо.

– Что это значит?

– А что, по-твоему, это может значить? – воскликнул Карлетто. – Она умирает.

– Господи Иисусе! – сказал Пино. – Ты уверен?

– Я слышал, родители говорили о том, как ее нужно похоронить.

Пино подумал о синьоре Белтрамини, потом о Порции. Он подумал, что чувствовал бы, узнав о близкой смерти матери. Громадная пустота образовалась у него в желудке.

– Мне очень жаль, – сказал Пино. – Правда очень. Твоя мама – замечательная синьора. Она терпит твоего отца, значит она уже святая, а говорят, что святые получают вознаграждение на небесах.

Карлетто, несмотря на грусть, рассмеялся, отер слезы.

– Только она и может ставить его на место. Но он должен перестать, понимаешь? Она больна, а он дразнит ее, говорит о змеях и пауках. Это жестоко. Словно и не любит ее.

– Он любит твою маму.

– Он это никак не показывает. Он словно боится этого.

Они пошли в обратном направлении. У каменной стены услышали звуки скрипки.

Пино посмотрел на вершину холма, увидел, что его отец настраивает скрипку, а рядом стоит синьор Белтрамини, держа в руках ноты. Золотые лучи заходящего солнца освещали обоих и толпу вокруг них.

– Нет! – застонал Карлетто. – Мать Божья, нет.

Пино был обескуражен не меньше Карлетто. Временами Микеле Лелла играл блестяще, но чаще фальшивил. Отец Пино не выдерживал ритма, пропускал части, которые требовали идеальной игры. А голос у синьора Белтрамини обычно ломался или садился. Слушать обоих было мучительно, ты ни на минуту не мог расслабиться, потому что знал: сейчас они сфальшивят, и временами это звучало так плохо, что ты чувствовал смущение.

На вершине холма отец Пино любовно прижал подбородком к плечу скрипку, великолепный инструмент, изготовленный в Центральной Италии в восемнадцатом веке. Порция подарила мужу скрипку на Рождество десять лет назад, и Микеле берег ее как зеницу ока. Он поднял смычок.

Синьор Белтрамини крепче встал на ноги, руки свободно опустил.

– Сейчас произойдет крушение поезда, – сказал Карлетто.

– Надвигается, – проговорил Пино.

Его отец проиграл первые такты мелодии «Nessun dorma», или «Никто не будет спать», возвышенной арии для тенора в третьем акте оперы Джакомо Пуччини «Турандот». Это была одна из самых любимых вещей отца, и Пино слушал ее на грампластинке: полным оркестром Ла Скала дирижировал Тосканини, исполнял арию мощнейший тенор Мигель Флета, а запись была сделана в 1920-е годы на первой постановке оперы.

Флета пел партию принца Калафа, богатого королевского сына, инкогнито путешествующего по Китаю, где он влюбляется в красивую, но холодную и капризную принцессу Турандот. Король постановил, что тот, кто добивается руки принцессы, сначала должен отгадать три загадки. Не отгадаешь хоть одну – и тебя ждет страшная смерть.

К концу второго акта Калаф разгадывает все загадки, но принцесса по-прежнему отказывается выйти за него замуж. Калаф говорит, что, если она до рассвета узнает его настоящее имя, он уедет, но если не сможет, то

должна будет выйти за него.

Принцесса повышает ставки, она говорит Калафу, что если узнает его имя до рассвета, то ему отрубят голову. Он соглашается, и принцесса объявляет: «„Nessun dorma“ – никто не будет спать, пока имя ухажера не будет узнано».

В опере Калаф поет арию с приближением рассвета, когда принцесса близка к поражению. «Nessun dorma» идет в нарастающем темпе, она все ускоряется, требуя от певца все больше сил, он воспевает свою любовь к принцессе и неизбежную победу, которая приближается с каждым мгновением.

Пино считал, что для достижения эмоционального торжества арии необходимы полный оркестр и знаменитый тенор вроде Флеты. Но в исполнении его отца и синьора Белтрамини ария, сведенная к одной мелодии и тексту, звучала так сильно, что он такого и представить себе не мог.

Когда Микеле играл в ту ночь, его скрипка издавала сильный, сочный звук. И синьор Белтрамини никогда не пел лучше. Голос скрипки и голос певца звучали для Пино как голоса двух ангелов – один высокий, другой низкий, и оба являли собой скорее божественное вдохновение, чем мастерство.

– Как они это делают? – удивленно спросил Карлетто.

Пино понятия не имел, почему его отец заиграл так виртуозно, но потом он заметил, что синьор Белтрамини поет не всем, а кому-то одному, и он понял, почему голос торговца фруктами звучит так прекрасно и нежно.

– Ты посмотри на своего отца, – сказал Пино.

Карлетто поднялся на цыпочки и увидел, что отец поет не всем собравшимся, а своей умирающей жене, словно в мире нет никого, кроме них двоих.

Когда они закончили, толпа на склоне принялась свистеть и хлопать. У Пино выступили слезы на глазах, потому что он впервые увидел своего отца героем. Слезы в глазах Карлетто были вызваны другими, более серьезными причинами.

– Ты играл фантастически, – сказал Пино отцу позднее, когда опустилась темнота. – И «Nessun dorma» – идеальный выбор.

– Для такого великолепного места мы и не могли выбрать ничего другого, – сказал отец; он, казалось, сам восхищен своей игрой. – А потом нас понесло, как говорят музыканты Ла Скала, – играли *con smania*, со страстью.

– Я это слышал, папа. Мы все слышали.

Микеле кивнул и счастливо вздохнул:

– Давай теперь поспим.

Пино вытоптал себе место, затем снял рубашку, чтобы подстелить под голову, завернулся в одеяло, которое взял из дома. Потом он уютно устроился и от запаха травы сразу же почувствовал сонливость.

Глаза его закрылись, он думал об игре отца, таинственной болезни синьоры Белтрамини и о том, как пел ее муж-весельчак. Он уснул с мыслью о том, что стал свидетелем чуда.

Несколько часов спустя Пино во сне бежал по улице за Анной, когда вдали раздался гром. Он остановился, а она продолжала бежать и вскоре скрылась в толпе. Это не расстроило его, но он подумал о том, когда начнется дождь и каким будет вкус капель у него на языке.

Карлетто встряхнул его, разбудил. Луна стояла высоко, проливая синеватый свет на склон. Все вокруг, кто успел встать на ноги, смотрели на запад. Бомбардировщики союзников атаковали Милан волнами, но ни самолетов, ни города издалека не было видно, только вспышки да выбросы пламени на горизонте и далекий рокот войны.

5

Когда на рассвете поезд вернулся в Милан, над городом клубились, крутились, вихрились дымы. Они вышли с вокзала на улицу, и Пино увидел различие между теми, кто оставался в городе во время бомбежки, и теми, кто сейчас вернулся. Ужас бомбежки ссутулил выживших, у них были пустые глаза и перекошенные рты. Мужчины, женщины и дети осторожно шагали мимо, словно в любую секунду земля у них под ногами могла разверзнуться огненной бездной. Почти над всем городом висел дым. Разорванные, развороченные машины. Разбитые и лежащие в руинах здания. Деревья без листьев, сорванных ударной волной.

Несколько недель Пино и его отец держались такого расписания: днем работали, а ближе к вечеру уезжали из города, чтобы вернуться с рассветом и увидеть новые зияющие раны Милана.

8 сентября 1943 года итальянское правительство, подписавшее 3 сентября безусловное перемирие, объявило о том, что сдается союзным армиям. На следующий день британские и американские войска высадились в Салерно, на подъеме «итальянского сапога». Немцы оказывали сопротивление – где слабое, где яростное. Большинство солдат Муссолини просто выбросили белый флаг, увидев высадку Пятой армии

американского генерал-лейтенанта Марка Кларка. Известие о вторжении американцев, достигнув Милана, стало праздником для Пино, его отца, дядюшки и тетушки. Они решили, что война кончится через несколько дней.

Не прошло и суток, как немцы установили контроль над Римом, арестовали короля и окружили Ватикан войсками и танками, которые навели свои орудия на купол собора Святого Петра. 12 сентября специальная группа нацистских солдат высадилась с планеров в горах Гран-Сассо, где удерживался Муссолини, и освободила его. Его перевезли в Вену, а потом в Берлин, где Гитлер принял дуче.

Через несколько дней Пино слушал двух диктаторов по радио, они поклялись до последней капли немецкой и итальянской крови сражаться с союзниками. Пино казалось, что мир сошел с ума, к тому же он погрузился в депрессию оттого, что уже три месяца не видел Анну.

Прошла неделя. Бомбежки продолжались. Школа Пино оставалась закрытой. Немцы начали полномасштабное вторжение с севера через Австрию и Швейцарию, была учреждена марионеточная Итальянская социалистическая республика во главе с Муссолини и со столицей в маленьком городке Салó на озере Гарда к северо-востоку от Милана.

Отец Пино говорил только об этом, когда они рано утром 20 сентября 1943 года шли с вокзала в Сан-Бабилю, проводя еще одну ночь в полях за городом. Микеле так заиклился на теме захвата Северной Италии, что не заметил черный дым над кварталом моды и Виа Монтенаполеоне. Дым заметил Пино и припустил бегом. Он пробежал по узким улочкам и несколько секунд спустя из-за поворота увидел впереди их дом.

Там, где прежде находилась крыша, зияла дыра, из которой к небесам поднимался дым. Венецианские стекла магазина «Сумочки ди Лелла» превратились в осколки, рамы – в почерневшие щепки. Сам магазин напоминал нутро угольной шахты. Взрыв искалечил все до неузнаваемости.

– Господи боже, нет! – воскликнул Микеле.

Отец Пино выпустил из рук футляр скрипки и, рыдая, упал на колени. Пино никогда не видел своего отца в слезах, во всяком случае, не помнил такого, и при виде горя Микеле Пино почувствовал опустошенность, печаль и унижение.

– Ну-ну, папа, – сказал он, пытаясь поднять отца на ноги.

– Все пропало, – плакал Микеле. – Наша жизнь пропала.

– Чепуха, – сказал дядя Альберт, беря зятя под руку. – У тебя есть деньги в банке, Микеле. Если понадобится ссуда, я тебе дам. Квартира, мебель, товар – все это ты сможешь восстановить.

– Не знаю, как я скажу об этом Порции, – слабым голосом проговорил отец Пино.

– Микеле, ты ведешь себя так, будто в твоих силах было предотвратить попадание бомбы в твой дом, – просопел дядя Альберт. – Ты скажешь ей правду, и вы начнете все заново.

– А пока поживете у нас, – сказала тетя Грета.

Микеле закивал было, но потом сердито повернулся к Пино:

– Но не ты.

– Папа?

– Ты поедешь в «Каса Альпина». Будешь учиться там.

– Нет, я хочу быть в Милане.

Отец Пино рассвирепел:

– Ты здесь не останешься! У тебя здесь нет голоса. Ты мой первенец. Я не допущу, чтобы ты погиб от шальной бомбы. Я... я бы не вынес этого. И твоя мать тоже.

Вспышка отца ошеломила Пино. Такое поведение было не в характере Микеле, который привык размышлять, обдумывать, а не вспыхивать и кричать. И уж конечно, не на улице в Сан-Бабиле, где слухи о событиях в мире моды подхватывались, разносились и никогда не забывались.

– Хорошо, папа, – тихо сказал Пино. – Я уеду из Милана в «Каса Альпина», если ты так хочешь.

Часть вторая

Соборы Господа

Глава пятая

1

Поздним утром следующего дня на Центральном вокзале Микеле сунул в руку Пино пачку лир и сказал:

– Я пришлю твои книги, и кто-нибудь будет встречать тебя на платформе. Веди себя хорошо и передай от меня привет Миммо и отцу Ре.

– А когда я вернусь?

– Когда здесь будет безопасно.

Пино с несчастным видом посмотрел на Туллио – тот пожал плечами, а потом на дядю Альберта – тот разглядывал свои туфли.

– Неправильно это, – сказал он, в ярости схватил рюкзак, набитый одеждой, сел в почти пустой вагон и, кипя от злости, уставился в окно.

С ним обращаются как с малолеткой. Но разве это он падал на колени и плакал у всех на глазах? Нет. Пино Лелла принял удар и выстоял, как мужчина. Но что он мог сделать? Бросить вызов отцу? Спрыгнуть с поезда? Уйти к Белтрамини?

Состав дернулся и заскрежетал, отходя от вокзала, проехал через депо, где под присмотром немецких солдат сотни людей с пустыми глазами, многие из них в поношенной серой форме, грузили на платформы ящики с запасными частями для танков, винтовками, пулеметами, бомбами и снарядами. Вероятно, это военнопленные, расстроено подумал Пино. Он высунул голову из окна и разглядывал их, пока поезд проезжал депо.

Через два часа пути поезд, миновав подножия холмов у озера Комо, направился к Альпам. В обычной ситуации Пино разглядывал бы озеро, красивее которого, по его мнению, в мире не было. Еще ему нравился городок Белладжио на южном берегу озера. Тамошний роскошный отель напоминал розовый замок из сказки.

Но сегодня он смотрел вниз на дорогу вдоль восточного берега Комо и длинную цепочку грузовиков, наполненных грязными людьми с пустыми глазами, на многих была та же серая форма, которую он видел в депо. Их были сотни, а может, тысячи.

«Кто они такие? – недоумевал он. – Где их арестовали? И почему?»

Он продолжал думать о них следующие сорок минут, и позднее после пересадки, и когда сошел в городке Кьявенна.

Немецкие солдаты там словно и не замечали его. Пино вышел из вокзала, и впервые с сегодняшнего утра настроение у него улучшилось. Стоял теплый, солнечный день начала осени. Воздух был свежий и ясный, а Пино направлялся в горы. Теперь все будет хорошо, решил он. По крайней мере, сегодня.

– Эй, малец! – позвал его кто-то.

Жилистый парень приблизительно одного возраста с Пино стоял, опершись на старый «фиат-купе». На нем были полотняные рабочие брюки и заляпанная маслом футболка. Из рта торчала сигарета.

– Кого это ты называешь мальцом? – спросил Пино.

– Тебя. Ты ведь малец Лелла?

– Пино Лелла.

– Альберто Аскари, – сказал парень, ударяя себя по груди. – Мой дядюшка попросил встретить тебя и привезти в Мадезимо.

Аскари выкинул сигарету и протянул руку, почти такую же большую, как у Пино, и, к его удивлению, более сильную.

Пожимая Пино руку, Аскари чуть не сломал ему пальцы.

– Это где же ты так накачался? – спросил Пино.

Аскари улыбнулся:

– В мастерской моего дяди. Кидай свои вещи сюда, малец.

Словечко «малец» немного беспокоило Пино, но в остальном Аскари вел себя вполне достойно. Он открыл пассажирскую дверь. Машина внутри была безукоризненна. На водительском сиденье лежало полотенце, защищая его от масла.

Аскари завел двигатель, производивший звук, не похожий на звук двигателей других «фиатов», в которых Пино ездил прежде, – низкое, гортанное урчание, которое, казалось, сотрясало всю подвеску.

– Это не городской двигатель, – сказал Пино.

Аскари усмехнулся и включил передачу.

– Неужели ты думаешь, что на машине у гонщика будет стоять городская трансмиссия или городской двигатель?

– Ты гонщик? – скептически спросил Пино.

– Буду, – ответил Аскари и отпустил сцепление.

Они рванули прочь от маленького вокзала и выехали на мощеную дорогу. «Фиат» на повороте чуть не лег на бок, но Аскари успел выкрутить

рулевое колесо в другую сторону. Покрышки хорошо держали дорогу. Аскарри переключил передачу, нажал на газ.

Пино вдавило в пассажирское сиденье, но ему удалось упереться руками и ногами, перед тем как Аскарри вылетел на маленькую городскую площадь, ловко обогнал грузовичок, груженный курами, опять переключил передачу. На выезде из города они все еще набирали скорость.

Дорога на перевал Шплюген делала множество петель и поворотов параллельно реке, текущей в крутых берегах долины, уходящей в Альпы, к Швейцарии. Аскарри мастерски проехал Шплюген, машина аккуратно проходила все повороты, обгоняла другие машины на дороге так, будто те стояли на месте.

Эмоции Пино колебались в пределах от презренного страха до радостной эйфории, зависти и восхищения. Аскарри сбросил наконец скорость, подъезжая к окраинам городка Камподольчино.

– Я тебе верю, – сказал Пино, чье сердце колотилось как сумасшедшее.

– Это ты о чем? – недоуменно спросил Аскарри.

– Я верю, что ты в один прекрасный день станешь гонщиком, – сказал Пино. – Знаменитым. Я еще не видел никого, кто так водил бы машину.

Улыбка Аскарри не могла быть шире.

– Мой отец водил лучше. Был чемпионом европейского Гран-при. Он уже умер. – Он оторвал руку от баранки и направил указательный палец на лобовое стекло к небесам. – Даст Бог, папа, я буду чемпионом Европы, а то и чемпионом мира!

– Я в это верю, – повторил Пино, восхищенно покачивая головой. Потом перевел взгляд на серую отвесную скалу, поднимавшуюся более чем на четыреста пятьдесят метров над восточной окраиной города. Он опустил стекло, высунул голову и оглядел вершину скалы.

– Ты что ищешь? – спросил Аскарри.

– Иногда на колокольне можно увидеть крест.

– Вон он, – сказал Аскарри. – На стене есть зарубка. Только поэтому ты ее и видишь. – Он показал вверх через лобовое стекло. – Вон там.

На мгновение перед глазами Пино мелькнули крест и вершина каменной колокольни в Мотте, самом высоком горном поселении в этой части Альп. В первый раз за этот день он позволил себе порадоваться тому, что он не в Милане.

Аскарри повел машину к опасной дороге на Мадезимо – крутому, узкому, в рытвинах серпантину, опутывавшему горный склон. Никаких ограждений и, по существу, никаких обочин, и несколько раз во время подъема Пино думал, что Аскарри не удержит машину и они рухнут в

пропасть. Но Аскари, казалось, знал каждый сантиметр дороги, потому что крутил баранку и жал на тормоза так, что они ровно проходили все повороты, Пино даже казалось, что они едут по снегу, а не по скальной породе.

– А на лыжах ты так же катаешься? – спросил Пино.

– Я не умею кататься на лыжах, – ответил Аскари.

– Что? Живешь в Мадезимо и не умеешь кататься?

– Моя мать отправила меня сюда, чтобы я был в безопасности. Я работаю в мастерской дяди и вожу машину.

– Катание на лыжах похоже на вождение машины, – сказал Пино. – Такая же тактика.

– Ты хорошо катаешься?

– Выигрывал кое-какие соревнования. По слалому.

Гонщик посмотрел на Пино с уважением:

– Тогда мы подружимся. Ты будешь учить меня кататься на лыжах, а я тебя – водить машину.

Пино широко улыбнулся:

– Заметано.

Они добрались до крохотного поселка Мадезимо, в котором имелись гостиница с шиферной крышей, ресторан и несколько десятков альпийских домов.

– А девочки тут есть? – спросил Пино.

– Я знаю нескольких внизу. Они любят ездить в быстрых машинах.

– Нужно нам как-нибудь прокатиться с ними.

– Мне такой план по душе! – сказал Аскари, останавливая машину. – Отсюда дойдешь?

– С завязанными глазами в метель, – сказал Пино. – Может быть, по выходным я буду спускаться и останавливаться в гостинице.

– Тогда заглядывай ко мне. Наша мастерская за гостиницей. Мимо не пройдешь.

Он протянул руку. Пино поморщился и сказал:

– Только не сломай мне пальцы.

– Ладно, – сказал Аскари и крепко пожал ему руку. – Рад был познакомиться, Пино.

– И я тоже, Альберто, – ответил Пино. Он взял рюкзак и вышел из машины.

Аскари рванул с места, помахав из открытого окна рукой.

Пино постоял несколько секунд. У него было такое чувство, будто он познакомился с каким-то важным человеком в своей жизни. Потом он закинул рюкзак на спину и пошел по широкой тропинке в лес. Тропинка все круче и круче уходила вверх, и наконец, через час, он вышел из леса на высокое альпийское плато под склоном горы, поднимающейся почти на тысячу двести метров и заканчивающейся острием, называемым Пиццо-Гроппера.

Плато Мотта имело ширину в несколько сотен метров и опоясывало Гропперу с юго-востока. Западная оконечность этого широкого козырька заканчивалась небольшой хвойной рощей, которая цеплялась за край снижающегося к Камподольчино утеса высотой в стопятидесятиэтажное здание. Солнце во второй половине дня, как медная чеканка, лежало на осенних Альпах, и закат, как и всегда, привел Пино в трепет. Кардинал Шустер был прав: находиться в Мотте – все равно что стоять на балконе одного из величайших соборов Господа.

Мотта мало чем отличалась от Мадезимо. Здесь, на восточной части плато, близ утесов и елей стояли несколько домов в альпийском стиле, маленькая католическая часовня, которую Пино мельком видел снизу, и гораздо более крупное сооружение из камня и дерева. Приближаясь к дому, Пино, который уже несколько месяцев не чувствовал себя так хорошо, все отчетливее ощущал запах свежеевыпеченного хлеба, какой-то острой чесночной еды. В животе у него заурчало.

Он вошел под крышу крыльца, постоял перед тяжелой деревянной дверью, потянулся к шнурку, свисавшему с тяжелого медного колокола над табличкой, на которой было написано: «Каса Альпина». Здесь рады всем усталым путникам». Пино дважды дернул шнурок.

Звук колокола эхом отразился от скал у него за спиной. Он услышал крики мальчишек, потом шаги. Дверь распахнулась.

– Здравствуйте, отец Ре, – сказал Пино грузному священнику лет пятидесяти пяти. На священнике, опиравшемся на трость, была черная ряса с белым воротничком и кожаные, подбитые гвоздями альпинистские ботинки.

Отец Ре распахнул объятия:

– Пино Лелла! До меня сегодня утром дошли слухи, что ты приедешь и снова побудешь у меня.

– Бомбежки, отец, – сказал Пино, обнимая священника. Эмоции

переполняли его. – В городе совсем плохо.

– И это мне известно, сын мой, – сказал отец Ре срывающимся голосом. – Но заходи, закрой дверь, не выстужай дом.

– Как ваша нога?

– То хуже, то лучше, – сказал отец Ре и, прихрамывая, отошел в сторону, чтобы впустить Пино.

– Как Миммо воспринял новости, отец? – спросил Пино. – Я говорю о нашем доме.

– Это уж ты сам ему должен сообщить, – ответил отец Ре. – Ты ел?

– Нет.

– Тогда ты прибыл вовремя. Оставь пока свои вещи здесь. После обеда я тебе покажу, где ты будешь спать.

Пино последовал за священником, который с трудом похромал в столовую, где на грубых скамьях за такими же грубыми столами сидели сорок ребят. В каменном очаге в дальнем конце комнаты горел огонь.

– Садись рядом с братом, пообедай, – сказал отец Ре. – А за десертом пересядешь ко мне.

Пино увидел Миммо, который потчевал своих друзей какой-то страшной историей. Он подошел к брату сзади и сказал писклявым голосом:

– Эй, синьор коротышка, подвинься.

Пятнадцатилетний Миммо был здесь чуть ли не самым старшим, а потому явно привык находиться в центре внимания. Он повернулся с суровым выражением на лице – собирался проучить писклявого мальчишку, чтобы знал свое место в этом мире. Но тут он узнал старшего брата, и на его лице появилась озадаченная улыбка.

– Пино? – сказал он. – Ты что здесь делаешь? Ты же говорил, что никогда... – Испуг Миммо вдруг взял верх над радостью от встречи. – Что случилось?

Пино рассказал ему. Для младшего брата услышанное было тяжелым ударом. Несколько секунд смотрел он в доски пола, потом поднял голову:

– И где мы будем жить?

– Папа и дядя Альберт найдут новое место для квартиры и магазина, – сказал Пино, садясь рядом. – Но до тех пор, я думаю, мы с тобой будем жить здесь.

– На ужин сегодня, – сказал мужской голос, – свежий хлеб, свежесбитое масло и куриная тушенка а-ля Бормио.

Пино посмотрел в сторону кухни, увидел там знакомое лицо. Громилу с копной нечесаных черных волос и неимоверно громадными волосатыми

руками. Брат Бормио был бесконечно предан отцу Ре, он служил помощником священника и был в ответе за все. В том числе за приготовление еды в «Каса Альпина», и еды превосходной.

Брат Бормио наблюдал за перемещением горячих горшочков с тушенкой. Когда все они оказались на столе, отец Ре встал и сказал:

– Молодые люди, мы должны быть благодарны за этот день и за все другие дни, какими бы печальными они ни были. Склоните головы, поблагодарите Господа, имейте веру в Него и в лучшее завтра.

Пино сотни раз слышал эти слова от священника, и всегда они трогали его, он чувствовал себя маленьким и незначительным, благодаря Бога за то, что с его помощью уехал от бомбардировок, за то, что встретил Альберто Аскари, за то, что снова находится в «Каса Альпина».

Потом отец Ре сам поблагодарил Господа за стол и хлеб, и все приступили к еде.

Уставший после долгого дня в дороге, Пино съел почти целую буханку черного хлеба Бормио и три миски с тушенкой.

– Эй, нам хоть что-нибудь оставь! – в какой-то момент не выдержал Миммо.

– Я больше вас, – сказал Пино. – Мне больше нужно.

– Иди за стол отца Ре. Он почти ничего не ест.

– Хорошая мысль, – сказал Пино, взъерошил волосы на голове брата и уклонился от шутливого удара, который попытался нанести ему Миммо.

4

Пино пробрался через столы и скамьи туда, где сидели отец Ре и брат Бормио, который устроил себе передышку и теперь курил самокрутку.

– Ты помнишь Пино, брат Бормио? – спросил отец Ре.

Бормио кивнул. Он положил себе еще две ложки тушенки, затянулся самокруткой и сказал:

– Сейчас принесу десерт, отец.

– Штрудель? – спросил отец Ре.

– Со свежими яблоками и грушами, – довольным тоном ответил Бормио.

– Где ты их достал?

– Друг, – ответил Бормио. – Очень хороший друг.

– Да благословит Господь твоего друга. Принеси нам обоим по две порции, – сказал отец Ре и посмотрел на Пино. – Ограничения тоже

должны иметь меру.

– Что-что?

– Десерты – это мой единственный грех, Пино. – Священник рассмеялся и потер свой живот. – От них я даже в пост не могу отказаться.

Яблочно-грушевый штрудель не уступал выпечке, которую покупал Пино в своей любимой пекарне в Сан-Бабиле, и он был благодарен отцу Ре за две порции. Он так набил себе живот, что его, довольного, стало клонить в сон.

– Пино, ты помнишь дорогу на Валь-ди-Леи? – спросил отец Ре.

– Самый простой путь – на юго-восток к дороге на Пассо-Анджелого^[4], а потом прямо на север.

– Над деревней Состе. – Отец Ре кивнул. – Один твой знакомый только на прошлой неделе прошел тем путем – через Пассо-Анджелого до Валь-ди-Леи.

– Кто же это?

– Барбарески. Семинарист. Он сказал, что слышал твой разговор с кардиналом Шустером.

Пино казалось, это было сто лет назад.

– Я его помню. Он здесь?

– Уехал в Милан сегодня утром. Вы, вероятно, разминулись в пути.

Пино не придавал этому совпадению особого значения и несколько секунд как замороженный смотрел на языки пламени в очаге; он снова чувствовал сонливость.

– Ты только таким путем добирался? – спросил отец Ре. – До Валь-ди-Леи?

Пино подумал, потом сказал:

– Нет, я два раза ходил северным маршрутом, а один раз – трудным путем: отсюда до хребта, а потом через вершину Гропперы.

– Хорошо, – сказал священник. – А то я не мог вспомнить.

Он встал, сунул в рот два пальца и резко свистнул. В комнате воцарилась тишина.

– Дежурные по столовой – к брату Бормио. Остальным – столы очистить и протереть, после чего занятия.

Миммо и остальные ребята, казалось, были знакомы с заведенным порядком, и они почти без возражений (что удивило Пино) принялись за работу. Пино взял свой рюкзак и последовал за отцом Ре, мимо дверей в две большие спальни, в узкую комнату с кушетками, встроенными в стену, и занавесом посередине.

– Не роскошь, в особенности для парня твоего роста, но лучшего у нас

сейчас нет, – сказал отец Ре.

– А кто еще со мной?

– Миммо. До этого дня он спал здесь один.

– Он будет счастлив.

– Решайте тут вдвоем свои проблемы, – сказал священник. – Вы старше остальных, так что я не требую, чтобы вы подчинялись общим правилам. А твои правила будут такие. Каждый день ты должен будешь подниматься по маршруту, который я укажу. И ты должен три часа в день уделять занятиям – с понедельника до пятницы. Суббота и воскресенье целиком твои. Устраивает?

Пино подумал, что лазать по горам придется немало, но он любил это дело, а потому ответил:

– Да, отец.

– Ну, тогда устраивайся, – сказал отец Ре. – Хорошо, что ты снова здесь, мой молодой друг. Теперь я вижу, что твое присутствие может стать мне большим подспорьем.

Пино улыбнулся:

– Я рад, что снова здесь. Мне не хватало вас, отец, и Мотты.

Отец Ре подмигнул, стукнул два раза по дверному косяку и вышел. Пино освободил две полки, положил одежду брата на верхнюю. Потом он вытащил свои вещи из рюкзака, разложил книги, одежду и свой разобранный коротковолновый приемник, спрятанный среди одежды, хотя он и отдавал себе отчет в опасности, которой подвергался, если бы его обыскали. Лежа на нижней койке, Пино прослушал сообщение Би-би-си о продвижении союзников, а потом его сморил сон.

5

– Эй! – раздался час спустя голос Миммо. – Здесь я сплю!

– Теперь буду я, – сказал Пино, вставая. – Твоя верхняя.

– Я сюда первый приехал, – запротестовал Миммо.

– Что с возу упало, то пропало.

– Но моя койка не пропадала! – закричал Миммо, бросился на Пино и попытался стащить его с кровати.

Пино был гораздо сильнее, но у Миммо было сердце воина, и он никогда не чувствовал, что пора признать поражение. Миммо в кровь разбил Пино нос, прежде чем тот припечатал его к полу.

– Ты проиграл.

– Нет, – прорычал Миммо, пытаясь высвободиться. – Это моя кровать.

– Я тебе вот что скажу. Когда я буду уходить на выходные, ты можешь на ней спать. Четыре или пять дней в неделю она моя, а два или три – твоя.

Это, казалось, успокоило брата.

– А где ты будешь на выходных?

– В Мадезимо, – сказал Пино. – У меня тут есть друг, он будет учить меня ремонтировать машины и водить их по-чемпионски.

– Врешь.

– Это правда. Он привез меня сюда с вокзала. Альберто Аскарри. Лучшего водителя я в жизни не видел. Его отец был чемпионом.

– А с чего это он будет тебя учить?

– Баш на баш. Я его буду учить кататься на лыжах.

– Может, он и меня поучит водить? Я ведь на лыжах езжу лучше тебя.

– Ты видишь сны наяву, братишка. А что, если я буду тебя учить тому, чему меня научит великий Альберто Аскарри?

Миммо задумался ненадолго.

– Договорились.

Позднее, когда выключили свет и Пино забрался под одеяло, он стал думать о Милане – бомбят ли его сегодня, как дела у отца, дядюшки и тетушки, спит ли Карлетто на вершине холма или же смотрит, как в городе возникают новые пожары, поднимаются к небу клубы дыма. На миг перед его мысленным взором мелькнула Анна, выходящая из булочной, когда он заговорил с ней.

– Пино? – позвал его Миммо, когда Пино уже начало клонить в сон.

– Да? – раздраженно ответил Пино.

– Как ты думаешь, я скоро вырасту?

– Теперь уже в любой день.

– Я рад, что ты приехал.

Пино улыбнулся, хотя нос у него все еще побаливал.

– Я тоже рад, что я здесь.

Глава шестая

1

Пино снились автогонки, когда отец Ре разбудил его на следующее утро. Было еще темно. Он увидел силуэт священника в свете лампы, которую тот поставил в коридоре перед узкой комнатой братьев.

– Отец? – сонным голосом прошептал Пино. – Который час?

– Половина пятого.

– Половина пятого?

– Вставай и одевайся для прогулки. Тебе нужно набрать форму.

Пино знал, что спорить бесполезно. И хотя категоричностью священник явно уступал матери Пино, он мог быть не менее упрямым и требовательным, чем Порция в самом своем непримиримом настроении. Пино давно решил для себя, что у людей такого рода на дороге лучше не стоять, лучше идти с ними в одном направлении.

Он взял свою одежду и пошел в умывальную одеваться. Тяжелые холщовые, с кожаными вставками короткие штаны, толстые шерстяные носки, пара новеньких жестких ботинок, купленных ему отцом днем ранее. Поверх зеленой суконной рубашки он надел темно-серый шерстяной жилет.

В столовой, кроме отца Ре и брата Бормио, никого не было. Бормио приготовил ему яичницу с ветчиной и тосты. Пока Пино ел, священник наполнил водой две фляги и сказал, чтобы он положил их в рюкзак. Дали ему запас еды и непромокаемую куртку на случай дождя.

– И куда мне идти? – спросил Пино, подавляя зевоту.

Под рукой у отца Ре была карта.

– Иди легкой дорогой на Пассо-Анджелого, над которым торчит Пиццо-Стелла^[5]. Девять километров туда, девять обратно.

Восемнадцать километров? Пино давно не совершал таких дальних походов. Тем не менее он кивнул.

– Иди прямо на перевал и постарайся, если это будет возможно, никому не попадаться на глаза.

– Почему?

Отец Ре помедлил.

– Некоторые люди из соседних деревень считают, что Пассо-

Анджелого принадлежит им. Лучше тебе держаться от них подальше.

Шагая по предрассветной дорожке, ведущей на юго-восток от «Каса Альпина», Пино задавал себе десятки вопросов. Дорожка шла по длинному, легкому траверсу, следовавшему контуру горы, а потом спускалась с южной стороны Гропперы.

Когда он добрался до самого низа, солнце уже поднялось и освещало Пиццо-Стелла впереди и справа от него. Воздух был такой ароматный, насыщенный запахом сосны и бальзамина, что Пино даже и вспомнить не мог вонь, стоящую над воронками после взрывов бомб.

Пино остановился, выпил воды, съел половину ветчины, сыра и хлеба, приготовленных для него Бормино. Он потянулся, посмотрел по сторонам, вспомнив предупреждение отца Ре: не попадаться на глаза людям, которые считают перевал своим. С чем было связано это предупреждение?

Закинув снова на спину рюкзак, Пино пошел по серпантину, который вел к Пассо-Анджелого, южному перевалу на Валь-ди-Леи. До этого момента он спускался по пологому склону. Теперь он почти все время поднимался, набирая полные легкие разреженного воздуха. Его голени и бедра горели.

Дорожка вскоре вышла из леса, деревья сменились редкими, погнутыми ветром кустами можжевельника, цеплявшимися за покрытые тонким слоем земли скалы. Солнце перевалило за хребет, высветило другие растения – кустарники, мхи, лишайники, все они имели бледные оттенки оранжевого, красного и желтого.

Когда он преодолел три четверти пути к перевалу, на небе над вершиной Гропперы, высоко над Пино и слева от него, стали собираться тучи. Гораздо ниже седловины тундровая растительность уступила место голым скалам и осыпям. Теперь он шел по камням, и жесткая новая обувь стала натирать ему пятки и пальцы.

В его планы входило добраться до пирамиды из камней в середине Пассо-Анджелого, а там снять ботинки и носки. Но к исходу третьего часа пути тучи стали крупными, зловещими и серыми. Поднялся ветер. На западе он увидел косые штормовые линии угольного цвета.

Надев куртку, Пино поспешил к пирамиде на пересечении нескольких тропинок у вершины Пассо-Анджелого, включая и те, которые вели к бровке Гропперы и к Пиццо-Стелла. Он не успел добраться до пирамиды,

как опустился клубящийся туман.

Пошел дождь, сначала несколько капель, но Пино часто бывал в Альпах и уже предчувствовал, что будет дальше. Отбросив всякие мысли о том, чтобы дать отдохнуть ногам или перекусить, он прикоснулся к пирамиде и развернулся навстречу ветру и надвигающемуся шторму. Он устремился назад, вниз по склону, а дождь тем временем быстро перешел в крупный град, который молотил по его капюшону и вынуждал прикрывать глаза ладонью.

Порывы ветра с градом обдували скалы, подхватывали камушки на тропинке, покрывали их ледяной глазурью, и Пино пришлось сбавить шаг. Град кончился вместе с ветром, но дождь продолжился. Тропинка обледенела. У Пино ушло почти полчаса, чтобы добраться до первых деревьев. Он промок. Продрог. На ногах появились волдыри.

Когда он достиг развилки и начал подниматься назад к Мотте и «Каса Альпина», до него стали доноситься крики со стороны Состе. Даже с расстояния, даже сквозь дождь он слышал, что это голос рассерженного человека.

Пино вспомнил предупреждения отца Ре – не попадаться никому на глаза, сердце его учащенно забилося, он развернулся и побежал.

Слыша, что крики сзади и внизу становятся все яростнее, Пино припустил вверх по склону в лес и не сбавлял скорости почти пятнадцать минут. Его легкие готовы были разорваться. Он постоял, согнувшись в пояснице, глотая ртом воздух и чувствуя тошноту от усталости и высоты. Но теперь криков он не слышал, только дождь падал с крон деревьев, а где-то далеко внизу свистел паровоз. Он двинулся дальше. Настроение у него улучшилось, он посмеялся, думая о том, как ловко ушел от крикуна.

Дождь начал стихать, когда Пино добрался до «Каса Альпина». Он отсутствовал пять часов и пятнадцать минут.

– Ты почему так долго? – спросил отец Ре, появившись в коридоре. – Я не сомневался, но брат Бормио уже начал волноваться.

– Град, – сказал Пино дрожа.

– Разденься до нижнего белья и сядь перед огнем, – сказал отец Ре. – Я попрошу Миммо принести тебе сухую одежду.

Пино снял ботинки и носки, поморщился при виде жутких пузырей – все они лопнули и приобрели синюшно-красный цвет.

– Сейчас мы обработаем их йодом и солью, – сказал отец Ре.

Пино съезжился. Когда он разделся до нижнего белья, его начало трясти. Он обхватил себя руками и поковылял в столовую, где все сорок мальчишек занимались под внимательным присмотром брата Бормио. Как

только они увидели полуголого Пино, идущего к очагу, их обуял смех, громче всех смеялся Миммо. Даже брату Бормио это зрелище вроде бы показалось забавным.

Пино отмахнулся от них, ему было все равно, лишь бы добраться до огня. Он стоял в тепле несколько долгих минут, поворачиваясь к огню то одним, то другим боком, пока не появился Миммо с сухой одеждой. Когда Пино оделся, к нему с кружкой горячего чая и миской теплого солевого раствора для ног подошел отец Ре. Пино с благодарностью выпил чай и заскрежетал зубами, погрузив ноги в соленую воду.

Священник попросил Пино рассказать обо всем, что случилось с ним во время похода, и Пино поведал отцу Ре о своих приключениях, не забыл и о сердитом человеке из Состе.

– Ты его лица не видел?

– Он был далековато, к тому же шел дождь, – ответил Пино.

Отец Ре подумал, потом сказал:

– После ленча можешь поспать, а потом ты должен мне три часа занятий.

Пино, зевнув, кивнул. Ел он как волк, потом похромал на свою койку и уснул, как только голова коснулась подушки.

3

Следующим утром отец Ре разбудил его на час позже.

– Вставай, – сказал он. – Тебя ждет еще одна прогулка. Завтрак через пять минут.

Пино пошевелился, все тело у него болело, но волдыри после солевой ванны стали заживать.

И все же одевался он так, будто все еще находился в том густом тумане, в который попал вчера. Ему страшно хотелось спать, и зевота одолевала его, пока он осторожно шел в носках в столовую. Отец Ре ждал его с едой и картой.

– Я хочу, чтобы сегодня ты пошел северным маршрутом, – сказал отец Ре, показывая пальцем сначала на жирную линию вокруг уступа в Мотте, отмечавшую гужевую дорогу, которая шла вниз по склону до Мадезимо, а потом на ряд расположенных близко друг к другу линий, означающих увеличивающуюся крутизну за поселком. – Держись повыше, когда будешь пересекать открытые пространства здесь и здесь. Ты увидишь звериные тропы – они помогут тебе пересечь ущелье. Конец маршрута здесь – на

этом лужке, которым завершается склон от Мадезимо. Ты его узнаешь?

Пино уставился на карту.

– Пожалуй. Но почему бы мне не обойти этот склон? Спуститься до Мадезимо по этой дорожке, а потом подниматься вверх? Так будет быстрее.

– Будет, – ответил отец Ре. – Но меня не интересует скорость. Мне нужно, чтобы ты прошел этим маршрутом незамеченным.

– Почему?

– Есть причины, о которых я пока не хочу говорить, Пино. Этот маршрут безопаснее.

После этих слов недоумение Пино лишь увеличилось, но он сказал:

– Хорошо. А потом назад?

– Нет, – ответил священник. – Я хочу, чтобы ты поднялся в чашу этого горного амфитеатра. Смотри на звериную тропу, она идет вверх и в Вальди-Леи. Не поднимайся по ней, если не почувствуешь, что готов. Если не готов, можешь вернуться и попробовать в другой раз.

Пино вздохнул, понимая, что ему предстоит еще один нелегкий день.

Погода ему благоприятствовала. В Южных Альпах стояло прекрасное осеннее утро. Вот только мышцы Пино и его заклеенные волдыри давали о себе знать, когда он двигался по скалистым карнизам на западном склоне Гропперы, через ущелье, заваленное упавшими деревьями и камнями, сходящими вместе с лавинами. У него ушло более двух часов, чтобы добраться до лужка, который показывал ему на карте отец Ре. Он двинулся вверх по высоким густым альпийским травам, уже пожухлым и побледневшим.

Как волосы Анны, подумал Пино, рассматривая волоски, окружавшие созревшие семянки, которые только и ждали, чтобы их унес ветер. Он вспомнил Анну на тротуаре у пекарни, вспомнил, как бросился за ней. У нее были точно такие волосы, решил он, только гуще, роскошнее. Он поднимался все выше, мягкие стебли ласкали его голые ноги, вызывая у него улыбку.

Через девяносто минут он добрался до северного амфитеатра, напоминавшего внутренности вулкана, – три сотни метров отвесной стены слева и справа и неровные, острые камни поверху. Пино нашел козью тропу, хотел было подняться по ней, но решил, что не стоит этого делать, – какой будет от него прок на вершине, если ноги превратятся в фарш. Вместо этого он направился сразу вниз, к Мадезимо.

До поселка в ту пятницу он добрался в час дня, вошел в гостиницу, поел, заказал себе комнату. Хозяева были добрыми людьми с тремя детьми, один из них – семилетний Никко.

– Я лыжник, – похвастался Никко, пока Пино жадно ел.

– И я тоже, – сказал Пино.

– Но я лучше.

Пино усмехнулся:

– Может, и нет.

– Я тебе покажу, когда выпадет снег, – сказал мальчик.

– Буду ждать с нетерпением, – сказал Пино и взъерошил мальчугану волосы.

Усталый, но уже утоливший голод, Пино отправился на поиски Альберто Аскари. Мастерская по ремонту машин оказалась закрытой. Он оставил Аскари записку, сообщая, что намерен вернуться вечером, и пошел назад в «Каса Альпина».

Отец Ре внимательно выслушал рассказ Пино о том, как тот передвигался по скалистому склону Гропперы, и о его решении не подниматься по северному амфитеатру.

Священник кивнул:

– Никто не хочет оказаться в горах, если не готов к этому. Но скоро ты будешь готов.

– Отец, я сегодня после занятий собираюсь в Мадезимо, проведу там ночь и повидаюсь с моим другом Альберто Аскари, – сказал Пино.

Отец Ре прищурился, и Пино напомнил ему, что в выходные, по их договоренности, он может делать, что ему угодно.

– Да, так я и сказал, – проговорил священник. – Иди развлекайся, отдыхай, но будь готов утром в понедельник отправиться в горы.

Пино прилег поспать, потом сел за учебники древней истории и математики, потом принялся читать книгу «Горные великаны» Луиджи Пиранделло. Шел шестой час, когда он в городских ботинках отправился вниз в Мадезимо. Каждый шаг доставлял ему невероятную боль, но он добрал до гостиницы, сообщил о себе, некоторое время рассказывал маленькому Никко истории о лыжных гонках, а потом отправился в дом к дядюшке Аскари.

Дверь ему открыл Альберто, поздоровался и пригласил на обед. Его тетушка была поваром получше, чем брат Бормио, а это значило немало. Дядюшка Аскари любил поговорить о машинах, так что время прошло прекрасно. Пино наелся до отвала – чуть не уснул за десертом.

Аскари и его дядюшка проводили Пино до гостиницы, где он скинул с себя ботинки, рухнул на кровать и уснул не раздеваясь.

Вскоре после рассвета его друг постучал в дверь.

– Ты что так рано? – спросил Пино, зевая. – Я еще собирался...

– Хочешь научиться водить или нет? Следующие два дня будут ясными – ни дождя, ни снега, так что я готов тебя поучить. Но за бензин платишь ты.

Пино обулся. Они наскоро позавтракали в столовой гостиницы, а потом отправились к «фиату» Аскари. В течение следующих четырех часов они катались по дороге над Камподольчино, идущей к перевалу Шплюген и в сторону Швейцарии.

На этой петляющей дороге Альберто учил Пино, как следить за приборами, как приспосабливаться к дороге, подъемам и изменениям направления. Он показывал Пино, как с заносом проходить одни повороты и срезать углы на других, как управлять машиной, используя вместо тормозов двигатель и коробку передач.

Они ехали на север, пока не увидели немецкий пропускной пункт и швейцарскую границу за ним. Здесь они развернулись. По пути в Камподольчино их дважды останавливали немецкие патрули, спрашивали, что они делают на дороге.

– Я учу его водить машину, – сказал Аскари, когда проверили их документы.

Немцам это не очень понравилось, но их отпустили.

Когда они вернулись в гостиницу, Пино пребывал в таком возбуждении, какого давно за собой не помнил. Какая красота – так водить машину! Какой прекрасный подарок он получил – возможность учиться у Альберто Аскари, будущего чемпиона Европы!

Пино снова обедал у Аскари, с удовольствием слушал разговор Альберто и его дядюшки о машинах. Затем они отправились в мастерскую и возились с «фиатом» Альберто чуть не до полуночи.

На следующее утро после ранней мессы они снова выехали на дорогу между Камподольчино и швейцарской границей. Аскари показывал Пино, как с выгодой использовать спуски и подъемы и по возможности предугадывать дальнейший путь, выбирать оптимальную скорость.

На последнем участке к перевалу Пино слишком быстро проходил слепой поворот и чуть не врезался в немецкий автомобиль-внедорожник под названием «кюбельваген»^[6]. Обе машины сманеврировали и ушли от столкновения, хотя и в последнюю секунду. Аскари оглянулся.

- Они разворачиваются! – сказал Альберто. – Жми!
- Может, лучше остановиться?
- Ты ведь хотел гонки, да?

Пино утопил педаль газа. «Фиат» Аскарри имел двигатель мощнее, чем у любой армейской машины, и динамичность была выше, а потому немецкая машина исчезла из виду еще до того, как они выехали из городка Изола.

– Господи боже, вот это класс! – сказал Пино, чье сердце все еще бешено колотилось.

- Правда? – со смехом сказал Аскарри. – Ничего у тебя не получилось.

Для Пино это прозвучало высшей похвалой; он в прекрасном настроении уходил в «Каса Альпина», пообещав вернуться в следующую пятницу. Подъем на Мотту был куда менее мучителен, чем спуск двумя днями ранее.

– Это хорошо, – сказал отец Ре, когда увидел мозоли, образующиеся на месте прежних волдырей.

И еще священника заинтересовал рассказ Пино о его уроках вождения.

- Сколько патрулей вы видели на дороге к перевалу Шплюген?

– Три, – сказал Пино.

– Но остановили вас только два?

– Третий попытался нас остановить, но не смог меня догнать.

– Не провоцируй их, Пино. Я говорю про немцев.

– Вы что имеете в виду?

– Я хочу, чтобы ты оставался незаметным, – сказал отец Ре. – А такая езда как раз делает тебя заметным, ты привлекаешь их внимание. Понимаешь?

Пино не понял – по крайней мере, не понял до конца, но он видел озабоченность в глазах священника и пообещал вести себя осторожнее.

На следующее утро отец Ре разбудил Пино задолго до рассвета.

– Еще один ясный день, – сказал он. – Хорошо для прогулки.

Пино застонал, оделся. Священник и завтрак ждали его в столовой. Отец Ре показал ему на карте хребет, который начинался в нескольких сотнях метров над «Каса Альпина» и, петляя, круто устремлялся к вершине Гропперы.

– Ты сможешь один или тебе понадобится проводник?

– Я был там как-то раз, – сказал Пино. – По-настоящему трудные участки вот здесь и здесь, а потом вот эта расщелина и эта узкая часть.

– Если ты доберешься до этой расщелины и решишь, что дальше тебе не по силам, то спускайся, – сказал отец Ре. – Развернись и спускайся. И

возьми трость. В сарае их несколько. Верь в помощь Господа, Пино, но и сам не плошай.

Глава седьмая

1

Пино отправился в путь с рассветом и двинулся прямо в сторону Гропперы. Трость помогала ему – он воспользовался ею, когда пересекал узкую речушку, а потом когда направился на юго-восток к острому хребту. Оторванные много тысяч лет назад от горы скальные пласты делали дорогу труднопроходимой, и он двигался медленно, пока не добрался до начала горного хребта.

Здесь все тропинки заканчивались, под ногами была голая скальная порода да изредка попадались пучки травы или какой-нибудь живучий кустик. Поскольку обе стороны хребта отвесно уходили вниз, Пино понимал, что ошибку он себе не может позволить. В тот единственный раз, когда он поднимался по хребту, – два года назад, – с ним были четыре других парня и проводник – друг отца Ре из Мадезимо.

Пино пытался вспомнить, как они поднимались по ряду разбитых ступенчатых пролетов и опасных карнизов, устремляющихся к основанию пика высоко над ними. На несколько мгновений его обуяли сомнения и тревога при мысли о том, что он, возможно, выбрал неправильный маршрут, но он заставил себя успокоиться, поверить своему чутью, рассматривать каждый отрезок пути по мере прохождения, а потом оценить весь маршрут при спуске.

Наиболее опасным пока был выход на сам гребень. Отшлифованная ветрами и скругленная колонна высотой около двух метров находилась в основании хребта и казалась непреодолимой. Но с южной стороны имелись трещины и неровности. Пино швырнул вверх свою трость, услышал, как она упала со стуком. Потом, цепляясь пальцами за трещины и вставляя носки ботинок в узкие уступы, он стал подниматься к трости. И скоро он, тяжело дыша, уже лежал на остром гребне. Выждав минуту-другую, он взял трость и поднялся на ноги.

Пино продолжил подъем, его движения обрели ритм, глаза читали петляющую плоскость гребня перед ним, отыскивая на ней наиболее легкий путь. Час спустя ему пришлось преодолеть еще одно опасное место. Многие тысячи лет назад каменные плиты здесь раскололись, заблокировав путь наверх и оставив лишь неровную канавку. Она имела ширину меньше

метра и такую же глубину и поднималась вверх извилистой расщелиной протяженностью от основания до карниза наверху почти восемь метров.

Пино постоял там несколько минут, чувствуя, как в нем нарастает тревога. Но прежде чем страх парализовал его, он услышал голос отца Ре, который советовал ему иметь веру в Бога, но и самому не плошать. Он развернулся на сто восемьдесят градусов, втиснулся в расщелину. Уперся в ее стенки руками и ногами. Теперь он смог карабкаться, имея одновременно три точки опоры, пока свободна рука, на большей высоте.

Поднявшись на шесть метров, он услышал клекот ястреба, выглянул из канавки, посмотрел вниз в направлении Мотты. Он теперь находился на сумасшедшей высоте, почувствовал приступ головокружения и чуть не потерял опору. Это испугало его до полусмерти. Он не мог позволить себе упасть. Падение означало гибель.

Имей веру.

Эта мысль подстегнула его, и он выбрался по расщелине на карниз, где вздохнул с облегчением и поблагодарил Бога за помощь. Когда силы вернулись к нему, он продолжил путь к юго-западному хребту. У хребта были отвесные склоны и узкая вершина – едва ли в метр шириной. Лавинные желоба вклинивались в оба склона хребта, ведущего к основанию скалистого пика Гропперы, который имел высоту около сорока метров и форму искривленного копыя.

Пино лишь взглянул на устремленный в небо зубец. Он пытался разглядеть, где под основанием пика сходятся многочисленные бровки и ребра, а когда нашел то, что искал, сердце снова усиленно застучало в его груди. Он закрыл глаза, сказал себе, что должен успокоиться и поверить. Потом перекрестился и двинулся дальше; он чувствовал себя канатоходцем, проходя между двух лавинных желобов, и не осмеливался взглянуть ни направо, ни налево, смотрел только вперед – туда, где ширина гребня увеличивалась.

Дойдя до конца, Пино обхватил руками каменный блок, выступающий из стены, словно обнял друга после долгой разлуки. Когда он почувствовал, что может идти дальше, то принялся подниматься по блокам, которые имели неправильную форму – почти как перевернувшаяся стопка кирпичей, только устойчивая, неподвижная, и он относительно легко смог подняться выше. Через четыре с половиной часа после ухода из «Каса Альпина» Пино добрался до основания зубца. Он посмотрел направо и увидел стальной трос, вделанный в скалу и натянутый горизонтально вдоль зубца на высоте груди, над карнизом шириной около восемнадцати сантиметров.

Его подташнивало при мысли о том, что ему предстоит, но он сделал несколько глубоких вдохов, прогнал нарастающее нервное возбуждение и ухватился за провисший трос. Носок его правого ботинка нащупал узкий карниз. Он вспомнил, как перебирался по карнизу из окна своей спальни. Как только эта мысль пришла ему в голову, он крепко ухватился за трос и пошел вдоль основания зубца.

Пять минут спустя Пино добрался до вершины широкого горного хребта, обращенного на юго-восток и покрытого янтарными зарослями лишайника, мха, эдельвейсами и альпийской астрой. Он лежал на спине, тяжело дыша под жарким полуденным солнцем. Это восхождение ничуть не напоминало то, которое он совершал с проводником, тридцать раз ходившим этим маршрутом, знавшим, куда поставить ногу, где ухватиться рукой. Оно стало самым трудным в его жизни. Пино постоянно приходилось думать, оценивать ситуацию, полагаться на веру, и он понял, насколько это утомительно, насколько труден этот поход.

Пино выпил воды, задумался.

«Но я сделал это. Сам прошел трудным путем».

Счастливый, более уверенный в себе, он поблагодарил Бога за этот день и за еду, после чего проглотил сандвич, приготовленный для него братом Бормио. Он с удовольствием обнаружил еще и штрудель. Ел его медленно, наслаждаясь каждым кусочком. Разве есть на свете что-нибудь вкуснее?

Пино сморил сон, он лег, закрыл глаза, понимая, что всё здесь: горы и небо, над которыми не властно время, – навсегда останется неизменным.

Его разбудил туман.

Пино посмотрел на часы, с удивлением осознал, что уже почти два. Собрались тучи. Пространство просматривалось не более чем на девяносто метров вниз по склону. Надев куртку, Пино пошел звериными и пастушьими тропами, направляясь на северо-восток. Час спустя он вышел на карниз вдоль дальней стороны северного амфитеатра Гропперы.

Ему потребовалось несколько попыток, чтобы найти тропинку, идущую по крутому внутреннему склону чаши, а потом серпантинном поднимавшуюся к тому месту, с которого он тремя днями ранее повернул назад. Он обернулся, оценил сделанный им путь. После всех преодоленных им опасностей увиденное не слишком поразило его.

Пино спустился по склону к Мадезимо, а потом вернулся к Мотте; к этому времени силы его были на исходе. Когда он добрался до «Каса Альпина», уже смеркалось. Отец Ре ждал в холле перед столовой, где сидели за книгами ребята, а в воздухе стоял великолепный запах последнего творения брата Бормио.

– Ты поздно, – сказал отец Ре. – Я не хочу, чтобы ты оставался там ночью.

– Я тоже не хотел спускаться с горы в темноте, но путь неблизкий, отец, – сказал он. – А подъем оказался труднее, чем мне помнилось.

– Но у тебя есть вера и ты можешь его повторить? – спросил священник.

Пино подумал о расщелине, об узком проходе между лавинными желобами, о тропе. Он не хотел бы оказаться на этом маршруте еще раз, но сказал:

– Да.

– Хорошо, – сказал отец Ре. – Очень хорошо.

– Отец, для чего я это делаю?

Священник внимательно посмотрел на него, потом сказал:

– Я хочу, чтобы ты стал сильным. Ты можешь понадобится через месяц-другой.

Пино хотел спросить его, для каких дел он может понадобится, но отец Ре уже отвернулся от него.

Два дня спустя священник послал Пино в Валь-ди-Леи через Пассо-Анджелого. А еще через день Пино шел маршрутом на северный амфитеатр и поднимался по козьей тропе почти до самой кромки. На третий день он пошел трудным маршрутом, но к этому времени уверенность его была так велика, что он потратил на час меньше, чем прежде, чтобы дойти до лавинных желобов.

Хорошая погода продержалась всю неделю, включая выходные – два дня уроков вождения. Памятуя о предупреждении отца Ре, они с Аскари не выезжали на дорогу к перевалу Шплюген, а ездили по петлям серпантина вокруг Мадезимо.

Днем в воскресенье они встретились с двумя знакомыми девушками Аскари в Камподольчино. Одна из них – Титьяна – была подружкой Аскари, а другая – Фредерика – подружкой Титьяны. Она была ужасно застенчива и почти не смотрела на Пино, который хотел, чтобы она ему понравилась, но все время вспоминал Анну. Он понимал, что думать о ней – безумие. Он говорил с ней всего три минуты, а не видел вот уже почти четыре месяца. К тому же она не пришла к нему на свидание. Она

стала его навязчивой фантазией, историей, которую он рассказывал себе, когда чувствовал одиночество или неуверенность в будущем.

Когда в первую неделю октября 1943 года Пино вернулся в «Каса Альпина» после трех дней трудных восхождений, его одолевали усталость и голод. Он съел две миски спагетти-бормио, выпил несколько кружек воды и только после этого смог поднять голову и оглядеть столовую.

Все ребята сидели на своих местах. Миммо начальствовал над ними по другую сторону стола. А отец Ре развлекал гостей – двоих мужчин и женщину. У мужчины помоложе были соломенные волосы. Его рука лежала на плече женщины с бледной кожей и темными озабоченными глазами. На усатом мужчине постарше был костюм без галстука, он курил. Он много кашлял, его пальцы тихонько постукивали по столешнице, когда говорил священник.

Пино сонно подумал, кто бы это мог быть. В конечном счете в «Каса Альпина» нередко заглядывали гости. Часто приезжали родители. Альпинисты искали здесь прибежище во время метелей. Но эти трое не походили на альпинистов. На них была городская одежда.

Пино отчаянно хотелось спать, но он знал, что должен сначала поговорить с отцом Ре. Он пытался собраться с силами и сидел за книгами, когда пришел священник и сказал:

– Ты заслужил день отдыха завтра. Сегодня можешь оставить занятия. Договорились?

Пино улыбнулся и кивнул. Он не помнил, как добрался до кушетки, как лег.

Когда он наконец проснулся, стоял день, в окно в конце коридора заглядывало солнце. Миммо не было. Других мальчиков тоже. Войдя в столовую, Пино никого там не увидел, кроме тех троих гостей, которые в другом конце комнаты о чем-то оживленно переговаривались шепотом.

– Мы больше не можем ждать, – говорил молодой мужчина. – Все становится только хуже. Пятьдесят человек в Мейне! Мы сейчас говорим, а они проводят рейды в Риме.

– Но ты сказал, что мы в безопасности, – взволнованно проговорила женщина.

– Здесь мы в безопасности, – сказал он. – Отец Ре – хороший человек.

– Но надолго ли? – спросил тот, что постарше, закуривая новую

сигарету.

Женщина увидела, что Пино смотрит в их сторону, дала знак мужчинам, и они замолчали. Брат Бормио принес Пино кофе, хлеб и салями. Гости ушли из столовой, и он почти не вспоминал о них весь день, который провел у огня за книгой.

Когда Миммо и остальные ребята вернулись с долгой прогулки, уже почти подошло время обеда, и Пино чувствовал себя не только отдохнувшим, но и в отличной физической форме, в какой еще никогда не был. При таких нагрузках и немалом количестве кулинарных творений брата Бормио, которые поглощал Пино, он каждый день прибавлял в весе и укреплял мышцы.

– Пино, – позвал отец Ре, когда Миммо и другие мальчики расставили тарелки и приборы на длинном столе.

Пино отложил в сторону книгу и поднялся со стула:

– Да, отец?

– После десерта зайди ко мне в часовню.

Пино пребывал в недоумении. Часовня редко использовалась для чего бы то ни было, если не считать небольшого воскресного богослужения, обычно на рассвете. Но он подавил свое любопытство, сел за стол, шутил с Миммо и другими ребятами, а потом увлек их рассказом об опасностях трудного пути на Гропперу.

– Один неверный шаг – и все кончено, – сказал он.

– Я бы смог, – хвастливо ответил Миммо.

– Начни делать приседания, отжимания и подтягивания, и ты наверняка сможешь.

Этот вызов воодушевил Миммо, и Пино не сомневался: теперь его брат станет фанатом физических упражнений.

Убрали посуду, и Миммо спросил Пино, не хочет ли он поиграть в карты. Пино отказался – его ждал в часовне отец Ре.

– А зачем? – спросил Миммо.

– Вот там и узнаю, – сказал Пино, беря шерстяную шапочку с вешалки у двери. Он надел ее и вышел в темноту.

Температура упала ниже точки замерзания воды. С неба светила четвертушка луны, сверкали, как фейерверк, звезды. Северный ветер в преддверии зимы покусывал Пино за щеки, пока он шел к часовне,

расположенной за хвойной рощицей на краю плато.

Он нащупал ручку двери и вошел в часовню, где горели четыре свечи. Отец Ре стоял коленями на скамеечке и молился, склонив голову. Пино тихонько закрыл дверь часовни и сел. Несколько секунд спустя священник перекрестился, поднялся, опираясь на посох, подошел, прихрамывая, к Пино и сел рядом.

– Как ты думаешь, ты смог бы пройти большую часть маршрута до Валь-ди-Леи в темноте? – спросил отец Ре. – Только при свете луны?

Пино подумал и сказал:

– Не по амфитеатру, но до него, пожалуй, смог бы.

– И сколько на это потребуется времени?

– Может быть, лишний час. А что?

Отец Ре глубоко вздохнул и сказал:

– Я молился о том, чтобы получить ответ на этот вопрос, Пино. Как бы я хотел, чтобы ты оставался в неведении, чтобы не возникало осложнений, чтобы ты сосредоточился на своих занятиях, и ничего более. Но Господь не делает жизнь простой. Мы не можем молчать. Мы не можем бездействовать.

Пино пребывал в недоумении.

– Я не понимаю, отец.

– Три человека, которых ты видел за обедом сегодня. Ты говорил с ними?

– Нет, – ответил Пино. – Только слышал, как они говорили что-то о Мейне.

Отец Ре помрачнел, на его лице появилось скорбное выражение.

– Две недели назад в одном из отелей в Мейне прятались более пятидесяти евреев. Полковник Рауфф, шеф миланского гестапо, послал туда эсэсовцев. Те нашли евреев, связали их и сбросили в озеро Маджиоре, а для надежности открыли по ним огонь из автоматов.

Пино почувствовал, как у него желудок завязывается узлом.

– Как? За что?

– За то, что они евреи.

Пино знал, что Гитлер ненавидит евреев. Он даже знал итальянцев, которые не любили евреев и говорили о них с пренебрежением. Но чтобы хладнокровно их убивать? Из-за их религии? Это было хуже любого варварства.

– Я не понимаю.

– И я тоже не понимаю, Пино. Но сейчас ясно одно: евреям в Италии грозит смертельная опасность. Я сегодня утром говорил об этом по

телефону с кардиналом Шустером.

Кардинал рассказал отцу Ре, что после бойни в Мейне нацисты потребовали у евреев, проживающих в римском гетто, собрать за тридцать шесть часов пятьдесят килограммов золота, обещая им за это безопасность. Евреи собрали золото – свое и то, что дали им многие католики. Но, получив золото, немцы совершили налет на синагогу и нашли там список всех римских евреев.

Священник замолчал, его лицо исказила гримаса боли.

– Кардинал Шустер говорит, что немцы перевели сюда специальную эсэсовскую команду, которая будет вылавливать евреев по этому списку.

– И зачем? – спросил Пино.

– Чтобы убить. Всех.

До этой минуты Пино и представить себе такого не мог в худших своих фантазиях.

– Это... зло.

– Да, – подтвердил отец Ре.

– А откуда кардиналу Шустеру известно обо всем этом?

– От папы, – ответил отец Ре. – Его святейшество сообщил кардиналу Шустеру, что ему об этом сказал немецкий посол в Ватикане.

– И папа не может это остановить? Сообщить всему миру?

Отец Ре опустил взгляд, сжал руки так, что побелели костяшки пальцев.

– Его святейшество, Ватикан окружены танками и войсками СС. Если папа заговорит сейчас, для него это будет равносильно самоубийству, а за этим последуют вторжение и уничтожение Ватикана. Но он втайне сообщил об этом своим кардиналам. Через них он отдал всем католикам Италии словесный приказ открывать свои двери тем, кто ищет убежища от нацистов. Мы, если у нас есть такая возможность, должны прятать евреев и способствовать их бегству.

Пино почувствовал, как учащенно забилося его сердце.

– Бегству куда?

Отец Ре поднял взгляд:

– Ты когда-нибудь доходил до дальнего конца Валь-ди-Леи по другую сторону Гропперы, за озером?

– Нет.

– Там есть треугольник густого леса, – сказал священник. – На первых двух сотнях метров в этом треугольнике деревья и земля принадлежат Италии. Но потом итальянские владения сужаются, и ты оказываешься на нейтральной швейцарской земле, в безопасности.

Теперь испытания последних двух недель предстали перед Пино в ином свете, он почувствовал прилив сил, осознав важность миссии, которую ему поручили.

– Вы хотите, чтобы я стал их проводником, отец? – спросил Пино. – Этих трех евреев?

– Трех возлюбленных чад Господа, – сказал отец Ре. – Ты поможешь им?

– Конечно. Да.

Священник положил руку на плечо Пино:

– Я хочу, чтобы ты понимал: ты будешь рисковать жизнью. По новым немецким правилам помощь евреям рассматривается как измена и карается смертной казнью. Если тебя поймут, то велика вероятность, что убьют.

Пино, потрясенный, проглотил комок в горле, но посмотрел на отца Ре и сказал:

– Разве вы не рискуете жизнью, принимая их в «Каса Альпина»?

– И жизнями мальчиков, – сказал священник с трагизмом в голосе. – Но мы должны помогать людям, спасающимся от немцев. Так считает папа. Так считает кардинал Шустер. И я.

– И я, отец, – сказал Пино; эмоции захлестнули его, как никогда прежде, он словно собирался исправить страшное зло, пришедшее в мир.

– Хорошо, – сказал отец Ре. Глаза его блеснули. – Я верю, что ты хочешь помочь.

– Хочу, – сказал Пино, проникаясь еще большей уверенностью. – Мне тогда лучше пойти спать.

– Я тебя разбужу в четверть третьего. В половине третьего брат Бормио покормит тебя. В три вы покинете «Каса Альпина».

Пино вышел из часовни. Он чувствовал, что вошел в нее мальчиком, а вышел, приняв решение, мужчиной. Его пугало наказание за помощь евреям, но он все равно горел желанием помочь им.

Он постоял перед «Каса Альпина», прежде чем войти, посмотрел на северо-восток, на склон Гропперы, проникаясь осознанием того, что на нем теперь лежит ответственность за три человеческие жизни. Молодая пара. Курильщик. Успех последнего этапа их побега зависит от него.

Пино посмотрел за массивные очертания Гропперы на фоне звездного неба и в черную пустоту за ней.

– Господи, помоги мне, – прошептал он.

Глава восьмая

1

Пино проснулся и оделся за десять минут до прихода отца Ре. Брат Бормио приготовил овсянку с кедровыми орешками и сахаром, подал вяленое мясо и сыры. Курильщик и молодая пара уже ели, когда подошел отец Ре и положил руки на плечи Пино.

– Это ваш проводник, – сказал священник. – Его зовут Пино. Он знает дорогу.

– Такой молодой, – сказал курильщик. – Нет никого постарше?

– Пино очень опытный и хорошо знает горы, а в особенности эту гору, – сказал отец Ре. – Я уверен, он выведет вас туда, куда вам надо. Или вы можете поискать другого проводника. Но должен вас предупредить: попадаются такие, которые могут взять у вас деньги, а потом сдать нацистам. Нас здесь интересует только одно: чтобы вы нашли безопасную гавань.

– Мы пойдем с Пино, – сказал молодой.

Женщина кивнула.

Тот, что постарше, курильщик, все еще сомневался.

– Как вас зовут? – спросил Пино, пожимая руку младшему.

– Называйте те имена, что вам дали, – сказал отец Ре. – Те, что в ваших бумагах.

– Мария, – сказала женщина.

– Рикардо, – представился ее муж.

– Луиджи, – сказал курильщик.

Пино сел есть вместе с ними. «Мария» была любезна и забавна. «Рикардо» работал учителем в Генуе. «Луиджи» продавал сигары в Риме. В какой-то момент Пино заглянул под стол и увидел, что, хотя специальных ботинок ни на ком из них не было, их обувь казалась достаточно прочной.

– Дорога опасная? – спросила Мария.

– Делайте то, что я вам буду говорить, и все будет в порядке, – сказал Пино. – Пять минут?

Они кивнули. Он встал, собрал тарелки, отнес их отцу Ре и сказал тихим голосом:

– Отец, не проще ли будет, если я поведу их в Валь-ди-Леи через

Пассо-Анджелого?

– Это было бы проще, – сказал отец Ре. – Но мы пользовались этим маршрутом несколько недель назад, и я не хочу привлекать внимания.

– Не понимаю, – сказал Пино. – Кто пользовался?

– Джованни Барбарески, семинарист, – ответил отец Ре. – Перед твоим приездом из Милана здесь была другая пара, с дочерью, – они пытались бежать. Мы с Барбарески составили план. Он повел семью и двадцать мальчиков, включая Миммо, в дальний поход через Пассо-Анджелого на Валь-ди-Леи. У них был пикник между дальней стороной озера и лесом. В поход отправились двадцать четыре человека, вернулся двадцать один.

– Никто не должен заметить разницы, – понимающе сказал Пино. – В особенности если видел их издалека.

Отец Ре кивнул:

– Именно на это и был расчет, но посылать такие большие группы, особенно в преддверии зимы, неразумно.

– Чем меньше, тем лучше, – сказал Пино и оглянулся через плечо. – Отец, я сделаю все возможное, чтобы нас никто не заметил, но есть несколько мест, где не будет никакого укрытия.

– Включая и всю протяженность Валь-ди-Леи, что особенно опасно для тебя, потому что возвращаться ты будешь по открытому пространству. Но пока немцы патрулируют только дороги и не ведут наблюдений за границей с воздуха, опасаться тебе нечего.

Отец Ре удивил Пино, обняв его.

– Иди, Господь будет с тобою на каждом шаге твоего пути.

Брат Бормио помог Пино надеть рюкзак. Четыре литра воды. Четыре литра сладкого чая. Еда. Веревка. Карта. Куртка. Шерстяной свитер и шапочка. Спички и растопка, чтобы развести огонь в маленькой металлической канистре. Нож. Топорик.

Этот груз тянул на двадцать, может быть, двадцать пять килограммов, но Пино ходил в горы с грузом на спине с первого дня в «Каса Альпина». Особых неудобств он не испытывал и полагал, что отец Ре к этому и стремился. Конечно стремился – ведь священник планировал это не одну неделю.

– Идем, – сказал Пино.

Четверо вышли в прохладную осеннюю ночь. Небо было кристально

чистым, луна все еще стояла высоко на юге, освещая западный склон Гропперы. Пино повел их сначала вниз, по гужевой дороге, чтобы на них не падал свет газовой лампы у школы. Потом он остановился, чтобы их глаза привыкли к темноте.

– Мы теперь будем говорить только шепотом, – тихим голосом сказал Пино и показал на гору. – Там есть места, где эхо распространяется далеко-далеко, поэтому мы будем вести себя тихо, как мыши.

Он увидел, что они кивнули. Луиджи чиркнул спичкой и закурил сигарету.

Пино огорчился, но тут же понял, что должен взять бразды правления в свои руки. Он подошел к курильщику и прошипел:

– Немедленно погасите. Любое пламя видно за сотни метров, а в бинокль – и еще дальше.

– Мне необходимо курить, – сказал Луиджи. – Это меня успокаивает.

– Только с моего разрешения. Или вы пойдете назад искать другого проводника, а я поведу только двоих.

Луиджи сделал последнюю затяжку, уронил окурок и затоптал его.

– Ведите, – проговорил он с неприязнью.

Пино сказал, что они должны полагаться на свое периферийное зрение, и повел их по тускло освещенному плато на север. Они обходили основание склона, пока плато не сузилось до козырька шириной около пятидесяти сантиметров над отвесными скалами. Он достал веревку, сделал на ней четыре поясные петли через каждые три метра.

– Но и с веревкой я прошу вас держаться правой рукой за стену или кусты, которые на ней растут, – сказал Пино. – Если нащупаете что-то, за что можно ухватиться, попробуйте, насколько прочно оно укоренилось, выдержит ли вас. Но лучше всего ставьте ноги и руки туда же, куда и я. Я понимаю, сейчас темно, но по силуэту вам будет видно, что я делаю.

– Я пойду за вами, – сказал Рикардо. – Мария, ты за мной.

– Ты уверен? – спросила Мария. – Пино?

– Рикардо, вашей жене будет легче, если вы пойдете за ней. Мария пойдет третьей, а следом за мной – Луиджи.

Это не понравилось Рикардо. Он возвысил голос:

– Но я...

– Так безопаснее для нее и для всех нас – самые сильные в начале и в конце, – гнул свое Пино. – Или вы знаете об этих горах и альпинизме больше, чем я?

– Делай, что он говорит, – сказала Мария. – Сильнейшие в начале и в конце.

Пино чувствовал, что Рикардо в затруднении, он раздражен из-за того, что им командует семнадцатилетний мальчишка, но в то же время польщен тем, что его называли сильнейшим.

– Хорошо, – сказал он. – Буду якорем.

– Perfetto^[7], – сказал Пино, когда все надели на себя поясные петли.

Он приложил правую руку в перчатке к скальной стене, и они двинулись дальше. Хотя козырек был по большей части достаточно широк, Пино представлял себе, что дорожка на пятнадцать сантиметров уже, и жался к стене. Сорваться с козырька – вот худшее, что могло случиться с кем-нибудь из них. Если повезет, то массы трех остальных должно хватить, чтобы удержаться на карнизе. А если не повезет, то первый потянет за собой второго, а потом третьего. Крутизна склона под ними составляла почти сорок градусов. Острые камни и альпийские кусты искалечат их, если они свалятся вниз.

Он вел их кошачьим шагом, осторожно, крадучись, легко и уверенно. Почти час они шли без всяких приключений, пока не оказались приблизительно над Мадезимо, и тут Луиджи начал кашлять и плевать. Пино был вынужден остановиться.

– Синьор, – прошептал он. – Я знаю, вы ничего не можете с этим поделать, но кашляйте в рукав, если не можете сдержаться. Деревня прямо под нами, и мы не можем допустить, чтобы нас услышали не те уши.

Торговец сигарами проговорил:

– Сколько еще?

– Расстояние не имеет значения. Думайте о вашем следующем шаге.

Они прошли еще пятьсот метров, склоны стали менее крутыми, а карниз шире.

– Худшее уже позади? – спросил Луиджи.

– Пока было лучшее, – ответил Пино.

– Что? – в тревоге воскликнула Мария.

– Я шучу, – ответил Пино. – Это был худший участок.

К рассвету они поднимались по альпийским лугам высоко над Мадезимо. Альпийская трава, напоминавшая прежде Пино волосы Анны, теперь осталась без семян и умирала. Пино оглянулся, посмотрел на неровные вершины за долиной с другой стороны. Подумал, нет ли там в горах немецких солдат, которые с биноклями наблюдают за склоном

Гропперы. Пино считал это маловероятным, но повел тройку беженцев к краю лугов, где они могли подняться под прикрытием деревьев и редких кустов можжевельника, за которыми, впрочем, едва ли можно было укрыться.

– Нам теперь нужно идти быстрее, – сказал он. – Когда солнце будет за пиком, тени в чаше нам помогут. Но вскоре солнце будет освещать нас.

Направляясь в чашу северного амфитеатра, Рикардо и Мария не отставали от Пино. Курильщик Луиджи плелся сзади, пот катился по его лицу, грудь его вздымалась. Пино пришлось дважды возвращаться к нему, когда они шли по полю, усеянному валунами, принесенными ледником и завалившими древний путь к задней стене чаши.

Пино и молодая пара сели передохнуть в ожидании торговца сигарами. Когда он лег рядом с Пино на плоский валун и застонал, Пино ощутил резкий табачный запах.

Пино достал сладкий чай, вяленое мясо и хлеб. Луиджи проглотил свою порцию. Молодые супруги тоже поели. Пино дождался, когда они закончат, потом поел и попил, но меньше, чем его спутники. Ему еще нужно было перекусить на обратном пути.

– Куда теперь? – спросил Луиджи, словно только теперь увидел, где находится.

Пино показал на козью тропу, которая зигзагами уходила вверх по склону. У Луиджи челюсть отвисла.

– Мне этого не осилить.

– Осилите, – сказал Пино. – Делайте то, что буду делать я.

Луиджи всплеснул руками:

– Нет, я не могу. Я не пойду туда. Оставьте меня здесь. Смерть настигнет меня рано или поздно, что бы я ни делал, пытаюсь ее предотвратить.

Несколько секунд Пино не знал, что ему делать. Наконец он спросил:

– Кто сказал, что вы умрете?

– Немцы, – ответил курильщик, закашлявшись. Потом он показал на тропинку. – А эта тропинка говорит мне, что Господь желает моей смерти скорее рано, чем поздно. Но я не пойду туда, чтобы свалиться вниз и в последние мгновения жизни лететь по этим камням. Я сяду здесь, буду курить и ждать смерти. Это место меня устраивает.

– Нет, вы пойдете с нами, – сказал Пино.

– Я остаюсь, – непреклонно сказал Луиджи.

Пино проглотил комок в горле и сказал:

– Отец Ре велел мне довести вас до Валь-ди-Леи. Ему не понравится,

если он узнает, что я оставил вас. Поэтому вы пойдете. Со мной.

– Ты не сможешь заставить меня, мальчик, – сказал Луиджи.

– Вы заблуждаетесь – смогу, – сердито сказал Пино и быстро подошел к Луиджи. – И сделаю это.

Он наклонился над курильщиком, глаза которого широко раскрылись. Даже в свои семнадцать Пино был гораздо крупнее Луиджи. Он видел на лице торговца сигарами страх, когда тот снова оглядел крутую стену амфитеатра.

– Неужели ты не понимаешь? – сказал он устало. – Я просто не могу. Я не верю, что мне это по силам...

– Но я верю, – сказал Пино, стараясь говорить грозным голосом.

– Прошу тебя.

– Нет, – сказал Пино. – Я обещаю, что вы преодолеете подъем и окажетесь в Валь-ди-Леи, даже если для этого мне придется вас нести.

Решительное выражение лица Пино, казалось, убедило Луиджи. Дрожащими губами он пробормотал:

– Обещаешь?

– Обещаю, – сказал Пино и пожал Луиджи руку.

Ему пришлось снова обвязать их веревкой в прежнем порядке: за ним Луиджи, потом Мария, потом ее муж.

– Ты уверен, что я не упаду? – спросил продавец сигар. – Я в жизни ничего похожего не делал. Я... всегда жил в Риме.

– Но ведь вы ходили по римским руинам? – сказал Пино.

– Да, но...

– По крутым узким ступеням Колизея?

Луиджи кивнул:

– Много раз.

– Это ничуть не труднее.

– Труднее.

– Нет, – возразил Пино. – Представьте себе, что вы в Колизее, ходите туда-сюда по ступенькам между рядами. Все будет в порядке.

Луиджи, казалось, все еще одолевали сомнения, но он не стал противиться, когда Пино двинулся по первому отрезку. Пино на ходу переговаривался с курильщиком, говорил, что позволит ему выкурить две сигареты, когда они доберутся до вершины, и советовал постоянно прикасаться пальцами к склону.

– Не спешите, – сказал он. – Смотрите перед собой, а не вниз.

Когда склон стал почти отвесным, Пино отвлекал Луиджи историей о том, как он с братом пережил первую бомбардировку в Милане и как,

вернувшись домой, они обнаружили, что там играет музыка.

– Твой отец мудрый человек, – сказал торговец сигарами. – Музыка. Вино. Сигара. Маленькие радости жизни – вот что помогает нам выжить, когда разум отказывается принимать происходящее.

– Кажется, вы много размышляете в вашем магазине, – сказал Пино, отирая пот с глаз.

Луиджи рассмеялся.

– Много размышляю. Много говорю. Много читаю. Это... – Радость ушла из его голоса. – Это был мой дом.

4

Они уже достигли верха стены амфитеатра, и теперь их ждал самый трудный участок восхождения, когда нужно было пройти по V-образной расщелине с резким поворотом на два метра вправо, потом с таким же резким поворотом на три метра влево. Трудность тут была скорее психологическая, потому что карниз в расщелине был достаточной ширины. Но тридцатиметровая высота, если смотреть вниз слишком долго, могла поколебать уверенность даже опытного альпиниста.

Пино решил не предупреждать их, он продолжил разговор с торговцем:

– Расскажите о вашем магазине.

– Превосходный был магазин, – сказал Луиджи. – Рядом с площадью Испании, у основания Испанской лестницы. Знаешь этот район?

– Я был на Испанской лестнице, – сказал Пино, радуясь тому, что Луиджи без колебаний последовал за ним. – Отличный район, много хороших магазинов.

– Замечательное место для бизнеса, – сказал Луиджи.

Пино уже шел по второму отрезку V-образного поворота. Они с торговцем теперь двигались по противоположным сторонам расщелины. Если Луиджи посмотрит вниз, то непременно сейчас. И Пино, увидев, что Луиджи поворачивает голову, чтобы посмотреть себе под ноги, сказал:

– Опишите мне ваш магазин.

Взгляд Луиджи обратился к Пино.

– Полированные полы и прилавки, – сказал он, усмехаясь и легко преодолевая поворот. – Мягкие кожаные кресла. И восьмиугольный хьюмидор^[8] – мы с моей покойной женой сами его спроектировали.

– Наверняка там стоял хороший запах.

– Самый лучший. Мне поставляли сигары и табак со всего света. И сушеную лаванду, мяту и Сен-Сен^[9]. И великолепный бренди для моих лучших клиентов. Сколько у меня было хороших и преданных клиентов! По большому счету они были моими друзьями. До недавнего времени магазин был чем-то вроде клуба. Даже поганые немцы заходили ко мне.

Они уже преодолели расщелину и теперь снова поднимались по диагонали к кромке хребта.

– Расскажите мне о вашей жене, – сказал Пино.

Последовала короткая пауза, Пино ощутил, как натянулась веревка. Наконец Луиджи сказал:

– Я не знал таких красавиц, как моя Руфь. Мы познакомились, когда нам было по двенадцать. Я так никогда и не узнаю, почему она выбрала меня. Как выяснилось, детей у нас не могло быть, но мы прожили двадцать прекрасных лет, а потом она заболела. Слабела с каждым днем. Доктора сказали, что у нее перестала работать пищеварительная система, и в конечном счете она умерла от отравления.

Пино с болью вспомнил о синьоре Белтрамини – как там она, подумал он, как Карлетто, как его отец?

– Прискорбно, – сказал Пино, поднимаясь на кромку.

– Уже шесть лет прошло, – сказал Луиджи.

Пино помог забраться наверх ему, а потом супружеской паре. Затем хлопнул торговца сигарами по спине и сказал:

– Ну, что я вам говорил? Мы на вершине.

– Что? – сказал Луиджи, недоуменно оглядываясь. – Уже?

– Уже, – ответил Пино.

– Да, не так уж и страшно, – сказал Луиджи и с облегчением посмотрел на небо.

– Я же вам говорил. Пройдем еще немного, а там отдохнем. Я хочу сначала показать вам кое-что.

Он провел их в то место, откуда они могли увидеть противоположный склон Гропперы.

– Добро пожаловать в Валь-ди-Леи, – сказал он.

Склон альпийской долины был совсем не так крут, как склон горы, и покрыт низким из-за горных ветров кустарником, листья на котором обретали уже цвета ржавчины, оранжевый и желтый. В дальней от них части долины они видели озеро. Менее чем две сотни метров в ширину и, вероятно, восемьсот метров в длину – альпийское озеро, вытянутое с севера на юг к треугольнику леса, о котором говорил отец Ре.

Обычно поверхность озера отливала серебристой голубизной, но в тот

день оно отражало пламенеющие цвета осени. За озером поднималась стена, далеко уходящая на юг к Пассо-Анджелого и каменной пирамиде, у которой Пино повернул назад во время первого своего похода. Они двинулись вниз по звериной тропе, проходившей вдоль ручейка, питавшегося от ледника на высоких вершинах.

«Я сделал это, – думал Пино, чувствуя себя счастливым и довольным. – Они слушались меня, и я провел их через Гропперу».

– В жизни не видела ничего красивее, – сказала Мария, когда они добрались до озера. – Просто невероятно. Ощущение...

– Свободы, – сказал Рикардо.

– Момент, которым нужно насладиться, – сказал Луиджи.

– Мы уже в Швейцарии? – спросила Мария.

– Почти, – ответил Пино. – Мы доберемся вон до того леска, а там граница совсем рядом.

Пино никогда не заходил дальше озера, поэтому вошел в лес не без опаски. Но он помнил слова отца Пе о том, как найти тропинку, и вскоре обнаружил ее.

Густая хвойная роща напоминала лабиринт. Воздух здесь был прохладнее, земля – мягче. Они пробыли в пути уже почти шесть с половиной часов, но никто не выглядел усталым.

Сердце Пино начинало биться быстрее, когда он думал о том, что вывел этих людей в Швейцарию. Он помог им избежать...

Из-за дерева в трех метрах впереди вышел крупный бородатый человек и прицелился из двустволки в лицо Пино.

Глава девятая

1

Пино в ужасе вскинул руки. Как и трое его подопечных.

– Прошу вас... – начал Пино.

Человек, не опуская ружья, прорычал:

– Кто вас прислал?

– Отец, – пробормотал Пино. – Отец Ре.

Прошла, казалось, вечность, прежде чем человек, внимательно осмотрев всех, опустил ружье.

– Такие уж дни настали – мы должны быть осторожны.

Пино опустил руки. Он почувствовал тошноту, слабость в ногах. Холодный пот выступил на спине. Никогда прежде он не стоял под дулом ружья.

– Вы поможете нам, синьор?.. – спросил Луиджи.

– Меня зовут Бергстром, – сказал человек. – Дальше вас поведу я.

– Куда? – озабоченно спросила Мария.

– Через перевал Эмет в швейцарскую деревню Иннерферрера, – сказал Бергстром. – Вы в безопасности, а там мы подумаем, куда отправить вас дальше. – Бергстром кивнул Пино. – Мой привет отцу Ре.

– Непременно передам, – пообещал Пино, потом повернулся к своим подопечным. – Удачи вам.

Мария обняла его. Рикардо пожал ему руку. Луиджи вытащил из кармана маленькую металлическую трубку с винтовым колпачком. Протянул ее Пино.

– Кубинская, – сказал он.

– Я не могу ее взять.

Луиджи посмотрел на него обиженно:

– Ты думаешь, я не знаю, как ты провел меня по последнему отрезку? Такую отличную сигару редко встретишь, и я отдаю ее не с легким сердцем.

– Спасибо, синьор, – сказал Пино. Он улыбнулся и взял сигару.

Бергстром сказал Пино:

– Залог твоей безопасности – невидимость. Будешь выходить из леса – сначала осмотришь. Огляди склоны и долину, прежде чем идти дальше.

– Непременно.

– Ну, мы уходим, – сказал Бергстром и развернулся.

Луиджи похлопал Пино по спине и пошел за Бергстромом. Рикардо улыбнулся ему. Мария сказала:

– Желаю счастья, Пино.

– И вам тоже.

– Надеюсь, подъемов больше не будет, – услышал Пино слова Луиджи, обращенные к Бергstromу, когда они исчезали за деревьями.

– Спускаться – это вам не подниматься, – ответил Бергстром.

После этого до Пино доносились только хруст веток под ногами или звук падения камня, а потом и это стихло, лишь ветер шелестел в елях. Хотя и переполненный радостью, Пино вдруг странным образом и очень остро испытал чувство одиночества, когда развернулся и пошел в сторону Италии.

Пино сделал все, как советовал ему Бергстром. Он остановился, не выходя из леса, оглядел долину, склоны над ней. Убедившись, что там никого нет, вышел из леса. Его часы показывали почти полдень. Он был в пути уже девять часов и очень устал.

Отец Ре предвидел его усталость и советовал не пытаться вернуться в тот же день. Он советовал ему идти на юго-запад в старую пастушью лачугу, несколько таких было в горах, и провести ночь там. В этом случае Пино вернулся бы в «Каса Альпина» следующим утром.

Пино шел на юг по Валь-ди-Леи и чувствовал себя прекрасно. Они сделали это. Отец Ре и все остальные, которые помогали беженцам добраться до «Каса Альпина». Их команда сегодня спасла троих людей от смерти. Они тайно сражались с нацистами и победили.

К удивлению Пино, переполнявшие его эмоции добавили ему сил, освежили его. Он решил не оставаться в хижине на ночь, а добраться до Мадезимо, переночевать в гостинице и повидаться с Альберто Аскарри. Уже у самого хребта Пино остановился, чтобы дать отдых ногам и перекусить.

Покончив с едой, он оглянулся на Валь-ди-Леи и увидел четыре крохотные фигурки,двигающиеся на юг вдоль скал над озером. Пино приставил ко лбу руку, сложенную козырьком. Поначалу он ничего не разглядел, потом увидел, что они все вооружены.

Тошнотворный клубок завязался у него в желудке. Неужели они

заметили, как он зашел в лес с тремя людьми, а вышел один? Немцы ли это? Почему они оказались здесь – среди этого безлюдья?

У Пино не было ответов на эти вопросы, и они продолжали беспокоить его и тогда, когда четверо людей исчезли из виду. В деревню он пришел около четырех часов. Недалеко от гостиницы играла группа мальчишек, включая и его маленького друга Никко, сына хозяина. Пино собирался войти в гостиницу и спросить про комнату, когда увидел спешащего к нему и явно расстроенного Альберто Аскарри.

– Сюда вечером приходила группа партизан, – сказал Аскарри. – Они сказали, что борются с немцами, но спрашивали о евреях.

– О евреях? – переспросил Пино и отвернулся. Никко присел в высокой траве и подобрал что-то, похожее на большое яйцо. – И что вы им сказали?

– Сказали, что нет здесь евреев. Почему, ты думаешь, они...

Никко поднял яйцо, чтобы показать друзьям. За долю секунды до того, как сила взрыва ударила Пино, словно мул копытом, яйцо сверкнуло пламенем.

Он чуть не упал, но с трудом сохранил равновесие, хотя и чувствовал себя дезориентированным и толком не понимал, что произошло. В ушах у него звенело, он слышал ребячьи крики. Пино бросился к ним. Те ребята, что находились рядом с Никко, теперь лежали на земле. Одному оторвало руку. У другого на месте глаз были кровавые впадины. Часть лица Никко и большая часть правой руки отсутствовали. Из его тела кровь била фонтаном.

Пино в панике подобрал Никко, увидел, как закатились глаза мальчика, и бросился к гостинице навстречу отцу и матери, которые выскочили из дверей. У мальчика начались судороги.

– Нет! – закричала мать. Она взяла сына на руки. Тело опять забилося в конвульсиях, а потом обмякло на ее руках. – Нет! Никко! Никко!

Оцепенев от ужаса, Пино смотрел, как рыдающая мать Никко опустилась на колени, положила на землю мертвое тело сына и накрыла его своим, словно склонилась над его люлькой, когда он был младенцем. Пино долго стоял там в онемении перед этим зрелищем скорби. Опустив взгляд, он заметил, что его одежда в крови. Оглянувшись, увидел жителей деревни, которые бросились к другим детям, хозяин гостиницы пустыми глазами смотрел на жену и мертвого сына.

– Простите. Я не смог его спасти, – пробормотал Пино.

– Это не твоя вина, Пино, – ровным голосом проговорил синьор Конте. – Видимо, партизаны, приходившие прошлым вечером... Но кто бы

стал оставлять гранату там, где?.. – Он помотал головой. – Ты можешь позвать отца Ре? Отпеть моего Никко?

Хотя он был на ногах с середины ночи и проделал почти двадцать три километра по гористой местности, Пино решил бегом преодолеть расстояние до «Каса Альпина», словно скорость могла снять напряжение от жестокости, свидетелем которой он был. Но на полпути он вынужден был остановиться. Запах крови на его одежде, яркие воспоминания о хвастовстве Никко, который говорил, что катается на лыжах лучше Пино, огненная вспышка... Пино согнулся пополам, и его вырвало.

Он, рыдая, преодолел оставшийся путь до Мотты, когда на землю опустились сумерки.

3

Когда Пино добрался до «Каса Альпина», его лицо посерело, он был измотан. При виде Пино, вошедшего в столовую, отец Ре был потрясен.

– Я же тебе говорил переночевать... – начал было отец Ре, но потом увидел окровавленную одежду Пино и поднялся на ноги. – Что случилось? С тобой все в порядке?

– Нет, отец, – ответил Пино и, не скрывая слез, рассказал священнику о том, что произошло. – Зачем кому-то понадобилось это делать? Оставлять гранату?

– И представить себе не могу, – мрачно сказал отец Ре, беря свою куртку. – А наши друзья – что с ними?

Воспоминание о Луиджи, Рикардо и Марии, уходящих в лес, казалось, принадлежало уже далекому прошлому.

– Я передал их синьору Бергстрому.

Священник надел куртку, взял посох.

– Слава богу, хоть есть чему порадоваться.

Пино рассказал ему о четверых вооруженных людях, которых видел.

– А они тебя видели?

– Не думаю, – ответил Пино.

Отец Ре положил руку на плечо Пино:

– Ты хорошо поработал. Все сделал правильно.

Священник ушел. Пино сел на скамью за пустой стол, закрыл глаза, склонил голову; перед его мысленным взором появилось изуродованное тело Никко, мальчик с выбитыми глазами, потом мертвая девочка с оторванной рукой в вечер первой бомбардировки. Эти образы преследовали

его, он никак не мог прогнать их. Они возникали снова и снова, и он наконец почувствовал, что сейчас сойдет с ума.

– Пино? – услышал он голос Миммо спустя какое-то время. – Ты цел?

Пино открыл глаза, увидел рядом сидящего на корточках брата.

– Я слышал, что умер маленький сын хозяина гостиницы. И может, еще два мальчика.

– Я видел все это, – сказал Пино, снова заплакав. – Я держал его на руках.

При виде слез брата Миммо потерял дар речи, но потом сказал:

– Идем, Пино. Давай помоешься – и спать. Ребята не должны видеть тебя таким. Они равняются на тебя.

Миммо помог ему подняться на ноги, провел по коридору в душевую. Пино разделся, а потом долго сидел под теплой водой, автоматически оттирая кровь Никко с рук и лица. Случившееся казалось невероятным. Но было реальностью.

На следующее утро отец Ре осторожно разбудил его около десяти. Несколько мгновений Пино не мог понять, где он. Потом вспомнил все; эмоции так захлестнули его, что перехватило дыхание.

– Как Конте?

Лицо священника помрачнело.

– Для любого родителя потеря ребенка – страшный удар в любых обстоятельствах. Но чтобы так...

– Он был такой забавный мальчуган, – с горечью в голосе сказал Пино. – Это несправедливо.

– Это трагедия, – сказал отец Ре. – Два других мальчика будут жить, но они уже никогда не будут такими, как прежде.

Они долго молчали.

– Что мы будем делать, отец?

– У нас есть вера, Пино. У нас есть вера, и мы продолжим делать то, что считаем правильным. В Мадезимо мне сказали, что у нас появятся еще два беженца сегодня к обеду. Я хочу, чтобы ты сегодня отдохнул. Мне нужно, чтобы ты ушел с ними утром.

В течение следующих недель такой ритм жизни стал привычным. Каждые несколько дней появлялись два, три, а иногда и четыре беженца и звонили в колокольчик «Каса Альпина». Пино уходил с ними задолго до

рассвета, они поднимались по склону при свете луны и пользовались карбидной шахтерской лампой, только когда на небе висели тучи или луны не было. Пино, передав беженцев Бергстрому, отправлялся ночевать в пастушью хижину.

Это было довольно грубое сооружение с каменным фундаментом, заглубленным в склон, с крышей из дернины на опорах и дверью на кожаных петлях. В домике были соломенный матрас и печурка с дровами и топориком. Пино страдал от одиночества, проводя ночи в хижине перед печуркой. Он не раз пытался вызвать воспоминания об Анне, чтобы утешиться, но помнил только скрежет трамвая, который скрыл ее от него.

Потом его мысли приобретали абстрактный характер – о девушках, о любви. Он надеялся, что в его жизни будет и то и другое. Он думал о том, какая у него будет девушка, будут ли ей нравиться горы так, как ему, будут ли ей нравиться лыжи, и еще сотня вопросов приходила ему в голову, но ответов на них он не знал, и это сводило его с ума.

В начале ноября Пино вел в Швейцарию пилота Британских королевских ВВС, сбитого во время налета на Геную. Неделью спустя он помог другому пилоту добраться до Бергстрома. И почти каждый день в «Каса Альпина» прибывали евреи.

В темные дни декабря 1943 года беспокойство отца Ре выросло из-за увеличившегося числа немецких патрулей на дороге, ведущей к перевалу Шплюген.

– Они становятся подозрительными, – сказал он Пино. – Немцы нашли не очень много евреев. Нацисты знают, что им помогают бежать.

– Альберто Аскари говорит о разных зверствах, – сказал Пино. – Нацисты убивают священников, которые помогают евреям. Иногда они стаскивают их прямо с алтаря, на котором те служат мессу.

– Мы знаем об этом, – сказал священник. – Но мы не можем перестать любить наших соотечественников, даже если нам страшно. Если мы утратим любовь, мы утратим все. Нам нужно действовать умнее.

На следующий день отец Ре и священник из Камподольчино разработали оригинальный план. Они решили использовать наблюдателей, чтобы отслеживать нацистские патрули на дороге к перевалу Шплюген, а кроме того, придумали систему оповещения.

В часовне за «Каса Альпина» внутри колокольни имелась лестница. С нее через ставни мальчики могли видеть верхний этаж дома приходского священника в пятнадцати метрах ниже Камподольчино, а в особенности одно из окон. Если немцы патрулировали Шплюген, занавеси были опущены. Если же они были подняты в течение дня или вечером в окне

горела лампа, то беженцев можно было безопасно вывозить на гору Мотта в телегах под кипами сена.

Когда стало ясно, что Пино не в состоянии выводить всех евреев, сбитых летчиков или политических беженцев, которые приходили в «Каса Альпина» в поисках пути к свободе, он начал тренировать других ребят постарше, включая и Миммо.

Сильных снегопадов не было до середины декабря 1943 года. Но потом наступили холода, и начались обильные и частые снегопады. Перистый порошкообразный снег скапливался в желобах и чашах верхней части Гропперы, что угрожало сходом лавин, а потому вскоре предпочтительный северный маршрут в Валь-ди-Леи и на перевал Эмет в Швейцарию стали недоступны.

Поскольку большинство беженцев никогда прежде не сталкивались с холодами и высокими снегами и не имели ни малейшего представления об альпинизме, отцу Ре пришлось идти на риск и отправлять Пино, Миммо и других проводников легким южным маршрутом через Пассо-Анджелого. Они стали брать с собой лыжи с камусами, чтобы облегчить обратный путь и быстрее возвращаться.

Братья уехали из «Каса Альпина» в третью неделю декабря – к родителям в Рапалло, чтобы отпраздновать Рождество и поговорить о том, кончится ли когда-нибудь война. Прежде Лелла рассчитывали, что союзники к этому времени освободят Италию. Но так называемая линия Густава, состоящая из огневых сооружений, танковых эскарпов и других укреплений, сдерживала наступление союзников от Монте-Кассино на западе до Адриатического моря на востоке.

Продвижение союзников застопорилось.

Поезд, которым Пино и Миммо возвращались в Альпы, проходил через Милан. Некоторые районы города они почти не могли узнать. Пино всей душой стремился в «Каса Альпина» – хотел провести зиму в Альпах.

Они с Миммо любили кататься на лыжах, а к этому времени стали опытными лыжниками. С помощью камусов они поднимались на склоны над школой и съезжали по свежему глубокому снегу, который выпал за время их короткого отсутствия. Они оба любили скорость и получали удовольствие от скоростного спуска, но для Пино это было не только приключение. Спуск по склону создавал ощущение, полета. На лыжах

Пино чувствовал себя птицей. Это грело душу. Дарило ему такое чувство свободы, как не дарило ничто иное.

Пино засыпал усталый, с ноющими мышцами и счастливый, а еще – полный желания повторить все это на следующий день.

Альберто Аскари и его подружка Титьяна решили встретить Новый год в гостинице Конте в Мадезимо. Во время праздничной недели число беженцев уменьшилось, и отец Пе отпустил Пино на вечеринку.

Довольный Пино смазал горные ботинки, надел лучшую одежду и пошел в Мадезимо под падающим снежком, благодаря которому все казалось волшебным и новым. Аскари и Титьяна заканчивали украшать зал, когда появился Пино. Некоторое время он провел с Конте, которые все еще оплакивали сына, а потому ухватились за его предложение, дававшее возможность отвлечься от горя.

Ах, что это была за вечеринка! Число девушек в два раза превышало число молодых людей, и все танцы на вечер у Пино были расписаны. Еду предлагали замечательную: ветчину, ньокки^[10] и поленту со свежим сыром монтазио, а еще оленину с сушеными томатами и семенами тыквы. Вино и пиво текли рекой.

Позднее тем вечером Пино, танцуя медленный танец с Фредерикой, осознал, что он ни разу не вспомнил об Анне. Он спрашивал себя: закончится ли вечеринка идеальным образом – поцелуем Фредерики, когда открылись двери гостиницы. Вошли четыре человека со старыми ружьями и дробовиками. На них была потрепанная одежда и грязные красные шарфы на шеях. Их запавшие щеки покраснели от мороза, ввалившиеся глаза навели Пино на мысль о диких собаках, которых он видел после начала бомбардировок, собаках, которые набрасывались на любые отбросы.

– Мы партизаны, мы сражаемся, чтобы освободить Италию от немцев, – сообщил один из них и облизнул левый уголок рта. – Чтобы продолжить борьбу, нам необходимы жертвования.

Этот человек был выше других, он стащил с головы вязаную шерстяную шапочку и помахал участникам вечеринки.

Никто не шелохнулся.

– Вы мерзавцы! – взревел синьор Конте. – Вы убили моего сына!

Он бросился на главаря, который ударом приклада своего ружья свалил его на пол.

– Мы ничего такого не делали, – сказал он.

– Твоя вина, Тито, – сказал с пола Конте, у которого шла кровь из раны на голове. – Ты или один из твоих людей оставил гранату. Мой сын подобрал ее, думал, это игрушка. Он умер. Другой мальчик потерял зрение.

Еще один – руку.

– Я тебе говорю, – сказал Тито, – мы ничего об этом не знаем. Пожертвования, per favore^[11].

Он поднял ружье и пустил пулю в потолок, после чего мужчины начали выворачивать карманы, а девушки открывать сумочки.

Пино вытащил из кармана банкноту в десять лир и протянул ее незванным гостям.

Тито выхватил деньги, потом оглядел Пино с ног до головы.

– Хорошая одежда, – сказал он. – Выворачивай карманы.

Пино не шелохнулся.

Тито сказал:

– Делай, что тебе говорят, или мы разденем тебя догола.

Пино хотелось ударить его, но он покорился – вынул из кармана кожаный, с магнитом, зажим для денег, изготовленный в мастерской его дяди, вытащил оттуда пачку лир и протянул Тито.

Тито присвистнул и выхватил деньги. Потом подошел поближе и вперился в Пино взглядом, излучая угрозу не менее сильную, чем дурной запах, исходящий от его тела и дыхания.

– Я тебя знаю, – сказал он.

– Нет, не знаешь.

– Знаю, – повторил Тито, подходя вплотную к Пино. – Я видел тебя в бинокль. Ты перебирался через Пассо-Анджелого и Эмет, и с тобой были какие-то неизвестные.

Пино ничего не сказал.

Тито улыбнулся, облизнул уголок рта:

– Немцы много дадут, чтобы познакомиться с тобой.

– Я думал, вы сражаетесь с немцами, – сказал Пино. – Или это только предлог, чтобы грабить людей?

Тито ударил Пино прикладом в живот, сбил его с ног.

– Не суйся на те перевалы, парень, – сказал он. – И то же передай священнику. Пассо-Анджелого? Эмет? Они принадлежат нам. Ты понял?

Пино лежал на полу, хватая ртом воздух, и ничего не отвечал.

Тито ударил его ногой:

– Понял?

Пино кивнул. Тито с довольным видом принялся снова разглядывать его с ног до головы.

– Хорошие ботинки, – сказал он наконец. – Какой размер?

Пино что-то пробормотал в ответ.

– И пара теплых носков – сгодится. Снимай.

– У меня нет других.
– Ты можешь снять их, пока живой. Или я могу снять их с твоего трупa. Выбирай.

Пино кипел от ненависти, но умирать ему не хотелось. Он расшнуровал ботинки, снял их. Посмотрел на Фредерику, она покраснела и отвернулась, отчего Пино почувствовал себя последним трусом, передавая Тито ботинки.

– И зажим для денег тоже, – сказал Тито, дважды щелкая пальцами.

– Это подарок моего дяди, – возразил Пино.

– Пусть сделает тебе еще один. Скажи ему, это на хорошее дело.

Пино, нахмурившись, вытащил из кармана зажим и бросил его Тито.

Тот поймал его в воздухе:

– Вот и молодец.

Он кивнул своим людям, они, прежде чем уйти, принялись рассовывать по карманам и пакетам еду.

– Не суйся на Эмет, – повторил Тито, после чего они ушли.

6

Когда дверь за ними закрылась, Пино от ярости хотелось пробить кулаком стену. Синьора Конте бросилась к мужу, прижала кусок ткани к его ране.

– Как вы? – спросил Пино.

– Не смертельно, – сказал хозяин гостиницы. – Эх, не смог я достать свое ружье. Перестрелял бы их всех.

– А кто он такой – этот партизан? Вы сказали – Тито?

– Да, Тито. Он из Состе. Но он никакой не партизан. Мошенник и контрабандист – их теперь много развелось. А теперь еще и убийца.

– Я верну мои ботинки и зажим.

Синьор Конте отрицательно покачал головой:

– Тито хитер и опасен. Если печешься о своей жизни, держись от него подальше, Пино.

Пино чувствовал отвращение к себе, он сожалел, что не дал отпор Тито. Он больше не мог оставаться на вечеринке. Для него праздник кончился. Он попытался взять у кого-нибудь на время ботинки или туфли, но ни у кого не нашлось обуви такого размера. В конечном счете он взял шерстяные носки и невысокие резиновые сапоги у хозяина гостиницы и пошел сквозь снежную бурю в «Каса Альпина».

Когда он закончил рассказывать отцу Ре о том, что сделал Тито, и о том, что он или один из его людей убили Никко и искалечили других ребят, священник сказал:

– Ты поступил правильно, Пино.

– Почему же я этого не чувствую? – возразил Пино, все еще недовольный собой. – И он просил передать вам держаться подальше от Пассо-Анджелого и Эмета.

– Неужели? – спросил отец Ре, и лицо его окаменело. – К сожалению, мы не можем на это пойти.

Глава десятая

1

В первый день нового года метровое снежное одеяло покрыло горы над «Каса Альпина». На следующий день снег прекратился, а потом нападало еще на метр. Снега навалило столько, что в горы они смогли выйти только во вторую неделю января.

Пино нашел ботинки на замену прежним, и они с братом снова начали выводить беженцев – евреев, сбитых летчиков и других. Выводили группами, нередко по восемь человек. Несмотря на предостережение Тито относительно Пассо-Анджелого, они держались этого менее крутого южного маршрута на Валь-ди-Леи, постоянно меняя дни и время выхода, а потом возвращались в Мадезимо на лыжах северным маршрутом.

Эта система хорошо работала до начала февраля 1944 года. Когда в верхнем окне дома священника в Камподольчино горела лампа, беженцы шли сплошным потоком – их привозили на телегах под кипами сена через Мадезимо в «Каса Альпина», а потом, с Пино или другими проводниками, они шли через Гропперу в Швейцарию.

Добравшись до хижины пастуха как-то в начале месяца, Пино с удивлением обнаружил записку, прибитую гвоздем к стене, и прочел: «Последнее предупреждение».

Пино бросил эту бумажку в печку для растопки сложенных в ней дров. Повернул выюшку и вышел наружу наколоть еще дров. Он надеялся, что Тито прячется где-то здесь, смотрит на него в бинокль и видит, что он плюет на угрозы...

Мощным взрывом выбило дверь хижины. Пино нырнул в снег. Он лежал, дрожа от страха, несколько минут, наконец набрался мужества и заглянул внутрь. Печку было не узнать. Силой взрыва (мины, гранаты или что уж они подложили внутрь) разорвало топку, осколки горячего металла оставили щербины в каменном фундаменте, торчали, словно ножи, из балок и деревянных конструкций. Сверкающие угли прожгли дыры в его рюкзаке и подожгли соломенный матрас. Он вытащил то и другое и загасил в снегу, чувствуя себя совершенно незащищенным. Если Тито подложил мину в печку, то он вполне может и просто застрелить его.

Пино подавил ощущение, будто кто-то целится в него, надел лыжи,

забросил рюкзак на плечи, взял лыжные палки. Хижина перестала быть убежищем, а южный маршрут становился слишком опасным.

– Остался только один путь, – сказал Пино отцу Ре тем вечером у огня, пока ребята и несколько новых гостей поедали очередной кулинарный шедевр брата Бормио.

– Снежные наносы все увеличиваются, так что такое решение все равно было неизбежным, – сказал священник. – Ветры сдуют снег с гребня хребта, путь по горе будет наиболее надежным. Ты пойдешь снова с Миммо послезавтра, покажешь ему дорогу.

Пино вспомнил расщелину, узенький козырек, веревку, натянутую под зубцом Гропперы, и тут же сомнения обуяли его. Один неосторожный шаг в таких условиях означал верную смерть.

Отец Ре показал на гостей:

– Ты поведешь эту молодую семью и женщину со скрипкой. Она играла в Ла Скала.

2

Пино повернул голову, несколько секунд смотрел в недоумении, но потом узнал скрипачку, которая была в их доме в день первой бомбардировки. Он знал, что ей около сорока лет, но выглядела она состарившейся и больной. Как ее звали?

Он прогнал из головы мысли о Гроппере, позвал Миммо, и они подошли к женщине.

– Вы нас помните? – спросил Пино.

Скрипачка, казалось, не узнала их.

– Наши родители – Порция и Микеле Лелла, – сказал Пино. – Вы были на вечеринке в нашем доме на Виа Монтенаполеоне.

– И вы обругали меня у театра Ла Скала за то, что я вел себя, как мальчишка, который не понимает, что происходит вокруг. Вы были правы, – сказал Миммо.

Ее лицо осветилось слабой улыбкой.

– Кажется, это было так давно.

– Вы здоровы? – спросил Пино.

– Немного подташнивает, – сказала она. – Из-за воздуха. Я никогда не поднималась так высоко. Отец Ре говорит, я привыкну через день-другой.

– Как вас называть? – спросил Миммо. – Что написано в ваших бумагах?

– Елена... Елена Наполитано.

Пино обратил внимание на ее обручальное кольцо.

– А ваш муж здесь, синьора Наполитано?

У нее навернулись слезы на глаза, она обхватила себя руками за живот, закашлялась.

– Он увел за собой немцев, когда мы бежали из нашей квартиры. Они увезли его на платформу двадцать один.

– А что это? – спросил Миммо.

– Туда увозят всех евреев, которых они отлавливают в Милане. Платформа двадцать один на Центральном вокзале. Их сажают в маленькие вагоны, и они исчезают, их увозят... никто не знает куда. Они не возвращаются.

Слезы покатались по ее щекам, губы задрожали.

Пино вспомнил о побоище в Мейне, где нацисты расстреляли евреев в озере. Он почувствовал себя больным и беспомощным.

– Ваш муж. Он, наверно, очень смелый человек.

Синьора Наполитано всплакнула, кивая:

– Очень.

Наконец она взяла себя в руки, отерла платком слезы и сказала хрипловатым голосом:

– Отец Ре говорит, что вы двое проводите меня в Швейцарию.

– Да. Правда, это будет нелегко по такому снегу.

– В жизни имеет смысл только то, что дается нелегко, – сказала скрипачка.

Пино посмотрел на ее туфли – низкие черные лодочки.

– Вы поднялись сюда в этих туфлях?

– Я обмотала их кусками детского одеяла. Они и сейчас у меня.

– Это не годится, – сказал Пино. – Там, куда мы пойдем, нужна другая обувь.

– Ничего другого у меня нет.

– Мы поищем что-нибудь у мальчиков. Какой у вас размер?

Синьора Наполитано сказала ему. К вечеру Миммо нашел пару ботинок, натер подошву смесью сосновой смолы и масла, чтобы они стали водонепроницаемыми. Еще он нашел для нее шерстяные штаны, чтобы надеть под платье, пальто, шерстяную шапочку и варежки.

– Возьмите, – сказал отец Ре, протягивая им балахоны из белых наволочек с дырками для головы и рук. – Наденьте.

– Зачем? – спросила синьора Наполитано.

– Наш маршрут кое-где проходит по открытым местам. В темных

одеждах вас скорее заметят. А так вы будете почти не видны на снегу.

Вместе с синьорой Наполитано пришла семья Д'Анджело – родители, Питер и Лиза, и дети, семилетний Антони и его девятилетняя сестра Юдифь. Родом они были из Абруцци и пребывали в прекрасной физической форме, потому что фермерствовали и ходили в горы к югу от Рима.

А синьора Наполитано, напротив, большую часть жизни проводила под крышей, играла на скрипке. Она сказала, что по Милану ходила пешком, трамваем пользовалась редко, но по тому, как она дышала в «Каса Альпина», Пино понял: восхождение будет серьезным испытанием для нее и для него.

3

Пино решил не задерживаться мыслями на плохих вариантах, а подумать о том, что может им понадобится. Он взял у брата Бормио еще девять метров веревки, и Миммо обвязался ею, как патронташем, кроме того, он нес рюкзак, ледоруб, палки и лыжи. Пино добавил несколько карабинов к своему и без того тяжелому рюкзаку, еще один ледоруб, кошки, камусы и горсть штычков.

Они вышли из дома в два часа ночи. На небе висел полумесяц, дававший столько отраженного света на белом снегу, что они могли не пользоваться фонарями. Ранний выход был бы мукой смертной, им бы всем пришлось пробиваться на гребень по снежной целине, но днем ранее отец Ре отправил всех мальчиков из «Каса Альпина» на двадцатидвухметровое восхождение, и они таким образом утоптали склон. Несмотря на хроническую боль в бедре, священник по большей части шел первым.

В результате они имели найденную тропу по западному склону Гропперы. Возможно, это и спасло жизнь синьоры Наполитано. Хотя при ней и была только ее любимая скрипка в футляре, она долго и с трудом преодолевала первый склон, часто останавливалась, тяжело дышала, покачивала головой, потом обеими руками прижимала к себе скрипку и шла дальше.

Во время восхождения, на которое у нее ушел почти час, Пино в основном подбадривал ее словами вроде: «Молодцом. У вас все прекрасно получается. Еще немного поднимемся – и отдохнем».

Он чувствовал, что, если переборщит, это не принесет никакой пользы.

Этот случай не был похож на психологические барьеры, которые ему удавалось пробивать, когда он, ведя торговца сигарами, отвлекал его внимание. Синьора Наполитано просто была в плохой физической форме для такого восхождения. Он шел следом за ней по склону и молился о том, чтобы ей хватило духа и силы воли, которые нередко компенсируют недостаток физических сил.

Глубокий снег и ледниковые трещины делали валунную чашу еще более опасной, но с помощью Пино скрипачка пересекла ее без происшествий. А когда они добрались до начала гребня, синьору Наполитано начало трясти.

– Не знаю, смогу ли я, – сказала она. – Мне лучше вернуться с вашим братом. Я только задерживаю других.

– Вы не можете остаться в «Каса Альпина», – сказал Пино. – Остаться там надолго – опасно.

Скрипачка ничего не сказала, но потом повернулась, схватилась руками за живот, и ее вырвало.

– Синьора Наполитано? – сказал Пино.

– Все в порядке, – ответила она. – Уже проходит.

– Вы ждете ребенка? – спросила в темноте синьора Д'Анджело.

– Женщина всегда понимает женщину, – выдохнула синьора Наполитано.

Она беременна? Пино почувствовал, как огромная тяжесть легла на его плечи. Боже мой! Ребенок? Что, если?..

– Вы должны заставить себя ради вашего ребенка, – сказала синьора Д'Анджело синьоре Наполитано. – Вам нельзя возвращаться. Вы знаете, к чему это может привести.

– Пино, – прошептал его брат после долгой паузы, – я могу отвести ее назад, пусть она попривыкнет к высоте.

Пино хотел было уже согласиться, но тут синьора Наполитано сказала:

– Я пойду дальше.

Но что случится, если высота добьет ее и ребенка?..

Пино заставил себя прогнать эти мысли. Он не мог позволить страху управлять им. Он должен думать. И думать ясно.

Повторяя это себе, Пино взял вторую веревку у Миммо и, обвязав синьору Наполитано под мышками, забрался на гребень. Миммо страховал ее сзади, а Пино тащил, подтягивал скрипачку на гребень. Задача была нелегкой, но еще усложнялась тем, что она держала в руках скрипку и не соглашалась отдать ее Миммо.

– Вам придется оставить скрипку, – сказал Пино, опустив синьору

Наполитано обратно.

– Ни за что, – сказала он. – Моя скрипка всегда остается со мной.

– Тогда давайте я понесу ее. Освобожу место у себя в рюкзаке и верну вам ее, когда мы доберемся до границы.

В лунном свете он видел, как синьора Наполитано мучительно обдумывает его предложение.

– Вам при восхождении нужны свободные руки, – сказал он. – Если вы держите в руках скрипку, то ставите под угрозу жизнь вашего ребенка.

Она подумала еще немного, протянула ему скрипку и сказала:

– Это Страдивари. Все, что у меня осталось.

– Я буду беречь ее, как это сделал бы мой отец, – сказал Пино, пристегивая футляр скрипки клапаном рюкзака.

4

Пино быстро поднял вверх детей Д'Анджело – они воспринимали происходящее как необыкновенное приключение, – потом их родителей, которые поддерживали у детей это заблуждение. Как и почти со всеми беженцами, Пино повел всех в связке: следом за ним синьора Наполитано, затем синьора Д'Анджело, дети, синьор Д'Анджело, замыкал связку Миммо.

Они уже собирались начать двигаться, когда мальчик затеял перебранку со своей сестренкой.

– Прекратите! – резко прошептал Пино.

– Нас здесь никто не услышит, – сказал Антони.

– Нас услышит гора, – твердо сказал Пино, – и если будете кричать слишком громко, она проснется и начнет ворочаться под своими одеялами, обрушит лавины снега, которые накроют всех нас.

– А гора – монстр? – спросил Антони.

– Вроде дракона, – ответил Пино. – Поэтому мы не должны шуметь – мы ведь поднимаемся по его чешуйчатому хребту.

– А где его голова? – спросила Юдифь.

– Над нами, – ответил Миммо. – В тучах.

Этим дети, казалось, удовольствовались, и все двинулись дальше. Если в прошлый раз на этот трудный маршрут у Пино ушел час, то теперь они затратили почти два. До расщелины добрались в четыре тридцать. Пино видел почти вертикальную стену, уходящую вниз, но для восхождения ему требовалось больше света.

Он налил воду в карбидную лампу и плотно завинтил крышку, чтобы не выпускать пары, быстро заполнявшие емкость. Выждав минуту, он приоткрыл газовый клапан и стукнул по ударнику. Со второй попытки в рефлекторе загорелось тонкое голубое пламя, проливающее достаточно света на расщелину, и теперь все увидели, что им предстоит.

– Боже мой, – застонала синьора Наполитано. – Боже мой.

Он положил руку ей на плечо:

– Все не так плохо, как кажется.

– Все гораздо хуже, чем кажется.

– Нет. В сентябре, когда скала была голая, приходилось хуже, а теперь вы видите лед по обеим сторонам. Лед сузил расщелину, она стала более проходимой.

Пино посмотрел на брата.

– На это уйдет некоторое время, но я прорублю ступени. Заставляй их здесь двигаться, чтобы не замерзли, пока не услышишь моего свистка – это будет означать, что я спускаю ледорубы. Тогда обяжешь синьора Д'Анджело и отправишь ко мне. Мне здесь понадобится его сила. Ты поднимешься последним.

На сей раз Миммо не стал возражать против того, что он последний. Пино высвободился из связки, сбросил рюкзак и нацепил кошки. Надев на себя веревочную бухту Миммо, как патронташ, он взял свой ледоруб и ледоруб Миммо и помолился, прежде чем начать восхождение. Пино прижался спиной к горе, напоминая себе, что нельзя смотреть вниз; он всадил шипы кошек в лед, подтянулся вверх и принялся вонзать острие ледоруба в лед.

Отвоевывая каждые полметра, Пино останавливался и аккуратно вырубал плоские ступеньки для других. Работа шла безумно медленно, и чем выше он поднимался, тем яснее видел зажигающиеся один за другим огни в Камподольчино. Он знал, что с биноклем вполне можно засечь карбидную лампу в этой ледяной расщелине, но понимал, что выбора у него нет.

Сорок минут спустя Пино, мокрый от пота, добрался до площадки в виде балкона. Он держал лампу включенной достаточно долго, чтобы закрепить карабин на крюке, который вбил в скалу, когда приходил сюда в прошлый раз, и просунуть в него конец веревки, а потом испытать его на прочность своим весом. Крюк надежно держал его.

Пино привязал ледорубы и свои кошки к веревке, свистнул и спустил их по расщелине. Несколько минут спустя он услышал свист брата и принялся выбирать слабины веревки. Через пятнадцать минут на балконе

появился синьор Д'Анджело. Вместе они быстро подняли его сына, дочь и жену.

Пино слышал испуганные стоны синьоры Наполитано еще до того, как она вошла в ледяную щель. Он опустил ей шахтерскую лампу. Дополнительный свет, казалось, только усилил ужас беременной женщины. Ее всю трясло. Она взяла ледорубы, надела кошки и вошла в расщелину.

– Сначала правую руку, – сказал Миммо. – Хорошенько вонзайте ледоруб там, где Пино выравнивал стенки.

Синьора Наполитано последовала его совету, но вполсилы, и ледоруб выскользнул из льда, прежде чем она успела перенести на него свой вес.

– Не могу, – сказала она. – Я не могу.

– Просто поднимайтесь по ступенькам, которые вырубил Пино, страхуйтесь ледорубами, прочно ставьте кошки на всем подъеме.

– Но я могу соскользнуть вниз.

Сверху раздался голос Пино:

– Мы держим вас на веревке. И уж конечно, ничего не случится, если вы будете ставить кошки и ледорубы, как вам сказано... как смычок скрипки, когда вы играете *con smania*.

Последние слова, призывавшие ее играть со страстью, казалось, дошли до ее сердца, потому что синьора Наполитано сильно размахнулась правой рукой с ледорубом. Пино слышал сверху, как ледоруб глубоко врезался в лед. Он присоединился к синьору Д'Анджело, державшему веревку, его жена лежала на животе у края и смотрела вниз, сообщая им каждый раз, когда синьора Наполитано собиралась сделать шаг наверх. Если другие делали шаги по полметра, то она – по сантиметрам.

Поднявшись почти на четыре метра, синьора Наполитано потеряла опору, вскрикнула и упала. Они натянули веревку, и она, стена и плача, повисла в расщелине. Наконец они убедили ее попробовать еще раз. Тридцать пять мучительных минут спустя они подняли ее и затащили на балкон. Увидели в слабом свете шахтерской лампы иней на ее одежде и ледяную корку на лице – она словно побывала в ледяном аду.

– Это был ужас, – сказала она, опускаясь на снег. – Каждая секунда.

– Но вы здесь, – сказал, улыбаясь, Пино. – Не многим это было бы по силам. Но вы сумели. Ради вашего ребенка.

Скрипачка сложила руки на животе и закрыла глаза. Еще двадцать

минут ушло на то, чтобы поднять все рюкзаки, задачу усложняли лыжные палки и лыжи, пристегнутые к рюкзакам. Еще пятнадцать минут потребовалось Миммо, чтобы подняться.

– Все прошло нормально, – сказал Миммо.

– Наверное, вас в детстве пытали, – сказала синьора Наполитано.

Часы Пино показывали почти шесть. Скоро наступит рассвет. Он планировал спуститься с Гропперы раньше. Он снова сделал связку, и они продолжили подъем.

В половине седьмого, когда они должны были уже увидеть первые лучи солнца, неожиданно стало темнее, чем на предыдущем этапе их испытаний. Луна исчезла. Пино почувствовал, что изменились и направление ветра (теперь он дул с севера), и сила.

– Нам нужно поспешить, – сказал он. – Скоро начнется буря.

– Что? – воскликнула синьора Наполитано. – Здесь?

– Тут-то и случаются бури, – сказал Миммо. – Но не беспокойтесь. Мой брат знает, что делать.

Да, Пино знал, что нужно делать, и в течение следующего часа, по мере того как рассвет пробивался сквозь густой падающий снег, они медленно шли вперед. Снегопад идет им на пользу, решил Пино. Он скроет их от любопытных глаз.

Около половины восьмого метель усилилась, и Пино вытащил очки, подаренные ему отцом на Рождество, специальные очки, оснащенные кожаными боковинами, чтобы снег не попадал в глаза. Темные тучи окутали Гропперу. Переохлажденные обледеневшим пиком над ними, тучи просыпались снегом. Пино старался подавить нарастающую панику, прощупывая дорогу впереди лыжными палками и остро чувствуя: чем выше они поднимаются, тем больше опасность оступиться. Ветер кружил снежинки, и все заволкло белой мглой. Видимость была такой низкой, что он поднимался чуть ли не вслепую, и это его пугало. Пино пытался не терять веру, но сомнения одолевали его, в голову закрадывались все более тревожные мысли. Что, если он собьется с маршрута? Или оступится в критический момент и упадет? При его весе он всех потащит за собой, и они полетят вниз, ломая себе шеи. Он почувствовал, как натянулась веревка.

– Я ничего не вижу! – воскликнула Юдифь.

– И я тоже, – сказала ее мать.

– Тогда мы переждем, – сказал Пино, стараясь говорить спокойным голосом. – Повернитесь спиной к ветру.

Снег продолжал падать. Если бы ветер дул не порывами, а с

постоянной сумасшедшей скоростью, они бы не смогли пройти по гребню. Но он налетал, а потом стихал почти до безветрия каждые несколько минут. Во время этих минут затишья Пино и мог продвигаться вперед, пока не почувствовал, что хребет выровнялся и сузился. Впереди лежали трудные пятнадцать метров заснеженного узкого гребня с впадинами и лавинными желобами по обе стороны.

6

– Здесь мы пойдем по одному, – сказал он. – Видите белые снежные чаши по обе стороны хребта? Не ступайте на них. Идите точно по моим следам, и все будет в порядке.

– А что там под снегом? – спросила синьора Наполитано.

Пино не хотел ей говорить. А Миммо сказал:

– Воздух. Много воздуха.

– О, – сказала она. – О-о-о...

Пино хотелось ударить брата.

– Оставьте, синьора Наполитано, – сказал Пино, стараясь говорить беззаботным тоном. – Вы проделали немалый путь. Худшее уже позади. И потом, я буду на другом конце веревки.

Скрипачка тяжело вздохнула, задумалась, едва заметно кивнула. Пино распустил связку, привязал веревку к Миммо, чтобы создать один длинный отрезок. Обвязывая брата, он шепнул ему:

– Постарайся дальше держать рот на замке.

– А что? – спросил Миммо. – Почему?

– Иногда чем меньше ты знаешь, тем лучше.

– Там, откуда я родом, считается, что чем больше ты знаешь, тем лучше.

Видя бесплодность дальнейшего спора, Пино завязал веревку у него на поясе. Он представил себя канатоходцем и взял в руки палки горизонтально, чтобы лучше сохранять равновесие.

Каждый шаг давался ему с трудом. Начиная он, упираясь носком с кошкой в снег, пока не нащупывал лед или скальную породу, потом вдавливал каблук. Два раза он чуть не терял равновесие, но в обоих случаях ему удавалось выровняться, прежде чем он добрался до узкого карниза по другую сторону гребня. Он постоял, прижавшись лбом к скале, наконец собрался с силами и принялся забивать крюк в скалу.

Потом он закрепил на крюке веревку, Миммо потянул за нее,

почувствовал, как она натянулась, словно перила. Снова порыв ветра, и снова белая мгла. Они потеряли друг друга из виду более чем на минуту. Когда ветер стих и Пино разглядел остальных по другую сторону узкого гребня, они напоминали призраков.

Пино с трудом проглотил комок в горле.

– Первым Антони.

Антони держался за натянутую веревку и ставил ноги в следы Пино. Ему потребовалась минута, чтобы перебраться на другую сторону. За братом последовала Юдифь, она держалась за веревку и шла по следам Пино. Они оба перебрались на другую сторону относительно легко.

Следующей пошла синьора Д'Анджело. Она замерла между лавинными желобами, словно загипнотизированная.

И тогда раздался голос ее сына:

– Давай, мама, ты сможешь.

Она преодолела весь путь, обняла детей и заплакала. Следующим пошел синьор Д'Анджело – ему потребовались считанные секунды. Он сказал, что в детстве занимался гимнастикой.

Синьора Наполитано не успела начать переход, как налетел порыв ветра. Пино молча выругался. Он знал, что при совершении таких опасных восхождений нельзя думать о предстоящем, пока ты не начал движение. Но теперь она не могла не думать о том, что ее ждет.

Но подъем по расщелине, казалось, придал ей уверенности, потому что, когда ветер стих и видимость улучшилась, она двинулась вперед еще до того, как Пино позвал ее. Когда она преодолела три четверти пути, ветер налетел снова, и она исчезла в белой мгле.

– Стойте, не шевелитесь! – прокричал Пино. – Ждите!

Синьора Наполитано не ответила. Он все время чуть натягивал веревку и чувствовал, что скрипачка опирается на нее. Наконец ветер стих – и он увидел ее, покрытую снегом и неподвижную, как статуя.

Добравшись до карниза, она крепко ухватилась за Пино, постояла несколько секунд, потом сказала:

– В жизни мне не было так страшно. Я знаю, что никогда еще так истово не молилась.

– Ваша молитва была услышана, – сказал он, похлопав ее по спине; потом свистнул брату.

Когда его брат надежно обвязался веревкой, Пино сказал:

– Готов?

– Я родился готовым, – ответил Миммо и быстрым, уверенным шагом пошел по гребню.

– Не спеши, – сказал Пино, быстро выбирая слабинку веревку через карабин.

Миммо уже почти добрался до места между двух лавинных желобов.

– А что? – сказал он. – Отец Ре говорит, что я отчасти горный козел.

Не успел Миммо произнести эти слова, как тут же оступился. Его правая нога ушла чуть вбок и провалилась. Раздался звук, будто кто-то взбивал подушку. Потом снег в желобе пришел в движение и потек, словно вода по трубе, и, к ужасу Пино, вместе со снегом вниз устремился и его младший брат, исчезая в снежной круговерти.

Глава одиннадцатая

1

– Миммо! – вскрикнул Пино, натягивая веревку.

Рывок чуть не скинул его с козырька.

– Помогите! – крикнул Пино синьору Д'Анджело.

Первой успела к нему синьора Наполитано. Руками в варежках она ухватила веревку и всем телом откинулась назад. Вережка выдержала. Груз остался на ней.

– Миммо! – крикнул Пино. – Миммо!

Ответа не последовало. Снова налетел порыв ветра, а с ним мир над лавинным желобом словно поглотила белая тьма.

– Миммо! – закричал он снова.

После нескольких секунд молчания ему ответил слабый потрясенный голос:

– Я здесь. Поднимай меня. Подо мной тут ничего, кроме воздуха. Много воздуха. Кажется, меня сейчас вырвет.

Пино потянул веревку, но она не поддавалась.

– Мой рюкзак зацепился за что-то, – сказал Миммо. – Приспусти меня немного.

Синьор Д'Анджело уже занял место синьоры Наполитано, а Пино, хотя ему и было не по себе при мысли о том, чтобы приспустить веревку, неохотно пошел на это, пропуская веревку через кожаную перчатку.

– Порядок, – сказал Миммо.

Они принялись тянуть веревку, и вскоре над гребнем показалась голова Миммо. Пино отстегнул веревку и попросил синьора Д'Анджело крепко держать его за ноги, так он сумел дотянуться до рюкзака на спине брата. Увидев, что шапочка Миммо исчезла, на голове кровоточит рана, а снег с желоба сошел, Пино, в крови которого бушевал адреналин, вытащил брата на карниз.

Они сели, тяжело дыша.

– Не смей больше так делать, – сказал наконец Пино. – Мама и папа мне никогда не простят. Я сам себе никогда не прощу.

Миммо вздохнул:

– Я думаю, что ничего лучше ты мне в жизни не говорил.

Пино обнял брата за шею и с силой прижал к себе.

– Ладно-ладно, – принялся протестовать Миммо. – Спасибо, что спас мне жизнь.

– Ты бы сделал то же самое.

– Конечно, Пино. Мы же братья. Навсегда.

Пино кивнул, чувствуя, что никогда еще не любил брата так сильно, как в этот момент.

Синьора Д'Анджело умела оказывать первую помощь. Снегом она прочистила рану, приостановила кровотечение. Они разорвали часть шарфа на бинты, а то, что от него осталось, накрутили на голову Миммо взамен шапочки – дети сказали, что так он стал похож на гадалку. Порывы ветра прекратились, но, когда Пино повел всех к козырьку вдоль нижней части пика, снегопад усилился.

– Нам туда не подняться, – сказал синьор Д'Анджело, запрокидывая голову и оглядывая вершину, которая напоминала ледяной оголовник пики.

– Мы обойдем его снизу, – сказал Пино.

Он прижался грудью к стене и двинулся боком.

Перед тем как завернуть за угол, в том месте, где ширина козырька уменьшалась до двадцати сантиметров, он посмотрел на синьору Наполитано и других:

– Тут есть трос. На нем образовался лед, но вы сможете за него держаться. Держитесь правой рукой костяшками пальцев вверх, а левой – костяшками вниз, снизу и сверху, ясно? Ни при каких обстоятельствах не отпускайте трос, пока не дойдете до другой стороны.

– Другой стороны чего? – спросила синьора Наполитано.

Пино посмотрел на стену и вниз; снег не давал увидеть, где завершится падение, очень, очень долгое падение – падение, которое наверняка закончится смертью.

– Скала будет перед вашим носом, – сказал Пино. – Смотрите перед собой и в стороны, но не за спину и не вниз.

– То, что я увижу, мне не понравится? – спросила скрипачка.

– Я уверен, у вас поджилки тряслись перед первым выступлением в Ла Скала, но вы сделали это. Сделаете и теперь.

Хотя лицо ее горело от мороза, она облизнула губы, ее пробрала дрожь. Но она кивнула.

После всего, что они перенесли, пройти вдоль стены по карнизу оказалось проще, чем предполагал Пино. Но это была юго-восточная сторона пика, подветренная в условиях нынешней бури. Все пять беженцев и Миммо прошли козырек без происшествий.

Пино рухнул в снег, благодаря Бога, который сохранил их, и молясь о том, чтобы на этом их испытания закончились. Но тут снова задул ветер, теперь не порывами, а устойчивым напором, снежинки впивались им в лицо, как ледяные иголки. Чем дальше на северо-восток они продвигались, тем сильнее становилась буря, и наконец Пино потерял ориентацию. Из всех трудностей, с которыми они столкнулись, покинув «Каса Альпина» утром, передвижение по открытому гребню было самым опасным, по крайней мере, так считал Пино. Пиццо-Гроппера в это время года была испещрена трещинами. Они могли свалиться на глубину шесть метров в одну из них, где их нашли бы только весной. Даже если он сможет избежать физических опасностей, которыми грозила гора, – холод и сырость были чреваты переохлаждением и смертью.

– Я ничего не вижу! – сказала синьора Наполитано.

Дети Д'Анджело начали плакать. Юдифь не чувствовала ни рук, ни ног. Пино был на грани паники, когда впереди сквозь падающий снег увидел пирамиду из камней. Это позволило ему сразу же сориентироваться. Перед ними находилась Валь-ди-Леи, но до леса оставалось пройти еще добрых четыре, а то и пять километров. Потом он вспомнил, что, когда поднимался на север от пирамиды, видел там, у тропы, еще одну пастушью хижину с печуркой.

– Мы не можем идти дальше, пока не кончится буря! – прокричал им Пино. – Но я знаю место, где мы сможем укрыться, согреться, переждать!

Беженцы с облегчением закивали. Тридцать минут спустя Пино и Миммо стояли на коленях и разгребали снег, чтобы добраться до двери хижины. Пино пролез первым, включил шахтерскую лампу. Проверил, нет ли в печке мины или гранаты, и разложил дрова. Прежде чем поджечь их, Пино вышел на снег и пригласил всех внутрь, потом забрался на крышу – убедиться, что дымоход не завален.

Он закрыл дверь и сказал брату, чтобы тот разжег огонь. Сухие веточки подхватили пламя, и вскоре дрова занялись. Огонь высветил их изможденные лица.

Пино знал: он принял правильное решение, приведя людей сюда, чтобы переждать бурю, прежде чем идти дальше. Вот только будет ли синьор Бергстром ждать их в лесу за Валь-ди-Леи? Швейцарец должен понять, что буря их остановила. И когда она кончится, он вернется?

Через несколько минут он прогнал эти мысли. Печурка раскалилась почти докрасна, наполняя эту хижину с земляным полом и низкой крышей теплом. Синьора Д'Анджело стащила с Юдифи ботинки и принялась растирать дочке ноги.

– Щиплет, – сказала Юдифь.

– Кровь возвращается, – сказал Пино. – Сядьте поближе к огню и снимите с нее носки.

Вскоре все начали снимать обувь. Пино проверил рану на голове Миммо – кровотечение прекратилось. Потом он достал еду и питье, разогрел чай на печке; они поели сыра, хлеба, салами. Синьора Наполитано сказала, что вкуснее ничего в жизни не ела.

Антони уснул на коленях у отца. Пино выключил шахтерскую лампу и уснул глубоким сном без сновидений. Он проснулся, увидел, что все вокруг дремлют, проверил печку – там оставались одни угли.

Потом он снова уснул. Несколько часов спустя Пино разбудил звук, похожий на грохот несущегося локомотива. Поезд как будто врезался прямо в них, земля сотряслась, потом поезд пронесся мимо, и на несколько долгих секунд не осталось ничего, кроме мертвой тишины, нарушаемой лишь постаныванием бревен, подпирающих крышу. Пино всем своим существом почувствовал, что они снова попали в беду.

– Что это такое было, Пино? – воскликнула синьора Наполитано.

– Лавина, – ответил Пино, пытаясь скрыть дрожь в голосе. Он нащупал шахтерскую лампу. – Она обрушилась прямо на нас.

Пино зажег лампу, подошел к двери, надавил на нее. Сердце его тревожно забило. Снег и лед, спрессованные лавиной, полностью заблокировали единственный выход из хижины.

К нему подошел Миммо, увидел плотную стену льда и снега и испуганным шепотом проговорил:

– Пресвятая Богородица, нас тут похоронило заживо.

3

В хижине раздались взволнованные крики. Пино их почти не слышал. Он смотрел на снежную стену и чувствовал, что Богородица и сам Бог обманули его и всех, кто был здесь с ним. Что сейчас толку от веры? Эти люди искали безопасности, убежища от бури, а вместо этого они получили...

Миммо дернул его за рукав:

– Что будем делать?

Пино смотрел на брата, слышал испуганные вопросы, с которыми обращались к нему семья Д'Анджело и синьора Наполитано, и чувствовал себя абсолютно беспомощным. Ведь ему было всего семнадцать лет. У него возникло желание сесть у стены, опустить голову и заплакать.

Но постепенно лица вокруг него в свете шахтерской лампы стали обретать четкость. Он был им нужен. Он нес за них ответственность. Если они погибнут, вина за их смерть ляжет на него. Стоило ему подумать об этом, как с ним что-то произошло. Он посмотрел на часы – без четверти десять.

«Воздух», – подумал он, и при этой мысли в голове у него прояснилось, он обрел цель.

– Всем успокоиться, – сказал он, подошел к холодной печке и повернул вьюшку. К его облегчению, ее не заклинило. Значит, снег не дошел до нее по дымоходу.

– Миммо, синьор Д'Анджело, помогите мне, – сказал Пино. Он надел перчатки и стал отделять дымоход от печки.

– Что вы делаете? – спросила синьора Наполитано.

– Пытаюсь не задохнуться.

– Боже мой, – сказала скрипачка. – После всего пережитого я с ребенком могу задохнуться здесь.

– Не задохнетесь, для этого здесь есть я.

Пино отсоединил печку и отодвинул ее в сторону. Потом под потолком они отсоединили нижнюю часть черного от сажи металлического дымохода и тоже отложили ее в сторону.

Пино попытался посветить внутрь лампой, но ничего особо не разглядел. Он засунул руку в дыру – не почувствует ли ветерок, приток воздуха снаружи. Ничего. Борясь с паникой, он взял бамбуковые лыжные палки, ножом срезал кожаную лапку внизу, получилось что-то вроде пики со стальным наконечником.

Пино сунул палку в трубу дымохода. Ее застопорило, когда она исчезла в трубе наполовину. Он начал пробиваться через спрессованную массу – на пол просыпался снег. Он стал орудовать палкой еще интенсивнее, снег на пол посыпался валом. Пять минут. Через десять минут у него уже уходила в трубу не только палка, но и часть руки, но он так и не смог пробиться на поверхность.

– Сколько мы протянем здесь без воздуха? – спросил Миммо.

– Понятия не имею, – ответил Пино и снова пошевелил палкой в трубе.

Затем взял вторую палку, нарезал кожу лапки на полосы, а потом ими и

своим ремнем связал две палки. Соединение было ненадежное, и теперь Пино не мог шуровать в трубе с прежней силой.

Сколько мы протянем без воздуха? Четыре часа? Пять? Меньше?

Миммо, синьор Д'Анджело и Пино по очереди долбили снег в дымоходе, а синьора Наполитано и синьора Д'Анджело с детьми сгрудились в уголке, наблюдали. От их усилий, от выдыхаемого ими воздуха в хижине стало тепло, чуть ли не жарко. Пино обливался потом, когда сантиметр за сантиметром пробивался сквозь толщу снега.

Два часа спустя с того момента, как он начал, когда его рука, державшая вторую, нижнюю палку, уже упиралась в потолок, острие уткнулось во что-то непробиваемое. Пино продолжал колотить вверх палкой, но на пол падали только крошки льда. Вероятно, они уперлись в льдину.

– Не получается, – разочарованно сказал Миммо.

– Давай работай, – сказал Пино, отходя в сторону.

В хижине стало удушающе жарко. Пино снял с себя рубашку, почувствовал, что дышится с трудом. Неужели это конец? Больно ли умирать от удушья? Перед его мысленным взором появилась рыба, которую он видел когда-то, – она билась на берегу в Рапалло, ее рот и жабры искали воды. Каждое последующее ее движение было слабее предыдущего, наконец она замерла совсем. Неужели и мы так умрем? Как рыба?

Пино, как мог, пытался усмирить нарастающую панику, а тем временем его брат и синьор Д'Анджело продолжали долбить лед в дымоходе.

«Господи, прошу тебя, – молился он, – не дай нам умереть здесь вот так. Мы с Миммо пытались помочь этим людям. Мы не заслуживаем такой смерти. Мы заслуживаем избавления, чтобы и дальше могли помогать людям бежать от...»

Что-то с грохотом полетело по дымоходу, ударило Миммо по рукам.

– Черт! – вскрикнул он. – Ой, как больно. Что это было?

Пино повел шахтерской лампой по полу. На земле лежал кусок льда размером с два кулака. Он подошел к дымоходу, сунул в него руку, ощутил слабый, но устойчивый сквознячок.

– Пошел воздух! – сказал он, обнимая брата.

– А теперь мы будем выкапываться? – спросил синьор Д'Анджело.

– Теперь будем выкапываться, – ответил Пино.

– И вы думаете, сможем? – спросила синьора Наполитано.

– У нас нет иного выхода, – сказал Пино, заглядывая в дымоход, откуда просачивался слабый свет, и вспомнил высоту трубы над крышей.

Потом он посмотрел на открытую дверь и стену белого спрессованного снега, заблокировавшего вход. Дверная коробка была невысока – всего полтора метра? Он представил себе туннель, уходящий вверх. Насколько далеко?

Миммо, вероятно, думал о том же, потому что он сказал:

– Придется копать не меньше трех метров.

– Больше, – возразил Пино. – Мы не можем копать вертикально. Нужно под углом, чтобы можно было выползти.

4

Они работали ледорубами, топориком, металлической лопаткой, прорывались через завал. Они копали под углом в семьдесят градусов к дверной раме, делали проход, по которому можно проползти. Начало первого метра далось им относительно легко. Снег был рыхлый. При ударе ледорубом или топориком сыпались небольшие кусочки льда и камушки.

– Мы прокопаемся до наступления темноты, – сказал Миммо, отбрасывая снег в самый дальний угол хижины.

Лампа у Пино погасла, и они остались в полной темноте.

– Черт, – сказал Миммо.

– Мамочка! – захныкал Антони.

Синьора Наполитано сказала:

– Как копать в темноте?

Пино зажег спичку, вытащил две моленные свечи. Всего у него было три, как и у Миммо. Он зажег их, поставил над и под дверью. Теперь у них не было сильного луча лампы, но вскоре их глаза привыкли, и они принялись долбить занос, который уже превратился в монолитный блок из льда и снега. Разогретые трением при сходе лавины, ледяные и снежные комья местами по твердости не уступали цементу.

Продвигались они с черепашей скоростью. Но каждый выдолбленный комок был поводом для радости, и постепенно начал образовываться туннель шире плеч Пино. Сначала метровой, потом двухметровой глубины. Работали они по очереди. Забойщик скалывал лед и снег, двое других сгребали сколотое в хижину, где сидели в углу семья Д'Анджело и синьора Наполитано и смотрели, как растет снежная горка.

– У нас хватит места для всего снега? – спросила беременная женщина.

– Если не хватит, растопим печку и расплавим часть, – сказал Пино.

К восьми часам вечера они, по оценке Пино, прошли четыре метра от двери, когда он был вынужден остановиться. Его руки больше не могли поднять ледоруб. Ему нужно было поесть и поспать. Им всем нужно было поесть и поспать.

Он распределил остатки провизии, а Миммо и синьор Д'Анджело собрали печку. Половину припасов Пино разделил на шесть частей, и они поели вяленого мяса, сушеных фруктов, орехов и сыра. Потом выпили еще чая, и Пино растопил печку и загасил свечи.

Два раза за ночь ему снился сон о том, что он похоронен заживо в гробу, и он, вздрогнув, просыпался, слышал дыхание других и тиканье остывающей печки. Снег таял на земляном полу, и Пино понимал, что вскоре будет лежать в холодной грязи. Но он так устал, а его мышцы так болели и ныли, что ему было все равно. Он заснул в третий раз.

Несколько часов спустя Миммо толкнул его. Он зажег предпоследнюю свечу.

– Шесть утра, – сказал Миммо. – Пора выбираться отсюда.

Снова было холодно. Кости у Пино болели. Ныли все суставы. Он разделил остатки еды и воды, которую растопил на печке перед сном.

Синьор Д'Анджело первым взял ледоруб. Он продержался двадцать минут. Миммо проработал тридцать, после чего выскользнул из туннеля весь в поту, мокрый от плавающего льда.

– Я оставил там топорик и последнюю свечу. Тебе придется ее зажечь, – сказал он.

Пино заполз в туннель, длина которого, по его оценке, достигала теперь пяти метров. Упершись в забой, он повернулся и чиркнул спичкой – и теперь их осталось всего три. Свеча загорелась.

Он с яростью набросился на снег. Рубил, колот, отламывал куски снега. Собирал, отодвигал, отталкивал ногами мерзлые осколки.

– Не спеши! – крикнул Миммо после тридцати минут работы. – Мы за тобой не успеваем.

Пино замер, глотая воздух, словно после долгого бега, посмотрел на свечу, от которой оставался теперь короткий огарок, шипевший, когда на него с потолка туннеля падали капли.

Он передвинул свечу, поставил в нишу, вырубленную им в снегу, а потом продолжил работу, но теперь медленнее, более осмысленно. Он искал трещины в поверхности, пытался врубаться в них. Куски льда стали отламываться треугольниками и странной формы плитками длиной по десять – двенадцать сантиметров.

«Снег стал другой», – подумал он, растирая гранулы в руке.

Комки были мягкие, а ограненные кристаллы были похожи на бриллианты его матери. Он задумался. Такой снег может обрушиться вниз. Пока они прорубались через твердую массу, он и не думал о том, что забой может обрушиться. А теперь эта мысль застряла в его голове и не давала покоя.

– Что тут у тебя? – спросил Миммо, подобранный к нему сзади.

Пино не успел ответить – огарок вспыхнул напоследок и погас, и они погрузились в полную темноту. Он закрыл лицо руками, эмоции захлестнули его: ему казалось, что и он погаснет, как свеча, и мир погрузится в темноту. Страх, безнадежность, неверие переполняли его.

– За что? – прошептал он. – Что мы?..

– Пино! – прокричал Миммо. – Пино, посмотри!

Пино поднял голову и увидел, что в туннеле теперь уже не так темно, как ночью. Сквозь забой туннеля внутрь проникало неяркое серебристое свечение, и слезы отчаяния превратились в слезы радости.

Они почти добрались до поверхности, но рыхлый снег, как и опасался Пино, два раза обрушивался, заставляя отползать назад и снова прокапываться наверх, но наконец его ледоруб прорубился наружу, сопротивления снежной массы больше не было.

Когда он убрал ледоруб, внутрь хлынул солнечный свет.

– Я пробился! – закричал он. – Пробился!

Синьора Наполитано, синьора Д'Анджело и дети радостно закричали, когда он высунул голову, а потом и плечи на поверхность. Буря давно закончилась, и холодный горный воздух был свежим и ароматным. Чистое, кобальтово-синее небо. Над каменным полем лежал новый слой снега, достигавший почти пятнадцати сантиметров. Высоко над ними торчал зубец Гропперы, Пино видел его неровные контуры.

В некоторых местах снег сошел, и поверхность горы стала почти голой. Камни, земля и низкие деревья были засыпаны новым снегом. Видя все это, Пино почувствовал неодолимую силу лавины и понял, что они лишь чудом остались в живых.

Синьора Д'Анджело тоже так считала, как и ее муж, появившийся следом за детьми. Миммо вышел после синьоры Наполитано. Пино еще раз спустился в хижину, взял свои лыжи и вещи, вытолкнул их наверх по туннелю.

Выбравшись наконец из туннеля, он чувствовал усталость и благодарность.

«Мы спаслись только чудом. Иного объяснения нет».

– Что там? – спросил Антони, показывая на долину.

– Это Валь-ди-Леи, мой друг, – сказал Пино. – А горы вон там – Пиццо-Эмет и Пиццо-Палу. А под пиками среди тех деревьев кончается Италия и начинается Швейцария.

– Кажется, далеко, – сказала Юдифь.

– Около пяти километров, – ответил Пино.

– Одолеем, – сказал синьор Д'Анджело. – Будем помогать друг другу.

– Я не могу, – раздался голос синьоры Наполитано.

Пино повернулся к ней. Скрипачка сидела на покрытом снегом валуне, положив руку на живот. Ее одежду покрывала ледяная корка.

– Вы сможете, – сказал Пино.

Она отрицательно покачала головой и заплакала.

– Все это... Не по силам. У меня кровотечение.

Пино не понял смысла ее слов, но синьора Д'Анджело пояснила:

– Она говорит о ребенке, Пино.

Сердце у него упало. Она может потерять ребенка? Здесь?

Господи Боже, пожалуйста, только не это.

– Вы не можете двигаться? – спросил Миммо.

– Я вообще не должна двигаться, – сказала синьора Наполитано.

– Но вы не можете оставаться здесь, – сказал Миммо. – Вы умрете.

– А если буду двигаться, то погибнет мой ребенок.

– Вы этого не знаете наверняка.

– Я чувствую, мое тело говорит мне об этом.

– Но если вы останетесь, то умрете оба, – убеждал ее Миммо.

– Так лучше, – сказала скрипачка. – Я не смогла бы жить, если бы мой ребенок погиб. Идите и оставьте меня.

– Нет, – сказал Пино. – Мы доставим вас в Швейцарию, как и обещали отцу Ре.

– Я не сделаю ни шага! – истерически закричала синьора Наполитано.

Пино решил было остаться с ней, а остальных отправить с Миммо, но потом огляделся, задумался на мгновение и сказал:

– Возможно, вам и не понадобится делать этот шаг.

Он сбросил на землю рюкзак, надел лыжи со стальными и кожаными креплениями, которые плотно затянул на ногах.

– Готовы? – спросил он у синьоры Наполитано.

– Готова к чему?

– Забраться ко мне на спину, – сказал Пино. – Я повезу вас на закорках.
– На лыжах? – с ужасом сказала она. – Я никогда в жизни не стояла на лыжах.
– Ну, лавина тоже никогда вас не засыпала прежде, – сказал Пино. – И потом, на лыжах будете не вы, а я.
Она неуверенно посмотрела на него:
– А если я упаду?
– Я этого не допущу, – сказал он с уверенностью семнадцатилетнего мальчишки, который встал на лыжи почти в то же время, когда начал ходить.
Она не шелохнулась.
– Я даю вам шанс спасти ребенка и оказаться на свободе, – сказал Пино, вытаскивая футляр со скрипкой из рюкзака.
– Что вы делаете с моим Страдивари? – спросила она.
– Сохраняю равновесие, – ответил Пино, держа футляр перед собой. – Нас поведет ваша скрипка, как в оркестре.

6

Несколько секунд синьора Наполитано смотрела на небо, потом встала. Ее трясло от страха.
– Держитесь за мои плечи, а не за шею, – сказал Пино, поворачиваясь к ней спиной. – А ногами обхватите меня за поясицу.
Синьора Наполитано ухватила за его плечи. Он присел, завел руки за ее колени и помог ей устроиться у себя на спине. Она обхватила его за талию ногами. Весила она вряд ли больше, чем его рюкзак.
– Считайте себя жокеем на коне, – сказал он, держа перед собой скрипку. – И не отпускайте.
– Отпустить? Ни за что в жизни. И мысли такой не было.
Пино охватило было сомнение, но он тут же прогнал его, поелозил лыжами по снегу и прицелился вниз, в направлении внешнего края поля лавины, в тридцати метрах от них. Они начали спускаться. Из-под свежего снега торчали кочки и глыбы льда. Они набирали скорость, и Пино старался избегать их. Но неизбежно на пути неожиданно попался такой валун, который он не успел объехать. Они заехали на него, а потом спрыгнули и пролетели несколько метров по воздуху.
– Ах! – вскрикнула синьора Наполитано.
Пино неловко приземлился, лыжи пошли наперекосяк, и он уже

подумал, что сейчас потеряет равновесие, его вместе с беременной женщиной развернет и они на всем ходу упадут на мерзлые камни.

Но потом, увидев, что перед ним на пути холмик, он инстинктивно подался в сторону, объезжая его, затем в другую сторону и двумя этими маневрами восстановил равновесие. Спуск ускорился. Теперь Пино с синьорой Наполитано покинули опасный склон и оказались на свежем рыхлом снегу.

Держа перед собой скрипку, Пино усмехнулся и начал делать синхронные движения ногами, чтобы зарыться в снег поглубже, потом расслабил их и теперь покатил, как учил его отец Ре, вприсядку. Такое движение на мгновение разгружало его при каждом повороте, а потому ему удавалось смещать вес и поворачивать лыжи почти без усилий. Лыжи описывали длинные непрерывные кривые набирали скорость, проносились сквозь снежные заносы, которые взрывались, и лица их заносило снегом.

Синьора Наполитано долго молчала. Он решил, что она закрыла глаза и молится о спасении жизни.

Но вдруг она закричала ему в ухо:

– Уи-и-и-и! Мы словно птицы, Пино! Мы летим!

Синьора Наполитано хихикала и охала, когда им попадался очередной холмик. Он чувствовал, как ее подбородок упирается ему в правое плечо, и понял, что она видит их путь, когда он закладывает длинные, летящие неторопливые виражи вниз по склону, к замерзшему озеру, к лесу и свободе за ними.

Пино понял, что склон скоро кончится, а впереди его ждет плоская поверхность. Хотя ноги у него горели, он направил лыжи по последнему крутому спуску прямо к лесистому треугольнику Италии, врезавшемуся в Швейцарию.

Пино теперь ехал прямо, без слаломных выкрутасов. Двигался по прямой линии в полуприседе, держа перед собой футляр со скрипкой. Лыжи с шуршанием скользили по снегу. Пино несся по последнему отрезку со скоростью тридцать, сорок, может быть, пятьдесят километров в час – малейшая ошибка или неожиданность, и их ждала катастрофа. Он увидел переходную зону, где склон встречался с горизонтальной поверхностью. И подпрыгнул, чтобы смягчить переход.

Они проехали мимо озера. Пино ехал пригнувшись, рассекал ветер, и они почти докатили до деревьев. Когда они остановились, до линии леса можно было добросить снежок.

Оба молчали несколько секунд.

Потом синьора Наполитано начала смеяться. Она расплела ноги, отпустила плечи Пино, соскользнула с него; держась за живот, встала на колени в мягкий снег и принялась смеяться сдавленным смехом, будто ничего прекраснее с ней в жизни не случилось. Пино тоже не удержался. Смех был заразителен. Он упал рядом с ней и хохотал, пока слезы не потекли из глаз.

«Какую безумную вещь мы совершили. Кто бы мог?..»

– Пино! – раздался резкий мужской голос.

Пино вздрогнул, поднял голову и увидел синьора Бергстрема, стоявшего на границе леса. Он держал в руках дробовик и смотрел на них озабоченным взглядом.

– Мы дошли, синьор Бергстром! – воскликнул Пино.

– Вы опоздали на день, – сказал Бергстром. – И уходите с открытого места. Веди ее в лес, где ее не будет видно.

Пино пришел в себя, снял лыжи. Передал синьоре Наполитано ее скрипку. Она села, прижала футляр к себе и сказала:

– Я думаю, теперь все будет хорошо, Пино. Я это чувствую.

– Вы можете идти? – спросил Пино.

– Попробую, – сказала она, и он помог ей подняться на ноги.

Поддерживая синьору Наполитано под руку, он довел ее до тропинки.

– Что с ней? – спросил Бергстром, когда они вошли под укрытие деревьев.

Синьора Наполитано с улыбкой рассказала про ребенка и свои страхи.

– Но теперь я думаю, что способна пройти столько, сколько нужно.

– Это недалеко, несколько сотен метров, – сказал Бергстром. – Когда мы перейдем в Швейцарию, я смогу развести костер. Потом спущусь вниз и приду за вами с санями.

– Думаю, несколько сотен метров мне по плечу, – ответила Бергстрому она. – А костер – это просто дар Божий. Вы когда-нибудь катались на лыжах, синьор Бергстром?

Швейцарец посмотрел на нее так, будто она свихнулась, потом кивнул.

– Как это здорово, – сказала скрипачка. – Ничего прекраснее в моей жизни не было.

Пино впервые увидел улыбку на лице синьора Бергстрема.

Они ждали в лесочке, рассказывали швейцарцу о буре и лавине, глядя,

как Миммо и семейство Д'Анджело медленно продираются по склону. Синьора Д'Анджело несла дочь. Синьор Д'Анджело нес рюкзак и палки Пино, а его сын шел сзади. Им потребовался почти час, чтобы по глубокому снегу добраться до плоской равнины над озером.

Пино выехал им навстречу, посадил Юдифь себе на спину и довез до леса. Вскоре они все были в безопасности.

– Это Швейцария? – спросил Антони.

– Швейцария уже совсем рядом, – сказал Бергстром.

После короткого отдыха они двинулись к границе, Пино помог синьоре Наполитано пройти по утоптанной лесной тропе. Дойдя до границы, они остановились.

– Ну вот, – сказал синьор Бергстром. – Здесь вам нацисты не страшны.

По щекам синьоры Д'Анджело потекли слезы.

Муж обнял ее, поцелуями осушил ее лицо.

– Мы в безопасности, дорогая, – сказал он. – Нам повезло, тогда как стольким другим...

Он замолчал – комок в горле мешал ему говорить. Жена погладила его по щеке.

– Мы перед вами в вечном долгу, – сказала синьора Наполитано Пино и Миммо.

– За что? – спросил Пино.

– За что?! Вы провели нас через горы в такую жуткую бурю, вызволили из лачуги. А вы, Пино, спустились со мной на лыжах со склона!

– А что нам оставалось? Потерять веру? Сдаться?

– Вы – сдаться? Никогда! – сказал синьор Д'Анджело, пожимая Пино руку. – Вы как бык. Никогда не сдаетесь.

Потом он обнял Миммо. То же сделала и синьора Д'Анджело и ее дети. Синьора Наполитано долго держала Пино в объятиях.

– Тысячу вам благословений, молодой человек, вы научили меня летать, – сказала она. – Я этого не забуду до смерти.

Пино улыбнулся, почувствовал, как увлажнились его глаза.

– И я тоже не забуду.

– Могу я что-нибудь для вас сделать? – спросила она.

Пино хотел было ответить «нет», но тут взгляд его остановился на ее скрипке.

– Сыграйте для нас перед нашим возвращением в Италию. Ваша музыка поднимет наш дух перед долгим восхождением, а потом спуском.

Это доставило ей удовольствие, и она посмотрела на Бергстрома.

– Это возможно?

– Здесь вас никто не остановит, – сказал он.

В заснеженном лесу высоко в Швейцарских Альпах синьора Наполитано открыла футляр и наканифолила смычок.

– Что бы вы хотели послушать?

Пино почему-то вспомнил августовскую ночь, когда он, его отец, Туллио и Белтрамини уехали за город, спасаясь от бомбардировок.

– «Nessun dorma», – сказал Пино. – «Никто не будет спать».

– Это я смогу сыграть и во сне, но для вас я сыграю сон *mania*, – сказала она, и ее глаза увлажнились. – Идите. Старые друзья не прощаются.

Синьора Наполитано сыграла первые такты так, что Пино захотелось остаться и дослушать до конца. Но его и брата ждали долгие часы пути, и никто не знал, с чем им придется столкнуться.

Пино и Миммо закинули рюкзаки на плечи и двинулись назад. Синьору Наполитано и остальных они потеряли из виду почти сразу, но они слышали ее прекрасную игру, игру со страстью, и каждая нота доносилась до них сквозь разреженный, хрусткий альпийский воздух. Они вышли из леса, надели лыжи, когда она снова набрала темп торжествующей мелодии, и тут словно какая-то радиоволна задела сердце Пино, отдалась в его душе.

Он остановился у озера, чтобы дослушать далекое крещендо. Его глубоко тронула тишина, наступившая, когда музыка смолкла.

«Это прозвучало, как любовь, – подумал Пино. – Когда я влюблюсь, я, наверное, буду чувствовать что-то в этом роде».

Невероятно счастливый, с камусами на лыжах, под ярким зимним солнцем Пино двинулся вверх по склону следом за Миммо в направлении северного амфитеатра Гропперы.

Глава двенадцатая

26 апреля 1944 года

1

Пино разбудили какие-то тренькающие звуки. Почти два с половиной месяца прошло с тех пор, как он вывел синьору Наполитано и семью Д'Анджело в Швейцарию. Он сел, благодарный отцу Ре, который дал ему выспаться после очередного путешествия в Валь-ди-Леи. Затем встал и отметил про себя, что не испытывает никаких болей. Теперь мышцы у него не болели после путешествий. Он чувствовал себя хорошо, чувствовал в себе силу, какой не помнил прежде. Да и почему нет? Он совершил не меньше десятка переходов, после того как синьора Наполитано играла на скрипке для него и Миммо.

Он снова услышал позвякивание и выглянул в окно. Семь волов с колокольчиками на шеях толкались и бодались, пытаясь добраться до выложенных для них охапок сена.

Насмотревшись на волов, Пино оделся. Он входил в столовую, когда снаружи до него донеслись мужские голоса, крики, вопли, угрозы. Встревоженный брат Бормио вышел из кухни. Вместе они пошли к дверям «Каса Альпина». Они увидели отца Ре, который стоял близ маленького крылечка и спокойно смотрел на направленный на него ствол ружья.

Тито, на шее которого был теперь новый красный шарф, смотрел на священника в прорезь прицела. Те же самые три шавки, которые были с Тито на Новый год, стояли за его спиной.

– Я всю зиму говорил твоим парням, чтобы они перестали ходить через Эмет, если ты не будешь платить взнос на освобождение Италии, – произнес Тито. – Я пришел за деньгами.

– Угрожать священнику... – сказал отец Ре. – Ты далеко пошел, Тито.

Тот смерил отца Ре свирепым взглядом, щелкнул предохранителем и сказал:

– Это на помощь Сопротивлению.

– Я поддерживаю партизан, – сказал священник. – Девятнадцатую бригаду имени Гарибальди. И я знаю, что ты не из их числа. Нет среди вас партизан. И шарфы вы носите только потому, что это подходит для ваших

целей.

– Дай мне то, что я хочу, старик, или, хочешь верь, хочешь нет, я сожгу твою школу, а потом убью тебя и всех твоих сволочных ублюдков.

Отец Ре помедлил.

– Я дам тебе деньги. И еду. Убери ружье.

Тито секунду-другую смотрел на священника, его правый глаз подергивался. Он облизнул уголок рта. Потом улыбнулся, опустил ружье и сказал:

– Делай, что я сказал, только не скупись, или я войду внутрь и посмотрю, что у тебя есть на самом деле.

– Жди здесь, – сказал отец Ре.

Священник повернулся, увидел Бормио и Пино за ним.

Войдя внутрь, священник сказал:

– Дайте им трехдневный рацион.

– Отец? – переспросил повар.

– Сделай это, брат, пожалуйста, – сказал отец Ре и пошел дальше в дом.

Брат Бормио неохотно развернулся и последовал за священником, оставив в дверях Пино. Тито увидел его, лукаво улыбнулся и сказал:

– Нет, вы посмотрите, кто у нас здесь. Мой старый приятель с новогодней гулянки. Чего ты там топчешься – выходи. Поздоровайся со мной и ребятами.

– Я, пожалуй, не стану этого делать, – сказал Пино, слыша злость в своем голосе, но не пытаясь ее скрыть.

– Пожалуй, не станешь? – сказал Тито и прицелился в него. – У тебя ведь нет выбора.

2

Пино окаменел. Он по-настоящему ненавидел этого типа. Сойдя с крыльца, он остановился перед Тито и с застывшим лицом уставился на него и его ружье.

– Я смотрю, ты все еще носишь ботинки, которые украл у меня, – сказал он. – Что ты хочешь на сей раз? Мое нижнее белье?

Тито облизнул уголок рта, посмотрел на ботинки и улыбнулся. Потом он сделал шаг вперед и, размахнувшись, ударил Пино прикладом в пах снизу вверх. Пино упал на землю, чуть не взыв от боли.

– Ты спрашиваешь, что я хочу? – спросил Тито. – Как насчет хоть

самой малости уважения к человеку, который пытается избавить Италию от нацистского дерьма?

Пино корчился в талом снегу, стараясь сдержать рвоту.

– Ну, говори, – сказал Тито, стоявший над ним.

– Что говорить? – выдавил Пино.

– Что ты уважаешь Тито. Что Тито – партизанский командир, который доставляет грузы через Шплюген. А ты, парень, подчиняешься Тито.

Невзирая на боль, Пино отрицательно покачал головой. Сквозь сжатые зубы он проговорил:

– Здесь только один главный человек. Отец Ре. И я подчиняюсь только ему и Господу.

Тито поднял ружье прикладом над головой Пино. Пино понял, что тот сейчас раскроит ему череп. Убрав руки от паха, он сжался и защитил ими голову от удара, который так и не последовал.

– Остановись! – раздался крик отца Ре. – Остановись, или, клянусь тебе именем Господа, я позову немцев и скажу им, где тебя искать!

Тито вскинул ружье к плечу и прицелился в отца Ре, который сошел с крыльца.

– Выдашь нас? Ты это хочешь сказать? – спросил Тито.

Пино резко ударил Тито ногой в колено. Тито согнулся. Ружье выстрелило. Пуля прошла мимо отца Ре, врезалась в стену «Каса Альпина».

Пино в один прыжок приблизился к Тито и с силой ударил его по носу, услышал хруст, увидел, как хлынула кровь. Потом он выхватил ружье, встал, передернул затвор и навел ствол на Тито, целясь в голову.

– Прекратите это, черт побери! – сказал отец Ре, сходя с крыльца к Пино и становясь между ним и двумя людьми Тито, которые уже изготовились стрелять в Пино. – Я сказал, что дам тебе деньги на твоё дело и еды на три дня. Не делай глупостей. Забирай, что я даю, и уходи, прежде чем не случилось чего похуже.

– Убейте его! – закричал Тито, утирая кровь рукавом и с ненавистью глядя на Пино и священника. – Убейте их обоих!

Нескольких мгновений тишины им хватило, чтобы принять решение. Потом люди Тито один за другим опустили оружие. Пино облегченно вздохнул, поморщился, все еще чувствуя боль в паху, и отвел ствол от головы Тито. Он отсоединил магазин и вытолкнул последнюю пулю из ствола.

Пино ждал, пока люди Тито брали деньги и еду. Двое из них ухватили Тито под мышки, игнорируя проклятия и оскорбления, которыми он их

осыпал. Пино протянул ружье Тито третьему «партизану».

– Заряжай! Я убью их! – бушевал Тито, а кровь сочилась из его губы и стекала по подбородку.

– Оставь, Тито, – сказал один из них. – Он ведь священник, бога ради.

Двое «партизан» набросили руки Тито себе на плечи, чтобы увести его от «Каса Альпина». Но главарь банды оглянулся и проревел:

– Еще ничего не кончено! В особенности для тебя, парень. Не кончено!

3

Потрясенный Пино стоял рядом с отцом Ре.

– Как ты? – спросил священник.

Пино долго молчал, прежде чем ответить.

– Отец, скажите, это грех, если я задаю себе вопрос: правильно ли я поступил, не убив его?

– Нет, это не грех, – ответил священник. – И ты поступил правильно, что не убил его.

Пино кивнул, но его нижняя губа дрожала, и он изо всех сил подавлял эмоции, которые рвались из груди. Все произошло так быстро, так...

Отец Ре похлопал Пино по спине:

– Веруй. Ты поступил правильно.

Пино кивнул еще раз, но остерегся встречаться со священником взглядом – боялся заплакать.

– Где ты так научился обращаться с ружьем? – спросил отец Ре.

Пино отер глаза, откашлялся и сказал хрипловатым голосом:

– Мой дядюшка Альберт. У него охотничье ружье, «маузер» кажется.

Он меня научил.

– Не могу решить, что ты проявил – отвагу или безрассудство.

– Я не мог позволить Тито убить вас, отец.

Священник улыбнулся и сказал:

– Да благословит тебя за это Господь. Сегодня я не был готов умереть.

Пино рассмеялся, содрогнулся и сказал:

– И я тоже.

Они вернулись в здание школы. Отец Ре достал лед для Пино, а брат Бормио приготовил ему завтрак – Пино мигом его проглотил.

– Ты все растешь. Скоро нам будет тебя не прокормить, – проворчал Бормио.

– А где все? – спросил Пино.

– Ушли кататься на лыжах с Миммо, – сказал отец Ре. – Ко второму завтраку они вернутся.

Пино ел вторую порцию яичницы с колбасой и черным хлебом, когда в комнату нерешительно вошли две женщины, четверо детей, а за ними мужчина лет тридцати с еще двумя мальчиками. Пино сразу же понял, что это беженцы. Он узнал загнанное выражение на их лицах.

– Ты сможешь завтра сходить на перевал? – спросил отец Ре.

Пино пошевелился на стуле, почувствовал тупую боль в паху, но сказал:

– Да.

– Хорошо. А ты можешь оказать мне услугу?

– Что скажете, отец, – ответил Пино.

– Поднимись в часовню и понаблюдай за сигналом из Камподольчино, – сказал отец Ре. – Можешь взять книги, позаниматься.

Двадцать минут спустя Пино опасливо поднялся по приставной лестнице в башню часовни. При нем была сумка с книгами; боль в паху все не проходила. От лучей солнца в башне стало удивительно тепло, слишком тепло для той одежды, которая была на нем.

Он стоял на узеньких мостках, которые вели внутрь шпиля часовни, взглянул туда, где должен был висеть колокол. Отец Ре пока еще не установил его. Пино приоткрыл узкие ставни, посмотрел сквозь просвет в скалах, позволявший ему видеть домик священника в Камподольчино приблизительно в километре внизу. Потом снял с плеча сумку с книгами, вытащил бинокль, который дал ему отец Ре, посмотрел в окуляры и в очередной раз удивился, как сильно приближают линзы дом священника. Он посмотрел на два верхних окна. Занавески задернуты. Это означало, что на перевале Шплюген находится один из немецких патрулей. Они обычно проезжали по дороге вниз, а потом вверх приблизительно в середине дня, в одно и то же время – плюс-минус час.

Пино посмотрел на часы. Они показывали без четверти одиннадцать.

Он постоял, наслаждаясь теплым весенним воздухом, глядя на птиц, летающих среди елей. Он зевнул, потрянул головой, прогоняя невероятное желание снова уснуть, и опять посмотрел в бинокль.

Тридцать минут спустя шторы, к его облегчению, поднялись. Патруль проехал, направляясь по долине к Кьявенне. Пино зевнул, подумал, сколько еще беженцев придет сегодня. Если их будет слишком много, придется разделить группу. Одну часть поведет он, другую – Миммо.

Его брат сильно вырос за последние несколько месяцев. Миммо уже перестал – почти перестал – быть мальчишкой, стал сильным, как и любой

человек, живущий в горах. Пино впервые понял, что видит в младшем брате и лучшего друга, более близкого, чем Карлетто.

Но он подумал о Карлетто, о том, как поживают мать Карлетто и синьор Белтрамини. Он посмотрел на мостки, глаза у него слипались. Он мог бы прилечь, убедиться, что не свалится, и вздремнуть сладким, приятным...

Нет, решил он. Он может свалиться и сломать позвоночник. Он спустится и приляжет на одной из скамеек. Внизу не так тепло, но у него есть куртка и шапка. Всего на двадцать минут...

Пино понятия не имел, как глубоко и на какое время погрузился он в сон без сновидений, но что-то заставило его проснуться. Он открыл заспанные глаза, пытаясь понять, что его разбудило. Оглядел часовню, поднял взгляд на башню и...

Услышал далекий звон. Что это было такое? И откуда он доносился?

4

Пино встал, зевнул, и тут звон прекратился. Но тут же возобновился, словно молот ударял по металлу. И снова прекратился. Пино вспомнил, что оставил сумку с книгами, бинокль и фонарь на мостках. Он поднялся по лестнице, взял сумку, потянулся было к ставням, чтобы закрыть их, и тут опять послышался звон. Пино понял, что это звонит колокол церкви Камподольчино.

Он посмотрел на часы – сколько же он спал? Одиннадцать двадцать? Колокол обычно отбивал часы. А теперь звонил снова и снова...

Пино схватил бинокль, навел на окно. Штора слева была закрыта. В правом окне мигал свет. Пино уставился на него, пытаясь понять, что это значит, потом заметил, что свет загорается и гаснет через неравные промежутки времени. Он гас и снова загорался. Пино понял, что это сигнал. Азбука Морзе?

Он взял свой фонарик и мигнул им два раза. Ему ответили таким же двукратным миганием. Потом стало темно. Прекратился и звон. Затем свет замигал снова – короткими и более долгими вспышками. Когда он погас, Пино вытащил из сумки карандаш, лист бумаги и стал ждать. Когда свет замигал снова, он стал записывать сигналы в их последовательности – короткие и длинные, пока мигание не прекратилось.

Пино не знал азбуку Морзе и не мог понять, что хотел сообщить наблюдатель из Камподольчино. В любом случае Пино догадывался, что

новости тревожные. Он мигнул фонариком два раза, убрал его, второпях спустился по лестнице и бегом бросился к школе.

– Пино! – услышал он крик Миммо.

Его брат неся на лыжах по склону к школе, бешено размахивая палками. Пино проигнорировал его, вбежал в «Каса Альпина», нашел отца Ре и брата Бормио – они разговаривали с беженцами в холле.

– Отец! – выдохнул Пино. – Что-то случилось.

Он рассказал про колокол, шторы и мигающий свет. Показал свою запись священнику. Отец Ре недоуменно посмотрел на точки и тире.

– Они что думают – я знаю азбуку Морзе?

– Вам не обязательно, – сказал брат Бормио. – Ее знаю я.

– Откуда? – спросил отец Ре, передавая ему бумагу.

– Выучил в... – сказал повар, и тут его лицо побелело.

Миммо бросился в комнату, услышав слова брата Бормио:

– Немцы идут к Мотте.

– Я видел их сверху! – закричал Миммо. – Четыре или пять грузовиков в Мадезимо. Солдаты обходят дома один за другим. Мы мчались со всех ног.

Отец Ре оглядел беженцев:

– Мы должны их спрятать.

– Они обещают дом, – сказал брат Бормио.

Одна из женщин-беженек задрожала от страха:

– Нам бежать, отец?

– Они вас выследят, – ответил отец Ре.

Пино вдруг почему-то вспомнил про волов, которые разбудили его утром.

– Отец, – медленно сказал он, – у меня есть одна мысль.

Час спустя Пино, страшно нервничая, поднялся в башню, посмотрел в бинокль отца Ре и увидел немецкий армейский «кюбельваген» – машина вывернула с лесной дороги из Мадезимо, колеса джипа перемалывали и отбрасывали за собой грязь со снегом. Секунду спустя следом появился немецкий грузовик, но Пино не смотрел на него, а пытался увидеть, что там в первой машине за заляпанным грязью лобовым стеклом.

«Кюбельваген» чуть не упал набок, и Пино взгляделся в лицо человека в офицерской форме на переднем пассажирском сиденье. Пино узнал его

даже издалека. Он видел прежде этого человека очень близко.

Охваченный ужасом, Пино спустился по лестнице, выскочил из часовни через дверь за алтарем. Не обращая внимания на звяканье колокольчиков, он вбежал через заднюю дверь в «Каса Альпина» – сначала в кухню, потом в столовую.

– Отец, это полковник Рауфф! – выдохнул он. – Глава миланского гестапо!

– Откуда ты?..

– Я когда-то видел его в мастерской моего дяди, – сказал Пино. – Это он.

Пино боролся с желанием броситься наутек. Полковник Рауфф организовал бойню в Милане. Если он отдал приказ расстреливать невинных евреев в озере, то он не остановится перед убийством священника и группы мальчишек, спасающих евреев.

Отец Ре вышел на крыльцо. Пино остался в холле, не зная, что ему делать. Сработает ли его идея? Или нацисты найдут евреев и убьют всех в «Каса Альпина»?

Автомобиль Рауффа остановился в луже растаявшего снега, близ того места, где днем ранее Тито угрожал убить их всех. Полковник гестапо был таким, каким Пино его запомнил: лысеющий, среднего телосложения, щекастый, остроносый, тонкогубый, с пустыми темными глазами, которые не выдавали ни одной его мысли. На нем были черные сапоги, длинный двубортный кожаный плащ, фуражка с черепом над козырьком.

Взгляд Рауффа остановился на священнике, а когда полковник выходил из машины, на его лице появилась чуть ли не улыбка.

– До вас всегда так трудно добираться, отец Ре? – спросил полковник гестапо.

– Весной бывает нелегко, – ответил священник. – Вы меня знаете, а я вас...

– Штандартенфюрер Вальтер Рауфф, – ответил тот. В этот момент за его машиной остановились два грузовика. – Шеф миланского гестапо.

– Издалека вы приехали, полковник, – сказал отец Ре.

– Слухи о вас доходят даже до Милана, отец.

– Слухи обо мне? От кого? О чем?

– Вы помните семинариста? Джованни Барбарески? Он работал на кардинала Шустера. И кажется, на вас?

– Барбарески служил здесь очень недолго, – сказал отец Ре. – А что с ним случилось?

– Мы его арестовали на прошлой неделе, – сказал Рауфф. – Он

содержится в тюрьме Сан-Витторе.

Пино сдержал дрожь. Тюрьма Сан-Витторе имела печальную славу страшного места в Милане еще до прихода в город нацистов.

– И какие ему предъявлены обвинения? – спросил отец Ре.

– Подлог, – сказал Рауфф. – Он изготавливал фальшивые документы. Большой умелец.

– Мне об этом ничего не известно, – сказал отец Ре. – Барбарески здесь ходил с ребятами в походы и помогал на кухне.

Эти слова, казалось, снова развеселили шефа гестапо.

– У нас уши повсюду, отец. Гестапо подобно Богу. Мы знаем все.

Отец Ре напрягся:

– Что бы вы ни думали на сей счет, полковник, вы не подобны Богу, хотя и были сотворены по Его несравненному подобию.

Рауфф сделал шаг к отцу Ре, посмотрел ледяным взглядом ему в глаза и сказал:

– Не заблуждайтесь, отец. Я могу быть вашим спасителем или вашим приговором.

– И все равно это не делает вас Богом, – бесстрашно сказал отец Ре.

Шеф гестапо несколько секунд выдерживал его взгляд, потом повернулся к своим офицерам:

– Рассеяться. Обыскать каждый сантиметр этого плато. А я посмотрю здесь.

Солдаты стали выпрыгивать из грузовиков.

– Что вы ищете, полковник? – спросил отец Ре. – Может быть, я могу вам помочь?

– Вы прячете евреев, отец? – резко спросил Рауфф. – Вы помогаете им переправляться в Швейцарию?

Пино ощутил острую изжогу, и у него подкосились ноги в коленях.

«Рауфф знает, – в панике подумал Пино. – Нас всех убьют!»

– Полковник, – сказал отец Ре, – я придерживаюсь католического убеждения, что любому человеку, жизнь которого находится под угрозой, необходимо выказывать свою любовь и предлагать убежище. К тому же это традиция Альп. Альпинист всегда помогает тем, кто в опасности. Итальянцам. Швейцарцам. Германцам. Для меня национальность не имеет значения.

Рауфф снова посмотрел на него удивленно:

– И вы помогаете кому-нибудь сегодня, отец?

– Только вам, полковник.

Пино проглотил ком в горле, стараясь не дрожать. «Откуда они

знают?» Его мозг искал ответы.

«Неужели Барбарески заговорил? Нет». Нет, Пино не мог себе представить такое. Но как?..

– Что ж, помогите мне, отец, – сказал шеф гестапо. – Покажите мне вашу школу. Я хочу заглянуть во все уголки.

– С удовольствием, – сказал священник и отошел в сторону.

Полковник Рауфф направился к крыльцу, постучал каблуками, стряхивая с сапог грязь и снег, вытащил люгер.

– А это зачем? – спросил отец Ре.

– Быстрое наказание для нечестивцев, – сказал Рауфф и вошел в холл.

Пино не предполагал, что тот зайдет внутрь, и испугался, когда шеф гестапо внимательно посмотрел на него.

– Я тебя знаю, – сказал Рауфф. – Увидев человека раз, я никогда его не забываю.

Пино, запнувшись, проговорил:

– В мастерской кожаных изделий моего дядюшки и тетушки в Сан-Бабиле?

Полковник наклонил голову, разглядывая его.

– Как тебя зовут?

– Джузеппе Лелла, – ответил он. – А моего дядю – Альберт Альбанезе. Его жена, моя тетушка Грета, австрийка. Вы с ней говорили, кажется. Я прежде иногда работал у них.

– Да, – сказал Рауфф. – Все верно. А почему ты здесь?

– Отец отправил меня сюда, когда начались бомбардировки. И еще – чтобы я учился, как и все ребята здесь.

– Та-к, – проговорил Рауфф, помедлил, а потом двинулся дальше.

Отец Ре с каменным выражением лица посмотрел на Пино и последовал за шефом гестапо, который остановился перед широким входом в столовую.

Рауфф огляделся.

– Чистое место, отец. Мне нравится. А где остальные мальчики? Сколько их всего теперь?

– Сорок, – ответил отец Ре. – Трое больны, лежат в кровати с гриппом, двое помогают на кухне, пятнадцать катаются на лыжах, а остальные пытаются поймать волков, которые убежали с фермы в Мадезимо. Если не поймать их, пока не сойдет снег, они взбесятся в горах.

– Волы, – повторил полковник, взвешивая увиденное: столы, скамьи, столовые приборы, расставленные к вечерней трапезе. Он открыл дверь на кухню, где брат Бормио чистил картошку с двумя младшими мальчиками. –

Безукоризненно, – одобрительно сказал Рауфф и закрыл дверь.

– Мы школа, сертифицированная властями округа, – сказал отец Ре. – Многие наши ученики из лучших семейств Милана.

Шеф гестапо снова посмотрел на Пино и сказал:

– Вижу-вижу.

Полковник осмотрел спальни и комнату Пино и Миммо. У Пино чуть не случился сердечный приступ, когда Рауфф наступил на незакрепленную доску в полу, под которой лежал приемник. Но мгновение спустя полковник пошел дальше. Он осмотрел все кладовки, место, где спал брат Бормио. Наконец он подошел к запертой двери.

– Что там? – спросил он.

– Моя комната, – ответил отец Ре.

– Откройте ее, – сказал Рауфф.

Отец Ре достал ключ из кармана, отпер дверь. Пино никогда не видел комнаты, в которой спал отец Ре. Никто ее не видел. Дверь всегда была закрыта. Когда Рауфф распахнул ее, Пино увидел маленькую комнату, узкую кровать, крохотный шкафчик, лампы, тесаный стол и стул, Библию и распятие на стене рядом с иконой Девы Марии.

– И вы здесь живете? – спросил Рауфф. – Это все ваши вещи?

– А что еще нужно слуге Господа? – сказал отец Ре.

Полковник на миг задумался. Потом повернулся и сказал:

– Жизнь аскета, жизнь, наполненная смыслом, отказ от благ и истинное благородство. Да вы просто образец для подражания, отец Ре. Моим бы офицерам поучиться у вас. Большой части армии Сало хорошо бы у вас поучиться.

– Я ничего об этом не знаю, – ответил священник.

– Ваш спартанский образ жизни восхищает меня, – серьезно сказал Рауфф. – Такой отказ от благ всегда создавал великих воинов. Вы в сердце воин, отец?

– Воин за Христа, полковник.

– Понятно, – сказал полковник, закрывая дверь. – И тем не менее о вас и вашей школе ходят скверные слухи.

– Не могу даже и представить, в чем их причина, – сказал отец Ре. – Вы все осмотрели. Если хотите, можете даже осмотреть подвал – там у нас кладовка.

Шеф гестапо помолчал несколько секунд, потом сказал:

– Я пошлю туда одного из моих людей.

– Я покажу ему, где это, – сказал священник. – Много копать ему не придется.

- Копать?
- У двери все еще метровый слой снега.
- Покажите мне, – сказал Рауфф.

Они в сопровождении Пино вышли из дома. Отец Ре завернул за угол, когда из елового леса за часовней раздались мальчишеские крики и визги. Четыре эсэсовца уже двинулись в ту сторону.

– Что это? – спросил полковник Рауфф, и в этот момент из-за деревьев выбежал вол, он мычал, пробираясь по снегу.

Миммо и другие ребята гнали его прутьями в сторону огороженной площадки близ школы, эсэсовцы наблюдали за ними.

Миммо, тяжело дыша и ухмыляясь, прокричал:

– Другие волы все еще в лесу у скалы, отец Ре! Мы их окружили, но они не хотят идти, как этот.

Прежде чем священник успел ответить, полковник Рауфф сказал:

– Вы должны построиться клином и погнать первого, куда вам надо. Остальные последуют за ним.

Отец Ре посмотрел на шефа гестапо, и тот добавил:

– Я вырос на ферме.

Миммо неуверенно взглянул на отца Ре.

– Я покажу вам, – сказал Рауфф, и Пино чуть не упал в обморок.

– В этом нет необходимости, – быстро сказал священник.

– Да нет, это будет забавно, – сказал полковник. – Я не занимался такими вещами много лет. – Рауфф посмотрел на своих солдат. – Вы четверо – со мной. – Потом он посмотрел на Миммо. – Сколько в лесу мальчиков?

– Около двадцати.

– Более чем достаточно, – сказал полковник и двинулся в сторону елей.

– Помоги ему, Пино! – прошептал отец Ре.

Пино не хотелось, но он побежал следом за немцами.

– Где вам нужны ребята, полковник? – спросил Пино, надеясь, что дрожь в его голосе не будет заметна.

– Где сейчас волы? – спросил Рауфф.

– Их прижали к скале, – сказал Миммо.

Они почти подошли к деревьям, где храпели и мычали невидимые волы. Пино хотелось развернуться и броситься наутек, но он продолжал идти. Ситуация, казалось, взбодрила шефа гестапо. Взгляд его перестал быть тусклым и темным, глаза теперь были широко раскрыты и блестели. Он улыбался от возбуждения. Пино огляделся, прикидывая, куда ему бежать, если дела примут скверный оборот.

Полковник Рауфф вошел в рощу, которая имела форму полумесяца, огибающего скалу.

– Волы здесь, справа, – сказал Миммо.

Рауфф убрал пистолет в кобуру и последовал за Миммо по снегу, который нигде не был таким глубоким, как в лесу. Волы побывали здесь повсюду – где-то оставили утоптаный снег, где-то – кучи навоза.

Миммо, а за ним шеф гестапо поднырнули под несколько низких ветвей, прошествовали мимо одной из самых крупных елей. Желудок у Пино готов был вывернуться наизнанку. Солдаты шли за Рауффом, Пино замыкал шествие. Он поднял голову, но не увидел беженцев, прятавшихся высоко на деревьях. Их следы были затоптаны волами.

«Слава богу», – подумал Пино, глядя на Рауффа, направляющегося к ребятам из «Каса Альпина», рассеявшимся по леску. Они окружили шесть оставшихся волов, а те покачивали головами, недовольно мычали и искали какой-нибудь выход, кроме скалы перед ними.

– Когда я дам команду, шесть ребят в середине отойдут и разделятся на две группы по трое, – сказал Рауфф, приложив одну ладонь к другой и раздвигая пальцы. – Нам нужно сделать вот такой клин. Когда они начнут двигаться, остальные мальчики побегут спереди, чтобы волы следовали за ними, куда нам нужно. Ребята по сторонам сохраняют конфигурацию клина. Коровы, волы – они, как евреи, следуют за теми, кто впереди.

Пино проигнорировал концовку, но слова команды прокричал мальчикам. Когда первый вол побежал, остальные в панике последовали за ним. Они неслись по лесу, мыча и ломая ветки на своем пути, а ребята по бокам не давали им уйти в стороны, сжимая клин, и волы вскоре уже бежали почти цепочкой.

– Так! Так! – кричал полковник Рауфф, который бежал за последним волком. – Именно этого я и добивался!

Пино следовал по леску за шефом гестапо, хотя и на некотором расстоянии. Волы выбежали из леса, разбежаться им не позволяли мальчики по бокам; немцы, включая Рауффа, который ни разу не обернулся, шли следом. Наконец Пино позволил себе оглянуться на большие ели. Их высота достигала двенадцати метров, и его взгляд уловил близко к вершине какие-то неясные очертания человеческой фигуры, цепляющейся за ствол.

Он медленно вышел из леска, увидел, что волы уже загнаны в огороженный участок и едят сено.

– Ух ты, – сказал полковник Рауфф. Он тяжело дышал и, когда подошел Пино, смотрел, улыбаясь, на отца Ре. – Это было забавно. Мальчишкой я часто занимался такими вещами.

– Кажется, вам понравилось, – сказал священник.

Шеф гестапо закашлялся, рассмеялся и кивнул. Потом он посмотрел на лейтенанта и пролаял что-то по-немецки. Лейтенант принялся кричать и дуть в свисток. Солдаты, обыскивавшие пристройки и дома жителей Мотты, бегом вернулись к грузовикам.

– Подозрения у меня остаются, отец, – сказал полковник Рауфф, протягивая руку.

Пино затаил дыхание.

Священник пожал руку немцу:

– Добро пожаловать в любое время, полковник.

Рауфф сел в «кюбельваген». Отец Ре, брат Бормио, Пино, Миммо и другие молча стояли, глядя, как разворачиваются грузовики. Они дождались, когда немцы отъехали на пятьсот метров по скользкой дороге в Мадезимо, и наконец разразились радостными криками.

7

– Я не сомневался: они знают, что мы спрятали вас в деревьях, – сказал Пино несколько часов спустя.

Он, отец Ре и беженцы сидели в столовой и ели.

Отец двух мальчиков сказал:

– Я видел, что полковник идет в нашу сторону. Он прошел прямо под нашим деревом. Два раза!

Они все начали смеяться, как могут смеяться только люди, минуту назад избежавшие смерти, – с сомнением, благодарностью и заразительно.

– Отличный план, – сказал отец Ре, похлопав Пино по плечу и поднимая бокал с вином. – За Пино Леллу!

Беженцы подняли бокалы, Пино сделал то же самое. Он почувствовал смущение, оказавшись в центре внимания, улыбнулся.

– Самое главное сделал Миммо, – сказал он.

Но ему было приятно, он даже пребывал в некоторой эйфории. Чувствовал себя могущественным – это надо же: так провести нацистов. Он на свой манер дал им отпор. Они все дали им отпор, стали частью растущего Сопротивления. Италия – не Германия. Италия никогда не станет Германией.

Альберто Аскари вошел в «Каса Альпина», не позвонив. Он появился в дверях столовой, держа шапку в руке, и сказал:

– Извините, отец Ре, но у меня срочное сообщение для Пино. Его отец звонил в дом моего дяди и просил меня найти Пино и передать ему кое-что.

У Пино внутри словно образовалась пустота. Что случилось? Кто-то умер?

– Что такое? – спросил он.

– Твой отец просит тебя как можно скорее вернуться домой, – сказал Аскари. – В Милан. Он сказал, это вопрос жизни и смерти.

– Чьей жизни и смерти? – спросил Пино, вставая.

– Я так понял, что твоей, Пино.

Часть третья

Соборы человека

Глава тринадцатая

1

Двенадцать часов спустя Пино сидел на пассажирском сиденье форсированного «фиата» Аскари, почти не замечая пропастей за обочинами серпантина из Мадезимо в Камподольчино. Он не смотрел на бледно-зеленые весенние листочки, не чувствовал запаха цветения в воздухе. Его мысли все еще оставались в «Каса Альпина», откуда он уезжал с неохотой.

– Я хочу остаться и помогать, – сказал он отцу Ре предыдущим вечером.

– И мне нужна твоя помощь, – сказал священник, – но дело, кажется, серьезное, Пино. Ты должен подчиниться отцу и вернуться домой.

Пино показал на беженцев:

– А кто доведет их до Валь-ди-Леи?

– Миммо, – сказал отец Ре. – Ты хорошо его подготовил. И не только его.

Пино так расстроился, что спал урывками и пребывал в удрученном состоянии, когда за ним пришел Аскари, чтобы отвезти на вокзал в Кьявенне. Он провел в «Каса Альпина» семь месяцев, но ему казалось, что прошли годы.

– Ты приедешь проведать меня, когда сможешь? – спросил отец Ре.

– Конечно, отец, – сказал Пино. Они обнялись.

– Верь, что у Господа есть на тебя планы, – сказал священник. – И береги себя.

Брат Бормио дал ему еды в дорогу и тоже обнял на прощание.

Пино едва ли произнес с десяток слов, пока они с Аскари спускались в долину.

– Хорошо хоть ты успел научить меня кататься на лыжах, – сказал Аскари.

Пино позволил себе слегка улыбнуться и сказал:

– Ты быстро учишься. Жаль, что я не закончил обучение на водителя.

– Ты очень, очень хорошо едешь, Пино, – сказал Аскари. – Ты чувствуешь машину, у тебя есть ощущение дороги – это редкий дар.

Пино с удовольствием выслушал похвалу. Аскари был выдающимся водителем. Альберто продолжал удивлять его теми трюками, какие можно

исполнять за рулем, и, словно в подтверждение этого, он так мчал их по дороге в Кьявенну, что у Пино только дух захватывало.

– Страшно подумать, что бы ты делал в реальной гонке, – сказал Пино, когда они остановились у вокзала.

Аскари усмехнулся:

– Еще не вечер, как говорит мой дядя. Вернешься летом? Чтобы закончить обучение?

– Хотелось бы, – сказал Пино, покачивая головой. – До встречи, мой друг. И держись подальше от обочины.

– Непременно, – сказал Аскари и рванул с места.

Пино спустился с большой высоты в низину, где было почти на тридцать градусов ^[12] теплее, чем в Мотте. В Кьявенне распускались цветы. В воздухе висели их аромат и пыльца. Весна в Южных Альпах не всегда такая сказочная, отчего Пино с еще большей неохотой покупал билет. Показав документы немецкому солдату, он сел в поезд, направляющийся в Комо и Милан.

Первый вагон, в котором он оказался, был наполнен итальянскими солдатами. Пино вышел и двинулся вдоль состава в поисках вагона, где не было бы столько народа. Найдя такой вагон, он вошел, снял рюкзак, и, чувствуя сонливость, положил его под голову и уснул.

2

Три часа спустя поезд остановился на Центральном вокзале Милана – вокзал тоже бомбили, но разрушений было не много. Вот только теперь пассажиров проверяли не итальянские, а немецкие солдаты. Немцы все взяли под контроль. Пино прошел по платформе через вокзал, держась подальше от итальянских солдат с поезда, потом увидел немецких солдат, презрительно поглядывавших на итальянских.

– Пино!

Навстречу ему бежали отец и дядя Альберт. Оба они сильно постарели по сравнению с тем, какими он запомнил их на Рождество, волосы на висках поседели, щеки впали, кожа посерела.

– Альберт, ты посмотри, как он вымахал! – воскликнул Микеле.

Дядя Альберт смотрел на Пино, разинув рот.

– Семь месяцев – и ты из мальчика превратился во взрослого мужчину. Чем тебя кормит отец Ре?

– Брат Бормио – великий повар, – сказал Пино, глуповато

усмехнувшись.

Ему льстили их слова. Он был так рад видеть их обоих – даже забыл, что расстроен.

– Почему ты меня вызвал, папа? – спросил он, когда они вышли на улицу. – Мы делали важное дело в «Каса Альпина», хорошее дело.

Лицо дяди помрачнело. Он отрицательно покачал головой и сказал вполголоса:

– Мы не будем говорить о плохих или хороших делах здесь. Подождем немного, ладно?

Они взяли такси. После десяти с половиной месяцев бомбардировок Милан стал похож на поле боя. В некоторых районах почти семьдесят процентов зданий превратились в руины, но по улицам все еще можно было проехать. Вскоре Пино понял почему. Десятки сутулых людей с пустыми глазами, облаченных в серую форму, очищали улицы – кирпич за кирпичом, камень за камнем.

– Кто они? – спросил он. – Эти в сером?

Дядя Альберт положил руку на колено Пино, показал пальцем на водителя и отрицательно покачал головой. Пино обратил внимание, что водитель постоянно поглядывает в зеркало заднего вида, и понял: пока они не доберутся до дома, спрашивать о чем-либо бесполезно.

Ближе к Дуомо и Сан-Бабиле сохранилось больше домов. Многие без единой царапинки. Они проехали мимо канцелярии кардинала. Перед воротами стоял немецкий штабной автомобиль, генеральский, судя по флажку на капоте.

На улицах вокруг собора было много высокопоставленных немецких офицеров и их автомобилей. Им пришлось выйти из такси и пройти в Сан-Бабилу через укрепленный пропускной пункт, обложенный мешками с песком.

Предъявив документы, они молча прошли по одному из самых малоповрежденных районов Милана. Магазины, рестораны и бары были открыты, там сидели немецкие офицеры и их женщины. Отец Пино повел их на Корсо дель Литторио, приблизительно в четырех кварталах от прежнего дома; это все еще был район моды, но ближе к Ла Скала, «Галерее» и Пьяцца Дуомо.

– Приготовь еще раз документы, – сказал отец, доставая свои.

Он вошли в здание и тут же наткнулись на двух эсэсовцев, что удивило Пино. Неужели немцы охраняют все здания в Сан-Бабиле?

Часовые знали Микеле и дядюшку Пино, их бумаги они почти не смотрели. А документы Пино разглядывали долго и пристально, потом

пропустили их всех. Они вошли в кабину лифта. Когда проезжали пятый этаж, Пино увидел еще двух часовых перед дверью. Вышли на шестом этаже, прошли в конец короткого коридора и вскоре оказались в новой квартире Лелла. Она была гораздо меньше их дома на Виа Монтенаполеоне, но ее уже уютно обставили. Повсюду Пино узнавал руку матери.

Отец и дядя безмолвно показали ему, чтобы он поставил свои вещи и шел за ними. Они прошли через застекленные двери на террасу на крыше. На востоке в небо врезались шпили собора. Дядя Альберт сказал:

– Здесь можно говорить.

– Почему немцы на площадке под нами? – спросил Пино.

Отец показал ему на антенну, установленную чуть ниже них на стене террасы.

– Это антенна коротковолнового приемника, расположенного в квартире под нами. Прежнего владельца – дантиста – немцы выкинули в феврале. Туда пришли рабочие и целиком все перестроили. Насколько нам известно, там останавливаются важные нацисты, приезжающие в Милан. Если приедет Гитлер, он тоже остановится там.

– Этажом ниже нас? – обескураженно спросил Пино.

– Это новый и опасный мир, Пино, – сказал дядя Альберт. – В особенности для тебя.

– Поэтому мы и вызвали тебя домой, – сказал отец, прежде чем Пино успел сказать что-либо. – Тебе меньше чем через двадцать дней исполнится восемнадцать лет, а это означает, что ты подлежишь призыву.

Пино поморщился:

– И?..

– Если ты дождешься призыва, тебя заберут в армию Муссолини.

– Всех новобранцев немцы отправляют на русский фронт, – сказал Микеле, заламывая руки. – Ты станешь пушечным мясом. Ты умрешь, и мы не можем этого допустить, когда война так близка к завершению.

Война близилась к завершению. Пино знал это. Он только вчера слышал по приемнику, который оставил у отца Ре, что союзники снова ведут сражение за Монте-Кассино, монастырь на скале, куда немцы подняли крупнокалиберную артиллерию. В конечном счете монастырь и гарнизон были уничтожены бомбардировками. Как и городок внизу. Союзники были готовы начать прорыв по всей линии укреплений Густава к югу от Рима.

– И что я должен делать? – спросил Пино. – Спрятаться? Тогда мне лучше оставаться в «Каса Альпина», пока союзники не прогонят немцев.

Отец отрицательно покачал головой:

– Призывная комиссия уже начала искать тебя. Они знали, что ты там. Через несколько дней после твоего дня рождения кто-нибудь явится в «Каса Альпина» и заберет тебя.

– И что же я должен делать? – еще раз спросил Пино.

– Мы хотим, чтобы ты завербовался на военную службу, – сказал дядя Альберт. – Если ты завербуешься, мы сможем устроить тебя в такое место, где тебе не будет грозить опасность.

– В Сало?

Его отец и дядя переглянулись, потом отец ответил:

– Нет, у немцев.

В животе у Пино похолодело.

– Работать у нацистов? Носить свастику? Нет. Никогда.

– Пино, – начал отец. – Это...

– Ты знаешь, чем я занимался последние шесть месяцев? – сердито спросил Пино. – Я переводил евреев и других беженцев через Гропперу в Швейцарию, они бежали от нацистов, от подонков, которые расстреливают из автоматов ни в чем не повинных людей! Я никогда не буду служить у них.

На несколько мгновений наступила тишина. Отец и дядя разглядывали его. Наконец дядя Альберт сказал:

– Ты изменился, Пино. Ты не только выглядишь мужчиной, но и рассуждаешь, как мужчина. Поэтому я тебе говорю: если ты сам не убежишь в Швейцарию и не пересидишь там войну, тебя так или иначе призовут в армию. Первый вариант: ты будешь ждать призыва. После трех недель подготовки тебя отправят на север сражаться с Советами, а там смертность среди итальянских новобранцев достигает пятидесяти процентов. А это означает, что шансов дожить до девятнадцатилетия у тебя пятьдесят на пятьдесят.

Пино хотел было возразить, но дядя поднял руку:

– Я не закончил. Второй вариант: один мой знакомый определит тебя в немецкую армию, в подразделение, которое называется «Организация Тодта»^[13], или «ОТ». Они не сражаются. Они строят. Ты будешь в безопасности и, возможно, научишься кое-чему.

– Я хочу сражаться с немцами, а не работать на них.

– Это просто мера предосторожности, – сказал отец. – Ты сам сказал, что война вскоре закончится. Возможно, ты дальше лагеря для новобранцев и не попадешь.

– А что я скажу людям?

– Никто не узнает, – сказал дядя Альберт. – Мы всем будем говорить, что ты все еще в Альпах у отца Ре.

Пино ничего не сказал. Он чувствовал логику в словах отца, но от такой логики у него во рту появился неприятный вкус. Никакое это не Сопротивление. Это симуляция, отлынивание, трусость.

– Я должен ответить сейчас? – спросил Пино.

– Нет, – сказал отец. – Но через день-другой.

– А пока сходим-ка со мной в магазин. Ты можешь кое-чем помочь Туллио.

Лицо Пино расплылось в улыбке. Туллио Галимберти! Он не видел Туллио... семь месяцев? Интересно, Туллио все еще следит за полковником Рауффом в Милане? Еще он подумал о том, что у Туллио наверняка новая девушка.

– Хорошо, – сказал Пино. – Ты же обойдешься без меня какое-то время, папа?

– Иди, – сказал Микеле. – Мне тут нужно заняться бухгалтерией.

3

Пино с дядей вышли из квартиры, снова сели в лифт, проехали мимо часовых у квартиры на пятом этаже. Часовые при входе кивнули им.

Они прошли лабиринтом улиц к магазину «Продажа чемоданов Альбанезе», по дороге дядя Альберт расспрашивал Пино про Альпы. В особенности на него произвела впечатление система оповещения, изобретенная отцом Ре, а также хладнокровие и изобретательность, которые позволили Пино выйти живым из нескольких рискованных ситуаций.

В магазине, к счастью, не было посетителей. Дядя Альберт вывесил табличку «Закрито», опустил жалюзи. Из глубины магазина вышли тетя Грета и Туллио Галимберти.

– Нет, какой он стал большой! – сказала Туллио тетя Грета.

– Просто громила, – сказал Туллио. – И лицо у него изменилось. Некоторые девушки даже называли бы его красивым. Если бы он стоял рядом со мной.

Туллио оставался прежним шутником, но трудности жизни пообтесали его взрывную, независимую натуру. Он смотрел куда-то вдаль и курил одну сигарету за другой; казалось, он сильно похудел.

– Я вчера видел того немца, за которым ты следил, – полковника

Рауффа.

Туллио побледнел:

– Ты вчера видел Рауффа?

– Говорил с ним, – сказал Пино. – Ты знаешь, что он вырос на ферме?

– Я понятия не имел, – сказал Туллио, стрельнув глазами в сторону дяди Альберта.

Дядюшка помедлил, прежде чем сказать:

– Мы надеемся, ты умеешь хранить тайны? – Пино кивнул. – Полковник Рауфф хочет допросить Туллио. Если его поймают, то отведут в отель «Реджина», будут пытаться, а потом отправят в тюрьму Сан-Витторе.

– Вместе с Барбарески? – спросил Пино. – За подложные документы?

Все в комнате недоуменно посмотрели на Пино.

– Ты его знаешь? – спросил Туллио.

Пино рассказал о разговоре с Рауффом, потом добавил:

– Рауфф сказал, что Барбарески в тюрьме Сан-Витторе.

Туллио в первый раз улыбнулся:

– Был там до вчерашнего вечера. Барбарески бежал!

Пино смотрел с недоумением. Он помнил семинариста, каким тот был в первый день бомбардировок, и попытался представить, как тот мог заняться подделкой документов, а потом бежать из тюрьмы. Из Сан-Витторе, подумать только!

– Это хорошая новость, – сказал Пино. – Так ты здесь прячешься, Туллио? Это разумно?

– Я меняю место. Каждый день.

– А это осложняет наше положение, – сказал дядя Альберт. – До того как Рауфф начал проявлять к нему интерес, Туллио свободно перемещался по городу, исполнял разные задания Сопротивления, а теперь нет. Я тебе уже говорил: ты можешь помочь нам кое в чем.

Пино радостно сказал:

– Для Сопротивления – что угодно.

– У нас есть бумаги, которые нужно доставить сегодня до комендантского часа, – сказал дядя Альберт. – Мы дадим тебе адрес. А ты отнесешь туда бумаги. Сможешь?

– Какие бумаги?

– Тебя это не должно интересовать.

– Но если немцы поймают тебя с ними, – откровенно сказал Туллио, – и если они поймут, что там написано, тебя казнят. Они убивали и за меньшее.

Пино посмотрел на пакет, который протянул ему дядя Альберт. Кроме

вчерашнего дня и того случая с гранатой, когда погиб Никко, не было ничего такого со стороны немцев, что грозило бы ему опасностью. Но теперь немцы в Милане были повсюду. И любой из них может его остановить и обыскать.

– Значит, это важные бумаги?

– Да.

– Тогда меня не поймают, – сказал Пино и взял пакет.

Час спустя он вышел из магазина с велосипедом дядюшки. Он показал документы на пропускном пункте Сан-Бабилы, потом на еще одном – с западной стороны собора, но никто не обыскивал его, и, казалось, им мало интересовались.

Только во второй половине дня добрался он до указанного в адресе дома в юго-восточном квартале Милана. Чем дальше он уезжал от центра города, тем больше разрушений видел. Пино крутил педали по разбитым, обгоревшим улицам, где царили отчаяние и нужда. Он подъехал к воронке от бомбы и ощутил запах гниения. Смеялись дети. Четверо или пятеро, черные от грязи; они взбирались на останки выгоревшего сооружения.

Где они были? Видели ли бомбежки? Пожары? Есть ли у них родители? Или это бездомные мальчишки? Где они живут? Здесь?

При виде детей, играющих среди развалин, он расстроился, но не стал останавливаться и последовал дальше, в направлении, которое указал ему Туллио. Пино проехал по выжженному кварталу в соседний, где сохранилось больше домов. Город был похож на раскуроченное пианино: часть клавиш отсутствует, часть сломана, но некоторые остались – желтые и красные на черном фоне.

Он увидел два многоквартирных дома, стоящих стена к стене. Следуя инструкции Туллио, Пино вошел в правое здание, в котором кипела жизнь. Грязные детишки шатались по коридору. Двери многих квартир стояли открытыми, люди в комнатах выглядели потрепанными жизнью. В одной из квартир играла пластинка, ария из «Мадам Баттерфляй», как он понял, в исполнении его родственницы Личии.

– Кого вы ищете? – спросил грязный мальчишка.

– Квартиру шестнадцать-бэ, – сказал Пино.

Мальчишка направил его дальше по коридору.

Пино постучал, дверь чуть приоткрылась на длину цепочки.

Человек, говоривший на итальянском с сильным акцентом, спросил:

– Что?

– Туллио отправил меня к Баке, – сказал Пино.

– Он жив?

– Два часа назад был жив.

Эти слова, казалось, удовлетворили человека. Он снял цепочку и открыл дверь ровно настолько, чтобы Пино мог протиснуться в квартиру-студию. Бака был славянином, невысокого роста, мощного сложения, черноволосый, с приплюснутым носом, массивными руками и плечами. Пино возвышался над ним, но в его присутствии чувствовал некоторую робость.

Бака разглядывал его секунду-другую, потом сказал:

– Вы что-нибудь принесли?

Пино выудил конверт из кармана брюк, протянул его Баке. Тот, не говоря ни слова, взял конверт и ушел.

– Воды хотите? – спросил он, вернувшись. – Она здесь. Пить и уходить. До комендантский час.

После долгой поездки Пино мучила жажда, и он сделал несколько глотков, потом огляделся и понял, кто такой Бака и чем занимается. На узкой кровати лежал открытый кожаный чемодан с мощными замками и ремнями. Внутренности чемодана были сделаны по специальному заказу, с мягкой прокладкой; внутри лежали коротковолновая рация, ручной генератор, две антенны, инструмент и два кристалла кварца в запас.

Пино показал на рацию:

– И с кем вы разговариваете?

– С Лондоном, – рявкнул он, читая бумаги. – Новенький. Мы ее получить всего три дня назад. Старый сломался, и мы две недели молчать.

– Давно вы здесь?

– Парашютировался шестнадцать недель назад за пределами города, сюда пришел пешком.

– И все время провели в этой квартире?

Радист фыркнул:

– Если бы так, Бака уже как пятнадцать недель был бы мертв. У немцев есть машин, который ловят радиосигнал. У них целых три такие машин, они с их помощью... как это сказать?... делать триангуляция, засекают место наш передатчик, а потом нас убивают, а рации уничтожают. Вы знаете, какое наказание за хранение рации?

Пино отрицательно покачал головой.

– Меньше знать, лучше спать, – сказал Бака, издал шипящий звук, провел пальцем по горлу и улыбнулся.

– И вы меняете место?

– Каждые два сутки. Посреди дня. Бака рискует – берет чемодан – и в дальний путь в другая пустая квартира.

У Пино была масса других вопросов, но он чувствовал, что злоупотребляет доверием.

– Я еще вас увижу?

– Кто это может знать?

4

Пино быстро покинул квартиру. Он сел на велосипед и поехал в теплых лучах предвечернего солнца. Проезжая по разрушенному городу, он снова чувствовал себя полезным. Пусть он выполнил всего лишь малое поручение, но он знал, что сделал нужное дело, а потому настроение у него улучшилось. Он не пойдет в немецкую армию. Он присоединится к Сопротивлению. И говорить тут больше не о чем.

Пино направлялся на север к Пьяццале Лорето. Он добрался до магазина «Фрукты-овощи», когда синьор Белтрамини опускал маркизы. Отец Карлетто сильно постарел со времени их последней встречи. На его лице пролегли морщины забот и тревог.

– Здравствуйте, синьор Белтрамини, – сказал он. – Это я, Пино.

Синьор Белтрамини прищурился, оглядел его с ног до головы, потом закинул назад голову и зашелся смехом.

– Пино Лелла? Да у тебя такой вид, будто ты съел Пино Лелла!

Пино рассмеялся:

– Забавно.

– Ну так что ж, мой юный друг, как пережить те испытания, которым подвергает тебя жизнь, если ты не можешь смеяться и любить? А разве это не одно и то же?

Пино задумался.

– Пожалуй. Карлетто дома?

– Наверху. Помогает матери.

– Как она?

Улыбка исчезла с лица синьора Белтрамини. Он покачал головой:

– Плохо. Доктора говорят, ей осталось шесть месяцев, а то и меньше.

– Сочувствую, синьор.

– И я благодарен за все те мгновения, что мы прожили вместе, – сказал Белтрамини. – Пойду позову тебе Карлетто.

– Спасибо, – сказал Пино. – Передайте мой привет синьоре.

Синьор Белтрамини двинулся к двери, но вдруг остановился:

– Мой сын скучал по тебе. Он говорит, что лучше друга у него не

было.

– Я тоже скучал по нему, – сказал Пино. – Нужно было написать, но это нелегко... мы там были заняты такими делами...

– Он поймет, но ты не забывай его, ладно?

– Обещаю, – сказал Пино. – А я никогда не забираю свои обещания назад.

Синьор Белтрамини прикоснулся к бицепсам и руке Пино:

– Бог мой, ты сложен, как скаковая лошадь!

Минут пять спустя в дверях появился Карлетто:

– Привет.

– Привет, – сказал Пино, слегка ущипнув его за руку. – Рад тебя видеть.

– Да? И я тоже.

– Ты вроде не очень в этом убежден.

– У мамы сегодня был трудный день.

Пино почувствовал холодок в желудке. Он не видел собственную мать с Рождества и вдруг понял, что ему не хватает Порции и даже Сиччи.

– Трудно даже представить.

Они болтали и шутили минут пятнадцать, наконец заметили, что начало смеркаться. Пино раньше не жил при комендантском часе, и ему хотелось оказаться в их новой квартире задолго до наступления темноты. Они договорились встретиться в ближайшие дни, пожали друг другу руки и расстались.

Пино было больно уезжать от Карлетто. Его старый друг показался ему потерянным, замкнутым. До начала бомбежек Карлетто был остроумным и забавным, как и его отец. Теперь он погрузился, словно внутри посерел, как те люди, которые убирали улицы. На пропускном пункте Сан-Баилы солдат узнал Пино и махнул ему – проезжай, мол.

«Я вполне мог бы проехать и с пистолетом», – подумал Пино, нажимая на педали, и тут услышал крики у себя за спиной.

Он оглянулся через плечо. Солдаты с пропускного пункта бежали за ним, держа у пояса автоматы. Он в ужасе остановился и поднял руки.

Они пробежали мимо Пино, завернули за угол. Сердце у него так колотилось, что круги пошли перед глазами, ему потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя и ехать дальше. Что здесь случилось? Куда побежали солдаты? Потом он услышал звуки автомобильных гудков. Скорая помощь? Полиция?

Он завернул за угол, огляделся, увидел, что немцы обыскивают человека лет сорока. Человек стоял, широко расставив ноги и опершись

руками о стену. Судя по всему, чувствовал он себя неважно, но все стало гораздо хуже, когда один из солдат вытащил пистолет у него из-за пояса.

– Per favore! – воскликнул он. – Он у меня только для защиты магазина и когда я хожу в банк!

Один из солдат прокричал что-то по-немецки. Солдаты отошли на несколько шагов назад. Один из них вскинул винтовку и выстрелил человеку в голову. Тот обмяк и сполз по стене на землю.

Пино в ужасе отскочил. Один из солдат увидел его, прокричал что-то. Пино запрыгнул на велосипед и как сумасшедший принялся крутить педали. Он проехал объездным маршрутом и вскоре благополучно добрался до дома на Корсо дель Литторио.

Часовые в холле сменились и осматривали его теперь внимательнее, чем прежние. Один прощупал его, два раза проверил документы и только после этого пропустил к лифту. Кабина поехала вверх, а перед глазами Пино все стояла сцена убийства.

Потрясенный и полубольной от этих воспоминаний, он ощутил вкусные запахи из новой квартиры, только когда уже стучал в дверь. Его дядя открыл ее и впустил его.

– Мы беспокоились, – сказал дядя Альберт, закрыв дверь. – Тебя долго не было.

– Заезжал повидать Карлетто, – сказал Пино.

– Слава богу. А в остальном без проблем?

– Я видел, как немцы убили человека за то, что у него был пистолет, – глухо сказал Пино. – Пристрелили, будто он ничто. Ничто.

Прежде чем дядя успел ответить, в коридоре появилась Порция, широко раскинула руки и вскрикнула:

– Пино!

– Мама!

Эмоции захлестнули Пино, он бросился к матери. Обнял, оторвал ее от пола, сделал разворот, поцеловал ее, вызвав бурю восторга. Он еще раз развернулся вместе с ней.

– Все, все, хватит! Поставь меня.

Пино мягко опустил мать на ковер. Порция разгладила на себе платье, прежде чем посмотреть на него. Она покачала головой.

– Отец сказал, что ты вырос, но я... А мой Доменико? Он теперь такой

же большой, как и ты?

– Ну, не выше меня, но сильнее, – сказал Пино. – Миммо теперь такой крутой парень!

– Я так счастлива быть в моем новом доме с моим большим мальчиком, – сказала Порция, ее лицо озарила улыбка, а в глазах появились слезы.

Из кухни вышел отец.

– Ну, тебе понравился сюрприз? – спросил Микеле. – Мама приехала поездом из Рапалло, чтобы тебя увидеть.

– Мне понравился сюрприз. А где Сиччи?

– Заболела, – ответила Порция. – Мои друзья за ней присматривают. Она передает тебе привет.

– А где Грета? – спросил Микеле. – Обед почти готов.

– Она закрывает магазин, – сказал дядя Альберт. – Скоро будет здесь.

Раздался стук в дверь. Отец Пино открыл ее.

В квартиру вбежала тетя Грета, вид у нее был расстроенный, но она дождалась, пока закроется дверь, а потом разрыдалась.

– Гестапо схватило Туллио!

– Что? – воскликнул дядя Альберт. – Как?

– Он решил уйти пораньше. Хотел переночевать у своей матери. И его арестовали где-то по пути, недалеко от магазина, как мне кажется. Сейчас он, видимо, в отеле «Реджина». Сонни Масколо, изготовитель модных пуговиц, видел все своими глазами. Он мне и рассказал, пока я заперла магазин.

В комнате повисло мрачное молчание. Туллио в гестапо. Пино и представить себе не мог, что с ним делают вот в этот самый момент.

– Они вели Туллио от магазина? – спросил дядя Альберт.

– Он вышел через проулок, так что не думаю, – сказала тетя Грета.

Ее муж покачал головой:

– Мы должны предполагать такую возможность, даже если это не так. Может быть, гестапо наблюдает и за нами.

Пино стало нехорошо. Он видел, что и остальные восприняли это предположение так же, как и он.

– Тогда решено, – сказала Порция так, словно провозглашала указ. – Пино, завтра утром ты пойдешь в вербовочную комиссию, поступаешь в немецкую армию. Так ты сможешь не подвергать опасности свою жизнь до конца войны.

– А что потом, мама? – воскликнул Пино. – Меня убьют союзники, увидев в форме со свастикой?

– Когда союзники будут близко, ты снимешь форму, – сказала мать, недовольно глядя на него. – Будешь делать, что я говорю. Ты еще несовершеннолетний. Решения за тебя принимаю я.

– Мама, – запротестовал Пино, – ты не можешь...

– Могу и сделаю, – резко сказала она. – И хватит спорить.

Глава четырнадцатая

27 июля 1944 года

Модена, Италия

1

Спустя более одиннадцати недель после того, как родители приказали ему завербоваться к немцам, Пино с полуавтоматической винтовкой «Гевер-43» на плече маршировал к вокзалу в Модене. На нем была летняя форма «Организации Тодта»: черные кожаные сапоги, оливкового цвета брюки, рубашка и фуражка, кобура с пистолетом вальтер. Красно-белая лента на левой руке завершала это одеяние и словно клеймила его.

На верхней, белой части было написано «ОРГ. ТОДТА». На красной полосе ниже красовалась большая черная свастика. Нашлепка на другом плече свидетельствовала о звании Пино: форарбайтер^[14], или рядовой первого класса.

Форарбайтер Лелла к этому времени почти не верил, что у Бога есть какие-то планы на него. Входя на вокзал, он все еще кипел от возмущения из-за ситуации, в которой оказался. Мать заставила его пойти на это. В «Каса Альпина» он делал важное дело, хорошее и правильное дело – переводил людей через границу. Это требовало мужества, не говоря уже о том, что он подвергался всевозможным личным рискам. А теперь его жизнь переместилась в учебный лагерь, превратилась в бесконечную муштру, в боевую подготовку, уроки немецкого и другие бесполезные занятия. Каждый раз, когда он смотрел на свастику, у него возникало желание сорвать ее и убежать в горы к партизанам.

– Лелла! – окликнул его фронтфюрер, или взводный, и Пино очнулся, вернулся к реальности. – Возьми Притони. Будете охранять третью платформу.

Пино кивнул без всякого энтузиазма и отправился на пост вместе с толстяком Притони, парнишкой из Генуи, который первый раз оказался вдали от дома. Они встали на платформе между двумя наиболее загруженными путями под высоким арочным потолком вокзала. Немецкие солдаты грузили ящики с оружием в товарные вагоны на путях с одной стороны. Другой путь оставался пустым.

– Еще не хватало – торчать здесь всю ночь, – сказал Притони. Он закурил сигарету, выпустил дым. – У меня колени и ступни опухли.

– Прислонись к опорной колонне, переступай с ноги на ногу.

– Я уже пробовал. Ноги все равно болят.

Притони продолжал свои жалобы, пока Пино не пресек этот поток. Альпы научили его не ныть, не стонать, когда попадаешь в трудные условия. Все это нытье – только напрасная трата энергии.

Он начал думать о войне. В лагере он не слышал ни слова о развитии событий. Но за неделю, что он охранял вокзал, ему удалось узнать, что Пятая армия США генерал-лейтенанта Марка Кларка 5 июня освободила Рим. Но с тех пор союзники смогли продвинуться всего на пятнадцать километров в направлении Милана. Пино все еще предполагал, что война к октябрю закончится. Максимум к ноябрю. Около полуночи он зевнул и стал думать о том, что будет делать после войны. Вернется в школу? Уедет в Альпы? И когда он найдет девушку, которая?..

Включились сирены воздушной тревоги. Открыли огонь зенитные орудия. Падали бомбы, как сердитые жужжащие шмели, и обрушивались на Модену. Поначалу бомбы взрывались вдали. Потом одна взорвалась близ депо. Следующие три одна за другой упали на здание вокзала.

Пино увидел вспышку, а потом ударная волна подбросила его в воздух, скинула с платформы. Он упал на рельсы и тут же потерял сознание. Следующие взрывы вернули его в чувство, и он инстинктивно свернулся калачиком, когда вокруг него посыпались стекло и камни.

Когда налет закончился, Пино попытался встать; он ощущал запах дыма, видел пламя пожара. Голова у него кружилась, в ушах ревело, словно бушевал океан. Он все воспринимал обрывочно, как в сломанном калейдоскопе, пока не увидел тело Притони на путях. Парнишка из Генуи принял на себя всю мощь взрывной волны. А шрапнель снесла ему большую часть головы.

Пино отполз в сторону, и его вырвало. В голове у него так стучало, что он боялся, как бы она не взорвалась. Он нашел свою винтовку, с трудом накинул ремень на плечо и забрался назад на платформу, но перед этим его еще раз вырвало. Шум в ушах усилился. Он видел убитых солдат, видел раненых, его одолевали головокружение и слабость, он чувствовал, что в любую секунду может потерять сознание. Пино вытянул руку, оперся о колонну, которая все еще поддерживала крышу вокзала.

Он вдруг почувствовал сильную, пронзительную боль в правой руке. И только в этот момент понял, что его указательный и средний пальцы правой руки почти оторваны. Они висели только на лоскутках кожи. Он видел

кость указательного пальца. Из раны хлестала кровь.
Он во второй раз потерял сознание.

Пино увезли в полевой госпиталь, где немецкие хирурги пришили ему пальцы и провели курс лечения, необходимый при сотрясении мозга. Он оставался в госпитале девять дней.

Выписали его 6 августа, и Пино был признан временно негодным к военной службе и на десять дней отправлен домой для восстановления. Он возвращался в Милан в кузове попутного грузовика, развозящего газеты. День стоял дождливый, и настроение Пино ничуть не напоминало то, в котором он пребывал, покидая Альпы: счастливый, целеустремленный ребенок-мужчина. Слабость и разочарование овладели им.

Однако форма «Организации Тодта» имела свои преимущества. Она позволила ему без проблем преодолеть несколько пропускных пунктов, а вскоре он уже шел по улице своей любимой Сан-Бабилы. Он повстречал нескольких старых друзей своих родителей, которых не видел несколько лет, здоровался с ними. Они смотрели на его форму со свастикой на нарукавной повязке и вели себя так, словно не знали его или не хотели знать.

Пино находился ближе к «Продаже чемоданов Альбанезе», чем к дому, а потому сначала направился туда. Он прошел по тротуару Виа Монтенаполеоне, увидел немецкий штабной автомобиль – шестиприводный внедорожник «Даймлер-бенц Г4» – прямо перед дверью магазина. Капот машины был поднят. Водитель копался в моторе, шел дождь.

Немецкий офицер в шинели, наброшенной на плечи, вышел из магазина и что-то резко сказал по-немецки. Водитель вытянулся и кивнул. Офицер с отвращением посмотрел на водителя и вернулся в магазин.

Пино, которого всегда интересовали машины, подошел и спросил:

– Что случилось?

– Твое-то какое дело? – сказал водитель.

– Никакого, – ответил Пино. – Просто я немного разбираюсь в двигателях.

– А я вообще не разбираюсь, – признался водитель. – Не заводится он сегодня, а если заводится, то выхлоп идет в карбюратор. Холостой ход просто ужас, и передачи толком не включаются.

Пино задумался и, забыв о своей поврежденной руке, заглянул под капот. У машины был восьмицилиндровый двигатель. Он проверил свечи, провода высокого напряжения – они были подсоединены правильно. Проверил воздушный фильтр. Тот оказался грязным, и Пино прочистил его. Топливный фильтр также был загрязнен. Потом он осмотрел карбюратор и увидел, что головки винтов сверкают. Кто-то недавно делал регулировку.

Он взял отвертку у водителя, здоровой рукой повернул несколько винтов.

– Попробуй теперь.

Водитель сел в машину, включил стартер. Двигатель схватился, дал обратную вспышку с выбросом топлива в карбюраторе, из выхлопной трубы вылетело облачко черного дыма.

– Ну, видишь?

Пино кивнул, подумал, что бы сделал Альберто Аскари, и настроил карбюратор еще раз. Услышав, что дверь магазина его дяди снова открылась, сказал:

– Попробуй еще раз.

На сей раз двигатель заработал. Пино усмехнулся, положил инструмент и закрыл капот. Он выпрямился и увидел, что немецкий офицер стоит на тротуаре рядом с его дядей Альбертом и тетей Гретой. Шинель с плеч он скинул. По знакам различия Пино понял, что он в звании генерал-майора.

Тетушка Грета сказала что-то генералу по-немецки. Тот ответил.

– Пино, – сказала его тетушка, – генерал Лейерс хочет поговорить с тобой.

3

Пино проглотил комок в горле, обошел капот машины, поприветствовал генерала вялым «хайль Гитлер» и тут понял, что у него и генерала форма одного цвета и такие же повязки на рукаве.

– Он хочет увидеть твои документы, Пино, – сказала тетушка Грета. – И хочет знать твои функции в «Организации Тодта».

– Модена, – сказал Пино и, вытащив из кармана бумаги, предъявил их генералу.

Лейерс прочел их, потом что-то сказал по-немецки.

– Он хочет знать, можешь ли ты водить машину в твоём нынешнем состоянии, – сказала тетя Грета.

Пино поднял голову, пошевелил пальцами и сказал:

– Прекрасно могу, синьор.

Тетушка перевела. Генерал снова что-то сказал. Тетя Грета ответила.

Лейерс посмотрел на Пино и спросил:

– Вы говорите по-немецки?

– Немного, – ответил Пино. – Понимаю больше, чем могу сказать.

– Vous parlez français, Vorarbeiter?

– Oui, mon général. Très bien. Да, мой генерал, хорошо говорю по-французски.

– Тогда теперь вы мой водитель, – сказал генерал. – А этот парень идиот, который ничего не понимает в машинах. Вы уверены, что можете вести машину с такой рукой?

– Уверен, – ответил Пино.

– Тогда явитесь в «германский дом» – штаб вермахта – завтра в шесть сорок утра. Вы найдете там эту машину в гараже. Адрес я оставляю в бардачке. Приедете по этому адресу и заберете меня. Вам понятно?

Пино кивнул:

– Oui, mon général.

Генерал Лейерс холодно кивнул и, сев на заднее сиденье штабной машины, сказал что-то резкое. Водитель неприязненно посмотрел на Пино, и машина отъехала от тротуара.

– Пино, заходи! – воскликнул дядя Альберт. – Боже мой! Заходи внутрь!

– Что он сказал водителю? – спросил Пино у тетушки, заходя за ней в магазин.

– Он назвал его ослом, пригодным только для того, чтобы убирать сортиры.

Дядюшка запер дверь магазина, повесил табличку «Закрито» и радостно потряс кулаком:

– Пино, ты понимаешь, что сделал?

– Нет, – ответил Пино. – Не очень.

– Это генерал-майор Ганс Лейерс! – сказал дядя Альберт восторженным голосом.

– Его официальная должность Generalbevollmächtigter für Reichsminister für Rüstung und Kriegsproduktion für Italien. Что в переводе означает «полномочный представитель рейхсминистра вооружений и военного производства в Италии», – сказала тетушка Грета.

Видя непонимание на лице Пино, она добавила:

– «Полномочный» означает «наделенный всей полнотой власти».

Чиновники такого рода очень высокопоставленные, они обладают всей полнотой власти, которой наделены министры рейха, они уполномочены делать все необходимое в интересах германской военной машины.

– После фельдмаршала Кессельринга генерал Лейерс – самый влиятельный германский чин в Италии. Альберт Шпеер, гитлеровский министр вооружений и военного производства, назначил Лейерса своим полномочным представителем, таким образом, генерал всего в одном шаге от Гитлера! Все приказы Лейерса исполняются беспрекословно. Все, что нужно вермахту в Италии, немецкая армия получает трудами Лейерса: он заставляет нашу промышленность работать на Германию или просто берет то, что ему нужно. Здесь изготавливается стрелковое оружие, пушки, боеприпасы и бомбы. Все танки. И грузовики, – сказал дядя Альберт.

Он помолчал, обдумывая какую-то зародившуюся у него идею, а потом сказал:

– Бог ты мой, Пино, ведь Лейерс должен знать местонахождение всех противотанковых укреплений, дотов, минных полей и всех оборонительных сооружений между Миланом и Римом. Ведь он сам их построил! Конечно же. Ты не понимаешь, Пино? Теперь ты личный водитель влиятельного генерала. Ты будешь бывать всюду, где бывает Лейерс. Видеть то, что видит он. Слышать то, что слышит он. Ты будешь нашими ушами в верховном командовании вермахта!

Глава пятнадцатая

1

У Пино все еще голова кружилась от такого неожиданного и драматичного поворота судьбы, когда он поднялся ранним утром 8 августа 1944 года. Он погладил форму и позавтракал, пока его отец еще спал. Прихлебывая кофе и поедая тост, он вспомнил решение дяди Альберта: никто не должен знать о тайной роли, которую будет исполнять Пино при генерал-майоре Гансе Лейерсе.

– Не говори никому, – сказал дядя Альберт. – Ни отцу, ни матери, ни Миммо, ни Карлетто. Никому. Скажешь одному, тот скажет еще кому-нибудь, тот третьему, третий четвертому, и вскоре к тебе в дом ворвется гестапо и потащит в свои подвалы. Ты меня понял?

– Ты должен быть очень осторожным, – сказала тетя Грета. – Тайный агент – профессия опасная.

– Туллио тебе об этом может рассказать, – добавил дядя Альберт.

– Что с ним? – спросил Пино, стараясь не думать о том, что его могут поймать, о том, что происходит в застенках гестапо.

– Немцы на прошлой неделе позволили его сестре посетить его, – ответила тетушка Грета. – Она говорит, что его били, но он ничего не сказал. Он исхудал, страдает от какой-то желудочной болезни, но, по словам его сестры, держится хорошо, говорил ей, что планирует побег, хочет присоединиться к партизанам.

«Туллио убежит и будет сражаться, – думал Пино, торопливо идя по просыпающимся улицам Сан-Бабилы. – А я – тайный агент. Значит, я тоже часть Сопротивления».

Пино был в «германском доме» в шесть двадцать пять утра. Его направили в гараж, где он увидел механика, который, открыв капот машины Лейерса, что-то делал с двигателем.

– Что ты там делаешь? – спросил Пино.

Механик, итальянец лет сорока, мрачно посмотрел на него:

– Мою работу.

– Я новый водитель генерала Лейерса, – сказал Пино, глядя на установки карбюратора. Положение двух винтов оказалось измененным. – Прекрати сбивать регулировки карбюратора.

Механик, застигнутый врасплох, быстро проговорил:

– Ничего такого я не делал.

– Делал, – ответил Пино; он взял отвертку из инструментального ящика механика и перенастроил карбюратор. – Ну вот, теперь он будет урчать, как львица.

Механик внимательно смотрел на Пино, который открыл водительскую дверь, встал на подножку, сел и огляделся. Съёмная крыша. Кожаные сиденья. Спереди кресла. Сзади диван. В таких больших машинах Пино еще не ездил. Шесть колес, высокий клиренс – такая машина где угодно пройдет, и в этом-то и состояло ее назначение, догадался Пино.

Куда ездит полномочный представитель рейхсминистра вооружений и военного производства? Имея такую машину и такую власть, он может ездить куда угодно.

Вспомнив приказ, Пино извлек из бардачка записку с адресом на Виа Данте. Искать не придется. Он не хотел тревожить раны на руке, а потому подергал туда-сюда рычаг переключения передач, чтобы найти наиболее удобное положение руки. Потом проверил сцепление, определил все передачи. Безымянным и большим пальцами правой руки повернул ключ зажигания. Мощь двигателя вибрацией отдалась в рулевом колесе.

Пино отпустил сцепление. Пружина педали резко вернула ее в исходное положение. Ладонь Пино соскользнула с рычага переключения передач. Машина дернулась и заглохла. Он посмотрел на механика – тот издевательски ухмылялся.

Не обращая на него внимания, Пино еще раз завел двигатель и на сей раз осторожно отпустил сцепление. Он прокатился по двору гаража на первой и второй передаче. Улицы в центре Милана строились в те времена, когда другого транспорта, кроме гужевого, не существовало, а потому, мягко говоря, были узкими. За рулем мощной машины Пино чувствовал себя словно в небольшом танке, маневрирующем по петляющим проулкам.

Водители двух встречных машин, завидев генеральский флажок на капоте, тут же уступили ему дорогу. Пино поставил машину на тротуар чуть дальше того дома на Виа Данте, который был в записке.

Несколько прохожих недовольно посмотрели на Пино, но протестовать никто из них не осмелился – видели генеральский флажок. Пино вытащил ключи зажигания из замка, вылез из машины и вошел в холл небольшого многоквартирного дома. На табуретке у закрытой двери близ лестницы сидела старуха в очках с толстыми стеклами, она прищурилась, словно тщетно пытаясь разглядеть Пино.

– Мне в три-бэ, – сказал он.

Старуха ничего не сказала, только кивнула и подмигнула ему за линзами очков. Он решил, что она чокнутая, и пошел по лестнице на третий этаж. Проверил часы. Ровно в шесть сорок он резко постучал в дверь.

Послышались шаги. Дверь открылась внутрь, и вся жизнь Пино изменилась.

Горничная, сверкнув на него голубыми глазами и улыбнувшись, сказала:

– Вы – новый водитель генерала.

Пино хотел ответить, но вид девушки так ошеломил его, что он потерял дар речи. Сердце колотилось в его груди. Он попытался что-то сказать, но у него не получилось. Лицо горело. Он подsunул палец под воротничок и в конечном счете просто кивнул.

– Надеюсь, машину вы водите не так, как говорите, – сказала она, рассмеявшись, играя косой светло-рыжих волос одной рукой, а другой приглашая его в квартиру.

Пино прошел мимо нее, ощутил ее запах, и голова у него закружилась так, что ноги подкосились.

– Я горничная Долли, – сказала она у него за спиной. – Можете называть меня...

– Анна, – сказал Пино.

2

Когда он повернулся и взглянул на нее, дверь уже была закрыта, улыбка исчезла с ее лица, и она смотрела на него так, будто он представлял собой угрозу.

– Откуда вы знаете мое имя? – спросила она. – Кто вы?

– Меня зовут Пино, – неуверенно сказал он. – Пино Лелла. Моим родителям принадлежит магазин сумок в Сан-Бабиле. В прошлом году я пригласил вас в кино, это было у пекарни близ Ла Скала, а вы спросили, сколько мне лет.

Глаза Анны распахнулись, словно к ней возвращалось какое-то туманное, забытое воспоминание. Потом она рассмеялась, прикрыв рот рукой, и по-новому взглянула на него.

– Вы не похожи на того сумасшедшего паренька.

– За четырнадцать месяцев много чего произошло.

– Понятно, – сказала она. – Неужели это было так давно?

– В другой жизни, – сказал Пино. – «Ты никогда не была восхитительнее».

Брови Анны раздраженно взлетели.

– Я вас не понимаю.

– Кинофильм такой, – сказал он. – Фред Астер. Рита Хейворт. Вы тогда не пришли в кинотеатр.

Голова у нее опустилась. Плечи тоже.

– Не пришла? Да?

Наступило неловкое молчание потом Пино сказал:

– Хорошо, что вы не пришли. Кинотеатр тем вечером разбомбили. Мы с братом сидели в зале. Нам удалось выбраться.

Анна посмотрела на него:

– Правда?

– Абсолютная.

– Что у вас с рукой? – спросила она.

Он посмотрел на свою забинтованную руку и сказал:

– Да так, несколько швов.

Невидимая женщина с сильным акцентом позвала:

– Анна! Анна! Вы мне нужны!

– Иду, Долли, – откликнулась Анна. Она показала на стул в коридоре. – Можете посидеть здесь, пока генерал Лейерс не будет готов.

Он отошел в сторону, и она прошла совсем рядом мимо него, по узкому коридору. У Пино дыхание перехватило, он проводил взглядом ее покачивающиеся бедра, а через секунду она исчезла в глубине квартиры. Сев, он понял, что уже некоторое время не дышит. Женский жасминовый запах Анны все еще висел в воздухе. Он подумал, что может встать и пройти по квартире в надежде снова ощутить ее аромат. Решил, что должен рискнуть, и сердце его бешено забилося.

Но тут раздалось приближающиеся голоса – мужчина и женщина смеялись и разговаривали по-немецки. Пино вытянулся по стойке смирно. В другом конце короткого коридора появилась женщина лет сорока с небольшим. Она подошла к нему, он увидел белое атласное платье с кружевами и золотистые туфли с бусинками. Она была длинноногая и хорошенькая, будто модель, с большими грудями, зеленоглазая, с гривой золотисто-каштановых волос, падавших на ее лицо и плечи. Даже в такой ранний час на ней была косметика. Она курила сигарету, разглядывая Пино.

– Вы слишком высокий для водителя, и к тому же слишком красивый, – сказала она по-итальянски с сильным немецким акцентом. – Плохо. Высокие мужчины чаще других погибают на войне. Легкая цель.

– Значит, мне нужно убирать голову в плечи.
– Ммм, – промычала она, затянувшись сигаретой. – Меня зовут Долли, Долли Штоттлемейер.

– Форарбайтер Лелла, Пино Лелла, – сказал он без всякой запинки, в отличие от разговора с Анной.

На Долли это, казалось, не произвело впечатления.

– Анна, у вас готов кофе для генерала?

– Иду, Долли, – откликнулась Анна.

Горничная и генерал Лейерс одновременно появились в коротком коридоре. Пино вытянулся по стойке смирно, выкинул руку в приветствии, взгляд его метнулся в сторону Анны, когда она подошла к нему, ее запах снова обволок его, когда она протянула ему термос. Он посмотрел на ее руки, ее пальцы – какими идеальными они были, какими...

– Возьмите термос, – прошептала Анна.

Пино вздрогнул и взял его.

– И саквояж генерала, – пробормотала она.

Пино покраснел и неловко поклонился Лейерсу, потом поднял большой кожаный саквояж, судя по весу, набитый до отказа.

– Где машина? – спросил генерал по-французски.

– Перед домом, *mon général*, – ответил Пино.

Долли сказала что-то генералу по-немецки, он кивнул и ответил.

Потом Лейерс перевел взгляд на Пино и прорычал:

– Что вы здесь стоите и смотрите на меня, как *dummkopf*?^[15] Отнесите мою сумку в машину. На заднее сиденье. По центру. Я скоро спущусь.

– Oui, *mon général*. Заднее сиденье по центру.

Прежде чем выйти, он в последний раз стрельнул взглядом в Анну и с разочарованием увидел, что она смотрит на него как на душевнобольного. Он вышел из квартиры с саквояжем генерала; спускаясь по лестнице, пытался вспомнить, когда в последний раз думал об Анне. Пять, шесть месяцев назад? На самом деле он уверовал, что никогда больше не увидит ее, и вот, оказывается, обманулся.

Проходя мимо подмигивающей старухи в холле, он думал об одном – об Анне. О ее запахе. Ее улыбке. Ее смехе.

«Анна, – думал он. – Какое прекрасное имя. Так и просится на язык». Интересно, а генерал Лейерс – он все ночи проводит с Долли? – Пино отчаянно надеялся, что так оно и есть. – Или это редкий случай? Раз в неделю или как-то так? – Он так же отчаянно надеялся, что это не так.

Тут Пино понял, что если он хочет снова видеть Анну, то должен сосредоточиться. Он должен проявить себя идеальным водителем, таким,

от которого Лейерс никогда не захочет избавиться.

Он подошел к машине. И только тут, поставив саквояж на заднее сиденье, он подумал о том, что может находиться внутри. Он чуть не открыл саквояж тут же, но понял, что прохожих на улице прибавилось и среди них немало немецких солдат.

Пино поставил саквояж, закрыл дверь, подошел к машине с левой стороны, чтобы видеть дверь дома. Затем открыл заднюю дверь машины и пододвинул саквояж поближе к себе. Взглянул на замочек с отверстием для ключа, посмотрел на четвертый этаж, спрашивая себя, сколько генералу нужно времени, чтобы поест.

С каждой секундой все меньше и меньше, подумал Пино и попытался открыть саквояж. Он был заперт. Пино посмотрел на окно четвертого этажа, ему показалось, что шторы шевельнулись, будто кто-то отпустил их. Пино захлопнул заднюю дверь. Еще через несколько секунд дверь дома открылась, и появился генерал. Пино обежал машину и открыл заднюю дверь с другой стороны.

Нацистский полномочный представитель рейхсминистра вооружений и военного производства и не посмотрел на него – забрался в машину и, сев рядом с саквояжем, немедленно проверил замочек.

3

Пино закрыл дверь машины за генералом. Сердце его колотилось. Что, если бы он копался в саквояже, когда подошел генерал? При этой мысли сердце его забило еще сильнее; он сел за руль и посмотрел в зеркало заднего вида. Лейерс снял свою фуражку с высокой тульей. И теперь вытаскивал тонкую серебряную цепочку из-под воротника. На цепочке был ключ.

– Куда мы едем, mon général? – спросил Пино.

– Не разговаривать, пока я к вам не обращаюсь! – резко сказал Лейерс, открывая ключом саквояж. – Ясно, фюрарбайтер?

– Oui, mon général, – ответил Пино. – Абсолютно ясно.

– Вы умеете читать карту?

– Да.

– Хорошо. Тогда езжайте в Комо. Когда выедем за пределы Милана, остановитесь и снимите мои флажки. Положите их в бардачок. А теперь молчите – мне нужно сосредоточиться.

Генерал Лейерс надел очки и начал работать с толстой кипой бумаг у

себя на коленях. Вчера у магазина дядюшки и сегодня утром у Долли Штоттлемейер Пино был слишком взволнован и не смог внимательно разглядеть Лейерса. Теперь, в дороге, он поглядывал на него в зеркало заднего вида, изучая генерала.

На взгляд Пино, Лейерсу было лет пятьдесят пять. Мощного – особенно в плечах – телосложения, генерал имел бычью шею, которой было тесно в хрустящем белом воротничке и мундире. Линию его лба, более широкого, чем у большинства людей, очерчивали редующие, гладко зачесанные назад и отливающие бриолином волосы с проседью. Его густые темные брови, казалось, затеняли глаза, просматривающие доклады; он делал пометки в тексте, а потом откладывал лист в отдельную пачку на заднем сиденье.

Лейерс, казалось, был полностью погружен в работу. За то время, что они ехали по городу, Пино ни разу не видел, чтобы генерал оторвал взгляд от бумаг. Даже когда Пино остановился, чтобы снять генеральские флажки, Лейерс не прекратил своего занятия. У него на коленях лежала синька, которую он изучал, когда Пино сказал:

– Комо, mon général.

Лейерс поправил очки:

– Стадион. Подъехать сзади.

4

Несколько минут спустя Пино уже ехал вдоль длинной западной стороны футбольного стадиона на Виале Джузеппе Синигалья. Увидев штабную машину, четверка вооруженных часовых у въезда вытянулась по струнке.

– Поставьте ее в тени, – сказал генерал Лейерс. – Ждите в машине.

– Oui, mon général.

Пино остановился, стремглав выскочил из машины и в мгновение ока распахнул перед генералом заднюю дверь. Лейерс, казалось, и не заметил его, вылез со своим саквояжем и прошел мимо Пино, как если бы его не существовало. Пройдя мимо часовых вглубь стадиона, генерал обратил на них не больше внимания, чем на Пино.

День только начинался, и августовская жара нарастала. Пино чувствовал запах воды, доносящийся с озера Комо по другую сторону стадиона. Как ему хотелось спуститься и осмотреть западный рукав, уходящий в сторону Альп и «Каса Альпина»! Как там отец Ре и Миммо,

спрашивал он себя.

Он подумал о матери, о ее новых дизайнерских идеях и о том, знает ли она, что случилось с ним. Он погрузился – Порции ему не хватало, в особенности ее неумолимого энтузиазма. Насколько он знал, ничто не могло испугать ее, пока не начались бомбежки. С тех пор она и Сиччи жили в Рапалло, слушали войну по радио и молились, чтобы она поскорее закончилась.

Прятаться от войны означало оставаться сторонним наблюдателем, а потому Пино благодарил судьбу, что он не с матерью в Рапалло. Он не прятался. Он был тайным агентом в самом сердце нацистской власти в Италии. Дрожь пробрала его, и он впервые по-настоящему задумался о своем участии в шпионаже, не в детской игре, а на настоящей войне.

Что он пытался найти? И где он пытался найти то, что ищет? Да, был саквояж и его содержимое. И генерал Лейерс, думал Пино, имеет резиденцию и здесь, в Комо, и в Милане. Но позволят ли ему проникнуть туда?

Он не мог себе такого представить и, понимая, что сейчас ему остается только одно – дожидаться генерала, погрузился в мысли об Анне. Ведь еще вчера он не сомневался, что потерял Анну навсегда, но вдруг увидел ее – горничную генеральской любовницы! Каковы были шансы на такую встречу? Не было ли все случившееся похоже на... сон?

Немецкие грузовики в количестве не менее десяти прогрохотали мимо него, оставляя за собой дымный шлейф дизельного выхлопа, и остановились в северном конце улицы. Вооруженные солдаты «Организации Тодта» повыскакивали из одной машины и рассеялись, заняли позицию полукругом, навели стволы на задние части кузовов других машин.

– Raus!^[16] – раздался крик; они открыли заднюю стенку кузова одного из грузовиков, отбросили брезентовый полотно. В кузове находилось около сорока человек, которые недоуменно осматривались. – Raus!

Все они были истощенные, грязные, с клочковатыми бородами и длинными спутанными волосами. Многие из них, облаченные в серые брюки и куртки, смотрели пустыми, неживыми глазами. На груди у них были буквы, но Пино не мог их разглядеть. Скованные кандалами, они еле шли, но тут охранники принялись колотить их прикладами, что немного ускорило движение. Люди выходили из одного грузовика, затем из другого, и вскоре все они – человек триста или больше – направились к стадиону.

Пино вспомнил похожих людей в депо вокзала, расчищающих улицы Милана после бомбежки. Кто они – евреи? Откуда они здесь?

Серые люди, как он называл их, обогнули северо-западную оконечность стадиона, направились на восток к озеру и вскоре исчезли из виду. Он вспомнил приказ генерала Лейерса ждать у машины, потом желание дяди Альберта – сделать из Пино тайного агента. Он быстрым шагом направился мимо четырех охранников к ближайшему входу. Один из них сказал что-то по-немецки, но Пино не понял. Он только кивнул, рассмеялся и пошел дальше, решив, что изображать уверенность – все равно что быть уверенным.

Он завернул за угол. Серые люди исчезли. Как это было возможно?

Потом Пино увидел, что подъемная дверь на северной стороне стадиона открыта. Увидел двух вышедших наружу охранников. Пино вспомнил о Туллио Галимберти, который говорил, что, если хочешь сделать что-то, почти что угодно, нужно действовать так, будто ты – не ты, а кто-то другой и имеешь право это сделать.

Пино вскинул руку, минуя охранников, и свернул направо в туннель, который вел к полю. Он полагал, что если его остановят, то сейчас, но его игра удалась, никто не сказал ему ни слова. И он быстро понял почему. Туннель имел примыкающие к нему боковые коридоры, в которых люди, облаченные в такую же форму «ОТ», как у него, складывали коробки и ящики. Охранники, видимо, решили, что Пино – один из этих грузчиков.

Он дошел почти до выхода из туннеля, притаился в тени, глядя на людей в сером, которые выстраивались в ряды на ближней к нему части стадиона. За ними, на южной оконечности поля, была натянута камуфляжная сетка. Под сеткой стояли гаубицы на трейлерах. Пино насчитал их шесть штук, с десятков тяжелых пулеметов и увидел такое огромное количество деревянных ящиков, что это не могло не вызвать недоумения. Здесь явно находился склад. Может быть, склад боеприпасов.

Пино переключил внимание на солдат «ОТ», загонявших оставшихся серых людей в строй. В этот момент из другого туннеля – метрах в пятидесяти от него – появился генерал Лейерс. Следом за ним шли капитан и сержант «ОТ».

Пино вжался в стену туннеля, только теперь осознав, что может случиться, если его заметят. Его наверняка станут допрашивать. Может быть, бить. Может быть, будут делать что и похуже. Он уже решил выйти из туннеля с той же уверенностью, с какой вошел, и ждать возвращения Лейерса, сколько бы это ни заняло времени.

Но тут прямой как жердь генерал Лейерс, наделенный полномочиями от рейхсминистра, остановился перед серыми людьми, которые стояли в тридцать рядов, по десять в каждом, приблизительно в метре друг от друга, расстояние между рядами составляло три метра. Лейерс несколько секунд разглядывал первого человека, потом изрек что-то – слов Пино не разобрал.

Капитан сделал запись в блокноте. Сержант повел стволом своей винтовки, и первый серый человек вышел из строя. Он поплелся через поле, развернулся и встал, глядя на Лейерса, который перешел к следующему человеку. Каждый раз Лейерс разглядывал человека, прежде чем произнести свой приговор. Капитан все записывал что-то в своем блокноте, а сержант делал движение винтовкой. Некоторые присоединялись к первому человеку, другие – к одной-двум образовавшимся группам.

«Он отбирает их. Сортирует», – подумал Пино.

И в самом деле, самые рослые и сильные заключенные стояли небольшой группкой, в отличие от двух других. Люди во второй группе, покрупнее, были более истощенные, но все еще сохраняли достоинство. В третью – самую большую – группу входили люди, дошедшие до грани, живые скелеты, готовые свалиться с ног на жару.

Лейерс демонстрировал образец немецкой эффективности в процессе сортировки. На оценку одного человека у него уходило не более пяти секунд, затем он выносил вердикт и двигался дальше. Все триста человек он обошел менее чем за пятнадцать минут, потом сказал что-то капитану и сержанту, которые выкинули руку в приветствии – «зиг хайль». Генерал Лейерс энергично отсалютовал в ответ, после чего направился к выходу.

«Он идет к машине!»

Пино развернулся, чувствуя металлический привкус на языке, ему хотелось броситься бегом, но он заставил себя идти, подражая генералу, уверенным, целеустремленным шагом. Когда он выходил из северных ворот, один из охранников спросил у него что-то по-немецки. Но прежде чем Пино как-то прореагировал, их внимание переключилось на звук шаркающих ног – по туннелю следом за Пино двигались серые люди, а он словно возглавлял парад.

Он свернул за угол. Из средних ворот стадиона вышел Лейерс и направился к машине. Пино бросился бежать.

Их разделяли семьдесят пять метров, когда Лейерс вышел из двери, но в двенадцати шагах от машины Пино резко остановился перед генералом и выкинул руку в нацистском приветствии. Пытаясь смирить дыхание, он открыл дверь, ручеек пота катился по его по лбу, на переносицу.

Генерал Лейерс, вероятно, увидел это, потому что он остановился, перед тем как сесть, и внимательно оглядел Пино, на лбу которого появились новые ручейки пота.

– Я вам сказал ждать у машины, – сказал Лейерс.

– Oui, mon général, – выдохнул Пино. – Но мне потребовалось помочиться.

На лице генерала появилось брезгливое выражение. Он сел в машину. Пино закрыл за ним дверь, чувствуя себя так, будто принял паровую ванну. Он руками отер лицо и сел на водительское сиденье.

– Варенна, – сказал генерал Лейерс. – Знаете?

– Восточный берег восточного рукава озера, mon général, – сказал Пино и включил передачу.

На пути в Варенну их останавливали на четырех пропускных пунктах, но каждый раз, увидев Лейерса на заднем сиденье, часовой немедленно пропускал машину. Генерал приказал Пино остановиться у небольшого кафе в Лекко, купить эспрессо и печенье – генерал пил кофе и ел на ходу.

Близ Варенны генерал Лейерс дал указание ехать по дороге из города в предгорья Южных Альп. Дорога быстро перешла в двухполосную, ведущую на огороженное пастбище. Лейерс приказал Пино въехать в ворота и дальше – по полю.

– Вы уверены, что машина не застрянет? – спросил Пино.

Генерал посмотрел на него как на идиота:

– Это трехосная полноприводная машина. Она проедет там, где я прикажу.

Пино включил пониженную передачу, они проехали в ворота и с удивительной легкостью двинулись, как небольшой танк, по неровному полю. Генерал Лейерс приказал ему остановиться в дальнем конце поля у шести пустых грузовиков и двух охраняющих их солдат «ОТ».

Пино остановился и заглушил двигатель.

Прежде чем он вышел, генерал спросил:

– Вы можете делать записи?

– Oui, mon général.

Лейерс порылся в саквояже, вытащил блокнот и ручку, потом извлек цепочку с ключом из-под мундира и закрыл саквояж.

– За мной, – сказал он. – Будете записывать то, что я говорю.

Пино взял блокнот и ручку, вышел из машины, открыл заднюю дверь, и Лейерс, выйдя, резвым шагом направился мимо грузовиков к тропинке, которая вела в лес.

Время близилось к одиннадцати часам. На жаре трещали кузнечики. Воздух в лесу, напоенный запахом трав, напомнил Пино о травянистом холме, где они с Карлетто спали во время бомбардировок Милана. Тропинка круто пошла вниз, вся в кочках, изборозженная выступающими из земли корнями деревьев.

Несколько минут спустя они вышли из леса на железнодорожные пути, уходящие в туннель. Генерал Лейерс направился туда. И только теперь Пино услышал звук ударов стали о породу. В туннеле сотни молотков долбили камень.

Часовые у входа вытянулись в струнку и выкинули руки в нацистском приветствии. Пино шел за генералом, чувствуя на себе их взгляды. В туннеле было сумеречно и становилось все темнее, по мере того как они удалились от входа. С каждым шагом стук молотков становился все ближе и невыносимее для ушей.

Генерал остановился, вытащил из кармана ватные шарики. Один он протянул Пино, показав, что его нужно разделить пополам и заткнуть уши. Пино заткнул уши ватными шариками, и это оказалось действенной мерой, однако, если бы генерал стал кричать рядом с ним, он услышал бы.

Туннель делал поворот, за которым в свете ярких электрических лампочек, свисающих с потолка, они увидели силуэты множества серых людей, работающих кирками и кувалдами по обе стороны туннеля. Здесь стоял невыносимый грохот. Глыбы скальной породы поддавались ударам и падали к ногам людей. Другие люди подбирали эти куски и бросали в тележки на путях.

Это настоящий ад, подумал Пино, ему хотелось бежать отсюда. Но генерал Лейерс, не останавливаясь, прошел дальше, он задержался возле часового «ОТ», который протянул ему фонарик. Генерал повел лучом по стенам. Серые люди кое-где углубились в стену на метр; по прикидке Пино, в их задачу входила вырубка пространства высотой два с половиной метра и протяженностью двадцать четыре метра.

Они прошли дальше. Через пятнадцать метров в стенах уже были прорублены углубления досточного размера, глубиной около четырех с половиной метров. По сторонам путей стояли большие деревянные ящики. В нескольких открытых он увидел боеприпасы.

Генерал Лейерс осмотрел образцы в каждом ящике, потом спросил что-то у сержанта по-немецки. Сержант протянул генералу пачку

документов. Лейерс просмотрел несколько страниц, потом взглянул на Пино.

– Пишите, форарбайтер, – приказал он. – Калибр семь запятая девять два на пятьдесят семь миллиметров под маузер: шесть запятая четыре миллиона патронов готовы к отправке на юг.

Пино записал, посмотрел на генерала.

– Девять на девятнадцать миллиметров парабеллум, – сказал Лейерс. – Двести двадцать пять тысяч патронов для войск СС, Милан. Четыреста тысяч для Модены, на юг. Двести пятьдесят тысяч для СС, в Геную.

Пино писал так быстро, как только мог, но едва успевал за генералом. Когда он снова посмотрел на Лейерса, тот сказал:

– Прочтите, что написали.

Пино прочел, и Лейерс коротко кивнул. Он пошел дальше, на ходу глядя на маркировку на ящиках и выкрикивая цифры и приказы.

– Panzerfaust, – сказал Лейерс. – Шесть...

– Простите, mon général, – сказал Пино. – Я не знаю этого слова – Panzer...

– Стомиллиметровый гранатомет, – нетерпеливо сказал Лейерс. – Семьдесят пять ящиков на Готскую линию^[17] по распоряжению фельдмаршала Кессельринга. Восьмидесятивосьмимиллиметровые бронебойные. Сорок пусковых установок и тысяча ракет на Готскую линию, также по приказу Кессельринга.

Так продолжалось еще двадцать минут, генерал выкрикивал приказы и пункты назначения для всего – от автоматических винтовок до девяносто восьмого маузера, стандартного вооружения вермахта, или дальнбойных противотанковых ружей и мощных патронов для них размером двадцать на сто тридцать восемь миллиметров.

Из дальнего конца туннеля появился офицер, отсалютовал и заговорил с Лейерсом, который развернулся и двинулся в обратном направлении. Офицер – полковник – чуть не бежал, чтобы не отстать от генерала, продолжая что-то четко говорить. Пино шел немного позади.

Наконец полковник замолчал. Генерал Лейерс слегка опустил голову, повернулся с военной четкостью и принялся отчитывать полковника. Тот попытался было ответить, но Лейерс закончил тираду. Полковник сделал шаг назад. Это, казалось, еще сильнее разозлило Лейерса.

Он оглянулся, увидел Пино и нахмурился.

– Вы, форарбайтер, ждите меня у груды камней, – сказал он.

Пино опустил голову и поспешил мимо них, слыша у себя за спиной громкий голос генерала. Грохот от ударов кувалд о камень впереди вызвал

у него желание подождать генерала здесь. Но не успела эта мысль прийти ему в голову, как звук прекратился, он услышал звон падающих на землю инструментов. Когда он дошел до места, где велись работы, люди с кайлами и лопатами сидели, прислонившись спинами к стене, многие уронили головы на руки. Другие смотрели пустыми глазами в потолок туннеля.

Пино никогда прежде не видел таких людей. Смотреть на них было невыносимо: как они сидели, как они проводили языком по горящим от жажды губам. Он огляделся. У стены стоял большой бидон с водой, а рядом с ним ведро с черпаком.

Никто из охранников, стороживших этих рабов, не пошевелился, чтобы предложить им воды. Кто бы они ни были, чем бы они ни заслужили такого отношения, но в воде им нельзя было отказывать, подумал Пино, чувствуя, как гнев нарастает в нем. Он подошел к бидону, наклонил его, наполнил ведро.

Один из охранников стал возражать, но Пино сказал: «Генерал Лейерс», и все возражения стихли.

Он подошел к ближайшему из серых людей. Щеки у человека настолько впали, что лицо было похоже на череп, обтянутый кожей. Но он откинул голову, открыл рот, и Пино стал лить воду прямо ему в горло. Напоив одного, Пино перешел к другому, потом к следующему.

Большинство вообще не смотрели на него. Пино набрал еще воды, и тут седьмой человек, глядя на пол у себя под ногами, пробормотал проклятия на итальянском, обращенные к Пино.

– Я итальянец, идиот, – сказал Пино. – Ты будешь пить или нет?

Человек посмотрел на него, и только тут Пино увидел, как он молод. Они, вероятно, были ровесниками, хотя жизнь искалечила и состарила его так, что Пино и вообразить не мог.

– Говоришь ты как миланец, но на тебе нацистская форма, – прохрипел человек.

– Все не так просто, – сказал Пино. – Выпей воды.

Он отпил глоток с той же жадностью, что остальные.

– Кто ты? – спросил Пино, когда тот напился. – Кто все остальные?

Человек посмотрел на Пино, словно на таракана.

– Меня зовут Антонио, – сказал человек. – И мы – рабы. Все до одного.

Глава шестнадцатая

1

«Рабы?» – подумал Пино, чувствуя одновременно отвращение и сострадание.

– Как вы попали сюда? – спросил он. – Вы евреи?

– Тут есть и евреи, но не я, – сказал Антонио. – Я был в Сопротивлении. Сражался в Турине. Нацисты поймали меня, приговорили вот к этому, а не к расстрелу. Другие тут поляки, русские, французы, бельгийцы, норвежцы и датчане. Буквы у них на груди говорят о том, откуда они. Во всех странах, куда вторгаются нацисты, они забирают сильных мужчин и превращают их в рабов. Они называют это «принудительный труд» или еще как-то, но, как ни называй, это рабство, и ничто другое. Как, по-твоему, нацистам удалось столько всего построить за такое короткое время? Все береговые укрепления во Франции? Все эти оборонительные сооружения на юге? У Гитлера целая армия рабов, так фараоны строили пирамиды в Египте, а он... Господи Иисусе, он настоящий фараоновский надсмотрщик.

Антонио прошептал последние слова, глядя со страхом мимо Пино вглубь туннеля. Пино повернулся. К ним приближался генерал Лейерс, он смотрел на ведро с водой и черпак в его руке. Лейерс пролаял что-то охранникам по-немецки. Один из них подскочил и взял у Пино ведро с водой.

– Вы мой водитель, – сказал Лейерс, проходя мимо Пино. – А не прислужник для рабочих.

– Прошу прощения, mon général, – сказал Пино, устремляясь за Лейерсом. – Мне показалось, их мучает жажда, но никто не давал им воды. Это... было глупо.

Лейерс развернулся и уставился на Пино:

– Что глупо?

– Если не давать воду рабочим, они теряют силы, – пробормотал Пино. – Вы ведь хотите, чтобы они работали лучше, значит нужно давать им больше воды и еды.

Генерал стоял лицом к лицу с Пино, глядя ему в глаза, словно пытаясь заглянуть в душу. Пино потребовалось немало сил, чтобы выдержать его

взгляд.

– У нас своя политика относительно рабочих, – резко сказал наконец Лейерс. – Еда нынче дорога. Но я подумаю, что можно сделать с водой.

Пино и моргнуть не успел, как генерал развернулся и пошел дальше. Ноги у Пино подкашивались, когда он двинулся следом под яркое, жаркое дневное солнце. Когда они подошли к машине, генерал потребовал у Пино блокнот, вырвал из него исписанные Пино странички и сунул их в свой саквояж.

– Озеро Гарда, Гарньяно, к северу от Сало, – сказал Лейерс и снова погрузился в свои бесчисленные папки и отчеты из саквояжа.

2

Пино как-то раз был в Сало, но не помнил, как туда добирался, поэтому он воспользовался лежавшей в бардачке подробной картой Северной Италии. Он нашел Гарньяно километрах в двадцати от Сало на западном берегу озера и в уме проложил маршрут.

Он повел машину назад по неровному полю. Когда они добрались до Бергамо, раскаленный воздух словно мерцал. Вскоре после полудня они остановились в лагере вермахта, чтобы заправиться, поесть и попить.

Лейерс ел, не прекращая работу на заднем сиденье, и ему каким-то образом удавалось не ронять ни крошки. Пино свернул с шоссе и направился на север вдоль западного берега озера Гарда. Жара висела в неподвижном воздухе. Вода напоминала зеркало, которое, казалось, отражало и увеличивало Альпы, высящиеся над северной оконечностью озера.

Они проехали мимо полей, усыпанных золотыми цветами, мимо церкви, построенной тысячу лет назад. Пино посмотрел в зеркало на генерала и понял, что ненавидит его. Пино был рабом-водителем нациста. Лейерс хочет уничтожить Италию, а потом воссоздать ее по подобию гитлеровской Германии. Он работает на архитектора Гитлера^[18], черт бы его драл.

Пино с удовольствием заехал бы куда-нибудь в уединенное место, вытащил пистолет и убил этого человека. А потом поехал бы в горы и присоединился к одной из партизанских частей. Вот это было бы здорово. Это изменило бы ход войны. На каком-то уровне.

Но Пино тут же понял всем своим существом: он не убийца. Он не способен убить человека, даже такого человека...

– Перед тем как въехать в Сало, поставьте мои флажки, – сказал с заднего сиденья Лейерс.

Пино остановился, укрепил флажки в передней части капота, чтобы они трепыхались на ветру, когда машина будет проезжать Сало, и поехал дальше. Жара стояла невыносимая. Вода в озере так манила, что Пино хотелось остановить машину и нырнуть прямо в форме и бинтах.

На Лейерса жара, казалось, никак не влияла. Правда, мундир он снял, но галстук не ослабил. Когда они доехали до Гарньяно, Лейерс приказал Пино ехать в сторону от озера, к огороженному особняку на холме, охраняемому итальянскими чернорубашечниками. Увидев «даймлер» и красные нацистские флажки, они открыли ворота.

Подъездная дорожка петляла по склону к огромной вилле в окружении виноградных лоз и цветов. Здесь чернорубашечников было еще больше. Один из них показал Пино, где он должен остановиться. Пино остановился, вышел, открыл заднюю дверь. Когда появился генерал, солдаты Муссолини повели себя так, будто по ним прошли кнутом: они вытянулись в струнку и устремили глаза на Лейерса.

– Остаться в машине, *mon général*? – спросил Пино.

– Нет, идти со мной, – сказал он. – Я не взял переводчика, к тому же тут будет короткий разговор.

Пино понятия не имел, о чем говорит Лейерс, но пошел за ним мимо чернорубашечников к арке. Каменные ступени поднимались к вилле, а по обе стороны от них пестрели яркие цветочные клумбы. Они подошли к колоннаде перед входом, потом к каменной террасе.

Генерал Лейерс свернул на террасу, вытянулся и щелкнул каблуками, потом снял фуражку и с подчеркнутой почтительностью склонил голову:

– Дуче.

3

Пино остановился за Лейерсом и широко распахнул глаза от удивления.

Менее чем в пяти метрах от него стоял Бенито Муссолини.

На итальянском диктаторе были коричневые бриджи, натертые до блеска сапоги до колен и распахнутая белая рубашка, обнажавшая грудь с седыми волосами и уже намечающийся старческий живот, который грозил вырвать из петель нижние пуговицы рубашки. Большая плешивая голова дуче и кожа на его знаменитом подбородке приобрели красноватый

оттенок. В руке он держал бокал с красным вином. На столе за диктатором стоял полупустой графин.

– Генерал Лейерс, – кивнул Муссолини, потом обратил свои слезящиеся глаза на Пино: – Кто вы?

Пино с секундной задержкой ответил:

– Сейчас я переводчик генерала, дуче.

– Спросите у него, как он поживает, – сказал Лейерс по-французски у Пино. – Спросите, чем я могу помочь ему сегодня.

Пино задал вопрос на итальянском. Муссолини закинул назад голову и разразился смехом:

– Как поживает дуче?

На террасу вышла брюнетка с огромными грудями, распирающими белую безрукавку. На ней были защитные очки, а в руке тоже бокал с вином.

– Скажи им, Клара, как поживает Муссолини.

Она затянулась, выпустила облачко дыма и сказала:

– Бенито в последнее время чувствует себя довольно хреновато.

Пино постарался скрыть удивление. Он знал, кто она такая. Все в Италии знали. Кларетта Петацци, печально известная любовница диктатора. Газеты постоянно печатали ее фотографии. Пино не мог поверить, что видит ее перед собой.

Муссолини перестал смеяться, на его лице появилось мрачно-серьезное выражение, он посмотрел на Пино и сказал:

– Передайте генералу, что дуче чувствует себя довольно хреновато. И спросите, может ли он исправить ситуацию, чтобы дуче почувствовал себя лучше.

Пино перевел. Лейерс раздраженно проговорил:

– Скажите ему, в наших силах помочь друг другу. Скажите ему, если он сумеет приостановить забастовки в Милане и Турине, то я сделаю для него все, что смогу.

Пино слово в слово перевел это для Муссолини.

Диктатор фыркнул:

– Я смогу покончить с забастовками, если вы будете платить моим рабочим в твердой валюте и обеспечите их безопасность.

– Я буду платить им швейцарскими франками, но с бомбардировками я ничего не могу поделать, – ответил Лейерс. – Мы перевели многие производства под землю, но туннелей, чтобы обеспечить безопасность для всех, не хватает. И в любом случае если говорить об Италии, то для нее сейчас наступил поворотный момент в войне. По последним данным

разведки, семь дивизий союзников были передислоцированы из Италии во Францию после вторжения туда американцев и англичан. А это означает, что моя Готская линия сможет продержаться всю зиму, если мы обеспечим бесперебойные поставки вооружений. Но я не могу за это поручиться, если у меня не будет квалифицированных рабочих, изготавливающих оружие и запчасти. Так вы можете прекратить забастовки, дуче? Я уверен, фюрер оценит вашу помощь.

– Я сделаю это одним телефонным звонком, – сказал Муссолини, щелкнув пальцами, потом налил себе еще вина.

– Отлично, – ответил генерал Лейерс. – Чем еще я могу быть вам полезен?

– Как насчет власти в моей стране? – горько спросил диктатор, осушая бокал.

Когда Пино перевел, генерал глубоко вздохнул и ответил:

– У вас вполне достаточно власти, дуче. Поэтому я приехал к вам с просьбой приостановить забастовки.

– У дуче вполне достаточно власти? – саркастически переспросил Муссолини и кинул взгляд на свою любовницу, которая одобрительно кивнула. – Тогда почему мои солдаты в Германии роют окопы или умирают на Восточном фронте? Почему я не вижу Кессельринга? Почему решения относительно Италии принимаются без моего участия? Почему Гитлер не снимает трубку, черт подери?

Последний вопрос диктатор прокричал. Пино перевел, но Лейерс остался невозмутимым:

– Не могу делать вид, будто знаю, почему фюрер не отвечает на ваши звонки, дуче, но предполагаю, что вести войну на три фронта – дело, занимающее много времени.

– Я знаю, почему Гитлер не отвечает на мои звонки, черт возьми! – прорычал Муссолини и со звоном поставил бокал на стол. Он сердито посмотрел на генерала, потом на Пино, от этого взгляда Пино даже захотелось отступить от дуче на шаг-другой. – Кого в Италии ненавидят больше всего? – спросил Муссолини, глядя на Пино.

Пино в смущении не знал, что сказать, но потом начал переводить.

Муссолини оборвал его и, по-прежнему обращаясь к Пино, стукнул себя в грудь и сказал:

– В Италии сильнее всего ненавидят дуче, так же как в Германии сильнее всего ненавидят Гитлера. Но если дуче беспокоит отсутствие народной любви, то Гитлеру на любовь наплевать. Ему нужен только страх.

Пино старался изо всех сил переводить точно, когда диктатор вдруг

разразился чем-то вроде откровения:

– Клара, ты знаешь, почему самый ненавидимый в Италии человек не имеет власти в своей стране?

Его любовница загасила сигарету, выпустила облачко дыма и сказал:

– Адольф Гитлер.

– Именно! – воскликнул дуче. – Потому что самый ненавидимый человек в Германии ненавидит самого ненавидимого человека в Италии! Потому что Гитлер обращается со своими нацистскими немецкими овчарками лучше, чем с президентом Италии. Держит меня взаперти посреди...

– У меня нет времени для этого безумия, – резко сказал генерал Лейерс Пино. – Скажите ему, что я организую его встречу с фельдмаршалом Кессельрингом в ближайшие дни, а в течение недели ему позвонит фюрер. Пока это все, что в моих силах.

Пино перевел, ожидая еще одного взрыва от Муссолини.

Но уступки генерала, казалось, удовлетворили диктатора, который принялся застегивать рубашку со словами:

– Когда встреча с Кессельрингом?

– Я сейчас как раз собираюсь к нему, дуче, – сказал Лейерс. – Его адъютант позвонит вам до полуночи. Чтобы привлечь внимание герра Гитлера, понадобится больше времени.

Муссолини величественно кивнул, словно вновь обрел часть своей иллюзорной власти и теперь собирался совершить что-нибудь космическое.

– Хорошо, генерал Лейерс, – сказал Муссолини, проверяя запонки на манжетах. – К полуночи я покончу с забастовками.

Лейерс щелкнул каблуками, поклонился и сказал:

– Я уверен: фельдмаршал и фюрер будут довольны. Еще раз благодарю за ваше время и влияние, дуче.

Генерал развернулся и пошел прочь. Пино помедлил, не зная, что ему делать, потом коротко поклонился Муссолини и Кларетте Петацчи и поспешил следом за Лейерсом, который исчез из его поля зрения, свернув в колоннаду. Пино догнал генерала и шел у его правого плеча почти до самого автомобиля, где поспешил вперед, к задней двери.

Генерал Лейерс помедлил, несколько секунд смотрел на Пино, потом сказал:

– Хорошая работа, фюрарбайтер.

– Спасибо, mon général, – пробормотал Пино.

– А теперь увезите меня из этого сумасшедшего дома, – сказал Лейерс и сел в машину. – Телефонная станция в Милане. Знаете ее?

– Да, конечно, *mon général*, – сказал Пино.

Лейерс расстегнул саквояж и погрузился в работу. Пино ехал молча, поглядывая в зеркало заднего вида и ведя разговор с самим собой. Когда генерал похвалил его, он раздулся от гордости. Но теперь спрашивал себя – почему? Лейерс был нацистским генералом, погонщиком рабов, псом войны. Как мог Пино испытывать чувство гордости, слыша похвалу такого человека? Это невозможно. Он не должен был чувствовать ничего такого. Но чувствовал, и это беспокоило его.

Когда они добрались до окраин Милана, Пино решил гордиться тем, сколько ему удалось узнать всего за полдня езды с генералом. Его дядюшка просто не поверит. Он разговаривал с Муссолини и Клареттой Петацци! Сколько тайных агентов в Италии могут похвастаться этим?

Пино ехал маршрутом, по которому шел Ганнибал с боевыми слонами, и доехал до Пьяццале Лорето за рекордное время. Он проехал по развязке, увидел синьора Белтрамини на своем месте у выносного прилавка магазина «Фрукты-овощи», где тот обслуживал пожилую женщину. Пино хотел приветственно помахать ему, но, когда попытался взять вправо, его подрезал немецкий грузовик. Они чуть не столкнулись. Пино едва увернулся.

Он не мог поверить, что водитель грузовика пошел на такое. Неужели он не видел?..

Флажки. Он забыл поставить генеральские флажки при въезде в Милан. Ему придется сделать еще один круг по развязке. Во второй раз он увидел Карлетто – тот шел по улице к своему любимому кафе.

Пино прибавил скорость, без всяких происшествий свернул на Виале Абруцци и вскоре остановился перед телефонной станцией, вокруг которой стояло кольцо оцепления. Поначалу такое количество немцев удивило его, но потом он понял: тот, кто контролирует станцию, контролирует и связь.

– У меня работы на три часа, – сказал генерал Лейерс. – Можете меня не ждать. Машину здесь никто не посмеет тронуть. Возвращайтесь в семнадцать часов.

– *Oui, mon général*, – сказал Пино и поспешил открыть заднюю дверь.

Он дождался, когда Лейерс войдет в здание, после чего направился назад, к Пьяццале Лорето и магазину Белтрамини. Он прошел всего квартал, но за это время поймал столько презрительных взглядов, что

понял: повязку со свастикой лучше снять и сунуть в карман.

Это помогло. Люди почти не смотрели на него. Он был в форме, но не СС и не вермахта. А больше людей ничто не волновало.

Он перешел на легкий бег. Он видел впереди синьора Белтрамини, укладывавшего в пакет виноградные гроздья. Но на самом деле ему хотелось увидеть Карлетто. Они встречались в последний раз четыре месяца назад, а ему столько надо было рассказать старому другу.

Пино пересек улицу перед немецкими грузовиками, идущими колонной, и повернул направо. Оглядывая переулок впереди, он увидел Карлетто, который сидел в кафе спиной к нему.

Лицо Пино расплылось в улыбке, он подошел, увидел, что Карлетто читает, отодвинул стул и сел со словами:

– Надеюсь, ты не ждешь прекрасную молодую даму.

Карлетто поднял на него глаза. Поначалу Пино показалось, что Карлетто выглядит более усталым и задерганным, чем даже в апреле. Но тут Карлетто узнал его и вскрикнул:

– Бог ты мой, Пино! Я же думал, тебя убили.

Он вскочил и энергично обнял Пино. Потом отпрянул, посмотрел влажными глазами.

– Правда, я так думал.

– Кто тебе сказал, что меня убили?

– Кто-то сообщил твоему отцу, что ты охранял вокзал Модены, когда в него попала бомба. Сказали, будто тебе снесло полголовы! Я был в отчаянии.

– Нет-нет, – сказал Пино. – Убило парня, который находился рядом. А я чуть не потерял пальцы.

Он показал другу забинтованную руку, пошевелил пришитыми пальцами.

Карлетто хлопнул его по плечу и усмехнулся:

– Я никогда так не радовался, как сегодня, увидев тебя живым.

– Хорошо вернуться из мертвых. – Пино улыбнулся. – Ты уже сделал заказ?

– Эспрессо, – сказал Карлетто, сядя на прежнее место.

– Давай поедим, – сказал Пино. – Мне выплатили жалованье перед выпиской из госпиталя, так что я плачу.

Тут его старый друг стал еще счастливее, и они заказали дынные шарики, завернутые в ветчину, салями, хлеб, оливковое масло с чесноком и холодный томатный суп – идеальная еда для такой жары. Пока они ждали заказ, Карлетто рассказал ему, как провел эти четыре месяца.

Благодаря многочисленным контактам синьора Белтрамини за пределами города, бизнес его процветал. Его магазин оставался чуть ли не единственным в Милане, куда надежно осуществлялись поставки, и до закрытия он нередко успевал распродать все. С матерью Карлетто дело обстояло гораздо хуже.

– Иногда она чувствует себя получше, но все время слабая, – сказал Карлетто. Пино увидел, как переживает его друг. – А в прошлом месяце ей было совсем плохо. Пневмония. Папа совсем погрузился, думал, она уходит, но она выжила.

– Это хорошо, – сказал Пино, когда официант начал расставлять тарелки на столе.

Он перевел взгляд на уличный прилавок магазина. В просветах между немецкими грузовиками он видел, как синьор Белтрамини обслуживает посетителя.

– Так это новая фашистская форма? – спросил Карлетто. – Кажется, я такой прежде не видел.

Пино закусил щеку. Он стыдился своей работы на немцев и поэтому не рассказывал другу про «Организацию Тодта».

– А почему ты оказался в Модене? – спросил Карлетто. – Всех, кого я знаю, отправляют на север.

– Ну, там все не так просто, – сказал Пино, желая сменить тему.

– И что это значит? – спросил его друг, кладя в рот дынный шарик.

– Ты умеешь хранить тайны? – спросил Пино.

– А для чего еще существуют лучшие друзья?

– Хорошо, – сказал Пино, подался вперед и прошептал: – Сегодня утром, Карлетто, меньше двух часов назад, я разговаривал с Муссолини и Клареттой Петаччи.

Карлетто скептически посмотрел на него:

– Бреешь.

– Нет, клянусь тебе.

На развязке раздался автомобильный гудок.

Велосипедист с почтовым мешком пронесся мимо них, так близко к их столику, что Пино почти не сомневался: сейчас он заденет Карлетто, который едва успел отпрянуть в сторону.

– Идиот! – крикнул Карлетто, вскакивая со стула. – Он едет против движения. Покалечит кого-нибудь!

Пино, глядя на велосипедиста сзади, заметил красную полоску ткани, выглядывавшую из-под его темной рубашки ровно по линии шеи. Велосипедист петлял между пешеходами, плотно шествующими по

тротуару, а в это время еще три немецких грузовика начали медленно сворачивать на переполненную Виале Абруцци. Велосипедист снял мешок с плеча. Левой рукой он держал руль, а правой – шнурок мешка. Он съехал на Виале Абруцци и пристроился за одним из грузовиков.

Пино понял, что сейчас случится, вскочил со стула и закричал:

– Нет!

Велосипедист перебросил мешок через брезентовое покрытие в кузов грузовика.

Синьор Белтрамини тоже видел этот бросок. Он стоял менее чем в шести метрах от велосипедиста, его руки начали подниматься за долю секунды до того, как грузовик взорвался, извергнув языки пламени.

Ударная волна достала Пино и Карлетто, находившихся в квартале от взрыва. Пино нырнул на тротуар, защищая голову от осколков.

– Папа! – вскрикнул Карлетто.

Он в панике, не обращая внимания на поднятый ударной волной мусор на Пьяццале Лорето, бросился к огню, к горящему остову военного грузовика и к тому месту, где его отец лежал на тротуаре под обломками уличного прилавка.

Карлетто подбежал к отцу до того, как солдаты вермахта высыпали из других грузовиков и заблокировали место взрыва. Двое из них встали на пути Пино, но он вытащил из кармана красную повязку и надел ее, показывая им свастику.

– Я адъютант генерала Лейерса, – сказал он на корявом немецком. – Я должен пройти.

Они пропустили его. Пино пробежал сквозь жар все еще горящего грузовика, слыша крики и стоны раненых, но думая только о Карлетто, который стоял на коленях, положив на них окровавленную голову еще живого отца. Глаза синьора Белтрамини оставались открытыми, хотя дышал он с трудом.

Глотая слезы, Карлетто поднял голову, увидел Пино и сказал:

– Вызови «скорую».

Пино слышал вой сирен, со всех сторон приближающийся к Пьяццале Лорето.

– Они едут, – сказал он и присел.

Синьор Белтрамини неровно дышал, тело его подергивалось.

– Не двигайся, папа, – сказал Карлетто.

– Мать, – сказал синьор Белтрамини, чьи глаза уже подернулись дымкой. – Позаботься о...

– Не волнуйся, папа, – сказал сын, рыдая и глядя опаленные волосы

отца.

Синьор Белтрамини надрывно закашлялся, вероятно, его мучила сильная боль, и Пино попытался отвлечь его приятным воспоминанием.

– Синьор Белтрамини, вы помните тот вечер на холме, когда мой отец играл на скрипке, а вы пели вашей жене? – спросил Пино.

– «Nessun dorma», – прошептал он, мысли унесли его в прошлое, и он улыбнулся.

– Вы пели *con smania*, и ваш голос никогда не звучал лучше, – сказал Пино.

Несколько секунд они втроем представляли собой маленькую вселенную вне боли и ужаса, они снова были на склоне холма в менее жестокие времена. Вой сирены становился все ближе, и Пино хотел было встать, чтобы привести врача. Но, когда он попытался, синьор Белтрамини ухватил его за рукав.

Отец Карлетто удивленно смотрел на повязку на руке Пино.

– Нацист? – с трудом произнес он.

– Нет, синьор Белтрамини...

– Предатель? – сказал торговец фруктами и овощами. – Пино?

– Нет, синьор...

Синьор Белтрамини снова надрывно закашлялся, и на сей раз изо рта на подбородок потекла струйка крови, и он повернул голову к Карлетто, смотрел на сына и беззвучно двигал губами. А потом он просто обмяк, словно его дух смирился с неизбежной смертью, но еще медлил, не спешил уходить.

Карлетто не смог сдержать рыданий. И Пино тоже.

Его друг убаюкивал отца, преисполняясь скорбью. Боль утраты росла, разбухала с каждым вдохом, и наконец все мышцы и кости Карлетто, все его тело скрючилось от душевной боли.

– Какое горе! – воскликнул Пино. – Ах, Карлетто, какое горе! Я тоже любил его.

Карлетто перестал баюкать отца, посмотрел на Пино, ослепленный ненавистью.

– Не смей так говорить, – прокричал он. – Никогда! Ты нацист! Предатель!

У Пино возникло такое чувство, будто челюсть ему сломали в двадцати местах.

– Нет, – сказал он. – Все не так, как ты думаешь...

– Оставь меня! – закричал Карлетто. – Мой отец все видел. Он понял, кто ты. Он раскрыл мне глаза.

- Карлетто, это всего лишь повязка.
- Оставь меня! Я не хочу больше тебя видеть! Никогда!

Карлетто уронил голову и разрыдался над телом отца, его плечи дрожали, мучительные всхлипы вырывались из груди. Эмоции настолько переполняли Пино, что у него не находилось слов. В конечном счете он поднялся и отошел.

– Проходите, – сказал немецкий офицер. – Освободите тротуар для карет «скорой».

Пино в последний раз посмотрел на синьора Белтрамини и двинулся на юг к телефонной станции, чувствуя себя так, словно этот взрыв разорвал его сердце.

5

Чувство утраты все еще терзало Пино семь часов спустя, когда он остановил «даймлер» перед домом, в котором жила Долли Штоттлемейер. Генерал Лейерс вышел из машины, отдал Пино свой саквояж и сказал:

- Первый день у вас выдался нелегкий.
- Oui, mon général.
- Вы уверены, что на шее террориста был красный шарф?
- Он спрятал его под рубашку, но шарф был.

Лицо генерала посуровело. Он вошел в здание, Пино с саквояжем, который с утра стал только тяжелее, – следом за ним. Старуха сидела все на том же месте, она подмигнула им из-за своих толстых стекол. Лейерс даже не взглянул на нее, поднялся по лестнице к квартире Долли и постучал.

Анна открыла дверь, и при виде нее сердце Пино слегка оттаяло.

– Долли ждет вас с обедом, генерал, – сказала Анна, когда Лейерс проходил мимо.

Несмотря на все случившееся в этот день, встреча с Анной была для Пино таким же ослепительным событием, как и два прошлых раза. Боль, которую он испытал, видя смерть синьора Белтрамини и потеряв друга, никуда не ушла, но он чувствовал, что, если расскажет об этом Анне, она каким-нибудь образом утешит его.

– Вы заходите, форарбайтер? – нетерпеливо спросила Анна. – Или так и будете глазеть на меня?

Пино вздрогнул, вошел и сказал:

- Я не глазел.
- Конечно глазели.

– Нет, я был далеко. Мысленно.

Она ничего не сказала и закрыла дверь.

В другом конце коридора показалась Долли. На любовнице генерала были туфли на каблуках-гвоздиках, черные шелковые чулки, черная юбка в обтяжку и блузка жемчужного цвета с короткими рукавами. Волосы, казалось, были только что уложены.

– Генерал говорит, вы видели, как случился взрыв? – спросила Долли, закуривая.

Пино кивнул и поставил саквояж на скамейку, чувствуя, что и внимание Анны обращено теперь к нему.

– И сколько убито? – спросила Долли, затягиваясь.

– Много немцев и... и несколько миланцев, – ответил он.

– Наверное, это было ужасно, – сказала Долли.

Появился генерал Лейерс. На сей раз без галстука. Он сказал что-то по-немецки Долли, она кивнула и посмотрела на Анну:

– Генерал хочет есть.

– Да, конечно, – сказала Анна, снова стрельнула глазами в Пино, быстрым шагом двинулась по коридору и исчезла.

Лейерс подошел к Пино, внимательно посмотрел на него, потом взял саквояж.

– Жду вас равно в семь ноль-ноль.

– Oui, mon général, – сказала он, не двигаясь с места.

– Вы свободны, фюарбайтер.

Пино хотелось задержаться немного, в надежде увидеть Анну, но он вскинул руку в приветствии и вышел.

Он поехал в гараж, пытаясь мысленно прокрутить перед глазами прошедший день, но все время возвращался к сцене смерти синьора Белтрамини, вспоминал отчаяние и гнев Карлетто и тот взгляд, которым посмотрела на него Анна, прежде чем выйти из коридора.

Потом он вспомнил встречу с Муссолини и его любовницей, а когда, отдав ночному часовому ключи от «даймлера», шел домой в Сан-Бабилю, ему казалось, что он все это выдумал. Вечерний августовский воздух, насыщенный кухонными ароматами, окутывал его теплом. За вынесенными на улицы столиками кафе сидели немецкие офицеры, многие были пьяны.

Пино добрался до магазина дяди и постучал в заднюю дверь, ведущую в мастерскую. Когда его дядюшка открыл дверь, Пино захлестнули эмоции.

– Ну, – спросил дядя Альберт, когда Пино вошел, – как прошел день?

Скорбь сковала сердце Пино.

– Даже не знаю, с чего начать, – воскликнул он, всхлипнув.

– Да что случилось, скажи уже бога ради?
– Дайте мне поесть. Я с утра ничего не ел.
– Конечно. У Греты есть ризотто с шафраном. Поешь и расскажешь нам все с самого начала.

Пино отер слезы. Ему не нравилось, что он расплакался в присутствии дяди, но эмоции взяли верх над ним и прорвались, как вода при разрыве трубы. Он молча съел две порции своего любимого ризотто, а потом рассказал обо всем, что случилось с ним в течение дня, проведенного с генералом Лейерсом.

Их потряс его рассказ о рабах в туннеле, хотя дядя Альберт и сказал, что они получали сведения о переводе немцами военных производств под землю.

– Ты и вправду был в доме Муссолини? – спросила тетя Грета.
– На его вилле, – сказал Пино. – Там были он и Кларетта Петаччи.
– Не может быть.
– Может, – ответил Пино и рассказал, что ему стало известно о забастовках, которые Муссолини собирался пресечь в обмен на разговор с Кессельрингом и телефонный звонок от Гитлера.

Потом он рассказал о худшем из случившегося в этот день. О том, что синьор Белтрамини умер, считая Пино предателем, что лучший друг Пино больше не хочет его видеть, потому что он нацист, а это позор.

– Это неправда, – сказал дядя Альберт, поднимая голову от блокнота, в котором он делал записи. – Ты настоящий герой – столько добыл полезной информации. Я передам ее Баке, а он передаст твои сведения союзникам.

– Но я не могу сказать Карлетто, – проговорил Пино. – И его отец...
– Извини, Пино, но я скажу тебе откровенно: мне это совершенно все равно. Твое нынешнее положение слишком ценно и слишком уязвимо, чтобы идти на такой риск – посвящать кого-то еще в твои истинные занятия. Пока тебе придется проглотить все обиды и верить, что твоя дружба вернется, когда ты обо всем сможешь рассказать. Это очень серьезно, Пино. Ты тайный агент в тылу врага. Игнорируй все оскорбления, которые достанутся тебе, и оставайся как можно дольше и как можно ближе к Лейерсу.

Пино кивнул, но без особого энтузиазма.
– Значит, вы считаете, то, что я рассказал, важно?
Дядя Альберт фыркнул:

– Мы теперь знаем о большом складе оружия в туннеле близ Комо. Мы знаем, что нацисты используют там рабов. И мы знаем, что Муссолини теперь настоящий евнух, он абсолютно бессилен и обижен на Гитлера за то,

что тот не отвечает на его звонки. Разве можно было ждать большего от первого дня?

Пино успокоился. Он зевнул и сказал:

– Мне нужно выспаться. Он ждет меня рано утром.

Он обнял их обоих, спустился по лестнице, прошел по маленькой мастерской. Дверь в проулок открылась. Вошел радист Бака, посмотрел на Пино, на его форму.

– Все не так просто, – сказал Пино и вышел.

Когда Пино, пройдя проверку в холле, вошел в квартиру, его отец уже спал, и он, поставив будильник, упал в кровать. Жуткие сцены, мысли и эмоции создавали хаос в его голове и никак не давали уснуть.

Но когда ему наконец удалось ограничить круг воспоминаний образом Анны, он почувствовал спокойствие и провалился в темную глубину сна.

Глава семнадцатая

9 августа 1944 года

6:45 утра

1

Пино выскочил из «даймлера», остановившись на Виа Данте. Войдя в дом, быстрым шагом прошел мимо подмигивающей старухи, поднялся по лестнице, в нетерпении постучал в дверь любовницы генерала.

Его ждало разочарование: дверь ему открыла Долли. Генерал Лейерс уже находился в коридоре, пил кофе из фарфоровой чашки и, кажется, спешил уйти.

Пино взял саквояж, повернулся к Долли, чувствуя все большее разочарование из-за отсутствия Анны.

– Анна! – крикнула Долли. – Принесите еду для генерала.

Несколько секунд спустя, к радости затосковавшего было Пино, появилась Анна с термосом и бумажным пакетом. Генерал направился к двери. Пино подошел к Анне и сказал:

– Я возьму.

Анна улыбнулась ему, протягивая термос. Пино сунул его под мышку, потом взял бумажный пакет.

– Приятного дня, – сказала Анна. – И берегите себя.

Он улыбнулся и ответил:

– Постараюсь.

– Форарбайтер! – пролаял генерал Лейерс.

Пино вздрогнул, развернулся и, схватив саквояж, поспешил за Лейерсом мимо Долли, которая держала открытой дверь квартиры и проводила его понимающим взглядом.

У Лейерса тем утром состоялась четырехчасовая встреча с фельдмаршалом Кессельрингом в «германском доме». Пино за стол не пригласили. Генерал вышел после полудня, раздраженный и расстроенный, и приказал Пино ехать к телефонной станции.

Пино сидел в «даймлере» или бродил рядом, снедаемый скукой. Он бы сходил куда-нибудь поесть, но не хотел оставлять машину. Он находился всего в квартале от Пьяццале Лорето и думал, не поискать ли ему Карлетто,

не сказать ли ему что-нибудь, чтобы тот перестал считать его предателем. Это подняло бы ему настроение, вот только...

Он услышал приближающийся голос из громкоговорителя.

С Виале Абруцци появился автомобиль СС с пятью динамиками на крыше.

«Предупреждение всем жителям Милана! – вещал пронзительный голос по-итальянски. – Вчерашнее трусливое убийство немецких солдат не останется безнаказанным. Если вы не сдадите сегодня террориста, то завтра вас ждет кара. Повторяю: предупреждение всем жителям Милана...»

Пино так проголодался, что почувствовал пустоту в желудке; он заволновался, глядя на удаляющуюся машину и слыша отзвуки голоса из громкоговорителей, разносящиеся по всем улицам, примыкающим к Пьяцалле Лорето. В полдень мимо него прошли немецкие солдаты, расклеивая растиражированные копии того же предупреждения на столбах и стенах домов.

Три часа спустя генерал Лейерс, как пушечное ядро, вылетел из дверей телефонной станции. Он пребывал в ярости, садясь на заднее сиденье «даймлера». Пино не ел с шести часов утра, голова у него кружилась, и он нервничал, садясь за руль.

– Verdammtе Idioten^[19], – произнес Лейерс резким голосом. – Verdammtе Idioten.

Пино понятия не имел, что значат эти слова. Он кинул взгляд в зеркало заднего вида и увидел, как генерал три раза ударил кулаком по сиденью. Лицо у него покраснело, лоб покрылся потом, и Пино отвернулся, опасаясь, что гнев генерала может обрушиться на него.

Лейерс на заднем сиденье тяжело дышал. Когда Пино наконец снова посмотрел в зеркало, генерал сидел с закрытыми глазами, сложив руки на груди, дышал медленно и ровно. Может быть, он спал?

Пино не знал, что ему делать, кроме как сидеть, ждать и страдать от невыносимого голода.

Десять минут спустя генерал Лейерс сказал:

– Канцелярия кардинала. Знаете?

Пино посмотрел в зеркало заднего вида, увидел непроницаемое лицо генерала и ответил:

– Oui, mon général.

Он хотел спросить, когда ему можно будет остановиться, чтобы поесть, но решил воздержаться.

– Снимите мои флажки. Это неофициальный визит.

Пино исполнил приказание генерала, сел в машину и включил передачу, спрашивая себя, что Лейерсу могло понадобиться в канцелярии. Он поглядывал на генерала в зеркало заднего вида, пока петлял по городу в сторону Виа Паттари, но тот, казалось, погрузился в свои мысли, и по его лицу ничего нельзя было прочесть.

Когда они подъехали к воротам канцелярии, солнце уже зашло. Охраны здесь не было, и Лейерс приказал Пино ехать через парк. Он проехал по брусчатке, выложенной вокруг двухэтажного здания с колоннами. Заглушил двигатель и вышел из машины. В центре двора журчал фонтан. Сумерки опускались на застывший в неподвижном пекле город.

Пино открыл дверь генералу Лейерсу, тот вышел и сказал:

– Вы можете мне понадобиться.

«С кем он будет говорить сегодня?» – подумал Пино. И вдруг понял, и сердце его забилося сильнее. Они будут говорить с Шустером. У кардинала Милана была выдающаяся память. Он наверняка вспомнит Пино, как вспомнил его полковник Рауфф, но, в отличие от шефа гестапо, кардинал вспомнит и его имя. Кардинал увидит и свастику на его нарукавной повязке и сурово осудит его, может быть, предаст вечному проклятию.

Поднявшись по лестнице, генерал Лейерс повернул налево, подошел к массивной деревянной двери и постучал. Дверь открыл пожилой священник, который вроде бы узнал Лейерса, и на лице его появилось неприязненное выражение. Однако он отошел в сторону, пропуская его. Таким же неприязненным взглядом он смерил и Пино.

Они прошли по обитому деревянными панелями коридору в богато украшенную великолепную приемную, повсюду здесь были изображены библейские сюжеты – вышитые на гобеленах пятнадцатого века, вырезанные на деревянных распятиях, написанные золотом на каждом свободном метре стен. Единственным предметом не в итальянском стиле здесь был стол, за которым спиной к Пино и Лейерсу сидел невысокий лысый человек в кремового цвета сутане и красной шапочке. Кардинал Шустер, казалось, не замечал их прихода, пока священник не постучал по дверному косяку. Шустер на миг перестал писать, потом еще четыре-пять секунд потратил на то, чтобы закончить предложение, после чего поднял голову и повернулся.

Лейерс снял фуражку. Пино неохотно сделал то же самое. Генерал

подошел к Шустеру, но через плечо заговорил с Пино:

– Скажите кардиналу, что я ценю его готовность принять меня в таком срочном порядке, но дело важное.

Пино попытался остаться за плечом генерала, где кардиналу было бы труднее разглядеть его, и перевел слова Лейерса на итальянский.

Шустер выгнул шею, пытаясь увидеть Пино.

– Спросите генерала, чем я могу быть ему полезен.

Пино, уставясь в ковер, переводил слова кардинала на французский, но тут Шустер прервал его:

– Я могу позвать священника, который говорит по-немецки, если генерал желает облегчить разговор.

Пино перевел для Лейерса.

Генерал отрицательно покачал головой:

– Я не хочу без нужды тратить его и свое время.

Пино перевел Шустеру, что Лейерс останется со своим переводчиком.

Кардинал пожал плечами, а Лейерс сказал:

– Ваше высокопреосвященство, вы наверняка знаете, что вчера пятнадцать немецких солдат были убиты в результате террористической атаки, совершенной партизаном на Пьяццале Лорето. И вы наверняка знаете, что полковник Рауфф и гестапо требуют, чтобы террорист сдался до рассвета, иначе город постигнет возмездие.

– Знаю, – ответил кардинал. – И насколько жестокое?

– Любое насилие со стороны партизан в отношении немецких солдат наказывается адекватным актом насилия в отношении местного мужского населения, – ответил генерал. – Заверяю вас, это не мое решение. Этот позор на совести генерала Вольфа.

Пино был потрясен услышанным и увидел, что потенциальное возмездие произвело такое же впечатление на Шустера.

– Если немецкие власти пойдут этим путем, это настроит против вас население, сопротивление ожесточится. В конечном счете они не проявят к вам ни малейшего милосердия.

– Я согласен с вами, ваше высокопреосвященство, именно такие аргументы приводил и я, – сказал генерал Лейерс. – Но моего голоса не слышали ни здесь, ни в Берлине.

– И чего же вы хотите от меня?

– Я понимаю, что ваши возможности ограничены, ваше высокопреосвященство. Но вы можете попросить террориста сдаться, прежде чем угроза наказания будет приведена в исполнение.

Шустер задумался на мгновение, потом сказал:

– И когда это случится?
– Завтра.
– Спасибо, что проинформировали меня лично, генерал Лейерс, – сказал кардинал.
– Ваше высокопреосвященство, – сказал Лейерс, поклонился и развернулся к двери, отчего Пино оказался лицом к лицу с Шустером.
На лице кардинала мелькнуло узнавание.
– Милорд кардинал, – сказал Пино по-итальянски. – Пожалуйста, не говорите генералу Лейерсу, что знаете меня. Я не тот, кто вы думаете. И прошу вас, смилуйтесь над моей душой.

3

Кардинал посмотрел на него недоуменно, но кивнул. Пино поклонился и последовал за Лейерсом во двор, размышляя над тем, что только что услышал.

Возмездие завтра утром? Это ужасно. Что сделают немцы? Ответят адекватным актом насилия в отношении местного мужского населения? Именно так он сказал?

Когда они подошли к машине, Лейерс спросил:

– Что вы сказали кардиналу в конце разговора?

– Я пожелал ему доброго вечера, *mon général*.

Лейерс разглядывал его несколько секунд, а потом сказал:

– Теперь к Долли. Я сделал все, что мог.

Хотя мысли о грядущем возмездии не давали ему покоя, Пино подумал об Анне и поехал быстрее, насколько это позволяли петляющие улицы вокруг собора, и наконец добрался до дома Долли Штоттлемейер. Он остановил машину, открыл заднюю дверь и попытался взять саквояж.

– Я сам его отнесу, – сказал генерал. – Оставайтесь в машине. Мы, возможно, съездим еще в одно место.

Услышав эти слова, Пино чуть не вскрикнул.

Если Лейерс и заметил его разочарование, то никак не показал этого. Когда входная дверь закрылась за ним, голодные спазмы принялись терзать Пино с удвоенной яростью. Что он теперь должен делать? Перестать есть? Перестать пить?

Пино, чувствуя себя отвратительно, поднял голову, увидел свет, просачивающийся сквозь шторы затемнения в окнах Долли. Была ли Анна разочарована? Она явно улыбнулась ему сегодня утром, и улыбка была не

какая-то проходная, случайная. Улыбка Анны говорила о приязни, и надежде. Она сказала ему, чтобы он берег себя, и назвала по имени.

Но, так или не так, сегодня Пино не увидит ее. Сегодня он уснет в машине, умирая от голода. Он почувствовал тяжесть на сердце, а потом, когда загремел гром, ему стало еще тяжелее. Он установил брезентовый верх «даймлера» и сел в машину, прежде чем дождь хлынул в полную силу. Гром оглушил его, и Пино принялся жалеть себя. Неужели он проведет здесь всю ночь? Без еды? Без воды?

Прошло полчаса, потом час. Дождь уменьшился, но продолжал стучать по крыше. У Пино болел желудок, он подумывал, не съездить ли ему к дяде, чтобы перекусить. Но если Лейерс выйдет и не увидит его? Если?..

Передняя пассажирская дверь открылась.

В машину села Анна с корзиночкой еды, издававшей великолепный запах.

– Долли сказала, что вы, вероятно, проголодались, – сказала она, закрывая дверь. – Меня послали к вам с едой и составить вам компанию, пока вы едите.

Пино улыбнулся:

– Приказ генерала?

– Приказ Долли, – сказала Анна, оглядываясь. – Я думаю, вам удобнее будет есть на заднем сиденье.

– Это территория генерала.

– Он занят в спальне Долли, – сказала она, вылезла из машины, открыла заднюю дверь и села. – Он там надолго, если не на всю ночь.

Пино рассмеялся, распахнул дверь, выскочил под дождь и уселся сзади. Анна поставила корзиночку на то место, где обычно стоял саквояж генерала. Она зажгла маленькую свечку и установила ее на тарелку. В подмигивающем пламени свечи салон машины казался золотистым. Анна сняла полотенце с корзинки, и Пино увидел две куриные ножки, свежий хлеб, настоящее масло и стакан с красным вином.

– Я спасен, – сказал Пино, и Анна рассмеялась.

В другой ситуации он, вероятно, не сводил бы с нее глаз, когда она смеялась, но сейчас голод так мучил его, что он только усмехнулся и набросился на еду. Но он не забывал задавать ей вопросы. Оказалось, что Анна приехала из Триеста, работает на Долли уже четырнадцать месяцев, работу она получила через знакомого, который увидел объявление Долли в газете.

– Вы меня просто спасли, – сказал он, заканчивая с едой. – Я был голоден как волк.

Анна рассмеялась:

- То-то, я слышу, за окном кто-то волком воет.
- Это ваше полное имя – Анна? – спросил он.
- Еще меня зовут Анна-Марта.
- И без фамилии?
- Теперь – да, – сказала она, помрачнев и укладывая в корзинку тарелку и приборы. – И вообще, мне пора.
- Пойдите. Побудьте со мной еще немного.

Я в жизни не встречал такой красивой и элегантной девушки. Она отмахнулась от его комплимента, но улыбнулась:

- Вы мне льстите.
- Это правда.
- Сколько вам лет, Пино?
- Достаточно, чтобы носить форму и оружие, – в раздражении ответил он.
- Достаточно для того, чтобы заниматься тем, о чем я не могу говорить.
- Например? – заинтересованно спросила она.
- Я не могу говорить об этом, – повторил Пино.

Анна задула свечу, и салон погрузился в темноту.

- Тогда я должна идти.

Прежде чем Пино успел возразить, она вышла из машины и закрыла дверь. Когда Пино выскочил из машины, она уже поднималась по ступенькам к входной двери.

- Buona notte, синьорина Анна-Марта, – сказал Пино.
- Доброй ночи, форарбайтер Лелла, – сказала Анна и вошла в дом.

Дождь уже прекратился, и Пино долго стоял на месте, глядя туда, где она исчезла, вспоминая с наслаждением каждый момент, проведенный с нею на заднем сиденье, ее запах. Он обратил внимание на ее запах, когда поел, когда она отсмеялась над тем, что он голоден как волк. Ни у чего на свете не было такого прекрасного запаха. Была ли другая такая женщина? Такая красивая, такая таинственная.

Наконец он сел на водительское сиденье и надвинул фуражку на глаза. Он все еще думал об Анне, оспаривал все, что говорил ей, препарировал все ее слова, словно они хранили ключ к разгадке Анны. Ужас смерти синьора Белтрамини, клеймо предателя – все это исчезло из его сознания. Пока сон не сморил Пино, его мысли занимала только Анна.

Резкий стук в окно разбудил Пино. Рассвет едва-едва занимался. Задняя дверь открылась. Первая его счастливая мысль была: вернулась Анна покормить его еще раз. Но, оглянувшись через плечо, он увидел силуэт генерала Лейерса.

– Поставьте мои флажки, – сказал Лейерс. – Едем в тюрьму Сан-Витторе. У нас мало времени.

Доставая из бардачка флажки, Пино подавил зевоту и спросил:

– Который час, *mon général*?

– Пять, – пролаял Лейерс. – Шевелитесь!

Пино выскочил из машины, установил флажки, потом быстро проехал по городу, не без оснований полагая, что флажки дадут им возможность без задержки миновать пропускные пункты по дороге к печально известной тюрьме Сан-Витторе. Тюрьма, построенная в 1870-х годах, располагалась в шести трехэтажных корпусах, соединенных с главным зданием в центре. Когда-то Сан-Витторе соответствовала всем требованиям времени, но семьдесят четыре года небрежения превратили ее в вонючее сооружение в форме морской звезды, в камерах и коридорах которого заключенные не жили, а выживали. Теперь, когда тюрьма была подчинена гестапо, Пино не знал другого места, которого боялся бы больше, если не считать отеля «Реджина».

На Виа Вико, которая шла параллельно высокой восточной стене тюрьмы, их дальнейшее движение застопорили два грузовика у открытых ворот. Первый грузовик сдавал во двор тюрьмы задним ходом. Второй стоял на улице, препятствуя проезду.

Рассвет забрезжил над городом, когда генерал Лейерс вышел из машины и хлопнул дверью. Пино выскочил следом и последовал за Лейерсом, который пересек улицу и вошел в ворота. Охранники салютовали ему. Они оказались в большом треугольном дворе, сужавшемся в том месте, где два противоположных крыла тюрьмы соединялись с главным зданием.

Сделав шесть шагов по двору, Пино остановился, чтобы осмотреться. Восемь вооруженных солдат-эсэсовцев стояли от него метрах в двадцати слева, если ориентироваться по наручным часам – на десятичасовой отметке. Перед ними стоял капитан СС, рядом с ним полковник гестапо Вальтер Рауфф со стеклом в руке с любопытством смотрел в их сторону. Лейерс подошел к Рауффу и капитану.

Пино попятился – он не хотел, чтобы Рауфф заметил его.

Задний борт кузова открылся. Из машины выпрыгнули солдаты черных бригад легиона Мутти^[20], эти элитные фашистские бойцы, несмотря

на жару, носили черные рубашки с воротниками-черепахами, на их фуражках и на груди были символы в виде черепа.

– Вы готовы? – спросил капитан СС по-итальянски.

Один из чернорубашечников прошел мимо Пино, крикнув:

– Выводите!

Охранники разделились на две группы по четыре человека и принялись открывать двери тюремных камер. Из дверей начали выходить заключенные. Пино выступил вперед, чтобы разглядеть их получше. У некоторых был такой вид, словно они не в силах сделать следующий шаг. Кто-то из них выглядел получше; у всех отросли бороды, шевелюры, и Пино сомневался, что узнал бы знакомое лицо, окажись таковое среди них.

Потом из левой двери во двор вышел высокий привлекательный молодой человек, в котором Пино узнал Барбарески, семинариста, помощника кардинала Шустера и специалиста по подделке документов для Сопротивления. Вероятно, Барбарески снова поймали и арестовали. Тогда как другие шли с трудом, опасливо поглядывая на бойцов-чернорубашечников, Барбарески вызывающе пристроился в первый ряд.

– Сколько? – спросил полковник Рауфф.

– Сто сорок восемь, – ответил один из охранников.

– Еще двоих, – сказал Рауфф.

Последний вышедший из правой двери человек, встряхнув головой, отбросил волосы с лица. «Туллио!» – выдохнул Пино.

Туллио Галимберти не слышал его. Пока он шел по двору, никто не двинулся с места. Туллио скрылся из виду, оказавшись за грузовиком. Вперед вышел командир чернорубашечников. Генерал Лейерс разговаривал с полковником Рауффом и капитаном СС. Пино видел и слышал их горячий спор. Наконец Рауфф ткнул стеком в сторону чернорубашечников и сказал что-то – возражений у Лейерса не нашлось.

Командир чернорубашечников показал на крайнего слева в строю и прокричал:

– Ты! Начинай отсчет по десять. Каждый десятый выходит вперед.

С секундной задержкой стоявший на левом фланге начал счет:

– Первый.

– Второй, – сказал стоящий за ним.

Десятым оказался еле стоявший на ногах человек, он неуверенно вышел вперед.

– Первый, – сказал одиннадцатый.

– Второй, – проговорил двенадцатый.

Еще несколько секунд – и Барбарески сказал:

– Восьмой.

Наконец вышел второй «десятый», потом третий. К ним присоединились еще двенадцать, все они стояли плечом к плечу перед собравшимися заключенными. Счет все еще продолжался, когда Пино, стоявший на цыпочках, вспомнил вчерашний разговор генерала Лейерса с кардиналом Шустером.

К своему ужасу, он услышал голос Туллио:

– Десятый.

Теперь их стало пятнадцать человек.

– Вы, пятнадцать, в грузовик, – сказал чернорубашечник. – Остальные возвращаются в камеры.

Пино не знал, что ему делать – то ли броситься к Туллио, то ли бежать к генералу Лейерсу. Но если он обратится к Лейерсу и назовет своим близким другом Туллио, который оказался в Сан-Витторе за шпионаж в пользу Соппротивления, то не станет ли генерал подозревать?..

– Что вы здесь делаете, форарбайтер? – спросил Лейерс.

Происходящее перед его глазами настолько загипнотизировало Пино, что он забыл о Лейерсе, который теперь с недовольным видом стоял перед ним.

– Извините, mon général, – сказал Пино, – я думал, вам может понадобиться переводчик.

– Возвращайтесь в машину, – сказал Лейерс. – Подъезжайте к воротам, когда уедет этот грузовик.

Пино выбежал из ворот тюрьмы и сел в «даймлер». Грузовик, стоявший рядом с тюрьмой, тронулся с места. Пино завел двигатель в тот момент, когда первый луч солнца коснулся верха тюремной стены и арки над въездом. В полутьме внизу грузовик с Туллио и четырнадцатью другими выехал из ворот и последовал за первым.

Пино подъехал к воротам. Генерал не стал дожидаться, когда Пино откроет ему дверь, он сел на заднее сиденье, его лицо искажала гримаса плохо скрываемой ярости.

– Mon général? – спросил Пино, когда прошло несколько секунд.

– К чертовой матери, – сказал Лейерс. – Езжайте за ними, форарбайтер.

«Даймлер» быстро догнал грузовики, пробиравшиеся по узким

улочкам города. Пино хотел спросить генерала, что происходит. Сказать ему про Туллио. Но не осмелился.

Проезжая по площади перед собором, он посмотрел на самый высокий шпиль, увидел его в солнечных лучах, а горгульи на карнизах внизу оставались в сумраке тени. Это зрелище сильно встревожило его.

– Mon général? – сказал Пино. – Я знаю, что не должен говорить первым, но не могли бы вы сказать мне, что будет с людьми в грузовике?

Лейерс не ответил. Пино взглянул в зеркало, опасаясь за последствия своей вольности, но увидел, что генерал холодно смотрит на него.

– Ваши предки изобрели то, что будет с этими людьми.

– Mon général?

– Древние римляне называли это децимацией, форарбайтер. Это наказание использовалось во всей империи. Проблема с децимацией, однако, состоит в том, что это довольно краткосрочная тактика.

– Я не понимаю.

– Децимация действует психологически, – объяснил Лейерс. – Она призвана подавить угрозу бунта с помощью страха. Но в историческом плане жестокость по отношению к гражданским лицам в качестве возмездия вызывает скорее ненависть, чем покорность.

«Жестокость? – подумал Пино. – Возмездие? Акты насилия, о которых Лейерс предупреждал кардинала?»

Что они сделают с Туллио и другими? Поможет ли, если он скажет генералу, что Туллио – его близкий друг, или нет?

На параллельных улицах он услышал лай громкоговорителей. Человек, говоривший по-итальянски, призывал «всех обеспокоенных жителей» выйти на Пьяццале Лорето.

Две роты чернорубашечников заблокировали развязку. Но грузовики и машину генерала Лейерса они пропустили. Грузовики остановились почти напротив магазина синьора Белтрамини, сдали назад и развернулись, так что задние части кузовов почти уперлись в глухую стену здания.

– Езжайте по развязке, – сказал Лейерс.

Проезжая мимо выносного прилавка и все еще порванной маркизы, Пино ясно вспомнил взрыв. Его потрясло, когда он увидел Карлетто, – тот вышел из магазина, оглядел грузовики, потом посмотрел в его сторону.

Пино нажал на педаль газа, чтобы поскорее скрыться из виду. Через три дома за площадью Лейерс приказал Пино заехать на бензозаправку «Эссо» с большими металлическими фермами над бензоколонками. Из помещения вышел явно нервничающий оператор.

– Скажите ему, чтобы наполнил бак. После этого мы останемся

здесь, – сказал Лейерс.

Пино перевел оператору слова Лейерса, оператор посмотрел на генеральские флажки и поспешил внутрь.

Громкоговорители все еще призывали жителей Милана прийти на площадь, и поначалу по тротуарам потянулись лишь несколько любопытствующих, но вскоре со всех направлений на Пьяццале Лорето миланцы хлынули сплошным потоком.

Чернорубашечники установили деревянные барьеры от фруктового прилавка к грузовикам. В результате образовалось большое открытое пространство, вокруг которого стояли горожане.

На глаз, их было около тысячи, может, больше. «Даймлер» и грузовик с Тулио разделяли метров сто пятьдесят, и как раз по середине этого расстояния появилась еще одна немецкая машина, она остановилась у края развязки. С того места, где находился Пино, нельзя было разглядеть, кто сидит в машине. На площадь прибыли еще несколько сотен горожан, и вскоре они перекрыли видимость.

– Я ничего не вижу, – сказал генерал Лейерс.

– Non, mon général, – сказал Пино.

Лейерс помолчал, посмотрел в окно и сказал:

– Забраться наверх можете?

Несколько секунд спустя Пино, стоя на бензоколонке, ухватился за балки металлической фермы и подтянулся наверх. Он надежно устроился, держась за металлический столб и вторую балку на высоте своего роста.

– Видите? – спросил генерал, вставший около машины.

– Oui, mon général.

Пино хорошо видел поверх голов приблизительно полутора тысяч собравшихся на площади. Грузовики стояли на прежних местах, брезентовые клапаны оставались закрытыми.

– Помогите мне забраться туда, – сказал Лейерс.

Пино посмотрел вниз, увидел, что генерал уже залез на одну из бензоколонок и стоял, протягивая руку. Пино помог ему подтянуться. Лейерс устроился на поперечине, а Пино сидел на столбе.

Вдали колокол собора ударил девять раз. Командир чернорубашечников, которого Пино видел в тюремном дворе, вылез из кабины ближнего к бензоколонке грузовика и исчез за кузовом другого грузовика, в котором сидели заключенные.

Вскоре они начали выходить один за другим и плечом к плечу выстраиваться у стены рядом с магазином «Фрукты-овощи». Тулио вышел седьмым. Теперь Пино уже знал, что произойдет, хотя пока лишь

догадывался как, и ему пришлось крепче ухватиться за столб, чтобы не упасть.

Пустой грузовик отъехал. Толпа подалась, освобождая ему место, и он вскоре оказался на развязке. Из второго грузовика выскочили чернорубашечники в капюшонах с винтовками в руках. После чего и этот грузовик отъехал. Чернорубашечники выстроились в пятнадцати метрах от заключенных.

Один из чернорубашечников прокричал:

– Каждый раз, когда красный партизан будет убивать немецкого солдата или солдата армии Сало, за этим будет следовать неотвратимое и скорое наказание.

Площадь погрузилась в тишину, только недоуменный ропот пронесся над толпой.

Один из заключенных начал что-то кричать чернорубашечникам и расстрельному взводу.

Это был Тулио.

– Вы трусы! – кричал Тулио. – Предатели! Делаете грязную работу за немцев и прячете свои лица. Вы жалкая кучка...

Началась стрельба. Первая пуля досталась Тулио. Друга Пино отбросило назад, а потом он сполз по стене на тротуар.

Глава восемнадцатая

1

Пино рыдал, прикрыв лицо согнутой в локте рукой, а стрельба продолжалась, один за другим падали заключенные. Толпа обезумела, все кричали от ужаса, началась давка, все хотели уйти с площади подальше от стрелков, обгабивших стены домов на Пьяцале Лорето и землю вокруг пятнадцати мучеников – кровью, продолжавшей растекаться, даже когда выстрелы стихли.

Пино с закрытыми глазами сполз вниз, оседлал нижнюю балку, он слышал крики, доносившиеся с Пьяцале Лорето, словно откуда-то издалека, приглушенные.

«Мир не может быть таким, – пытался убедить он себя. – Он не может быть настолько больным и таким жестоким».

Он вспомнил, как отец Ре призывал его служить высокому делу, и вдруг поймал себя на том, что произносит слова из молитвы «Аве Мария» за мертвых и умирающих. Он дошел до последних слов: «Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей...»

– Форарбайтер, черт побери! – услышал он голос генерала Лейерса. – Вы что – оглохли?

Пино повернулся, как в тумане, увидел генерала, который все еще стоял на балке, на его лице застыло каменное, холодное выражение.

– Спускайтесь, – сказал Лейерс. – Мы уезжаем.

У Пино возникло желание сбить немца с ног, чтобы тот упал с более чем четырехметровой высоты на бетонный пол. Потом Пино прыгнул бы и задушил генерала своими руками, чтобы уж наверняка. Лейерс допустил эту жестокость. Он стоял в стороне, когда...

– Я сказал – спускайтесь.

Пино спустился, чувствуя себя так, будто часть его мозга была выжжена навсегда. Лейерс спустился после него и уселся в машину. Пино сел за баранку и захлопнул за собой дверь.

– Куда, mon général? – спросил он, чувствуя себя опустошенным.

– Вы знали одного из них? – спросил Лейерс. – Я слышал, вы плакали.

Пино помедлил, его глаза наполнялись слезами.

– Нет, – сказал он наконец. – Просто я никогда раньше не видел ничего

подобного.

Генерал внимательно посмотрел на него в зеркало заднего вида, потом сказал:

– Езжайте. Здесь делать больше нечего.

Когда Пино завел двигатель «даймлера», другой немецкий автомобиль уже разворачивался в направлении пропускного пункта. Заднее окно у него было опущено. Пино увидел, что на них смотрит полковник Рауфф. Пино хотелось нажать на педаль газа и врезаться в бок автомобиля шефа гестапо. Машина Рауффа не устоит против «даймлера». Может быть, он даже убьет Рауффа, отчего мир станет гораздо лучше.

– Подождите, пока они проедут, – сказал генерал Лейерс.

Пино дождался, когда машина полковника Рауффа скрылась среди домов, и только после этого тронулся сам.

– Куда, mon général? – снова спросил он, а перед глазами у него все стоял Туллио, бросавший обвинения чернорубашечникам, прежде чем пули сразили его.

– Отель «Реджина», – сказал Лейерс.

Пино поехал в сторону отеля.

– Если позволите, mon général, что будет с телами?

– Будут лежать там до темноты, а потом родственники смогут их забрать.

– Весь день?

– Полковник Рауфф хочет, чтобы весь Милан, в особенности партизаны, видели, что происходит, когда убивают немецких солдат, – сказал Лейерс, когда они миновали пропускной пункт. – Дикари, идиоты. Неужели они не понимают, что лишь увеличивают число итальянцев, которые хотят убивать немецких солдат? Вы, форарбайтер, вы хотите убивать немцев? Хотите убить меня?

Пино был сражен этим вопросом, он даже подумал, что генерал читает его мысли. Но он тряхнул головой и сказал:

– Non, mon général. Я хочу жить в мире и довольстве, как и все люди.

Пока Пино ехал в управление гестапо, нацистский полномочный представитель рейхсминистра вооружений и военного производства пребывал в задумчивости. У отеля «Реджина» Лейерс, перед тем как выйти, сказал:

– У вас есть три часа.

Пино страшился того, что ему предстояло, но все же вышел из «даймлера» и снял нарукавную повязку. Он отправился в новый магазин сумок, но работавшая там девушка сказала, что его отец ушел в магазин Альбанезе.

Пино вошел в магазин кожаных изделий; кроме Микеле, дяди Альберта и тети Греты, внутри никого не было.

Увидев его, дядюшка выскочил из-за прилавка:

– Где ты был, черт возьми? Мы тут переволновались!

– Ночевать ты не пришел, – сказал отец. – Слава богу, ты живой.

Тетушка Грета посмотрела на Пино и спросила:

– Что случилось?

Несколько секунд Пино не мог произнести ни слова. Потом он подавил слезы и сказал:

– Нацисты и чернорубашечники провели показательную децимацию за подрыв немецких солдат. Они отсчитали в тюрьме Сан-Витторе каждого десятого, набрали пятнадцать человек, а потом расстреляли их на Пьяццале Лорето... – Голос его сорвался. – Среди этих пятнадцати оказался Туллио.

Дядя Альберт и отец были сражены этим известием.

– Этого не может быть! Ты, вероятно, видел кого-то другого, – сказала тетя Грета.

Пино со слезами на глазах ответил:

– Это был он. Туллио держался так храбро. Он кричал на тех, кто должен был расстрелять его, называл их трусами... а потом... боже мой... это было ужасно.

Он подошел к отцу и обнял его, а дядя Альберт обнял тетю Грету, которая разрыдалась.

– Я их ненавижу, – сказал она. – Это мои соплеменники, но я их ненавижу.

Когда она успокоилась, дядя Альберт сказал:

– Я должен сообщить его матери.

– Она не сможет получить тело Туллио до захода солнца, – сказал Пино. – Они хотят, чтобы тела оставались там в назидание жителям: вот что происходит, если убивают немецких солдат.

– Свињи, – сказал его дядя. – Это ничего не изменит. Мы от этого только становимся сильнее.

– Генерал Лейерс сказал то же самое.

К полудню Пино сидел на ступеньках Ла Скала, откуда ему был виден выход из отеля «Реджина» и стоящий рядом «даймлер». Он онемел от горя. Когда он шел по улице мимо статуи великого Леонардо и слушал разговоры

людей, которые спешили мимо, ему снова хотелось плакать. Все говорили о жестокости немцев. Многие называли Пьяццале Лорето проклятым местом. Он снова и снова видел произошедшее своим мысленным взором и не мог не согласиться с этим.

В три часа Лейерс наконец появился из управления гестапо, сел в машину и приказал возвращаться на телефонную станцию. Там, ожидая его, Пино думал о Туллио. Наконец на город стал опускаться милосердный вечер. Пино почувствовал себя немного лучше: теперь тело его друга можно забрать и подготовить к похоронам.

В семь часов генерал вышел с телефонной станции, сел в машину и сказал:

– К Долли.

Пино остановил машину перед ее домом на Виа Данте. Лейерс приказал ему взять запертый саквояж. Старуха в холле подмигнула им из-за стекол очков и, казалось, потянула носом им вслед, когда они прошли мимо и стали подниматься к квартире Долли. Анна открыла дверь, и Пино сразу же увидел, что она расстроена.

– Вы уже совсем вернулись, генерал?

– Нет, – сказал он. – Я хочу пригласить Долли пообедать где-нибудь.

Долли вышла в коридор в халате, с высоким бокалом в руке, и сказала:

– Прекрасная мысль. А то я с ума схожу, сидя тут целыми днями и дожидаясь тебя, Ганс. Куда мы поедем?

– В ресторан за углом, – сказал Лейерс. – Пойдем пешком. Мне надо прогуляться. – Он помолчал, посмотрел на Пино. – Вы можете остаться здесь, форарбайтер, и поесть. Когда вернусь, я вам скажу, понадобится ли вы мне еще сегодня.

Пино кивнул и сел на банкетку. Анна с несчастным видом прошла по столовой, не обращая внимания на Пино.

– Какое платье вам приготовить, Долли? – спросила она.

Генерал Лейерс пошел следом, и они исчезли в глубинах квартиры. Все происходящее казалось Пино нереальным. Лейерс вел себя так, словно и не видел хладнокровного убийства пятнадцати человек сегодня утром. В генерале было что-то от крокодила, решил Пино. Лейерс мог смотреть, как люди гибнут под пулями, как льется кровь, как жизнь уходит из них, а после этого отправиться обедать с любовницей.

Анна вернулась и спросила, словно преодолевая себя:

– Вы голодны, форарбайтер?

– Per favore, если это для вас хлопотно, нет, синьорина, – сказал Пино, не глядя на нее.

После некоторой паузы девушка вздохнула и сказала другим тоном:

– Это не хлопотно, Пино. Я могу вам разогреть что-нибудь.

– Спасибо, – сказал он, по-прежнему не глядя на Анну, потому что увидел саквояж генерала у своих ног и теперь думал, как бы его вскрыть.

Он услышал громкие, хотя и приглушенные голоса, Лейерс и его любовница о чем-то спорили. Он поднял голову и увидел, что девушка ушла.

Дверь распахнулась, Долли прошла через коридор, в котором сидел Пино, и позвала:

– Анна?

Анна тут же появилась:

– Да, Долли?

Долли сказала что-то по-немецки, и девушка, видимо, поняла, потому что тут же вышла. Потом появился генерал. На нем были форменные брюки, ботинки и майка.

Пино вскочил со стула. Лейерс, не обращая на него внимания, прошел в гостиную, сказал Долли что-то по-немецки. Она ответила резким тоном, и он исчез на несколько минут, а его любовница налила себе виски и закурила у окна.

Странное чувство охватило Пино. Словно что-то в Лейерсе попало ему на глаза, но он упустил это. Что же это было?

Когда генерал вернулся, на нем были свежевыглаженная рубашка и галстук. Через плечо переброшен пиджак.

– Мы вернемся через пару часов, – сказал Лейерс Пино, проходя мимо.

Пино проводил взглядом генерала и Долли, снова испытывая это странное чувство, а потом попытался вспомнить, каким был Лейерс несколько минут назад – без рубашки и...

Боже мой, подумал он.

3

Дверь закрылась. Он услышал, как заскрипели половицы, повернул голову и увидел Анну.

– Бакалейщик сказал, что пятнадцать членов Сопротивления были расстреляны на Пьяццале Лорето сегодня утром, – сказала она, заламывая руки. – Это правда?

И снова эта сцена во всем ее ужасе встала перед глазами Пино.

– Я видел все это. Среди них был мой друг.

Анна прикрыла рукой рот.

– Ах вы, бедняга... пожалуйста, пройдем на кухню. У меня есть шницель, ньокки и чесночное масло. Я открою одну из бутылок лучшего вина. Генерал никогда не узнает.

Очень скоро они сидели за маленьким столиком в безукоризненной кухне-столовой. Горела свеча, Анна сидела напротив него, прихлебывая вино.

«Оленина?» – подумал Пино, ощущая божественный аромат над тарелкой. Когда он в последний раз ел оленину? До бомбардировок? Он отрезал кусочек.

– Боже, – простонал он. – Как вкусно.

Анна улыбнулась:

– Моя бабушка, царствие ей небесное, это ее рецепт.

Они ели. Разговаривали. Он рассказал ей о том, что случилось на Пьяццале Лорето, и она уронила голову на руки и несколько секунд сидела так. Когда она снова посмотрела на Пино, он увидел, что ее глаза распухли и влажны от слез.

– Как люди могут совершать такие злодеяния? – спросила Анна; расплавленный воск скатился по свече и растекся по чашечке подсвечника. – Неужели они не боятся за свои души?

Пино подумал о Рауффе и чернорубашечниках в капюшонах.

– Не думаю, что такие люди заботятся о своих душах, – сказал Пино, доедая шницель. – Они словно уже посвятили себя злу, а если погрузятся в него еще глубже, то это не будет иметь значения.

Анна посмотрела мимо Пино куда-то вдаль. Потом перевела взгляд на него и спросила:

– Так как же итальянский мальчик оказался водителем влиятельного нацистского генерала?

Огорченный ее вопросом, Пино сказал:

– Я не мальчик. Мне восемнадцать.

– Восемнадцать.

– А сколько вам?

– Почти двадцать четыре. Хотите еще? Еды? Вина?

– Можно я сначала воспользуюсь туалетом? – сказал Пино.

– По коридору, первая дверь направо, – сказала она и потянулась к бутылке с вином.

Пино прошел по гостиной в коридор, устланный ковром и тускло освещенный двумя слабенькими лампочками. Он открыл первую дверь справа, включил свет и вошел в душевую с выложенным плиткой полом,

шкафчиком с косметикой над умывальником и еще одной дверью. Он подошел ко второй двери, помедлил, коснулся ручки – и она поддалась.

Дверь открылась в темное пространство, в котором так сильно пахло Лейерсом и его любовницей, что Пино на мгновение остановился. Предостерегающий внутренний голос говорил ему, что он должен вернуться в кухню к Анне.

Он включил свет.

Окинув помещение взглядом, Пино сразу понял, что генерал занимает левую часть комнаты, в которой царил идеальный порядок. Сторона Долли, ближняя к Пино, напоминала запущенную костюмерную театра. Здесь стояли две вешалки с вечерними платьями, юбками и блузами. Из ящиков торчали кашемировые свитера. За приоткрытой дверцей стенного шкафа виднелось разноцветье шелковых шарфиков, несколько корсетов, пояс для чулок. У кровати в ряд – единственная уступка Долли порядку – стояли туфли. Рядом, среди стопок книг и шляпных коробок, стоял столик, на нем – большая открытая шкатулка с драгоценностями.

Первым делом Пино осмотрел более аккуратную часть комнаты, сначала верхние ящики, увидел несколько запонок на подставке, щетку для одежды, рожек для обуви и бритвенные принадлежности. Но он искал не это. На ночном столике – тоже ничего.

«Может быть, я ошибся? – подумал он, но тут же покачал головой. – Нет, не ошибся».

Но куда Лейерс мог его положить? Пино проверил под матрасом, под кроватью, собирался осмотреть генеральский набор для бритья, когда увидел что-то в зеркале, что-то в хаосе той части комнаты, которая принадлежала Долли.

Пино обошел кровать, ступая на цыпочках, чтобы под ногу не попала какая-нибудь из вещей Долли, и наконец подошел к шкатулке с драгоценностями. Жемчужные бусы, золотые колечки, множество всяких других ожерелий висели на крючочках на крышке внутри шкатулки.

Он отодвинул их в поисках кое-чего попроще, и тут...

Вот она. Пино дрожал от возбуждения, извлекая из шкатулки тонкую цепочку с ключом от генеральского саквояжа. Он сунул ее в карман брюк.

– Что вы делаете?

Пино развернулся, сердце екнуло у него в груди. В дверях ванной

стояла Анна, скрестив руки, в одной держа бокал с вином. Она подозрительно вглядывалась в Пино.

– Так, смотрю, – ответил Пино.

– В шкатулке для драгоценностей?

Он пожал плечами:

– Просто смотрю.

– Нет, не просто, – сердито сказала Анна. – Я видела, вы что-то положили в карман.

Пино не знал, что ему отвечать, что делать.

– Значит, вы вор, – с отвращением сказала Анна. – Я должна была догадаться.

– Я не вор, – сказал Пино, направляясь к ней.

– Нет? – сказала она, делая шаг назад. – А кто же вы?

– Я... не могу вам сказать.

– Скажите мне, или я скажу Долли, где нашла вас.

Пино не знал, что ему делать. Он мог ударить ее и убежать. Или...

– Я тайный агент... Союзников.

Анна уничижительно рассмеялась:

– Тайный агент? Вы?

Он разозлился:

– А кто лучше подходит для этой роли? Я с ним всюду бываю, – ответил Пино.

Анна погрузилась в молчание, с сомнением глядя на него.

– Расскажите мне, как вы стали тайным агентом.

Пино, поразмыслив, в нескольких словах рассказал ей о «Каса Альпина», о том, чем он там занимался, о том, как родители, опасаясь за его жизнь, заставили его поступить в «Организацию Тодта», о том, как счастливый случай привел его с вокзала Модены в немецкий госпиталь, а оттуда за баранку автомобиля генерала Лейерса.

– Вы можете верить мне или нет, – закончил он. – Но я вручил в ваши руки мою жизнь. Если об этом узнает Лейерс – мне конец.

Анна внимательно посмотрела на него:

– Что вы положили себе в карман?

– Ключ от его саквояжа, – сказал Пино.

Он этим ключом словно открыл какую-то дверцу в сердце Анны, которая в этот миг переменила отношение к нему, – на ее лице вместо подозрительного выражения появилась медленная мягкая улыбка.

– Так откроем его!

Пино облегченно вздохнул. Она ему поверила, она ничего не скажет

Лейерсу. Но если она вместе с ним откроет саквояж и генерал узнает об этом, то Анна будет мертва, как и он.

– У меня другие планы на сегодня, – сказал он.

– Какие?

– Я вам покажу, – сказал он и пошел на кухню.

Свеча все еще мерцала на столе. Он взял ее и вылил немного воска на стол.

– Не делайте этого, – сказала Анна.

– Воск сойдет без следа, – ответил Пино, доставая из кармана цепочку с ключом.

Он снял ключ с цепочки, дождался, когда воск затвердел до консистенции замазки, потом осторожно вдавил в нее ключ.

– Теперь я смогу сделать копию и открыть саквояж, когда представится удобный случай, – сказал он. – У вас есть зубочистка и кухонная лопаточка?

Она посмотрела на него по-новому и с удивлением достала зубочистку из шкафчика. Пино осторожно вытащил ключ из воска, вымыл его в горячей воде. Она положила на стол лопаточку, и он отделил воск от столешницы. Завернул охлаждающуюся форму в салфетку и сунул в карман рубашки.

– Что теперь? – спросила Анна, сверкая глазами. – Это восхитительно!

Пино улыбнулся ей. Да, это было восхитительно.

– Я загляну в саквояж, а потом верну ключ в шкатулку Долли.

Он думал, она одобрит это, но Анна надула губы.

– В чем дело? – спросил Пино.

Она пожала плечами:

– Вы сказали, что когда изготовите ключ, то сможете заглянуть в чемодан в любое время, и я думала, мы вернем ключ на место, а потом...

– Что потом?

– Вы могли бы поцеловать меня, – сказала Анна обиденным тоном. – Ведь вы хотите этого?

Пино желал было возразить, но потом сказал:

– Вы и представить себе не можете, как хочу.

Он положил ключ на место и закрыл дверь в спальню Долли. Анна ждала его в кухне с улыбкой на лице. Она показала на стул. Пино сел, а она

поставила бокал с вином и присела ему на колени, обняла за шею и поцеловала.

Обнимая Анну, впервые чувствуя ее такие податливые губы и ощущая ее чудесный аромат, Пино воображал, что скрипка играет соло первые такты волшебной мелодии. Эта музыка так услаждала Пино, что его пробрала дрожь.

Анна прервала поцелуй и прижалась лбом к его лбу.

– Я думала, что так оно и будет, – прошептала она.

– Я молился об этом, – сказал он. – С тех пор, как в первый раз увидел тебя.

– Как мне повезло, – сказала Анна и поцеловала его еще раз.

Пино крепче прижал ее к себе, удивляясь тому, как они подходят друг другу, словно виолончель присоединилась к скрипке, он как будто обрел потерянную часть себя и стал больше благодаря ее прикосновению, вкусу ее губ и нежной доброте ее глаз. Он хотел только одного – держать ее в объятиях столько, сколько позволит Бог. Они поцеловались в третий раз. Пино прижался губами к ее шее, и ей это, казалось, было приятно.

– Я хочу все знать о тебе, – пробормотал он. – Откуда ты и...

Анна отстранилась от него:

– Я тебе сказала – из Триеста.

– Какой ты была в детстве?

– Странной.

– Не может быть.

– Так говорила моя мать.

– Какой она была?

Анна приложила палец к губам Пино, заглянула в его глаза и сказала:

– Кто-то очень мудрый когда-то говорил мне, что, открывая наши сердца, открывая наши шрамы, мы становимся человеческими, слабыми и цельными.

Он нахмурился:

– И?..

– Я не готова показать тебе мои шрамы. Не хочу, чтобы ты видел меня человеческой, слабой и цельной. Я хочу, чтобы мы... были сказкой друг для друга, просто чтобы отвлечься от войны.

Анна поцеловала его еще раз. Пино показалось, что к струнным в его груди присоединились духовые, а его разум и тело свелись к одному: к музыке Анны-Марты, и ничему другому.

Глава девятнадцатая

1

Когда генерал Лейерс и Долли вернулись с обеда, Пино, сияя, сидел на банкетке в холле.

– Вы просидели тут два часа? – спросил Лейерс.

Пьяненькая и пребывавшая в веселом настроении Долли разглядывала Пино:

– Это было бы трагедией для Анны.

Пино покраснел и отвернулся от Долли, которая хохотнула и прошествовала мимо него.

– Вы можете идти, форарбайтер, – сказал Лейерс. – Поставьте «даймлер» в гараж и будьте здесь в шесть ноль-ноль.

– Oui, mon général.

Пино вел машину по городу, близился комендантский час, а он не мог не думать о том, что сегодня был лучший вечер в его жизни в конце худшего в его жизни дня. На протяжении двенадцати часов он пережил все возможные эмоции, от ужаса и скорби до счастья, когда Анна целовала его. Она была почти на шесть лет старше его, но это ничуть не смущало. Напротив, даже делало ее более привлекательной.

Пино оставил машину в гараже и возвращался в квартиру на Корсо дель Литторио, мысли его снова метались между сценой расстрела и музыкой, которая звучала в нем, когда он целовал Анну. Часовые при входе проверили его документы; он сел в кабину лифта с мыслью: «Бог дал, Бог и взял. Иногда в один и тот же день».

Если отец Пино не играл на скрипке с друзьями-музыкантами, то ложился обычно рано, и потому Пино открыл дверь и вместо одной включенной лампочки, оставленной для него, застал яркий свет по всей квартире, а на полу лежали знакомые ему чемоданы.

– Миммо! – вполголоса вскрикнул он. – Миммо, ты здесь?

Брат, улыбаясь, вышел из комнаты, подбежал, обнял Пино медвежьей хваткой. Подрос он, вероятно, всего на дюйм, но за те пятнадцать недель, что они не виделись, явно прибавил в весе. Пино чувствовал мощные мышцы на руках и спине брата.

– Как я рад тебя видеть, – сказал Миммо. – Очень рад.

– Что ты здесь делаешь?

Миммо понизил голос:

– Я сказал папе, что приехал домой ненадолго, но, говоря по правде, хотя мы и делаем в «Каса Альпина» важное дело, я не мог там больше оставаться, скрываться, когда настоящая борьба разворачивается здесь.

– И что ты собираешься делать? Присоединиться к партизанам?

– Да.

– Ты слишком юн, Миммо, отец будет возражать.

– Папа ничего не узнает, если ты ему не скажешь.

Пино внимательно посмотрел на брата, удивляясь его смелости. Пятнадцатилетний мальчишка, он, казалось, ничего не боится, готов без тени сомнения ввязаться в драку. Но уходить в партизаны и сражаться с нацистами означало испытать судьбу.

Он увидел, как кровь отхлынула от лица Миммо, его брат трясущимся пальцем показал на повязку со свастикой, торчащую из кармана Пино, и сказал:

– Что это?

– Часть моей формы, но совсем не то, что ты думаешь.

– Как это – не то, что я думаю? – сердито спросил Миммо и сделал шаг назад, чтобы увидеть все одеяние брата. – Пино, ты сражаешься за нацистов?

– Сражаюсь? Нет, – ответил он. – Я водитель. Только и всего.

– У немцев.

– Да.

Миммо, казалось, готов был плюнуть ему в лицо.

– Почему ты не сражаешься за Италию в Сопротивлении?

Пино помедлил, потом сказал:

– Потому что тогда мне придется стать дезертиром. А нацисты теперь расстреливают дезертиров, ты знаешь об этом?

– Ты хочешь сказать, что стал нацистом, предателем Италии?

– Все не так просто.

– Проще не бывает! – закричал на него Миммо.

– Это была идея дяди Альберта и мамы! – закричал в ответ Пино. –

Они хотели спасти меня от отправки на русский фронт, поэтому я поступил в «ОТ» – «Организацию Тодта». Они строители. Я просто вожу одного офицера, жду, когда закончится война.

– Тихо! – сказал отец, выходя из комнаты. – Часовые внизу вас услышат!

– Неужели это правда, папа? – сдавленным шепотом проговорил

Миммо. – Пино носит нацистскую форму, выжидает, когда кончится война, тогда как другие люди сражаются за Италию?

– Я бы так не сказал, – ответил Микеле. – Но ты прав – твоя мать, дядя Альберт и я решили, что так будет лучше.

Эти слова ничуть не успокоили младшего сына. Миммо презрительно усмехнулся, глядя на старшего брата:

– Кто бы мог подумать? Пино Лелла повел себя как трус.

Пино так резко и сильно ударил брата, что разбил ему нос, и Миммо упал.

– Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, – сказал Пино. – Ни малейшего.

– Прекратите! – сказал Микеле, вставая между ними. – Не смей его больше бить!

Миммо посмотрел на кровь у себя на руке, потом презрительно – на Пино.

– Давай, братишка-нацист, прибей меня. Это единственное, что вы, немцы, умеете хорошо делать.

Пино хотелось измордовать брата и одновременно – рассказать о том, что он уже перенес и сделал ради Италии. Но он не мог.

– Верь, во что твоей душе угодно, – сказал Пино и ушел.

– Фриц несчастный! – крикнул ему вслед Миммо. – Спасай свою шкурку, гитлереныш!

Пино, дрожа от злости, закрыл дверь спальни и запер ее, разделся, улегся в кровать, поставил будильник. Выключил свет. Костяшки пальцев у него саднило, а он лежал и думал, что жизнь снова дурно обошлась с ним. Неужели Бог хотел для него такой судьбы? Увидеть смерть героя, обрести любовь, выносить презрение брата – и все в один день.

Буря, бушевавшая в его мыслях и чувствах третью ночь подряд, утихла, когда он предался воспоминаниям об Анне, и Пино провалился в глубокий сон.

Пятнадцать дней спустя солдаты СС впрягли шесть мулов в две тяжелые пушки, и те потащили их по крутому каменистому склону в гору. Кнут хлестал мулов по бокам, и они ревели от боли и страха, зарывались копытами в землю, поднимали облака пыли, поднимаясь в горы к северу от Ареццо в Центральной Италии.

– Обгоните их, и поскорее, форарбайтер, – сказал генерал Лейерс, отрываясь от своей работы на заднем сиденье. – Я от пыли задохнусь.

– Oui, mon général, – сказал Пино, объезжая мулов и посильнее нажимая на педаль газа. Он зевнул, потом еще раз, он чувствовал такую усталость, что с удовольствием лег бы в грязь и уснул.

Скорость, с которой перемещался и работал Лейерс, ошеломляла. В дни после казни на Пьяццале Лорето он с Пино находился в дороге по четырнадцать, пятнадцать, иногда шестнадцать часов в день. Лейерс, если была такая возможность, предпочитал путешествовать по ночам. В этих случаях на фары вешались полотняные козырьки с прорезями. Пино приходилось по несколько часов пребывать в крайнем напряжении, удерживая «даймлер» на дороге, освещенной лишь тонкими лучиками света.

Когда он обогнал несчастных мулов, шел третий час ночи, а в путь он отправился рано утром, до рассвета. Еще его выводило из себя то, что при работе в таком режиме у него не было ни мгновения, чтобы остаться наедине с Анной после тех поцелуев в кухне. Все его мысли были о ней, о том, что он чувствовал, обнимая ее, прикасаясь своими губами к ее губам. Он зевнул, но улыбнулся своим радостным мыслям.

– Туда, – сказал генерал Лейерс, показывая через лобовое стекло на неровную сухую площадку.

Пино вел машину, пока дальнейший путь не заблокировали скалы и большие валуны.

– Отсюда – пешком, – сказал Лейерс.

Пино вышел и открыл дверь. Генерал тоже вышел и сказал:

– Возьмите блокнот и ручку.

Пино посмотрел на саквояж на заднем сиденье. Ключ к нему он носил при себе уже больше недели – его изготовил один из друзей дяди Альберта, но возможности испытать его у Пино еще не было. Он вытащил из бардачка блокнот и ручку, лежавшие под картой.

Они поднялись, перешагивая через валуны и крошащиеся под ногами камни. Сверху им открылся вид на долину между двух длинных, соединенных между собою хребтов, которые на карте напоминали две раскрытые клешни краба. На юге находилось широкое нагорье, разделенное на фермы и виноградники. На севере, над одной из клешней, целая армия работала на адской жаре.

Лейерс решительно направился в их сторону. Пино шел по следам генерала, ошеломленный огромным количеством людей на склоне горы, их было так много, что они напоминали муравьев на разрытой муравьиной

куче, которые копошились и залезали один на другого.

По мере того как Пино с Лейерсом приближались, становилось ясно, кто они, эти серые, выбившиеся из сил люди. Пятнадцать тысяч рабов, а может, и больше, замешивали, переносили и разливали цемент для пулеметных гнезд и артиллерийских платформ. Они выкапывали ямы для установки противотанковых надолбов по всей долине, натягивали колючую проволоку по краям склонов, лопатами и кирками рыли окопы для немецкой пехоты.

При каждой группе рабов находился эсэсовец, требовавший, чтобы они работали быстрее. Пино слышал крики – рабов избивали, хлестали кнутами. Тех, кто падал на жаре, оттаскивали в сторону и оставляли умирать на безжалостном солнце.

Пино казалось, что он видит какую-то сцену из времен фараонов, обращавших в рабство целые поколения людей для строительства пирамид. Лейерс остановился, огляделся. Он смотрел на тысячи поработанных людей, бывших в его подчинении, и, по крайней мере судя по выражению его лица, их страдания его не трогали.

«Фараоновский надсмотрщик», – подумал Пино. Именно так Антонио, партизан из Турина, назвал Лейерса. «Настоящий надсмотрщик».

3

Ненависть к генералу Лейерсу снова вскипела в душе Пино. Он не мог понять, как человек, пытавшийся предотвратить варварскую расправу над заключенными Сан-Витторе, может в то же время управлять армией рабов, не испытывая никаких угрызений совести и не презирая себя. Но на лице Лейерса не было видно ни малейших эмоций – он просто смотрел, как бульдозеры наваливают стволы деревьев и валуны на крутые горные склоны.

Генерал посмотрел на Пино, потом показал вниз:

– Когда солдаты союзников пойдут в атаку, эти препятствия направят их прямо на огонь наших пулеметов.

Пино кивнул с напускным энтузиазмом:

– Oui, mon général.

Они прошли по кольцу пулеметных гнезд, связанных друг с другом; Пино, шедший следом за генералом, делал записи в блокноте. Чем дальше они шли и чем больше видели, тем более резким и взволнованным становился Лейерс.

– Запишите, – сказал он. – Качество цемента во многих местах низкое. Вероятен саботаж итальянских поставщиков. Верхняя часть долины недостаточно укреплена. Информировать Кессельринга: мне необходимо еще десять тысяч рабочих.

«Десять тысяч рабов, – с ненавистью подумал Пино, делая запись. – И их жизни для него ничего не значат».

Затем генерал провел совещание с высокопоставленными сотрудниками «ОТ» и армейскими офицерами. И Пино слышал его крики и угрозы из командного бункера. Когда совещание закончилось, он увидел, как офицеры кричат на подчиненных, которые, в свою очередь, принимаются кричать на тех, кто подчинялся им. Пино словно видел нарастающую волну, достигшую наконец эсэсовцев, которые набросились на рабов – начали хлестать их, бить ногами, принуждая всеми имеющимися в их распоряжении средствами работать быстрее и эффективнее. Пино понимал, что стоит за этим. Немцы раньше или позже ожидали появления здесь армии союзников.

Генерал Лейерс наблюдал, пока не удостоверился, что работы пошли с большей скоростью, а потом сказал Пино:

– Здесь мы закончили.

Они пошли назад по склону. Генерал время от времени останавливался, наблюдал за ходом работ, а потом шел дальше, словно неумолимая машина. Есть ли у него сердце, спрашивал себя Пино. Душа?

Они уже подошли к тропинке, которая вела к «даймлеру», когда Пино увидел команду в сером из семи человек, они копали землю, разбивали камни и породу кайлами под пристальным наблюдением эсэсовцев. У некоторых из них был измученный, безумный вид, как у бешеной собаки, которую ему довелось как-то раз видеть.

Ближайший к Пино раб находился выше других на склоне, копал он с трудом. Он прекратил работать, оперся о черенок лопаты, как человек, дошедший до изнеможения. Один из эсэсовцев начал кричать на него, двинулся в его сторону.

Раб повернул голову и увидел смотрящего на него Пино. Кожа несчастного на солнце приобрела табачный оттенок, а борода отросла еще длиннее, чем прежде. И в весе он тоже потерял. Но Пино мог поклясться, что перед ним Антонио, раб, которого он поил водой в туннеле в первый день работы у Лейерса. Их взгляды встретились, и Пино почувствовал жалость и стыд; подошедший эсэсовец ударил Антонио прикладом по голове, и тот упал и покатился вниз по крутому склону.

– Форарбайтер!

Пино вздрогнул и оглянулся через плечо. Генерал Лейерс стоял метрах в пятидесяти от него, смотрел свирепым взглядом.

Посмотрев в последний раз на неподвижного раба, Пино рысью бросился к генералу, думая, что это Лейерс несет ответственность за происходящее.

4

Уже затемно Пино пришел в мастерскую дяди Альберта.

– Плохие дела – то, что я видел сегодня, – сказал Пино, которого снова захлестнули эмоции. – И еще слышал.

– Рассказывай, – сказал дядя Альберт.

Пино старался как можно точнее передать сцену с Лейерсом, рассказал, как эсэсовец убил Антонио за то, что тот попытался отдохнуть.

– Они там, в СС, мясники, – сказал дядя Альберт, отрываясь от своих записей. – Они следуют своей доктрине возмездия, и жестокости теперь творятся повсюду. В деревне Санта-Анна-ди-Стаццема эсэсовцы расстреляли, замучили пытками и сожгли пятьсот шестьдесят невинных людей. В Касалье во время мессы убили священника на алтаре и трех стариков. Сто сорок семь остальных прихожан вывели на кладбище при церкви и расстреляли.

– Что? – сказал ошарашенный Пино.

– Жестокости продолжаются, – сказала тетя Грета. – На днях в Бардине-ди-Сан-Теренцо они задушили колючей проволокой более пятидесяти молодых итальянцев, а потом повесили на деревьях.

Пино ненавидел всех нацистов без исключения.

– Их нужно остановить.

– В Сопротивление каждый день вливаются все новые люди, – сказал дядя Альберт. – Вот почему твоя информация так важна. Ты мне можешь показать на карте, где вы были?

– Уже, – сказал Пино, вытаскивая генеральскую карту, которую взял из бардачка.

Разложив ее на одном из раскроечных столиков, он показал дяде сделанные им легкие карандашные пометки в местах, где находятся пушки, где пулеметные гнезда, где склады оружия и боеприпасов, которые он видел днем. Он показал, где по приказу генерала были сделаны завалы, чтобы направить атакующих под огонь немцев.

– Во всем этом районе, по словам Лейерса, используется цемент

низкого качества, слабый, – сказал Пино, тыча пальцем в карту. – У Лейерса это вызвало озабоченность. Союзники перед атакой должны разбомбить эти укрепления.

– Логично, – сказал дядя Альберт, записывая координаты этого места. – Я передам эту информацию. Кстати, тот туннель, где ты побывал с Лейерсом в первый день, когда ты видел рабов, помнишь? Партизаны дождались, когда внутри остались одни немцы, и взорвали оба выхода.

Настроение у Пино улучшилось. Он вносил свой вклад в освобождение Италии.

– Мне бы улучшить момент и заглянуть в его саквояж, – сказал Пино.

– Ты прав, – сказал дядя. – А мы пока постараемся раздобыть тебе портативную камеру.

Пино понравилась эта идея.

– Кто знает, что я секретный агент?

– Ты, я и твоя тетушка.

«И Анна», – подумал он, а вслух сказал:

– Но не союзники? И не партизаны?

– Ты им известен только под кодовым именем, которое я им назвал.

Это понравилось Пино еще больше.

– Правда? И какое у меня кодовое имя?

– «Наблюдатель», – ответил дядя Альберт. – Например: «Наблюдатель сообщает, что пулеметные гнезда расположены там-то и там-то». Или: «Наблюдатель сообщает о перемещении войск на юг». Имя специально выбрано неопределенное, чтобы затруднить поиски в случае перехвата сообщений.

– Наблюдатель, – сказал Пино. – Просто и точно.

– Именно это я и имел в виду, – сказал дядя Альберт, вставая. – Карту можешь сложить, только сначала сотри карандашные пометки.

Пино стер пометки и вскоре ушел. Голодный и усталый, он сначала направился было домой, но в конце концов пошел к квартире Долли – ведь он несколько дней не видел Анну.

Но, подойдя к дому, он спросил себя, зачем же он это сделал. Приближался комендантский час, к тому же он не мог просто подняться, постучать в дверь и вызвать ее. Генерал приказал ему отправиться домой и выспаться.

Он уже собирался уходить, когда вспомнил: Анна говорила ему про черный ход, к которому примыкает ее комната рядом с кухней. Он обошел здание, радуясь лунному свету, и встал под теми окнами, где, по его расчетам, находилась комната Анны на третьем этаже. Там ли она сейчас? Или все еще моет посуду и стирает одежду Долли?

Он подобрал горсть мелких камушков и бросил их все сразу, подумав, что большой беды от этого не будет. Прошли десять секунд, потом еще десять. Он уже собирался уходить, когда услышал, как открывается створка окна.

– Анна! – тихонько позвал он.

– Пино? – так же тихо отозвалась она.

– Впусти меня через черный ход.

– Генерал и Долли еще здесь, – ответила она с сомнением в голосе.

– Мы тихонько.

После долгой паузы она сказала:

– Дай мне минуту.

Она открыла дверь черного хода, и они на цыпочках поднялись на третий этаж. Наконец они оказались в ее спальне.

– Я хочу есть, – прошептал Пино.

Она открыла дверь своей комнаты, втокнула его внутрь и прошептала:

– Найду тебе что-нибудь, но ты не должен отсюда выходить. И сиди тихо.

Она вскоре появилась с остатками свиной рульки и жаренной в масле лапши – любимого блюда генерала. Пино съел все при свете свечи. Анна сидела на кровати, потягивала вино и смотрела, как он ест.

– Ну, теперь у меня в животе сплошное счастье, – сказал он, закончив.

– Это хорошо, – сказала Анна. – Я поборница счастья, если ты не знаешь. На самом деле мне ничего другого и не нужно – только счастье каждый день моей жизни. Иногда счастье само приходит к нам. Но обычно его нужно искать. Где-то я читала об этом.

– И это все, что тебе надо? Счастье?

– А что может быть лучше?

– И как ты находишь счастье?

Анна подумала, потом сказала:

– Нужно сначала посмотреть, какие блага у тебя есть прямо сейчас, здесь. Когда найдешь, радуешься.

– То же самое говорит отец Ре, – сказал Пино. – Он говорит, нужно быть благодарным за каждый день, пусть даже и плохой. И не терять веры в

Господа и в лучшее завтра.

Анна улыбнулась:

– С первой частью согласна. А про вторую не знаю.

– Почему?

– Я столько раз разочаровывалась, ожидая лучшего завтра, – ответила она и поцеловала его. Он обнял ее и поцеловал еще раз.

Потом они слышали спор за стеной – Лейерс и Долли.

– О чем они спорят? – прошептал Пино.

– О том же, о чем и всегда. О его жене в Берлине. А теперь тебе пора, Пино.

– Уже?

– Пора-пора, – сказала она. Поцеловала его и улыбнулась.

6

1 сентября 1944 года британская армия прорвала несколько слабых звеньев обороны в Готской линии на клешнеподобных хребтах к северу от Ареццо, потом повернула к Адриатическому побережью. Шли ожесточенные бои, самые кровопролитные в Италии после Монте-Кассино и Анцио. Союзники обрушили более миллиона снарядов на оборонительные сооружения, отделявшие их от прибрежного города Римини.

Девять жестоких дней спустя армия США выдавила нацистов с нагорья у перевала Джиого, а британцы усилили нажим на восточной оконечности Готской линии. Союзники продвигались на север, пытаясь взять в клещи Десятую немецкую армию, прежде чем она успеет перегруппироваться.

Пино и Лейерс отправились на возвышенность близ Торраччии, откуда они видели обстрел города Кориано и мощных немецких оборонительных сооружений вокруг него. Перед атакой наземных сил по городу было выпущено более семисот тяжелых снарядов. После двух дней кровавых рукопашных боев Кориано пал.

Союзники за две недели потеряли четырнадцать тысяч человек, а немцы – шестнадцать тысяч. Несмотря на большие потери, немецкие танковые и пехотные дивизии смогли отступить, перегруппироваться и занять новые оборонительные рубежи к северу и северо-западу. Остальная часть Готской линии Лейерса устояла. Даже при наличии той информации, что союзники получили от Пино, их продвижение на север снова

застопорилось, поскольку немалая часть формирований и боеприпасов была переправлена во Францию и на Западный фронт.

Позднее в том месяце в Милане забастовали рабочие. Некоторые повредили станки и оставили свои рабочие места. Производство танков остановилось.

Генерал Лейерс целые дни проводил, пытаясь заново запустить производство, но к концу октября ему сообщили, что собирается бастовать завод «Фиат» в предместье Турина. Они отправились туда. Пино выступал переводчиком во время переговоров генерала с администрацией «Фиата» в помещении над сборочной линией, которая работала, но медленно. Атмосфера на переговорах была грозная.

– Мне нужно больше грузовиков, – сказал Лейерс. – Больше бронированных автомобилей и больше запасных частей.

Калабрезе, директор завода, толстый, сильно потеющий человек в деловом костюме, не побоялся возразить генералу.

– Мои люди не рабы, генерал, – сказал Калабрезе. – На заводе они зарабатывают себе на жизнь – им нужно платить.

– Им заплатят, – сказал Лейерс. – Даю вам слово.

Калабрезе неуверенно улыбнулся:

– Если бы все было так просто.

– Разве я не помог вам с семнадцатым корпусом? – спросил генерал. – Нашел покупателей для всего, что там было, и отправил в Германию.

– Но какое значение это может иметь сегодня? Семнадцатый корпус уничтожен авиацией союзников.

Лейерс покачал головой:

– Вы же знаете, как действует система. Мы помогаем друг другу и таким образом выживаем.

– Как вам будет угодно, – сказал Калабрезе.

Лейерс сделал шаг к директору, посмотрел на Пино и сказал:

– Напомните ему, что в моей власти зачислить всех рабочих в «Организацию Тодта», а если они будут противиться, то и депортировать их в Германию.

– Вы имеете в виду превратить их в рабов? – жестким тоном сказал Калабрезе.

Пино, поколебавшись, перевел.

– Если в этом будет необходимость, – сказал Лейерс. – От вас зависит, останется ли завод под вашим управлением или перейдет под мое.

– Мне нужны гарантии выплат от более высокого начальства.

– Вы знаете, как называется моя должность? Чем я занимаюсь? Я

определяю число нужных танков. Я решаю, сколько нужно штанов. Я...

– Вы работаете на Альберта Шпеера, – сказал директор «Фиата». – Он наделил вас полномочиями. Позвоните ему, Шпееру. Если ваш босс даст нам гарантии, тогда мы посмотрим.

– Шпеер? Вы думаете, что мой босс – этот слабовольный тип? – спросил генерал оскорбленным тоном, а потом спросил разрешения воспользоваться телефоном директора. Он разговаривал несколько минут, возбужденно привел несколько аргументов, затем кивнул и сказал: – Jawohl, mein Führer^[21].

7

Внимание Пино и всех других в кабинете теперь было обращено на Лейерса, который продолжал говорить по-немецки. Минуты три спустя он отвел трубку телефона от уха.

В комнате раздался недовольный голос Адольфа Гитлера.

Лейерс посмотрел на Пино, холодно улыбнулся и сказал:

– Скажите синьору Калабрезе, что фюрер дает ему личные гарантии.

Судя по виду Калабрезе, он бы предпочел взять в руку ядовитую змею, чем трубку, но он взял ее и поднес к уху, но не вплотную. Гитлер говорил в ораторском запале, словно его что-то раздирало изнутри и, возможно, пенилось во рту. По лбу директора «Фиата» тек пот. Его руки начали дрожать, он уже почти перестал сопротивляться.

Он вернул трубку Лейерсу и сказал Пино:

– Скажите ему, пусть передаст герру Гитлеру, что мы принимаем его гарантии.

– Мудрое решение, – сказал Лейерс, беря трубку. – Ja, mein Führer^[22], – проговорил он мягким голосом. – Ja. Ja. Ja.

Еще несколько секунд – и он повесил трубку.

Калабрезе рухнул на стул, его костюм промок от пота. Генерал Лейерс, отключившись, посмотрел на директора и сказал:

– Теперь вы понимаете, кто я?

Директор не посмотрел на Лейерса, не ответил. Он лишь покорно кивнул.

– Отлично, – сказал генерал. – Я жду от вас сводки о ходе работ два раза в неделю.

Лейерс передал саквояж Пино, и они вышли.

Уже почти стемнело, но было еще тепло.

– К Долли, – сказал генерал, садясь в машину. – И никаких разговоров. Мне нужно подумать.

– Oui, mon général, – сказал Пино. – Крышу оставить как есть или поднять?

– Пусть остается, – ответил генерал. – Я люблю свежий воздух.

Пино взял тканевые шторы для фар, установил их, потом завел двигатель и двинулся на восток в направлении Милана – дорогу впереди освещали два узких луча света. Но не прошло и часа, как на востоке возшла луна – полная, громадная и розовая. Она осветила мягким сиянием дорогу и облегчила задачу Пино.

– Голубая луна, – сказал Лейерс. – Первая из двух лун в месяце. Или это уже вторая? Что-то я забыл.

То были первые слова генерала, после того как они выехали из Турина.

– Мне она кажется желтоватой, mon général, – сказал Пино.

– Этот термин не имеет отношения к цвету, фотарбайтер. Обычно в одном сезоне, в данном случае осенью, три месяца и три полные луны. Но в этом году, сегодня, сейчас, мы видим четвертую луну за трехмесячный цикл, вторую за месяц. Астрономы называют ее голубой лунной, это редкое явление.

– Oui, mon général, – сказал Пино. Он сейчас ехал по длинному прямому участку дороги и видел восходящую луну, словно некое предзнаменование.

Потом они выехали на отрезок дороги, по обеим сторонам которой росли высокие, разнесенные на порядочное расстояние друг от друга, деревья и простирались вдаль поля. Пино больше не думал о луне. Он думал об Адольфе Гитлере. Неужели генерал и в самом деле разговаривал с фюрером? Если да, то говорил он как сумасшедший. И еще Пино думал о том вопросе, который Лейерс задал директору «Фиата»: «Теперь вы понимаете, кто я?»

Пино украдкой взглянул на Лейерса и ответил сам себе: «Я не знаю, кто ты, но теперь я точно знаю, на кого ты работаешь».

Не успел он подумать об этом, как его слух вроде бы уловил у них за спиной звук более мощного двигателя. Он посмотрел в зеркало заднего вида, но не увидел никаких щелевых полос света, которые говорили бы о догоняющей их машине. Звук становился все громче.

Пино посмотрел еще раз, увидел генерала Лейерса, поворачивающего голову, потом что-то за ним, что-то большое над деревьями. В свете луны показались крылья и нос истребителя. Его двигатель ревел все громче, и

летчик явно выбрал их своей целью.

Пино нажал на педаль тормоза всех шести колес «даймлера». Машину слегка занесло. Истребитель пролетел над ними, словно тень ночной птицы, и пилот с опозданием нажал на гашетку своего пулемета – пули вспахали дорогу перед машиной, ушедшей в занос.

Стрельба смолкла. Истребитель набрал высоту и, развернувшись слева от Пино, исчез за вершинами деревьев.

– Держитесь, mon général! – вскричал Пино и включил заднюю передачу.

Он сдал назад, выкрутил колесо вправо, переключил раздаточную коробку на более низкие обороты, потом включил первую передачу, выключил фары и нажал педаль газа.

«Даймлер» спустился в канаву на другой стороне между двумя деревьями и выехал на недавно вспаханное поле. Пино рванулся вперед к группке из нескольких деревьев, остановился и выключил зажигание.

– Как вы?.. – начал Лейерс испуганным голосом. – Что вы?..

– Слушайте, – прошептал Пино. – Он возвращается.

Истребитель зашел на цель так же, как и в первый раз – с запада, словно собираясь атаковать машину сзади и уничтожить ее. Сквозь ветки деревьев Пино видел самолет несколько секунд, а потом большая серебряная птица пролетела мимо и дальше вдоль шоссе на фоне самой редкой из лун.

Пино разглядел белое кольцо на фюзеляже и сказал:

– Британец.

– Это «спитфайер», – сказал Лейерс. – Вооружен пулеметами «браунинг» калибра ноль триста три.

Пино завел «даймлер», подождал, прислушиваясь и оглядываясь. Теперь истребитель, сделав более крутой разворот, возвращался почти над верхушками деревьев и находился в шестистах метрах от них.

– Он знает, что мы где-то здесь, – сказал Пино и тут же понял, что луна высвечивает капот и лобовое стекло машины.

Он включил передачу, попытался спрятать перед машины в зарослях кустов у лесополосы и остановился, когда самолет находился в двухстах метрах от них. Пино пригнул голову, почувствовал, что истребитель пролетел над ними, и газанул с места.

«Даймлер», набирая скорость, вгрызаясь колесами в землю, прошел по вспаханному полю, как каток, оставляя после себя ровную поверхность. Пино оглядывался, думая, пойдет ли самолет в атаку еще раз. У дальнего угла поля он остановился среди другой группы деревьев капотом в сторону обочины дороги.

Он снова заглушил двигатель и прислушался. Звук самолета удалялся, затихая вдали. Генерал Лейерс рассмеялся, потом хлопнул Пино по плечу.

– Вы прирожденный игрок в кошки-мышки! – сказал он. – Я бы ни до чего такого и не додумался, даже если бы в меня не стреляли.

– Merci, mon général! – сказал Пино.

Он завел двигатель и снова поехал на восток.

Но вскоре он почувствовал, что внутренние противоречия не дают ему покоя. Он сам же приходил в ужас оттого, что генеральская похвала снова привела его в восторженное состояние. Ведь он продемонстрировал смекалку и мастерство, разве нет? Он явно перехитрил британского летчика и получил от этого удовольствие.

Двадцать минут спустя они были на вершине холма, а перед ними всходила полная луна. Вынырнув из ночного неба, «спитфайер» пересек лик луны и пошел в атаку прямо на них. Пино снова ударил по тормозам, и все шесть колес «даймлера» заскрежетали в заносе.

– Бегите, mon général!

Еще до остановки машины Пино распахнул дверцу, сделал большой неловкий прыжок и нырнул в канаву в тот самый момент, когда застучали пулеметы «спитфайера» и пули зацокали по щебню дороги.

Пино приземлился в канаве, дыхание у него перехватило, он услышал удары пуль по металлу, звон разбитого стекла. Осколки полетели ему на спину, он свернулся, защищая голову и с трудом глотая воздух.

Потом стрельба прекратилась и «спитфайер» улетел на запад.

Глава двадцатая

1

Когда звук самолета превратился в далекое жужжание и дышать стало легче, Пино прошептал в темноту:

– Mon général!

Ответа не последовало.

– Mon général!

И опять без ответа. Не убит ли он? Пино думал, что это была бы большая радость, но теперь увидел и обратную сторону такого развития событий. Если не будет Лейерса, то Пино не сможет добывать важные сведения. Больше не будет информации для...

Он услышал какое-то движение, потом стон.

– Mon général?

– Да, – слабо сказал Лейерс. – Здесь. – Он лежал за спиной Пино, пытался сесть. – Вероятно, я потерял сознание. Последнее, что я помню, – нырнул в канаву и... что было потом?

Пино, помогая генералу подняться на дорогу, рассказывал ему, что случилось. Карбюратор «даймлера» давал обратный выхлоп, двигатель работал неуверенно, дрожал, но все же работал. Пино выключил его, и он с благодарностью заглох. Пино вытащил из багажника фонарик и набор инструментов. Он включил свет и провел лучом по машине. Генерал Лейерс стоял рядом, открыв рот. Пули исполосовали «даймлер» по всей длине, пробили капот, из-под которого шел дым. Было разбито лобовое стекло, пули прошли по переднему и заднему сиденьям, оставили отверстия в багажнике. Правая передняя крышка спустила. Спустило и заднее колесо на другой стороне.

– Вы можете поддержать это, mon général? – спросил Пино, протягивая генералу фонарик.

Лейерс несколько секунд тупо смотрел на фонарь, потом взял его.

Пино поднял капот, увидел, что пять пуль угодили в блок цилиндров, однако легкие патроны калибра ноль триста три потеряли часть энергии, пробивая металл капота, и не причинили двигателю особого вреда. Был рассечен провод высокого напряжения. Еще один провод дышал на ладан. И в верхней части радиатора виднелась дыра. Но в остальном силовой

агрегат, как называл это Альберто Аскари, выглядел вполне работоспособным.

Пино ножом зачистил концы разорванного провода, соединил их с помощью медицинского пластыря из аптечки, тем же пластырем укрепил второй провод. Взял заплатки и резиновый клей из ремонтного комплекта, заклеил дыру в радиаторе с обеих сторон. Потом снял спустившее переднее колесо и поставил на его место целое заднее. Затем снял и выбросил заднее колесо с пробитой покрышкой. Когда он завел двигатель, тот заработал неустойчиво, но уже не кашлял, как старый курильщик.

– Я думаю, до Милана доедем, mon général, а дальше – одному Богу известно.

– За Миланом не имеет значения, – сказал Лейерс, который к этому времени, казалось, окончательно пришел в себя. Он сел на заднее сиденье. – «Даймлер» – слишком заметная цель. Мы поменяем машину.

– Oui, mon général, – сказал Пино и попытался тронуться с места.

Машина клюнула носом, и двигатель заглох. Пино попробовал еще раз, давая больше газа, и машина пошла. Но на четырех колесах вместо шести «даймлер» чувствовал себя неустойчиво, и они спотыкались и тряслись на дороге. Вторая передача не работала. Ему пришлось прибавить обороты – хотя он и делал это с опаской, – чтобы включить третью, но, когда они набрали более или менее приличную скорость, вибрации слегка поуменьшились.

Они проехали восемь километров, когда генерал Лейерс попросил фонарик, порылся в саквояже и извлек оттуда бутылку. Вытащив пробку, он сделал глоток, потом протянул бутылку через спинку переднего сиденья.

– Держите, – сказал он. – Виски. Вы заслужили. Вы спасли мне жизнь. Пино смотрел на это иначе.

– Я сделал только то, что сделал бы любой на моем месте, – сказал он.

– Нет, – презрительно сказал Лейерс. – Большинство от страха потеряли бы способность соображать и мчались бы по дороге под пулеметный огонь. Но вы не испугались. Сохранили здравый смысл. Вы – то, что я называю «решительный молодой человек».

– Я хотел бы тоже считать себя таким, mon général, – сказал Пино, снова наслаждаясь похвалой Лейерса.

Он взял бутылку и сделал глоток. Почувствовал, как потеплело в желудке.

Лейерс забрал у него бутылку:

– До Милана вам больше нельзя.

Генерал усмехнулся. За вибрациями двигателя Пино услышал, что

Лейерс сделал еще несколько глотков прямо из горлышка.

Лейерс невесело рассмеялся:

– В некотором роде, форарбайтер Лелла, вы напоминаете мне кое-кого. Даже двух человек.

– Oui, mon général? – сказал Пино. – И кто они?

Немец несколько секунд молчал, потом еще раз отхлебнул виски и сказал:

– Мой сын и мой племянник.

Пино не ожидал этого.

– Я не знал, что у вас есть сын, mon général, – сказал он и посмотрел в зеркало, не видя ничего в темноте, но угадывая силуэт человека на заднем сиденье.

– Ганс Юрген. Ему почти семнадцать. Умный. Изобретательный, как вы.

Пино не знал, как ему реагировать, а потому спросил:

– А ваш племянник?

После паузы Лейерс вздохнул и ответил:

– Вильгельм. Вилли – так мы его называли. Сын моей сестры. Он служил у фельдмаршала Роммеля. Погиб в Эль-Аламейне. – Генерал помолчал. – По какой-то причине его мать винит меня в гибели единственного сына.

Пино услышал боль в голосе Лейерса и сказал:

– Очень жаль, mon général. Но ваш племянник служил у Роммеля, у «Лиса пустыни».

– Вилли был решительным молодым человеком, – согласился генерал сипловатым голосом и снова глотнул из бутылки. – Он был командиром, который не боялся опасностей. И это стоило ему жизни в двадцать восемь лет в сердце кишачей блохами египетской пустыни.

– Вилли был танкистом?

Лейерс откашлялся и сказал:

– В Седьмой танковой.

– Дивизия-призрак.

Генерал Лейерс наклонил голову:

– Откуда вы это знаете?

Из передач Би-би-си, подумал Пино, но решил, что говорить об этом не стоит, а потому ответил:

– Я читал все газеты. И видел киножурнал.

– Чтение газет – редкое занятие для человека ваших лет, – сказал Лейерс. – Но Ганс Юрген и Вилли читали все время, в особенности

спортивный раздел. Мы вместе ходили на спортивные зрелища. Мы с Вилли видели Джесси Оуэнса на берлинской Олимпиаде. Фантастика. Как сердился фюрер, когда чернокожий победил наших лучших из лучших. Но Джесси Оуэнс! Этот негр был гением бега. Вилли все время повторял это. И он был прав.

Генерал замолчал, погрузившись в воспоминания, размышляя, скорбя.

– А у вас есть другие дети? – спросил Пино.

– Младшая дочь. Ингрид, – сказал генерал, оживляясь.

– И где они, Ганс Юрген и Ингрид?

– В Берлине. С моей женой Ханнелизе.

Пино кивнул и сосредоточился на дороге, а генерал продолжал прикладываться к бутылке, делая небольшие, но регулярные глотки.

– Долли – старый друг, – сообщил генерал немного спустя. – Я ее давно знаю, фюрарбайтер. Она мне очень нравится. Я многим ей обязан. Я забочусь о ней. И всегда буду заботиться. Но такие мужчины, как я, не оставляют жен, чтобы жениться на таких, как Долли. Это как если бы старый козел пытался посадить в клетку тигрицу в расцвете сил.

Он рассмеялся восторженно, хотя и не без горечи, опять отхлебнул виски.

Пино был потрясен тем, что Лейерс так разоткровенничался с ним после семи недель холодной замкнутости и при таком различии в положении и возрасте. Но ему хотелось, чтобы генерал продолжал говорить. Кто знает, что он еще может сказать?

Лейерс замолчал, снова пригубил виски.

– Mon général, – сказал наконец Пино, – позвольте спросить?

Лейерс, едва ворочая языком, сказал:

– О чем?

Пино притормозил на перекрестке, поморщился, когда услышал звук обратного выхлопа, и спросил:

– Вы и в самом деле работаете на Адольфа Гитлера?

Лейерс молчал, казалось, целую вечность. Потом ответил, слегка неразборчиво:

– Я много-много раз сидел по левую руку от фюрера, фюрарбайтер. Люди говорят, что между нами связь, потому что наши отцы работали таможенными инспекторами. Это верно. Но я человек, который делает дело и на которого можно положиться. А Гитлер уважает таких людей. Он уважает, но...

Пино посмотрел в зеркало – генерал сделал еще глоток.

– Но?.. – спросил Пино.

– Но хорошо, что я в Италии. Если находиться слишком близко к таким людям, как Гитлер, то в один прекрасный день ты сгоришь. Поэтому я сохраняю дистанцию. Делаю мое дело. Я заслужил его уважение, и ничего более. Вы понимаете?

– Oui, mon général.

Прошло четыре или пять минут, прежде чем генерал Лейерс отхлебнул еще виски и сказал:

– Я по профессии инженер, форарбайтер. Я защитил диссертацию. С самого начала, будучи еще совсем молодым человеком, я работал на правительство в сфере вооружений, распределял контракты. На многие миллионы марок. Я научился вести переговоры с большими людьми, промышленниками вроде Флика и Круппа. А потому люди вроде Флика и Круппа в долгу передо мной.

Лейерс помолчал, потом добавил:

– Я дам вам совет, форарбайтер. Совет, который может изменить вашу жизнь.

– Oui, mon général?

– Оказывайте услуги, – сказал Лейерс. – Это чудесным образом поможет вам в жизни. Когда вы оказываете людям услуги, когда заботитесь о других, чтобы они могли процветать, они остаются в долгу перед вами. С каждой услугой вы становитесь сильнее, получаете бóльшую поддержку. Это закон природы.

– Правда? – сказал Пино.

– Правда, – сказал Лейерс. – Если будете следовать моему совету, все в вашей жизни будет хорошо, потому что, когда вам понадобится услуга, она вам будет предоставлена и спасет вас. Меня это спасало не раз.

– Я запомню ваши слова.

– Вы умный парень, точно как Ганс Юрген, – сказал генерал и рассмеялся. – Такая простая, простая вещь – оказывать услуги, но благодаря этому я неплохо жил до Гитлера, я хорошо жил при Гитлере, а теперь буду хорошо жить, когда Гитлера не станет.

Пино посмотрел в зеркало и увидел темный силуэт Лейерса, делающего очередной глоток из бутылки.

– Хотите еще один, последний совет от человека, который старше своих лет?

– Oui, mon général?

– Никогда не нужно стремиться к роли абсолютного лидера в игре, которая называется жизнь, лезть вперед, пытаться стать человеком, на которого все хотят быть похожими, – сказал Лейерс. – Вот тут мой бедный

Вилли и совершил ошибку. Он вылез вперед, прямо на свет. Понимаете, форарбайтер, в этой игре всегда предпочтительнее оставаться в тени, даже в темноте, если необходимо. В этом случае вы верховодите, но вас никто никогда не видит. Вы как... призрак из оперы. Вы как...

Бутылка с виски упала на пол. Генерал вполголоса выругался. Еще несколько секунд – и он, обняв свой саквояж, словно подушку, начал сопеть, хрипеть, храпеть и пускать ветры.

2

К дому Долли они подъехали около полуночи. Пино оставил пребывавшего в бессознательном состоянии генерала в «даймлере», но двигатель не стал заглушать, опасаясь, что он может не завестись. Пино побежал через холл, мимо пустого стула старухи и вверх по лестнице к квартире Долли. Анна открыла дверь, только когда он постучал в третий раз.

Она готовилась ко сну, была облачена в халат и ночную рубашку и выглядела усталой и красивой.

– Мне нужна Долли, – сказал Пино.

– Что случилось? – спросила Долли, выйдя в коридор в черном с золотом халате.

– Генерал, – сказал Пино. – Он слишком много...

– Слишком много выпил? – раздался голос генерала Лейерса через открытую дверь – он стоял там с саквояжем в руке. – Ерунда, форарбайтер. Я выпью еще, и вы тоже. Ты присоединишься к нам, Долли?

Пино уставился на Лейерса, словно это был Лазарь, восставший из гроба. Проходя мимо Пино, генерал дыхнул на него жутким перегаром, глаза у него припухли, но слова он теперь не глотал и шел совершенно твердо.

– Что мы празднуем, Ганс? – оживилась Долли.

Анна рассказывала Пино, что Долли всегда готова выпить.

– Голубую луну, – сказал генерал, ставя саквояж на пол. Он страстно поцеловал Долли, потом положил руку на ее плечо и посмотрел на Пино. – И еще то, что форарбайтер Лелла спас мне жизнь, а это стоит выпивки!

Он повел Долли в гостиную.

Анна с недоуменной улыбкой посмотрела на Пино:

– Это правда?

– Я спасал себя, – прошептал Пино. – А он как бы примазался.

– Форарбайтер! – закричал Лейерс из комнаты. – Выпьем! И красавица Анна тоже!

Когда они вошли в комнату, генерал, сияя, протянул им большие стаканы с виски. Долли уже отпивала из своего. Пино не понимал, каким образом генерал еще держится на ногах, но Лейерс сделал большой глоток спиртного и начал шаг за шагом рассказывать о том, что он назвал «Неповторимая дуэль в ночь голубой луны между коварным летчиком в „спитфайере“ и отважным форарбайтером в „даймлере“».

Долли и Анна слушали в напряженном ожидании, а Лейерс перешел к рассказу о последнем возвращении «спитфайера», о том, как Пино нажал на тормоза и крикнул ему, чтобы он бежал. А потом заработал пулемет, который почти уничтожил «даймлер».

Закончив рассказывать, генерал Лейерс поднял стакан и сказал:

– За форарбайтера Леллу, которому я теперь должен одну, а то и две услуги.

Долли и Анна захлопали. Пино раскраснелся, оказавшись в центре внимания, но все же поднял стакан и сказал:

– Спасибо, генерал.

Кто-то принялся громко стучать в дверь квартиры. Анна поставила стакан и пошла в коридор. Пино отправился за ней.

Анна открыла дверь, и они увидели старуху-консьержку в халате, со свечным фонарем в руке.

– Ваши соседи не могут уснуть, что вы тут устроили! – гневно сказала она, подмигивая за стеклами очков. – Там на улице грузовик или что-то такое стреляет выхлопом, а вы пьете среди ночи!

– Я забыл, – сказал Пино. – Сейчас спущусь и заглушу двигатель.

В коридоре появились Долли и Лейерс.

– Что тут происходит? – спросила Долли.

Анна объяснила, и Долли сказала:

– Мы все отправляемся спать, синьора Пластино. Извините за беспокойство.

Старуха хмыкнула и, все еще негодуя и высоко держа фонарь, нащупывая путь по лестнице, потащила за собой грязный подол своего халата. Пино пошел следом на безопасном расстоянии.

Он заглушил двигатель, поднялся в квартиру Долли и, когда она с совершенно пьяным генералом ушла в спальню, наконец остался в кухне один на один с Анной.

Она разогрела сосиски, брокколи и какое-то чесночное блюдо, налила ему и себе по бокалу вина, потом села против него и стала спрашивать про

истребитель, про то, что чувствовал Пино, когда в него стреляли, пытались его убить.

– Было страшно. – Он замолчал на секунду, пережевывая еду, и продолжал: – Но еще сильнее я испугался потом, когда начал думать о том, что случилось. Все произошло так быстро, понимаешь?

– Нет, не понимаю и не хочу понимать. Я не люблю пулеметы.

– Почему?

– Они убивают людей, а я принадлежу к роду людей.

– Людей много чего убивает. Ты боишься ходить в горы?

– Да, – ответила она. – А ты разве нет?

– Нет, не боюсь, – сказал Пино, отпивая из бокала. – Я люблю ходить по горам, кататься на лыжах.

– И устраивать дуэли с самолетами?

– Ну, если этого не избежать, – сказал он и усмехнулся. – Слушай, это необыкновенно вкусно. Ты выдающийся кулинар.

– Старинный семейный рецепт, – сказала Анна и подалась вперед, заглядывая ему в лицо. – Ты меня не перестаешь удивлять.

– Правда? – спросил Пино, отодвигая от себя тарелку.

– Я думаю, люди тебя недооценивают.

– Хорошо.

– Я серьезно. Я тебя недооценивала.

– Да?

– Да. Я тобой горжусь, только и всего.

Он зарделся:

– Спасибо.

Анна еще несколько минут вглядывалась в его лицо, и ему показалось, что он тонет в ее глазах, словно они являли собой отдельный мир.

– Я думаю, что не встречала ни одного человека, такого как ты, – сказала она наконец.

– Хочу надеяться. То есть это ведь хорошо?

Анна откинулась на спинку стула:

– Это хорошо, но в то же время и пугает, если говорить честно.

– Я тебя пугаю? – спросил он, нахмурившись.

– Да. В некотором роде.

– В каком?

Она отвела глаза, пожала плечами:

– Мне в твоём присутствии хочется быть другой, лучше. Во всяком случае, моложе.

– Я люблю тебя такой, какая ты есть.

Анна неуверенно посмотрела на него. Пино протянул к ней руку, и Анна несколько долгих секунд смотрела на нее, потом взяла в свои.

– Ты необыкновенная, – сказал Пино. – Таких больше нет.

Улыбка на лице Анны стала шире, она встала, подошла к нему и села к нему на колени.

– Докажи мне на деле, что я необыкновенная, – сказала она и поцеловала его.

Они оторвались друг от друга, их лбы соприкоснулись, пальцы переплелись.

– Ты знаешь тайны, которые могут меня убить, а я так мало знаю о тебе.

Через несколько секунд Анна, казалось, приняла какое-то решение и прикоснулась к его мундиру над сердцем:

– Я расскажу тебе об одном из моих шрамов. О старом шраме.

Анна стала рассказывать. Ее раннее детство было настоящей сказкой. Ее отец, уроженец Триеста, рыбак, владел лодкой. Ее мать, родом с Сицилии, была до крайности суеверной женщиной, но при этом заботливой, любящей матерью. У них был хороший дом близ моря, всегда хорошая еда на столе. Анна была единственным и любимым ребенком – у матери один за другим случались выкидыши. Анна любила находиться на кухне с матерью. Любила быть в лодке с отцом, в особенности в день ее рождения.

– Мы с папой уходили в Адриатику еще до рассвета, – сказала Анна. – Мы проплывали в темноте несколько километров, потом он разворачивал лодку на восток и позволял мне сесть за руль, и я направляла лодку прямо на восходящее солнце. Мне это так нравилось.

– И сколько тебе было лет?

– В первый раз, наверное, лет пять.

В ее девятый день рождения они с отцом встали рано. Было ветрено, и шел дождь, так что плавание в сторону восходящего солнца не предвиделось, но она все равно хотела в море.

– И мы поплыли, – сказала она, потом замолчала, откашлялась. – Шторм усилился. Очень. Отец надел на меня спасательный жилет. Волны швыряли нашу лодку, и нас развернуло бортом к ветру. Налетела высокая волна, лодку перевернуло, и нас выбросило в море. Меня в тот же день подобрала рыбацкая лодка из Триеста. Моего отца так и не нашли.

– Господи, – сказал Пино. – Как это ужасно.

Анна кивнула, из ее глаз текли слезы и капали ему на мундир.

– С моей матерью было еще хуже, но этот шрам на другой раз. Мне

пора спать, и тебе нужно уходить.

– Опять?

– Да, – сказала она, улыбнулась и поцеловала Пино еще раз.

Пино отчаянно хотелось остаться, и все-таки, выходя из квартиры Долли в два часа ночи, он чувствовал себя счастливым. И хотя сердце у него екнуло, когда ее лицо исчезло за закрывшейся дверью, но его утешало, что она с нетерпением ждет новой встречи с ним.

Внизу табуретка старухи пустовала. Он вышел, посмотрел на пулевые отверстия в «даймлере» и подумал о том, что выжили они чудом. Он сейчас пойдет домой спать, а утром найдет дядюшку. Пино есть что ему рассказать.

3

На следующее утро, пока тетушка Грета нарезала и поджаривала хлеб (а купила она его по карточкам, выстояв немалую очередь), дядя Альберт записывал отчет Пино, который рассказывал ему обо всем, что видел после их предыдущей встречи. Закончил он рассказом о том, как напился генерал Лейерс.

Дядя Альберт задумался на несколько секунд, потом спросил:

– Сколько, ты говоришь, грузовиков и бронированных автомобилей сходит с конвейера «Фиата» ежедневно?

– Семьдесят, – ответил Пино. – А если бы не саботаж, то они выпускали бы больше.

– Хорошая новость, – сказал дядюшка, записывая.

Тетя Грета поставила на стол тосты, масло и небольшую баночку с вареньем.

– Масло и варенье! – сказал дядя Альберт. – Где ты их достала?

– У всех есть свои тайны, – ответила она и улыбнулась.

– Даже, кажется, у генерала Лейерса, – заметил дядя Альберт.

– В особенности у генерала Лейерса, – сказал Пино. – Вы знали, что у него есть прямой выход на Гитлера? Что на заседаниях он сидел по левую руку от фюрера?

Его дядюшка покачал головой:

– Лейерс гораздо влиятельнее, чем мы думали, а потому мне очень хочется узнать, что он носит в своем саквояже.

– Но саквояж всегда при нем. Или там, где его отсутствие сразу будет замечено.

– Но его дела дают повод для размышлений. Большую часть недели он провел, пытаясь приостановить забастовки и саботаж, а это означает, что забастовки и саботаж – штука действенная. Вот почему саботаж на заводах должен расти. Мы поломаем нацистские шестеренки зубец за зубцом.

– И с платежами у немцев трудности, – сказал Пино. – «Фиат» работает под гарантию Гитлера, денег у них нет.

Дядя Альберт несколько секунд разглядывал Пино, думал.

– Дефицит, – заключил он.

– Что? – спросила тетя Грета.

– Очереди за продуктами с каждым днем все длиннее.

Она кивнула:

– Удлиняются с каждым днем. Почти за всем.

– А будет еще хуже, – сказал ее муж. – Если у немцев нет денег, чтобы платить рабочим, это означает, что их экономика начинает разваливаться. Вскоре они начнут захватывать все больше и больше наших запасов, а это приведет к еще большему дефициту и нищете для всех миланцев.

– Ты так думаешь? – спросила тетя Грета, комкая передник.

– Дефицит не обязательно так уж плох в перспективе. Больше нищеты, больше боли – это будет означать, что все больше людей будут готовы сражаться, пока не перебьют всех немцев или не изгонят их из Италии.

4

Развитие событий в октябре 1944 года подтвердило правоту дяди Альберта.

Одним прекрасным осенним утром Пино вез генерала Лейерса в новой машине – четырехдверном седане «фиат». В долине По настало время уборки урожая. Мужчины косили, собирали плоды в рощах и садах. Лейерс, как обычно, сидел на заднем сиденье, держа на коленях отчеты.

После дуэли с британским истребителем Лейерс стал относиться к Пино с большей теплотой, но ни сочувствия, ни открытости, какие он демонстрировал в тот вечер, больше не проявлял. Правда, Пино с тех пор не видел, чтобы генерал прикладывался к бутылке. Следуя инструкциям генерала, Пино менее чем за час доехал до большого поля, на котором расположились пятьдесят немецких грузовиков, танки, бронированные автомобили и семьсот или восемьсот солдат – целый батальон. Большинство служили в «Организации Тодта», но за ними расположилась целая рота эсэсовцев.

Генерал Лейерс с суровым выражением лица вышел из машины. При виде генерала весь батальон вытянулся по струнке. Лейерса встретил подполковник, который повел его к груде ящиков с оружием. Лейерс забрался на ящики и начал быстро и напористо говорить по-немецки.

Пино удавалось уловить лишь отдельные фразы или слова, что-то о «фатерланде»^[23] и нуждах германской нации. Но, что бы ни говорил Лейерс, это явно поднимало боевой дух солдат. Они стояли вытянувшись, расправив плечи, загипнотизированные увещеваниями генерала.

Генерал Лейерс закончил речь, прокричав что-то о Гитлере, потом выбросил вперед руку в нацистском приветствии и воскликнул:

– Sieg Heil!^[24]

– Sieg Heil! – прокричали солдаты ему в ответ.

Пино стоял, чувствуя, как внутри у него нарастает страх. Что сказал Лейерс солдатам? Что здесь происходит?

Генерал с несколькими офицерами исчез в палатке. Отряд в восемьсот солдат расселся по грузовикам, половина машин остались пустыми. Заурчали дизельные двигатели. Машины, выстраиваясь в колонну, начали выезжать с поля, грузовики с солдатами чередовались с порожними. Некоторые пары грузовиков отправились на север по грунтовой дороге, остальные – на юг, громяхая, словно боевые слоны на параде.

Из палатки появился Лейерс. Он с непроницаемым лицом уселся на заднее сиденье и приказал Пино ехать на юг по долине реки По, одному из самых плодородных мест на земле. Они проехали километра три, когда Пино увидел девочку, она сидела на подъездной дороге маленькой фермы с зернохранилищем. Девочка рыдала. Ее мать сидела на крыльце, закрыв лицо руками.

Неподалеку Пино увидел тело мужчины, лежащее лицом вниз на обочине дороги, его белая рубашка была в багровых пятнах запекшейся крови. Пино посмотрел в зеркало заднего вида. Если Лейерс и видел эту сцену, то никак не прореагировал. Он сидел, склонив голову. Читал.

Дорога спустилась к ручью, а потом поднялась к большому полю по обе ее стороны. Менее чем в километре впереди виднелось небольшое поселение, а рядом с ним – высокое каменное зернохранилище.

Немецкие грузовики стояли вдоль дороги и у фермерских домов. Солдаты СС выгоняли людей – их было уже человек двадцать пять – из домов во дворы и ставили на колени со сцепленными на затылке пальцами.

– Mon général? – сказал Пино.

Лейерс на заднем сиденье поднял голову, выругался и приказал

остановиться. Генерал вышел из машины и принялся кричать что-то эсэсовцам. Появился первый солдат «Организации Тодта» с большим мешком зерна на плечах. Потом подошли другие – двадцать или больше, – они тоже тащили мешки с зерном.

Эсэсовцы отреагировали на слова Лейерса, людей подняли с земли и разрешили сесть и смотреть, как крадут и грузят в немецкую машину плоды их труда, их пропитание, их надежду на выживание.

Один из фермеров вскочил на ноги и закричал Лейерсу:

– Хотя бы оставьте нам что-то, чтобы не умереть с голоду! Будьте же людьми!

Прежде чем генерал успел ответить, один из эсэсовцев ударил фермера прикладом по голове, и тот упал на землю.

– Что он сказал мне? – спросил Лейерс у Пино.

Пино перевел. Генерал выслушал, задумался и крикнул одному из офицеров:

– Nehmen sie alles!

Потом Лейерс вернулся в машину. Пино понуро пошел за ним: его знаний немецкого хватило, чтобы понять команду Лейерса. Nehmen sie alles. Забирайте всё.

Пино хотелось убить генерала. Но он не мог это сделать. Ему пришлось проглотить гнев и ехать дальше. Но почему Лейерс забирал всё?

Сев в «фиат», Пино молча повторил самому себе данную клятву: запомнить все, что он видел, – от людей, превращенных в рабов, до мародерства. Когда война закончится, он все расскажет союзникам.

Они ехали дальше и дальше, видели, как все новые и новые фермы подвергаются разграблению немцами под командой Лейерса: они крали зерно, подготовленное для мельниц, овощи для рынка, скот для убоя. Коров пристреливали в голову, потрошили и целиком забрасывали в грузовики, от их туш на прохладном воздухе поднимался пар.

Время от времени генерал давал Пино команду остановиться, выходил из машины, говорил о чем-то с офицерами «Организации Тодта», а потом приказывал Пино ехать дальше, а сам возвращался к своим отчетам.

«Неужели его совсем не трогает то, что мы видели? Как он может?..»

– Вы считаете меня злодеем, форарбайтер? – спросил Лейерс с заднего сиденья.

Пино увидел в зеркало заднего вида, что генерал смотрит на него.

– Non, mon général, – сказал Пино, стараясь придать лицу беззаботное выражение.

– Считаете, считаете, – сказал Лейерс. – Было бы удивительно, если бы

вы не возненавидели меня за то, что я делаю сегодня. Но я исполняю приказ. На носу зима. Моя страна в осаде. Без этих продуктов мои соплеменники будут голодать. Поэтому здесь, в Италии, и в ваших глазах я преступник. Дома я буду неизвестным героем. Добро. Зло. Все это вопрос перспективы, разве нет?

Пино смотрел на генерала, думая, что этот человек загадочен и безжалостен, что он готов оправдать любое действие, преследуя свою цель.

– Oui, mon général, – сказал Пино, но все же не смог сдержаться. – Но теперь будут голодать мои соплеменники.

– Некоторые, возможно, будут, – ответил Лейерс. – Но я несу ответственность перед более высокой властью. Любое отсутствие энтузиазма с моей стороны при исполнении этого приказа может стать причиной... Но этого не случится, поскольку решение вопроса поручено мне. Едем в Милан на Центральный вокзал.

Глава двадцать первая

1

Грузовики, набитые продовольствием, награбленным с итальянских ферм, садов, виноградников, запрудили улицы Милана близ депо. Пино последовал за генералом в здание вокзала, потом на погрузочные платформы, где немецкие солдаты грузили в вагоны мешки с зерном, бочки с вином и громадные корзины с фруктами и овощами.

Лейерс, казалось, знает, как работает система, от и до, он выпаливал вопросы подчиненным, диктовал Пино заметки, двигаясь по платформам.

– Девять поездов на север сегодня вечером через Бреннер, – сказал в какой-то момент генерал. – Прибытие в Инсбрук в семь ноль-ноль. Прибытие в Мюнхен в тринадцать ноль-ноль. В Берлин в семнадцать ноль-ноль. В трехстах шестидесяти грузовых вагонах с продовольствием...

Лейерс перестал диктовать. Пино посмотрел на него.

У них на пути оказались семь солдат СС. За ними на дальней платформе стояли семь старых, разбитых вагонов для перевозки скота. Когда-то они, вероятно, были темно-красными, но краска выцвела, отшелушилась, дерево потрескалось и расщепилось, и вагоны казались совершенно непригодными для движения.

Лейерс сказал что-то рассерженным голосом солдатам СС, и те отошли в сторону. Генерал направился к семи старым вагонам. Пино поспешил за ним. Он поднял голову и увидел надпись «Binario^[25] 21».

Пино был озадачен; он что-то слышал об этом раньше, но не мог вспомнить. Поскольку вокруг царил шум, пока шла погрузка награбленного, Пино, только дойдя до последнего вагона, услышал детский плач внутри.

Этот звук заставил генерала остановиться. Лейерс стоял, глядя на потрескавшиеся, со щелями, стены вагонов для перевозки скота, сквозь щели на них смотрело множество испуганных глаз, и тут Пино вспомнил, как синьора Наполитано говорила о двадцать первой платформе, откуда увозят на север евреев.

– Пожалуйста, – раздался из вагона плачущий женский голос. – Куда вы нас везете? Не можете же вы оставить нас так после тюрьмы! Здесь нет места. Здесь...

Лейерс, пораженный, посмотрел на Пино:

– Что она говорит?

Пино перевел.

Пот выступил на лбу генерала.

– Скажите ей, что их везут в трудовой лагерь «Организации Тодта» в Польше. Это...

Раздался свисток паровоза. Поезд сдал назад на полметра. Крики из вагона стали еще громче – сотни мужчин, женщин и детей просили выпустить их, сказать, куда их везут, молили о капле милосердия.

– Вас везут в трудовой лагерь в Польше, – сказал Пино плачущей женщине.

– Помолитесь за нас, – сказала она, и тут колеса пришли в движение, поезд начал отходить от двадцать первой платформы.

Три детских пальчика высунулись из щели в задней стенке последнего вагона для перевозки скота. Пино показалось, что это махали ему на прощание из набирающего скорость поезда. Он смотрел вслед уходящему составу и видел эти пальчики еще долго после того, как поезд ушел. Ему хотелось броситься вслед за ним, освободить этих людей, увести в безопасное место. Но он стоял, потерпевший поражение, беспомощный, подавляя слезы при воспоминании об этих пальчиках, которые словно навсегда отпечатались в его памяти.

– Генерал Лейерс!

Пино повернулся. Повернулся и генерал, лицо его было бледно. Видел ли он эти пальчики?

По платформе к ним шел полковник гестапо Вальтер Рауфф, лицо его покраснело от ярости.

– Полковник Рауфф, – сказал Лейерс.

Пино отошел от генерала, устоял себе под ноги. Он не хотел, чтобы Рауфф узнал его и начал задавать вопросы: каким это образом парнишка из «Каса Альпина» стал водителем генерала Лейерса.

Полковник гестапо начал кричать на Лейерса, а тот – на полковника. Пино понимал мало, но он услышал, что Рауфф упомянул Джозефа Геббельса. Лейерс ответил упоминанием Адольфа Гитлера. И по их позам и жестам Пино понял смысл разговора. Рауфф был подотчетен рейхсминистру Геббельсу, а Лейерс – самому фюреру.

После нескольких минут обмена угрозами и разговора в ледяных тонах разъяренный Рауфф сделал шаг назад и выкинул вперед руку:

– Heil Hitler!

Лейерс ответил тем же, но с меньшим энтузиазмом. Рауфф уже

собрался уходить, но тут его взгляд задержался на Пино. Пино чувствовал, как полковник словно ощупывает его глазами с головы до ног.

– Форарбайтер, – сказал генерал Лейерс. – Мы уходим. Подайте мою машину.

– Jawohl, General, – сказал Пино на своем лучшем немецком и поспешил пройти между двумя нацистскими офицерами, не глядя на Рауффа, но чувствуя спиной его взгляд.

Делая очередной шаг, Пино опасался, что его окликнут. Но Рауфф не произнес ни слова, и Пино покинул платформу двадцать один, молясь о том, чтобы больше никогда сюда не возвращаться.

2

Генерал Лейерс сел в машину с обычным своим непроницаемым выражением лица.

– К Долли, – сказал он.

Пино увидел в зеркале глаза Лейерса, устремленные вдаль. Он знал, что должен держать рот закрытым, и все же сказал:

– Mon général?

– В чем дело, форарбайтер? – спросил генерал, по-прежнему глядя в окно.

– Людей в вагоне и в самом деле везут в трудовой лагерь в Польше?

– Да, – ответил генерал. – Он называется Аушвиц.

– А почему в Польше?

При этом вопросе глаза Лейерса чуть не вылезли из орбит, и он почти закричал в раздражении:

– С какой стати все эти вопросы, форарбайтер? Вы забыли свое место? Не знаете, кто я?

У Пино возникло такое чувство, будто его стукнули по голове.

– Oui, mon général.

– Тогда держите рот на замке. Вы больше не будете задавать вопросы мне и кому-либо другому и будете делать то, что вам говорят. Ясно?

– Oui, mon général.

Когда они доехали до квартиры Долли, Лейерс сказал, что сам заберет саквояж, и приказал Пино вернуть «фиат» в гараж.

Пино хотел бы пойти за генералом в квартиру или обойти дом и дать знак Анне, чтобы впустила его, но было еще светло, и он опасался, что его увидят. Он стоял и долго смотрел в окна квартиры Долли, а потом уехал,

сгорая от желания рассказать Анне обо всем, что он видел сегодня. Убийство. Насилие. Отчаяние.

В ту ночь и многие другие ночи позже Пино преследовали сны с красными вагонами на двадцать первой платформе. Он слышал голос женщины, которая просила его помолиться за нее. Он видел детские пальчики в щели последнего вагона, и ему снилось, что они принадлежат ребенку с тысячью лиц, ребенку, которого нельзя спасти.

Следующие дни и недели Пино возил генерала Лейерса по всей Северной Италии. Спали они редко. Пино за рулем часто думал о безликом ребенке и женщине, с которой он говорил на платформе двадцать один. Неужели их отправили в Польшу, чтобы уморить трудом до смерти? Или немцы просто увезли их куда-то и расстреляли, как сделали это в Мейне и десятке других мест по всей Италии?

Если Пино не вел машину, то он чувствовал безнадежность и собственное бессилие, глядя, как Лейерс грабит заводы, вывозя оборудование, захватывая огромное количество строительных материалов, автомобилей и продуктов. Все города лишались основных товаров, которые либо отправлялись в Германию поездом, либо поставлялись солдатам на Готскую линию. Все это время Лейерс демонстрировал непримиримость, безжалостность и исполнительность.

– Я все время говорю, что союзники должны разбомбить железную дорогу через перевал Бреннер, – сказал Пино дядюшке как-то вечером в конце октября 1944 года. – Нужно перерезать эту магистраль, иначе нам зимой будет нечего есть.

– Я два раза просил Баку передать это послание, – разочарованно сказал дядя Альберт. – Но весь мир сейчас смотрит на Францию, а об Италии забыли.

В пятницу, 27 октября 1944 года Пино во второй раз вез генерала Лейерса на виллу Бенито Муссолини в Гарньяно. Стоял теплый осенний день. В Альпах листья деревьев приобрели огненно-красный цвет. Небо было ясно-голубым, и поверхность озера Гарда отражало и то и другое, и Пино, оглядывая пейзаж, думал, что нет ничего красивее Северной Италии.

Он последовал за Лейерсом к колоннаде и на террасу, которая оказалась пустой и забросанной листьями. Но остекленные двери кабинета Муссолини были распахнуты, и они нашли дуче внутри. Он стоял у стола,

подтяжки его бриджей были скинуты с плеч и висели по бокам, рубашка была расстегнута. Диктатор прижимал к уху телефонную трубку, а на его лице застыло презрительное выражение.

– Кларетта, Ракеле сошла с ума, – сказал дуче. – Обещает приехать к тебе. Держись от нее подальше. Она говорит, что убьет тебя, так что запри ворота и... Хорошо, хорошо, перезвони мне.

Муссолини повесил трубку, покачал головой и только теперь заметил генерала Лейерса и Пино и сказал:

– Спросите генерала, бесится ли его жена из-за Долли.

Пино перевел. Лейерс встретил вопрос с удивлением, – оказывается, дуче знает о его любовнице, – но ответил:

– Моя жена бесится по разным поводам, но о Долли она не знает. Чем могу вам служить, дуче?

– Почему фельдмаршал Кессельринг всегда присылает ко мне вас, генерал Лейерс?

– Он мне доверяет. И вы доверяете мне.

– Я вам доверяю?

– Разве я когда-нибудь делал что-то такое, что поставило бы под сомнение мою честь?

Муссолини налил себе вина, покачал головой:

– Генерал, почему Кессельринг настолько не доверяет моей армии, что не хочет использовать ее в боевых действиях? У меня столько преданных, хорошо подготовленных фашистов, которые хотели бы сражаться за Сало. Но они сидят в своих казармах.

– Я этого тоже не понимаю, дуче, но фельдмаршал гораздо лучше меня разбирается в военных делах. Я всего лишь инженер.

Зазвонил телефон. Муссолини схватил трубку, послушал и сказал:

– Ракеле?

Диктатор отвел трубку от уха, поморщился, и визгливый голос его жены ворвался в комнату с пронзительной четкостью.

– Партизаны! Они присылают мне стихи, Бенито. Одну строчку, которая повторяется снова и снова: «Мы вас всех отведем на Пьяццале Лорето!» Они обвиняют меня, тебя, твою сучку-любовницу! Она за это сдохнет!

Диктатор бросил трубку на рычаг. Вид у него был потрясенный. Он посмотрел на Пино, пытаясь понять, что тот слышал. Пино проглотил комок в горле и принялся разглядывать рисунок на ковре.

– Дуче, у меня много дел, – сказал Лейерс.

– Готовитесь к отступлению? – усмехнулся Муссолини. – Побегите на

перевал Бреннер?

– Готская линия пока держится.

– Я слышал, в ней появились прорехи, – сказал дуче и пригубил вино. – Скажите мне, генерал, правда ли, что Гитлер строит последнюю цитадель? Где-то под землей в германских Альпах, куда он удалится с самыми преданными своими сторонниками?

– Много всяких слухов ходит. Но я ничего конкретного не знаю.

– Если да, то найдется ли для меня место в подземной крепости?

– Я не могу говорить за фюрера, дуче.

– Я слышал иное, – сказал Муссолини. – Но от имени Альберта Шпеера вы, по крайней мере, можете говорить? Архитектор Гитлера наверняка должен знать, есть ли такое место.

– Я задам вопрос рейхсминистру, когда мы будем говорить в следующий раз, дуче.

– Мне нужна будет комната или две, – сказал диктатор, наливая себе еще вина.

– Я запомнил, – ответил генерал. – А теперь прошу меня извинить. У меня совещание в Турине.

Муссолини хотел было возразить, но зазвонил телефон. Он поморщился, взял трубку. Лейерс повернулся и двинулся прочь. Пино зашагал следом, слыша голос Муссолини:

– Кларетта, ты заперла ворота? – Через секунду раздался рев Дуче. – Ракеле здесь? Пусть твоя охрана уберет ее от ворот, пока она не покалечилась!

Пино и Лейерс, сходя с террасы и спускаясь по лестнице, слышали новые крики дуче.

Когда они вернулись в «фиат», генерал покачал головой и сказал:

– Почему каждый раз после моего приезда сюда мне кажется, что я побывал в сумасшедшем доме?

– Дуче говорит много странных вещей, – сказал Пино.

– Понять не могу, как он возглавлял страну, – сказал Лейерс. – Но, говорят, когда он обладал всей полнотой власти, система подготовки у него работала как часы.

– А в Альпах есть подземная крепость? – спросил Пино.

– В такое может верить только псих.

Пино хотел было напомнить генералу, что и Адольф Гитлер не очень психически устойчив, но решил воздержаться от этого, и они двинулись в путь.

Вскоре после захода солнца во вторник, 31 октября 1944 года, генерал Лейерс приказал Пино возить его на вокзал города Монцы километрах в пятнадцати от Милана. Пино вымотался. Они постоянно были в пути, и ему хотелось спать, а еще ему хотелось увидеть Анну. После той ночи, когда они с Лейерсом чудом избежали смерти, он не провел с Анной наедине и десяти минут.

Но Пино, повинаясь приказу, повернул на север. Взошла вторая полная луна за месяц, настоящая голубая луна, и проливалась теперь бледный свет на землю, казавшуюся бирюзовый.

Они доехали до вокзала Монцы, генерал вышел из машины, часовые «Организации Тодта» застыли по стойке смирно. Это были итальянцы, молодые ребята возраста Пино, пытавшиеся пережить войну.

– Скажите им, я приехал, чтобы наблюдать за ходом передачи в депо, – сказал генерал Лейерс.

Пино перевел, они кивнули и показали в дальний конец платформы.

Подъехал небольшой грузовичок. Из него вышли два солдата «ОТ» и четыре человека в серых одеждах. На груди у них были нашивки. У трех «ОСТ», у четвертого «Р».

– Ждите меня здесь, фотоработник, – сказал генерал дружеским тоном. – Я быстро вернусь, не больше часа, и тогда мы сможем выспаться и увидеть наших подружек. Договорились?

Слегка ошеломленный, Пино улыбнулся и кивнул. Ему хотелось лечь на одну из скамеек и уснуть. Но, увидев, что Лейерс взял фонарик у одного из солдат и направился к дальней платформе, Пино насторожился.

Генерал не взял с собой саквояж!

Саквояж остался в «фиате» перед вокзалом. Не больше часа, сказал Лейерс. Времени достаточно, чтобы просмотреть содержимое саквояжа. Дядя Альберт так и не достал для Пино камеру, которую обещал. Но у него была камера генерала, с полной пленкой. Лейерс всегда возил камеру в машине, чтобы делать снимки мест, где можно установить артиллерийские орудия. А сняв несколько кадров, генерал удалял пленку и заменял ее новой, хотя прежняя и оставалась недоснятой.

Пино решил: если ему попадется что-нибудь важное, он заснимет документ, а потом заменит пленку новой из запаса в бардачке.

Он сделал два шага к «фиату», но тут его взволновала одна мысль, которая заставила забыть об усталости: почему Лейерс ушел вперед во

главе команды из четырех рабов и двух солдат «ОТ»? Он не мог этого понять, но его заинтересовало, что может передавать Лейерс в свете голубой луны. И почему генерал не хочет, чтобы он, Пино, видел эту передачу. Странно. Обычно Пино всюду ходил вместе с Лейерсом.

Неподалеку засвистел паровоз. Куда пойти – к платформе или машине? Пино доверился своему чутью и двинулся к платформе, на которой исчез Лейерс. Он спрыгнул с платформы, отошел в депо довольно далеко от вокзала, не встретив ни генерала, ни его спутников. Появился товарный поезд и, проскрежетав колесами, остановился. Пино забрался под один из товарных вагонов, а когда высунулся с другой стороны путей, услышал голоса. В свете фонарика в руке генерала он увидел двух солдат «ОТ». Они шли в направлении Пино.

Пино прижался к колесам товарного вагона, глядя, как проходят мимо солдаты. Он снова посмотрел направо и увидел, что Лейерс стоит спиной к нему на расстоянии около шестидесяти метров. Генерал наблюдал за четверыми серыми людьми. Они построились в цепочку и передавали какие-то предметы из грузового вагона в составе в одиноко стоящий грузовой вагон на соседних путях. Предметы были не велики по размерам, но, вероятно, тяжелы, потому что рабам приходилось прикладывать все силы, чтобы их перемещать.

Если Пино не сможет сообщить дяде, что он видел в саквояже Лейерса, то, по крайней мере, ему хотелось рассказать о том, что тут передает генерал в темноте и почему лично наблюдает за действиями рабов.

Пробравшись назад к другой стороне грузового вагона, Пино, неслышно ступая, прошел вперед, грузовой состав отделял его от Лейерса, и чем ближе он подходил, тем явственнее слышал стук тяжелых металлических предметов. Тук. Тук. Тук.

Он уловил ритм этих стуков и подстроил свои шаги под него, чтобы его не слышали, потом на четвереньках снова пробрался под вагоном. Выглянув, Пино увидел, что от генерала его отделяют всего несколько метров. Лейерс освещал лучом фонарика шлак между путями, и люди работали в неярком свете у себя под ногами. Пино видел человека в товарном вагоне над Лейерсом, он передавал какие-то узкие прямоугольные предметы. Пино не мог понять, что это такое, – предметы передавали на высоте талии от одного человека другому в стоящий на противоположных путях вагон ржаво-оранжевого цвета.

Что это за чертовщина?

Третий человек в цепочке споткнулся и чуть не уронил предмет.

Лейерс направил луч фонарика на руки этого человека, и Пино с трудом удержался, чтобы не ахнуть.

Это был кирпич. Кирпич, изготовленный из золота.

– Das ist genug, – сказал Лейерс по-немецки. – Достаточно.

Четыре раба выжидательно смотрели на генерала. Он повел лучом фонарика в сторону грузовых вагонов, показывая, что их нужно запереть.

Пино понял, что передача золота завершена, а следовательно, Лейерс сейчас двинется к машине. Он медленно пополз назад, потом быстрее, услышав, как закрывают над ним дверь вагона. По другую сторону состава он встал на ноги, когда закрывали дверь второго вагона. Пино на цыпочках прошел по шлаковой отсыпке к росшим по ее кромке сорнякам, приглушавшим звук шагов.

Не прошло и минуты, как он уже забрался на платформу. Паровоз грузового поезда заворчал, колеса дернулись, заскрежетали, стали набирать скорость. Вагонная сцепка скрипела. На рельсовых стыках колеса производили громкий, ритмичный стук. И все же Пино отчетливо слышал звуки выстрелов.

Услышав первый, он не был уверен, что это выстрел, но второй, третий и четвертый узнал безошибочно, они прозвучали с интервалом в две-четыре секунды и доносились оттуда, где находился Лейерс. Все закончилось меньше чем за пятнадцать секунд.

Два солдата «ОТ», которых Лейерс отослал от места передачи, замерли на платформе, словно и они слышали звуки выстрелов.

Пино в ужасе и с растущей яростью подумал: «Четыре раба мертвы. Четыре свидетеля золотой авантюры мертвы». На спусковой крючок нажимал Лейерс. Он хладнокровно убил их. И запланировал это задолго до сегодняшней ночи.

Последний вагон состава миновал платформу и, погромыхивая, исчез в ночи, увозя награбленное золото. Немалое состояние осталось и в одиночном вагоне. Сколько же там было золота?

«Достаточно, чтобы убить четверых невинных людей, – подумал Пино. – Достаточно, чтобы...»

Он слышал скрежет шагов генерала Лейерса, а потом увидел его фигуру в полумраке лунной ночи. Лейерс включил фонарик, пошарил им по платформе, заметил Пино, который поднял руку, защищаясь от света. На мгновение Пино запаниковал, подумав, что генерал вполне может убить и его.

– Вот вы где, форарбайтер, – сказал генерал. – Вы слышали выстрелы?

Пино решил, что лучше всего ему прикинуться дурачком:

– Выстрелы, mon général?

Лейерс подошел к нему, недоуменно покачивая головой:

– Четыре выстрела. И все мимо. Никогда не умел стрелять.

– Mon général, я не понимаю.

– Я передавал нечто важное для Италии, для ее защиты, – сказал он. – Но стоило мне отвернуться, как четверо рабочих воспользовались этим и бросились наутек.

– И вы застрелили их? – спросил, нахмурившись, Пино.

– Я стрелял в них, – сказал генерал Лейерс. – А точнее – либо выше, либо ниже их. Стрелок из меня никудышный. Но в общем-то, мне все равно. Абсолютно. Желаю им удачи. – Лейерс хлопнул в ладоши. – Везите меня к Долли, форарбайтер. День был трудный.

Если генерал Лейерс лгал, если он убил четверых рабов, то он был превосходным актером или человеком, начисто лишенным совести, думал Пино, ведя машину в Милан. Но все же Лейерс был потрясен, увидев евреев на двадцать первой платформе. Может быть, в отношении каких-то вещей совесть у него была, а в отношении других – нет. Генерал, казалось, пребывал в хорошем настроении, он похохатывал про себя или время от времени довольно причмокивал губами. А почему бы и нет? Он только что похитил огромное состояние в золотых брусках.

Генерал сказал, что сделал это ради Италии, ради ее защиты, но Пино с недоверием отнесся к его словам. С какой стати Лейерс будет защищать Италию, когда он только и занимался тем, что грабил ее? А Пино слышал за свою жизнь немало историй о том, что люди при виде золота ведут себя неадекватно, теряют разум.

Когда они остановились перед домом Долли на Виа Данте, генерал Лейерс вышел из машины с саквояжем в руке.

– Завтра у вас выходной, форарбайтер, – сказал Лейерс.

– Спасибо, mon général, – ответил Пино, кивнув.

Ему нужно было отдохнуть. А еще ему нужно было увидеть Анну, но его явно не приглашали на стаканчик виски.

Генерал двинулся было к двери, но остановился.

– Можете взять машину завтра, форарбайтер, – сказал он. – Съездите с горничной куда хотите. Развлекитесь.

На следующее утро Анна спустилась по лестнице в тот самый момент,

когда Пино вошел в холл. Они оба неуверенно кивнули старухе, подмигивающей на своей табуретке, потом вышли, рассмеявшись, счастливые оттого, что они наконец вместе.

– Это здорово, – сказала она, садясь на пассажирское сиденье рядом с ним.

Пино был рад расстаться со своей военной формой. Без нее он чувствовал себя совершенно другим. Как и Анна. Она надела голубое платье, черные туфельки, на плечи накинула тонкую шерстяную шаль, накрасила губы, подвела брови и ресницы и...

– Что? – спросила она.

– Ты так красива, Анна. Мне, когда я смотрю на тебя, петть хочется.

– Ты такой милый, – сказала она. – Я бы тебя поцеловала, но не хочу размазать дорогую французскую помаду Долли.

– Куда ты хочешь поехать?

– В какое-нибудь красивое место. Где мы могли бы забыть о войне.

Пино задумался на секунду, потом сказал:

– Я знаю такое место.

– Да, пока я не забыла, – сказала Анна и достала из сумочки конверт. – Генерал Лейерс сказал, что это пропуск с его подписью.

Отношение к ним часовых на дороге в Черноббио мигом изменилось, когда Пино показал им пропуск. Он повез Анну в его любимое место у озера Комо – в небольшой парк у южной оконечности западного рукава. День стоял ясный, чуть ветреный, необычно теплый для осени. Светлоголубое небо и снег на горных зубцах повыше отражались в водной глади, словно две смешанные акварельные краски. Пино стало жарко, он снял теплую рубашку и остался в белой футболке.

– Здесь так красиво, – сказала Анна. – Я понимаю, почему тебе здесь нравится.

– Я приезжал сюда тысячу раз, и все же это место кажется мне каким-то сказочным, словно в раю. Здесь ничто не говорит о человеке.

– Да. Дай я тебя сфотографирую, – сказала Анна, доставая камеру генерала Лейерса.

– Где ты ее взяла?

– В бардачке. Я потом вытащу пленку, а камеру положу на место.

Пино, поколебавшись, пожал плечами:

– Ну хорошо.

– Встань в профиль, – сказала она. – Подбородок повыше. И волосы убери, я хочу видеть твои глаза.

Пино убрал волосы, но ветерок снова сбросил его непокорные кудри

на глаза.

– Постой, – сказала Анна и вытащила из сумочки белую ленту.

– Нет, я ее не надену, – сказал Пино.

– Но я хочу, чтобы на фотографии были видны твои глаза.

Не желая разочаровывать ее, Пино согласился – взял ленту, надел на голову и скорчил гримасу, чтобы рассмешить Анну. Потом встал к ней в профиль, поднял подбородок и улыбнулся.

Она сделала два снимка.

– Идеально. Я всегда буду помнить тебя таким.

– С лентой на голове?

– Это чтобы видеть твои глаза, – возразила Анна.

– Я знаю, – сказал он и обнял ее.

Когда они разомкнули объятия, он показал ей на дальнюю северную оконечность озера:

– Вон там, ниже линии снегов, видишь? Это Мотта, там отец Ре и его «Каса Альпина». Я тебе рассказывал об этом месте.

– Я помню, – сказала Анна. – Как ты думаешь, он по-прежнему помогает им? Отец Ре?

– Конечно, – ответил Пино. – Ничто не может поколебать его веру.

А в следующее мгновение он подумал о платформе двадцать один. Наверно, это отразилось на его лице, потому что Анна спросила:

– Что-то не так?

Он рассказал ей, что видел на платформе, какой ужас испытал, когда тронулся поезд с этими красными вагонами для перевозки скота, когда в щели появились детские пальчики.

Анна вздохнула, погладила его спину и сказала:

– Невозможно быть героем все время, Пино.

– Ну, если ты так уверена.

– Я в этом уверена. Ты не можешь все ужасы мира взвалить на свои плечи. Ты должен найти свое счастье в мире и стараться по возможности помогать другим.

– Я счастлив, когда с тобой.

Ее, казалось, раздирают какие-то внутренние противоречия, но потом она улыбнулась и сказала:

– Знаешь, и я тоже, когда с тобой.

– Расскажи мне о своей матери, – попросил Пино. Анна напряглась. – Незаживший шрам?

– Один из самых мучительных, – ответила она, и они двинулись вдоль берега озера.

Анна рассказала Пино, что ее мать после смерти мужа в море и спасения дочери стала медленно сходить с ума. Она говорила Анне, что та виновата в смерти отца и во всех выкидышах, которые у нее случились после рождения Анны.

– Она считала, что у меня дурной глаз, – сказала Анна.

– У тебя? – переспросил Пино и рассмеялся.

– Это не смешно, – возразила Анна расстроенным голосом. – Моя мать ужасно со мной обращалась, Пино. Она внушала мне всякие мысли обо мне, ложные мысли. Она даже приглашала священников, чтобы изгонять из меня демонов.

– Не может быть!

– Может. Когда я смогла уйти от нее, я ушла.

– Из Триеста?

– Сначала из дома, а вскоре и из Триеста, – сказала она и повернулась к озеру.

– И куда?

– В Инсбрук. Я ответила на объявление, познакомилась с Долли, и вот я здесь. Странно, как жизнь всегда приводит тебя в те места и к тем людям, которых ты должна увидеть.

– Ты веришь в это в связи со мной?

Подул ветерок, пряди волос упали ей на лицо.

– Пожалуй. Да.

Пино подумал, в чем же состоял план Бога, когда он свел его с генералом Лейерсом, но, когда Анна убрала волосы с лица и улыбнулась ему, он забыл обо всем.

– Мне не нравится парижская помада, – сказал он.

Она рассмеялась:

– А куда еще мы можем съездить? Какие другие красивые места ты знаешь?

– Выбирай.

– Близ Триеста я знаю много мест. А здесь – нет.

Пино задумался, неохотно посмотрел на озеро и сказал:

– Я знаю одно место.

Час спустя Пино пересек железнодорожный переезд и по проселку подъехал к холму, где его отец и синьор Белтрамини исполняли «Nessun

dorma» – «Никто не будет спать».

– Почему именно это место? – недоуменно спросила Анна, видя надвигающиеся черные тучи.

– Давай поднимемся – и я тебе покажу.

Они вышли из машины и зашагали вверх по склону. Пино рассказал о поезде, который каждый вечер уезжал из Милана летом 1943 года, о том, как они приезжали сюда, в эти густые ароматные травы, спасаясь от бомбежек, и о том, как они с Карлетто стали свидетелями маленького чуда, сотворенного скрипкой Микеле и голосом синьора Белтрамини.

– И как это у них получилось?

– Любовь, – сказал Пино. – Они играли con smania, со страстью, а страсть – порождение любви. Другого объяснения нет. Все великое – порождение любви.

– Пожалуй, – сказала Анна и отвернулась. – И все плохое тоже.

– Что ты имеешь в виду?

– В другой раз, Пино. Сейчас я слишком счастлива.

Они поднялись на вершину холма. Пятнадцать месяцев назад здесь росла зеленая, сочная, высокая трава. Теперь она пожухла, от нее остались одни стебли, фруктовые деревья в саду стояли голые. Небо потемнело. Упали первые капли, потом пошел дождь, и им пришлось бежать в машину.

Когда они сели, Анна сказала:

– Если бы мне предложили выбирать между этим местом и Черноббิโอ, я бы выбрала Черноббิโอ.

– И я тоже, – сказал Пино, глядя сквозь лобовое стекло в дождевых каплях на вершину холма, где собирался туман. – Здесь сейчас не так красиво, как мне помнилось, но тут были мои друзья, моя семья. Мой отец играл так, как никогда в жизни, а синьор Белтрамини пел для своей жены. А Туллио и Карлетто, он...

Эмоции переполняли его, Пино опустил голову на руки, держащие баранку.

– Пино, что случилось? – встревоженно спросила Анна.

– Они все оставили меня, – сквозь ком в горле сказал он.

– Кто оставил тебя?

– Туллио, мой лучший друг, даже мой брат. Они думают, что я нацист и предатель.

– И ты не можешь им сказать, что ты секретный агент?

– Я даже тебе не должен был говорить.

– Тяжкий груз, – сказала она, погладив его плечо. – Но настанет время – и они узнают, Карлетто и Миммо, когда война закончится. А

Туллио? Нужно скорбеть о людях, которых ты любил и потерял, но радоваться новым знакомствам и любить новых друзей, с которыми сталкивает тебя жизнь.

Пино поднял голову. Они смотрели друг на друга несколько секунд, потом Анна вложила свою руку в его, прижалась к нему и сказала:

– Мне уже все равно, что станет с помадой.

Часть четвертая

Самая жестокая зима

Глава двадцать вторая

1

В Северной Италии в ноябре 1944 года под напором ветров температура воздуха падала с каждым днем. Британский фельдмаршал Александер призвал по радио мелкие разрозненные отряды итальянского Сопротивления объединиться в партизанские армии и атаковать немцев. На улицы Милана с небес сыпались теперь не бомбы, а листовки, призывающие граждан к сопротивлению. Частота партизанских атак на немцев выросла. Опасности подстерегали нацистов почти на каждом шагу.

В декабре снег засыпал Альпы. С гор одна за другой сходили метели, покрывая белым одеялом не только Милан, но и Рим. Лейерс и Пино чуть не каждый день инспектировали оборонительные сооружения Готской линии в Апеннинах.

Немецкие солдаты, сгрудившись, грелись у костров в пулеметных гнездах, у артиллерийских точек, под самодельными брезентовыми навесами. Нужны еще одеяла, говорили Лейерсу офицеры «ОТ». Нужны еще продукты. Шерстяные свитера и носки. Зима разбушевалась, и всем немецким солдатам на высотах доставалось по полной.

Генерала Лейерса, казалось, искренне трогало их положение, и он не давал продоху ни себе, ни Пино, чтобы удовлетворить их нужды. Лейерс заказал одеяла на фабрике в Генуе, шерстяные носки на фабриках в Милане и Турине. Он опустошил полки магазинов всех трех городов, усугубив страдания итальянцев.

В середине декабря Лейерс решил реквизировать еще скот у фермеров, забить его и поставить мясо в войска на Рождество вместе с множеством ящичков вина, украденных с виноделен Тосканы.

Рано утром в пятницу, 22 декабря 1944 года, Лейерс приказал Пино опять везти его на вокзал Монцы. Генерал вышел из «фиата» с саквояжем и приказал Пино ждать его. Среди белого дня Пино не мог последовать за Лейерсом – тот наверняка увидел бы его. Когда генерал вернулся, его саквояж, казалось, потяжелел.

– Граница со Швейцарией над Лугано, – сказал Лейерс.

Пино вел машину, думая, что в саквояже теперь лежат один или два, а то и больше золотых кирпичей. На границе генерал приказал Пино ждать в

машине. Когда Лейерс пересекал границу, шел сильный снег. Через восемь часов, за которые Пино истомился до ломоты в костях, генерал вернулся и приказал Пино возвращаться в Милан.

– Ты уверен, что он увез золото в Швейцарию? – спросил дядя Альберт.

– А что еще мог он делать в депо? – сказал Пино. – Закапывать тела? Шесть недель спустя?

– Ты прав. Я...

– Что? – спросил Пино.

– Немецкие радиопеленгаторы работают все лучше. Они теперь гораздо быстрее определяют местонахождение рации. Бака за последний месяц два раза едва уходил от них. А наказание тебе известно.

– И что вы собираетесь делать?

Тетушка Грета перестала мыть посуду в раковине, повернулась к мужу, который пристально смотрел на племянника.

– Альберт, – сказала она, – я думаю, неправильно просить его о таких вещах. Мальчик и без того делает достаточно. Пусть попробует кто-нибудь другой.

– Никого другого у нас нет, – сказал дядюшка.

– Ты не говорил об этом с Микеле.

– Я собирался попросить Пино сделать это.

– Да что «это»? – раздраженно спросил Пино.

Дядюшка задумался, потом сказал:

– Помнишь, что под квартирой твоих родителей?

– Квартира для высокопоставленных нацистов?

– Да. Тебе эта идея покажется странной.

– Я сразу сказала тебе, что это нелепая затея, Альберт, а теперь чем больше я об этом думаю, тем безумнее она мне кажется, – сказала тетушка Грета.

– Ну, это пусть Пино решает.

Пино зевнул и проговорил:

– Через две минуты я иду домой спать, скажете вы мне, что надумали, или нет.

– В квартире под вами установлена коротковолновая рация, – сказал дядя Альберт. – Провод от нее выходит в окно к антенне, установленной на

наружной стене террасы твоих родителей.

Пино помнил это, но пока так и не мог понять, к чему ведет дядюшка.

– Так вот, я думаю, – продолжил дядя Альберт, – если немецкие пеленгаторы ищут незаконные рации, ведущие передачи через незаконные антенны, то мы можем их одурачить, подсоединив нашу незаконную рацию к законной немецкой антенне. Понимаешь? Мы врежемся в их кабель нашей антенной и будем посылать сигнал через законную немецкую антенну. Когда пеленгаторы засекут сигнал, то скажут: «Это кто-то из наших». И точка.

– А если они будут знать, что сейчас их передатчик должен молчать, не придут ли они на нашу террасу?

– Мы дождемся, когда они закончат свою передачу, а потом, как только они отключатся, сразу же пустим свой сигнал.

– И что будет, если рацию найдут в нашей квартире? – спросил Пино.

– Ничего хорошего.

– Папа в курсе?

– Сначала я хочу, чтобы ты рассказал Микеле, чем ты на самом деле занимаешься у немцев.

Хотя родители и настояли на том, чтобы он поступил в «Организацию Тодта», Пино видел, как отец реагировал на свастику на его рукаве, как он отворачивался и кривил губы от стыда.

Пусть возможность открыть отцу правду и воодушевила Пино, но он сказал:

– Я думал, что чем меньше народу знает, тем лучше.

– Да, я сам так говорил. Но если Микеле будет знать о рисках, которым ты подвергаешься, работая на Соппротивление, то он согласится с моим планом.

Пино задумался.

– Ну, положим, папа согласится. Как вы пронесете туда рацию? Там ведь охрана внизу.

Дядя Альберт улыбнулся:

– А вот тут ты и вступишь в дело, мой мальчик.

Тем вечером дома отец Пино, выслушав его рассказ, спросил, пристально глядя на сына:

– Ты и в самом деле секретный агент?

Пино кивнул:

– Мы не могли тебе сказать, но теперь должны.

Микеле покачал головой, потом поманил Пино к себе и неуклюже обнял.

– Прости, – сказал он.

Пино смирил эмоции и сказал:

– Я понимаю.

Микеле отстранился от сына, заглянул в его сияющие глаза:

– Ты отважный человек. Я бы так не смог. И у тебя способности, о которых я даже не подозревал. Я горжусь тобой, Пино. Я хочу, чтобы ты знал это, что бы ни случилось с нами, пока идет эта война.

Эти слова много значили для Пино, и у него перехватило горло.

– Папа...

Отец потрепал его по щеке, видя, что он не может продолжать.

– Если ты сможешь пронести рацию мимо часовых, пусть так и будет. Я хочу внести свой вклад.

– Спасибо, папа, – сказал наконец Пино. – Я дождусь, когда ты уедешь на Рождество к маме и Сиччи. Тогда ты сможешь говорить, что ничего не знал.

Микеле огорченно сказал:

– Твоя мать будет расстроена.

– Я не могу поехать, папа. Я нужен генералу Лейерсу.

– Можно я скажу Миммо о тебе, если он проявится?

– Нет.

– Но он думает...

– Я знаю, что он думает, но мне придется жить с этим до конца войны, – сказал Пино. – Когда ты видел его в последний раз?

– Три месяца назад. Он сказал, что отправляется на юг в Пьемонт проходить военную подготовку. Я пытался его остановить, но упрямство твоего брата непобедимо. Он вылез из твоего окна на карниз и спустился. С шестого этажа. Ты можешь себе такое представить?

Пино вспомнил себя помоложе, когда он так же уходил из дому. Стараясь сдержать улыбку, он сказал:

– Доменико Лелла. Единственный и неповторимый. Мне его не хватает.

Микеле отер глаза:

– Один Господь знает, во что он ввязался.

На следующий день поздно вечером, проведя многие часы в машине генерала Лейерса, Пино сидел в кухне Долли, ел превосходное ризотто Анны и смотрел перед собой.

Анна слегка толкнула его ногой в голень.

– Что? – вздрогнул Пино.

– Ты сегодня где-то не здесь.

Он вздохнул, потом прошептал:

– Ты уверена, что они спят?

– Я уверена, что они в комнате Долли.

Пино, по-прежнему шепотом, продолжил:

– Не хотел тебя втягивать, но чем больше думаю об этом, тем яснее понимаю, что ты можешь помочь мне кое в чем важном, но опасном для нас обоих.

Анна сначала смотрела на него восторженно, потом ее выражение сменилось на более трезвое, наконец он увидел страх в ее глазах.

– Если я откажусь, ты сделаешь это один?

– Да.

Она задумалась на секунду, потом сказала:

– Что от меня требуется?

– Ты не хочешь сначала узнать, что мне нужно, прежде чем соглашаться?

– Я тебе доверяю, Пино, – сказала Анна. – Ты мне скажи, что от меня требуется.

Даже в разгар войны, отчаяния и разрухи канун Рождества остается днем, когда торжествуют доброта и надежда. Подтверждение тому Пино сначала увидел, когда генерал Лейерс, наблюдая за распределением украденного хлеба, мяса, вина и сыра, на Готской линии изображал из себя Weihnachtsmann – рождественского деда. Он увидел это еще раз тем же вечером, когда он и Анна стояли в Дуомо на ночной мессе вместе с тысячами миланцев, втиснувшихся в три громадных нефа собора. Немцы отказались отменить на эту ночь комендантский час, а потому месса проводилась раньше обычного.

Вел службу кардинал Шустер. Если Анне кардинал был почти не виден, то Пино при своем росте видел его прекрасно – тот читал проповедь, в которой рассказывал о невзгодах, сопутствовавших рождению Иисуса, и призывал прихожан к сплочению.

– «Да не смущается сердце ваше», – говорил кардинал Милана. – Эти пять слов Иисуса Христа, нашего Господа и Спасителя, сильнее пуль, пушек и бомб. Люди, которые следуют этим словам, не боятся, они сильны. «Да не смущается сердце ваше». Люди, которые следуют этим словам, без сомнения, одержат победу над тиранами и их армиями страха. Так было вот уже тысяча девятьсот сорок четыре года. И я уверяю вас, что так будет и во все времена.

Начал петь хор, и многие в толпе вокруг Пино испытали воодушевление, выслушав дерзкую проповедь кардинала Шустера. Они принялись петь вместе с хором, и Пино увидел, как изможденные, уставшие от войны лица загорались надеждой, веселились даже в такие дни, когда радость в жизни слишком большого числа людей стала редкостью.

– Ты благодарил Бога? – спросила Анна, когда они по окончании мессы вышли из собора.

Она переложил пакет с покупками из одной руки в другую.

– Да, – ответил Пино. – Я благодарил Бога за то, что он подарил мне тебя.

– Так бы и слушала тебя. Как это приятно.

– Это правда. Благодаря тебе, Анна, я перестал бояться.

– А я вот осталась такой же трусихой, как и прежде.

– А ты не бойся, – сказал Пино, кладя руку ей на плечо. – Делай то, что делаю я иногда, когда мне страшно: представь себе, что ты – другой человек, который гораздо смелее и умнее.

Они прошли мимо темной поврежденной громады Ла Скала, направляясь к магазину кожаных изделий.

– Пожалуй, у меня это получится, – сказала Анна. – Я имею в виду – действовать, как кто-то другой.

– Я уверен, что получится, – сказал Пино, и остальную часть пути до дома дяди Альберта он чувствовал себя неуязвимым, потому что рядом шла Анна.

Они постучали с заднего входа. Дядя Альберт открыл дверь в пошивочную мастерскую, и они вошли в помещение, насыщенное запахом дубленой кожи. Дядюшка включил свет и спросил:

– Кто это с тобой?

– Мой друг, – ответил Пино. – Анна-Марта. Она мне поможет.
– Помнится, я говорил, что лучше тебе это сделать одному.
– Поскольку я рискую своей жизнью, то буду делать так, как считаю нужным.

– Как именно?

– Не хочу говорить.

Дяде Альберту такой поворот событий не понравился, но он тем не менее продемонстрировал уважение к Пино:

– Как я могу помочь? Что тебе нужно?

– Три бутылки вина. Одна початая, но... чтобы пробка была на месте.

– Хорошо, – ответил дядюшка и направился вверх, в квартиру.

Пино начал переодеваться – сменил гражданскую одежду на свою форму. Анна поставила пакеты и прошлась по мастерской, разглядывая раскроечные столики, швейные машинки и полки с великолепными кожаными изделиями в разной степени готовности.

– Мне нравится, – сказала она.

– Что?

– Тот мир, в котором ты живешь. Запахи. Красивые вещи. Для меня это как сон.

– Я никогда не смотрел на это так, как ты, но, пожалуй, ты права.

Дядя Альберт спустился сверху с тетушкой Гретой и Бакой. Радист нес коричневый чемодан с ремнями и двойным дном – Пино видел этот чемодан в апреле.

Дядюшка посмотрел на Анну, которая все еще восхищалась кожаными вещами.

– Анне нравятся ваши изделия, – сказал Пино.

Дядюшка смягчился:

– Правда? Вам это нравится?

– Такая превосходная работа, – сказала Анна. – Как вы этому научились?

– Так и научились, – сказала тетушка Грета, подозрительно оглядывая Анну. – У мастера. Кто вы? Откуда вы знаете Пино?

– Мы вроде как работаем вместе, – сказал Пино. – Анне можно доверять. Я доверяю.

Хотя слова Пино и не окончательно убедили тетю Грету, она не стала возражать. Бака протянул Пино чемодан. Вблизи было видно, насколько радист устал, вымотался. Человек, который слишком долго пробыл в бегах.

– Береги ее, – сказал Бака, кивая на рацию. – Ее голос проникает повсюду, но она не любит грубого обращения.

Пино взял чемодан, отметил, насколько он легок, и спросил:
– Как вы пронесли его в Сан-Бабилю и не попались?
– Туннели, – сказал дядя Альберт, посмотрев на часы. – Тебе нужно спешить, Пино. Не стоит делать это во время комендантского часа.
– Анна, ты можешь принести пакет и две неоткрытые бутылки?
Анна поставила кожаную сумочку, которую с восторгом разглядывала, взяла то, что просил Пино, и направилась в дальнюю часть мастерской. Пино открыл чемодан. Они положили внутрь вино и продукты из пакета, укрыв двойное дно, в котором находились рация и генератор.
– Порядок, – сказал Пино, когда они застегнули ремни. – Мы уходим.
– Сначала обниму тебя, – сказала тетя Грета. – Счастливого Рождества, Пино. Иди с Богом. – Она посмотрела на Анну. – И вам тоже счастливого Рождества, синьорина.
– Счастливого Рождества, синьора, – с улыбкой ответила Анна.
Дядя Альберт протянул ей сумочку, которой она только что восхищалась, и сказал:
– Счастливого Рождества отважной и прекрасной Анне-Марте.
Анна была ошеломлена, но взяла сумочку, как маленькая девочка берет драгоценную куклу.
– У меня за всю жизнь не было такого замечательного подарка. Я с ней никогда не расстанусь. Спасибо. Спасибо вам.
– Нам приятно сделать вам подарок, – сказала тетя Грета.
– Берегите себя, – сказал дядя Альберт. – Оба. И счастливого Рождества.

Когда дверь закрылась, Пино почувствовал на своих плечах тяжесть того, что им предстоит. Быть пойманным с американской коротковолновой рацией означало получить смертный приговор. Остановившись в переулке, Пино вытащил пробку из бутылки и сделал большой глоток превосходного кьянти, открытого для них дядей Альбертом, затем передал бутылку Анне.

Она сделала несколько маленьких глотков, потом один большой. Весело улыбнулась ему, поцеловала и сказала:

– Иногда нужно просто верить.
– Отец Ре всегда так говорит, – с улыбкой ответил Пино. – В особенности если делаешь что-то правильное, какими бы ни были последствия.

Они вышли из переуллка. Он нес чемодан, Анна сунула бутылку в свою новую сумочку. Они взялись за руки, выписали несколько кренделей ногами и расхохотались, словно, кроме них, в этом мире никого не было. Со стороны немецкого пропускного пункта вдали по улице до них донесся хриплый смех.

– Похоже, они выпили, – сказала Анна.

– Это еще лучше, – сказал Пино, и они двинулись к квартире его родителей.

Чем ближе к пропускному пункту они подходили, тем крепче сжимала Анна руку Пино.

– Успокойся, – мягко сказал он. – Мы пьяны, нам море по колено.

Анна сделала глоток вина и сказала:

– Две-три минуты, и или все будет кончено, или только начнется.

– Ты все еще можешь уйти.

– Нет, Пино, я с тобой.

Они поднялись по лестнице к дверям дома, открыли ее. На миг паника и сомнение овладели Пино, он подумал, что совершил ошибку, втянув в это дело Анну, без необходимости подвергая ее жизнь опасности. Но как только дверь открылась, Анна рассмеялась, повисла на нем и запела рождественскую песню.

«Быть кем-то другим», – подумал Пино, и они на нетвердых ногах вошли в холл.

У лифта и лестницы стояли два вооруженных эсэсовца – Пино видел их впервые – и внимательно разглядывали их.

– Это что? – спросил один из немцев по-итальянски, а второй навел на них ствол автомата. – Кто вы?

– Я живу здесь, на шестом этаже, – проговорил заплетающимся языком Пино, доставая документы. – Сын Микеле Леллы, Джузеппе, преданный солдат «Организации Тодта».

Немец взял бумаги, внимательно изучил их.

Анна цеплялась за руку Пино, весело поглядывая на немцев. Наконец второй солдат спросил:

– А вы кто?

– Анна, – сказала она, икнув. – Анна-Марта.

– Документы.

Она моргнула, залезла в сумочку, потом пьяно замотала головой.

– Боже мой, это новая сумочка, подарок мне на Рождество, а бумаги у меня в другой сумочке, у Долли. Вы знаете Долли?

– Нет. Что вы делаете здесь?

– Делаю? – Анна фыркнула. – Я горничная.
– Горничная семьи Лелла уже ушла.
– Нет, – сказала она, отмахиваясь от них. – Я горничная генерала Лейерса.

Эти слова подействовали на них, в особенности когда Пино добавил:
– А я личный водитель генерала. Он отпустил нас на Рождество и... –
Пино наклонил голову к правому плечу и шагнул к ним, застенчиво улыбаясь. Тихим заговорщицким тоном он проговорил: – Мои родители уехали. А у нас свободная ночь. Квартира пустая. Мы с Анной решили, ну, вы понимаете, отпраздновать.

Первый часовой многозначительно поднял брови. Другой посмотрел на Анну плотоядным взглядом, а она ответила ему бойкой улыбкой.

– Все в порядке? – спросил Пино.
– Ja, ja, – ответил немец и, рассмеявшись, отдал Пино документы. – Идите. Рождество.

Пино взял бумаги, небрежно сунул их в карман и сказал:
– Я ваш должник.
– Мы оба, – застенчиво проговорила Анна и снова икнула.
Пино решил, что они могут идти, и поднял чемодан. Но тут бутылки внутри громко звякнули.

– Что в этом чемодане? – спросил второй часовой.
Пино посмотрел на Анну, та покраснела и рассмеялась:
– Это его рождественский подарок.
– Покажите мне, – сказал эсэсовец.
– Нет, – заупрямилась Анна. – Это сюрприз.
– Откройте, – не отступал второй часовой.

Пино посмотрел на Анну, та покраснела и пожала плечами.
Пино вздохнул, встал на колени, расстегнул ремни.
Часовые увидели еще две бутылки кьянти, красный атласный бюстье с такого же цвета трусиками, подвязки, высокие красные чулки, черно-белый пояс с резинками для чулок, еще трусики, черные шелковые чулки и черный кружевной бюстгальтер.

– Сюрприз, – вполголоса проговорила Анна. – Счастливого Рождества.

Первый солдат зашелся смехом и быстро проговорил что-то по-немецки – Пино не уловил что. Второй солдат тоже рассмеялся, а с ним и

Анна, которая ответила им тоже по-немецки, и они засмеялись еще громче.

Пино не понимал, что происходит, но, воспользовавшись возможностью, взял одну бутылку и закрыл чемодан. Протянув вино часовым, он сказал:

– И вам счастливого Рождества.

– Ja? – сказал один из них. – Хорошее?

– Magnifico^[26]. С винодельни близ Сиены.

Эсэсовец передал бутылку своему напарнику, посмотрел на Пино и Анну:

– Спасибо. Счастливого Рождества вам и вашей уборщице.

От этих слов он, его напарник и Анна снова зашлись в смехе. Они направились к лифту, и Пино тоже рассмеялся, хотя и не знал почему.

Кабина начала подниматься, немецкие солдаты, радостно переговариваясь, открывали бутылку. Когда кабина поднялась до третьего этажа и их уже не было видно снизу, Анна прошептала:

– Мы сделали это!

– Что ты им сказала?

– Кое-что непристойное.

Пино рассмеялся, потянулся к Анне и поцеловал ее. Она переступила через чемодан и оказалась в его объятиях. Они все еще обнимались, проезжая пятый этаж, где стоял второй наряд часовых. Пино открыл глаза, посмотрел на них через плечо Анны и увидел зависть в их глазах. Они вошли в квартиру, заперли дверь, включили свет, поставили чемодан с рацией в кладовку и рухнули на диван в объятия друг друга.

– Я ничего подобного в жизни не испытывала, – призналась Анна, глядя на него широко раскрытыми влажными глазами. – Мы могли там погибнуть.

– Вот в таких ситуациях и понимаешь, что для тебя главное в жизни, – сказал Пино, покрывая ее щеки нежными поцелуями. – Все остальное уходит на второй план. Я... я думаю, я люблю тебя, Анна.

Он надеялся, что она ответит ему тем же, но она отстранилась от него, лицо ее застыло.

– Нет, ты не должен так говорить.

– Почему?

Анна, преодолевая себя, сказала:

– Ты не знаешь, кто я на самом деле.

– Что может заставить меня не слышать ту музыку, которая играет в моем сердце каждый раз, когда я вижу тебя?

Анна отвернулась от него:

- Я вдова – вот что тебя может заставить.
- Вдова? – сказал Пино, стараясь скрыть, как он обескуражен. – Ты была замужем?
- Обычно вдовами становятся замужние женщины, – сказала Анна, внимательно глядя на него.
- Ты слишком молода, чтобы быть вдовой.
- Сначала было больно. А теперь таких вдов пруд пруди.
- Расскажи мне о нем, – сказал Пино, стараясь осмыслить эту новость.

8

Это был договорной брак. Мать, продолжавшая винить Анну в смерти отца, хотела избавиться от нее и в качестве приданого отдала за ней унаследованный дом. Жениха звали Кристиан.

– Он был очень красивый, – сказала Анна с улыбкой, в которой сквозили и горечь, и радость. – Армейский офицер, на десять лет старше меня. У нас была свадебная ночь и двухдневный «медовый месяц», а потом его отправили в Северную Африку. Он погиб, обороняя городок в пустыне – Тобрук. Три года назад.

– Ты любила его? – спросил Пино, чувствуя комок в горле.

Анна наклонила голову и сказала:

– Сходила ли я по нему с ума, когда он отправился на одну из этих дурацких войн, что затевал Муссолини? Нет. Я его едва знала. У нас не было времени, чтобы вспыхнула настоящая любовь. И уж тем более чтобы она догорела. Но я признаю: мне нравилась мысль влюбиться в него, когда он вернется, а я надеялась, что он вернется.

Пино видел, что она говорит правду.

– Но ты... занималась с ним любовью?

– Он был моим мужем, – раздраженно ответила она. – Мы занимались любовью два дня, а потом он уехал воевать и погиб. И я должна была сама заботиться о себе.

Пино задумался. Заглянул в ищущие, страдающие глаза Анны и почувствовал, как музыка зазвучала в его сердце.

– Мне все равно, – сказал он. – Я теперь только еще больше обожаю тебя, больше тобой восхищаюсь.

Анна сморгнула слезы с ресниц:

– И это не пустые слова?

– Нет, – ответил Пино. – Так могу я сказать, что люблю тебя?

Она задумалась, потом кивнула и застенчиво прильнула к нему.

– И ты можешь доказать мне свою любовь, – сказала Анна.

Они зажгли свечу, выпили третью бутылку кьянти. Анна разделась. Помогла Пино освободиться от одежды, и они улеглись на постель, сооруженную из подушек, валиков, простыней и одеял на полу в гостиной.

Если бы с ним была какая-то другая женщина, то Пино, возможно, целиком отдался бы телесным радостям, но за манящими губами Анны, ее колдовскими глазами Пино чувствовал что-то более захватывающее и первобытное, словно она была не человеком, а духом, мелодией, идеальным инструментом любви. Они ласкали друг друга, они соединялись, и Пино в этом первом восторге чувствовал, что воспламеняется не только телом Анны, но и ее душой.

Глава двадцать третья

1

В ту ночь Пино забыл о сне и о войне, остались только Анна и сладость их соединения.

На рассвете дня Рождества 1944 года они уснули в объятиях друг друга.

– Лучше подарков у меня не было, – сказал Пино. – Даже без всех этих штук от Долли.

Анна рассмеялась:

– Они мне все равно не годятся – не мой размер.

– Мне остается только порадоваться, что часовые не потребовали устроить показ мод.

Она снова рассмеялась, легонько шлепнула его:

– И мне тоже.

Пино начало клонить в сон, и он уже готов был свалиться в счастливое небытие, когда услышал стук каблуков, приближающихся по коридору из спален. Он вскочил на ноги, выхватил из кобуры на стуле вальтер и развернулся.

Миммо, держа Пино под прицелом своей винтовки, сказал:

– Счастливого Рождества, нацик.

У Миммо на левой стороне лица был жуткий багровый шрам. И вообще он выглядел как человек, хорошо понюхавший пороха, и чем-то напоминал немецких солдат с Готской линии. Дядя Альберт имел сведения о том, что Миммо участвует в засадах и саботаже, побывал в боях и демонстрировал немалое мужество. И теперь Пино, видя жесткий взгляд брата, понимал, что это правда.

– Что у тебя с лицом? – спросил Пино.

Миммо усмехнулся:

– Фашист ударил меня ножом и решил, что мне конец, трус.

– Кто трус? – сердито спросила Анна; она завернулась в простыню и встала.

Миммо скользнул по ней взглядом, покачал головой и с отвращением сказал Пино:

– Ты не только трус и предатель, ты еще приводишь какую-то шлюху в

родительский дом и трахаешь ее в гостиной.

Пино даже еще ярости не успел почувствовать, как его рука автоматически перехватила пистолет за ствол и швырнула его в брата. Вальтер попал в раненую щеку, Миммо потерял равновесие и взвыл от боли. Пино в два огромных прыжка перескочил диван и попытался ударить брата по лицу. Миммо увернулся и собрался было ударить его прикладом своей винтовки, но Пино ухватил ее, выкрутил из руки и ударил его в пах, как Тито ударил его в «Каса Альпина». От этого удара Миммо распростерся на полу, хватая ртом воздух.

Пино отшвырнул винтовку в сторону, оседлал Миммо, ухватил за горло, собираясь изо всех сил впечатать кулак в его лицо, не заботясь, ранен он или нет. Но когда он занес руку, Анна вскрикнула:

– Нет, Пино! Кто-нибудь услышит, и все наши старания пойдут прахом.

Пино отчаянно хотелось проучить брата, но он отпустил его горло и встал на ноги.

– Кто он? – спросила Анна.

– Мой младший брат, – с отвращением сказал Пино.

– Был твоим братом, – с меньшей ненавистью сказал Миммо с пола.

– Убирайся отсюда, пока я не передумал и не убил тебя в Рождество, – велел Пино.

Миммо, судя по его виду, едва сдержался, чтобы не броситься на брата, но приподнялся на локтях и сказал:

– Очень скоро настанет день, Пино, и ты будешь проклинать себя за то, что стал предателем. Немцев разобьют, и тогда пусть Бог сжалятся над тобой.

Миммо поднялся на ноги, взял свою винтовку; не оглядываясь, пошел по коридору к спальням и исчез из виду.

– Нужно было тебе сказать ему, – проговорила Анна, когда Миммо ушел.

– Он не должен знать. Для его же блага. И моего.

Пино вдруг охватила дрожь. Анна приподняла одеяло, которым была накрыта, и сказала:

– Ты замерз и такой одинокий.

Пино улыбнулся и подошел к ней. Она обмотала одеяло вокруг них двоих, тесно прижалась к нему и сказала:

– Обидно, что это случилось с тобой в рождественское утро после самой замечательной ночи в моей жизни.

– Правда?

– Ты просто великолепен, – сказала она и поцеловала его.

Он застенчиво улыбнулся:

– Ты так думаешь?

– Да, конечно.

Анна и Пино снова легли и, прижавшись друг к другу, крепко уснули; они не знали, что не скоро у них появится возможность снова уснуть так крепко.

2

В следующие дни метели обрушились на Северную Италию. Новый год принес трескучие морозы и новые снега, которые плотным одеялом укрыли землю, окрасив ее в белые и серые тона. Для Милана эта зима стала самой суровой за всю историю метеонаблюдений.

Целые городские кварталы превратились в руины. Обожженные останки зданий стояли среди мусора и обрушений, они, как пасти, выставились неровными гнилыми зубами на небо, с которого почти без перерыва сыпал снег, словно Господь делал все, что в его силах, чтобы скрыть шрамы войны.

Жители Милана страдали от морозов, посланных Господом. Лейерс продолжал мародерствовать, а потому с припасами было плохо, как и с мазутом, который в основном шел для отопления немецких военных баз. Люди начали рубить на дрова великолепные вековые деревья. Дым костров поднимался и над руинами, и над сохранившимися зданиями. В прежде знаменитых миланских аллеях от деревьев остались одни пни. Все, что горело, шло в топку. Воздух в некоторых районах стал как в угольной печи.

В первой половине января генерал Лейерс постоянно пребывал в движении. Они с Пино снова и снова совершали опасные поездки по заснеженным дорогам на Готскую линию, чтобы войска, страдающие от холода, получали пайки.

Но при этом Лейерс, казалось, оставался безразличным к страданиям местных жителей. Он перестал делать вид, что платит итальянцам за то, что они производят для немцев или отдают им. Если генералу что-то требовалось, он приказывал изъять это. В глазах Пино Лейерс вернулся в то крокодилье состояние, в котором Пино впервые увидел его. Холодный, безжалостный, эффективный – инженер, перед которым поставлена задача и который в лепешку разобьется, чтобы ее выполнить.

Одним морозным утром в середине января генерал приказал Пино

везти его на вокзал Монцы, где его саквояж снова потяжелел, после чего они поехали на швейцарскую границу над Лугано.

На сей раз Лейерс отсутствовал пять часов. Выйдя из машины, которая привезла его обратно к швейцарской границе, он нес саквояж так, словно тот весил в два раза больше, чем пять часов назад, когда перемещался в противоположном направлении, и ноги у генерала, казалось, заплетались, пока он шел к «фиату».

– Mon général, – сказал Пино, когда Лейерс с саквояжем сел на заднее сиденье, – куда теперь?

– Не имеет значения, – сказал Лейерс. От него пахло алкоголем. – Война закончена.

Ошарашенный, Пино не был уверен в том, что правильно услышал Лейерса.

– Война закончена?

– Считайте, что так, – с отвращением сказал генерал. – Наступил экономический коллапс, армия отступает, и все богопротивные вещи, совершавшиеся для Гитлера, вскоре будут раскрыты. Везите меня к Долли.

Пино развернул «фиат» и поехал вниз по склону, пытаясь осознать то, что сказал генерал. Он понимал, что такое экономический коллапс. От дяди он знал, что после наступления немцев в Арденнах в Восточной Франции союзники сами перешли в наступление после того, как ликвидировали Арденнский выступ. Говорил ему дядя и о неизбежном вскоре падении Будапешта.

«Богопротивные вещи, совершавшиеся для Гитлера». Что это значило? Евреи? Рабы? Зверства? Пино хотел спросить Лейерса, что тот имел в виду, но, опасаясь вероятных последствий своего вопроса, сдержался.

Генерал прихлебывал алкоголь из фляжки и всю дорогу молчал. Они подъезжали к центру города, когда что-то привлекло его внимание, и он сказал Пино, чтобы тот ехал медленнее. Он, казалось, разглядывал уцелевшие здания, словно они хранили какую-то тайну.

У дома Долли Лейерс заплетающимся языком проговорил:

– Мне нужно время подумать, составить план, форарбайтер. Поставьте машину в гараж. Считайте себя в отпуске до восьми ноль-ноль понедельника.

– Ясно, до понедельника, mon général, – сказал Пино.

Прежде чем Пино успел выйти и открыть заднюю дверь, Лейерс вывалился из машины, зашагал к дому Долли и исчез внутри с пустыми руками. Саквояж остался в машине, на полу.

Пино заехал домой, переоделся, а потом поехал к дяде Альберту. Он припарковался и взял саквояж, который оказался легче, чем он предполагал. Заглянув в окно, он увидел, что тетушка Грета обслуживает двух немецких офицеров, обошел дом и постучал в дверь мастерской.

Ему открыла одна из работниц.

– Где сегодня твоя форма? – удивленно спросила она.

– У меня выходной, – ответил Пино, чувствуя на себе ее внимательный взгляд. – Вы можете сказать моему дяде, что я буду наверху, в кухне?

Она кивнула без особого энтузиазма.

Появился дядя Альберт; что-то, казалось, тяготило его.

– Вы здоровы? – спросил Пино.

– Как ты вошел?

Пино ответил ему.

– Ты не видел – кто-нибудь наблюдает за магазином?

– Нет, правда, я и не смотрел. Вы думаете?..

Дядя Альберт кивнул:

– Гестапо. Нам придется умерить пыл, уйти в тень, если получится.

Гестапо? Неужели они видели, как он выходил из машины с саквояжем генерала Лейерса?

Неожиданно угроза разоблачения оказалась как никогда реальной. Или гестапо вышло на дядю Альберта? Пино вдруг отчетливо вспомнил, как Туллио кричал на палачей, и подумал, хватит ли ему мужества вести себя достойно, если его разоблачат и поставят к стенке?

Не исключая вероятности того, что агенты гестапо могут в любую минуту ворваться в дверь, Пино быстро рассказал о путешествии генерала Лейерса в Швейцарию, о его возвращении под хмельком и о том, как генерал забыл саквояж в машине.

– Открывай, – сказал дядя Альберт. – Твоя тетушка будет переводить.

Дядя Альберт вышел, а Пино достал ключ, изготовленный по восковому слепку, и вставил его в первый замок. Пино пришлось повозиться, прежде чем замок поддался. Второй открылся быстрее.

Тетя Грета вошла в кухню, она побледнела, на ее лице появилось выражение нерешительности, когда она увидела папки, которые Пино вытащил из саквояжа.

– Я почти не хочу смотреть, – сказала она, но раскрыла верхнюю папку и принялась просматривать ее содержимое; тут вернулся дядя Альберт. –

Это планы укреплений Готской линии. Целыми секциями. Нужна камера.

Дядя Альберт быстро сходил за камерой, и они принялись фотографировать страницу за страницей и фиксировать те позиции на картах, которые они считали ценными для союзников. В одной из папок обнаружилось расписание поездов, курсирующих из Италии в Австрию. В другой описывались склады вооружений и их местонахождение.

На самом дне они нашли незаконченный рукописный меморандум Лейерса, адресованный генералу Карлу Вольфу, главе частей СС в Италии. В меморандуме ясно говорилось, что война проиграна, приводились сведения о быстро истощающейся материальной базе, о наступлении союзников до начала снегопадов и об отказе Гитлера прислушиваться к его боевым генералам.

– «Мы должны смотреть правде в глаза: долго нам не продержаться, – перевела тетя Грета. – А если мы будем упорствовать, то ни от нас, ни от Отечества ничего не останется». Это все. Подписи нет. Он еще не закончил.

Дядя Альберт задумался, потом сказал:

– Опасно писать такие вещи. Я это отмечу и попрошу Баку передать утром.

Радист, который выступал в роли плотника, изготавливающего шкафы и стеллажи для квартиры Лелла, передавал союзникам сведения, подсоединяясь каждый день после Рождества к немецким передачам. Пока все работало, как в сказке.

– Что мне делать теперь? – спросил Пино, вернув папки в саквояж.

– Отвези саквояж ему, – сказал дядя Альберт. – Сегодня же. Скажи, что кто-то увидел его в гараже и нашел тебя.

– Будьте осторожны, – сказал Пино и вышел через заднюю дверь, миновав теперь уже безлюдную мастерскую.

Он почти дошел до «фиата», когда услышал:

– Halt^[27].

Луч фонарика осветил Пино, остановившегося с саквояжем Лейерса в руке.

К нему подошел лейтенант СС в сопровождении полковника Вальтера Рауффа, главы миланского гестапо.

– Документы! – сказал лейтенант по-итальянски.

Пино поставил саквояж и, стараясь сохранять спокойствие, вытащил

из кармана документы, включая и пропуск от генерала Лейерса.

– Почему не в форме? – спросил лейтенант.

– Генерал Лейерс дал мне двухдневный отпуск, – ответил Пино.

До этого момента полковник Рауфф, человек, приказавший убить Туллио, не произнес ни слова. Но теперь, пнув саквояж носком сапога, спросил:

– А что здесь?

Пино уже смирился с неизбежностью собственной смерти.

– Это саквояж генерала Лейерса, полковник. Швы разошлись, и он попросил меня привезти его в мастерскую для ремонта. Теперь я везу саквояж обратно генералу. Хотите поехать со мной? Спросить его? Могу вам сказать, что он был пьян и в дурном настроении, когда я от него уходил.

Рауфф внимательно смотрел на Пино:

– Почему вы для ремонта приехали именно сюда?

– Здесь лучшая мастерская кожаных изделий в Милане. Все это знают.

– Не говоря уже о том, что это мастерская вашего дяди, – сказал Рауфф.

– Да, и это тоже, – сказал Пино. – Семья в трудную минуту всегда поможет. У вас была еще возможность погонять волов, полковник?

Рауфф так долго разглядывал его, что Пино уже решил, что зашел слишком далеко и ему конец.

– После того раза – нет, – сказал наконец шеф гестапо и рассмеялся. – Передайте от меня привет генералу Лейерсу.

– Непременно, – сказал Пино и кивнул.

Рауфф и его люди пошли прочь.

Пот капал со лба Пино, когда он ставил саквояж в машину. Потом он сел на водительское сиденье и вцепился в баранку.

– Господи Иисусе, – прошептал он, – спасибо Тебе.

Когда его перестало трясти, он завел «фиат» и поехал назад к Долли. Дверь открыла Анна. Вид у нее был взволнованный.

– Генерал очень пьян и зол, – прошептала она. – Он ударил Долли.

– Ударил?

– Он уже успокоился, сказал, что не хотел этого.

– С тобой все в порядке?

– В полном. Не думаю, что сейчас подходящее время разговаривать с ним. Он все говорит и говорит про идиотов и предателей, которые проиграли войну.

– Поставь это под вешалкой, – сказал Пино, передавая ей саквояж. –

Он дал мне два выходных дня. Ты можешь прийти ко мне. Отец опять уехал к матери.

– Не сегодня, – ответила она. – Я могу понадобиться Долли. Завтра?

Он поцеловал ее и сказал:

– Не могу дождаться.

Оставив «фиат» в гараже, Пино вернулся в квартиру родителей. Он подумал о Миммо. Дядя Альберт почти не говорил ему о том, чем занят младший брат, и правильно: ему не следовало это знать. Если Пино будет спрашивать, чем занимается его брат в Соппротивлении, он сможет, не лукавя, сказать, что не знает. Но ему хотелось знать, какие подвиги совершил брат, в особенности после того, как дядя Альберт сказал, что Миммо в бою заслужил репутацию бесстрашного парня.

Предаваясь дорогим для него альпийским воспоминаниям, их совместным восхождениям, совместной работе на благо Италии, Пино чувствовал себя несчастным при мысли о том, что Миммо считает его трусом и предателем. Сидя в одиночестве в родительской квартире, он молился о том, чтобы слова генерала Лейерса, сказанные им на швейцарской границе, оказались правдой, чтобы война наконец завершилась и жизнь, его жизнь в частности, вошла в нормальную колею.

Он закрыл глаза и попытался представить момент окончания войны. Как он узнает об этом? Начнут ли люди танцевать на улицах? Придут ли в Милан американцы? Конечно придут. Они вот уже шесть месяцев как в Риме. Ну не здорово ли это? Не замечательно ли?

Эти мысли пробудили его давнюю мечту съездить в Америку, увидеть мир за океаном.

«Может быть, так мы и создаем будущее, – думал Пино. – Сначала ты должен представить его. Мечтать о нем».

Несколько часов спустя в квартире зазвонил телефон. Он звонил не переставая.

Пино не хотел вылезать из теплой кровати, но телефон звонил и звонил, и Пино наконец сдался. Выскользнул из-под одеяла, побрел по холодному коридору, включил свет.

«В четыре часа? Кто это может быть?»

– Квартира Лелла, – сказал он.

– Пино? – воскликнула Порция надтреснутым голосом. – Это ты?

– Да, мама. Что случилось?

– Кошмар, – ответила она и начала плакать.

У Пино от дурных предчувствий остатки сна как рукой сняло.

– Что? Папа?

– Нет, – шмыгнула носом она. – Папа спит в соседней комнате.
– Тогда что?
– Лиза Рока. Ты помнишь? Моя лучшая подруга детства.
– Она живет в Лекко. У нее дочь. Я когда-то играл с ней на озере.
– Габриела умерла, – сдавленным голосом проговорила Порция.
– Что? – сказал Пино, вспоминая, как он раскачивал девочку на качелях во дворе их дома.

Мать опять шмыгнула носом.

– С ней все было в порядке, она работала в Кодигоро, но заскучала по дому и захотела съездить к родителям, повидаться. Ее отец, Вито, муж Лизы, очень болел, и Габриела беспокоилась.

Порция рассказала, что Габриела Рока с другом выехали днем из Кодигоро на автобусе. Водитель явно пытался сэкономить время и выбрал маршрут через Леньяно.

– В этом районе партизаны вели бои с отрядами Муссолини, – сказала Порция. – К западу от Леньяно, близ кладбища и фруктового сада, на пути к деревне Ногара автобус оказался в центре сражения. Габриела пыталась бежать, но попала под перекрестный огонь и погибла.

– Это ужасно, – сказал Пино. – Очень сочувствую.

– Габриела все еще там, – с трудом проговорила Порция. – Ее друг сумел перенести тело на кладбище, а потом позвонил Лизе. Я только что с ней говорила. Ее муж болен и не может похоронить дочь. Кажется, весь мир сошел с ума и озверел.

Порция зарыдала.

Сердце у Пино обливалось кровью.

– Ты хочешь, чтобы я помог?

Она перестала плакать и шмыгнула носом.

– Ты сможешь? Отвезти ее домой к матери? Для меня это очень важно.

Пино не был в восторге при мысли о том, что придется везти мертвое тело девушки, но он знал, что не может поступить иначе.

– Она на кладбище между Леньяно и Ногарой?

– Да, там ее оставил друг.

– Я сейчас же поеду, мама.

Три часа спустя, облаченный в теплую зимнюю одежду, Пино в «фиате» генерала Лейерса свернул на проселочную дорогу, уходившую на

восток от Мантуи в направлении Ногары и Леньяно. Утро стояло ветреное, шел снег. Машину заносило и подбрасывало на скользкой, в рытвинах дороге.

Пино ехал по пахотным землям, дорога шла между засыпанных снегом полей, огражденных деревянными заборами и сложенными из камня стенами. Он преодолел склон к западу от Ногары, остановился на вершине и посмотрел вниз. Слева от него голые оливковые и фруктовые рощи упирались в большое огороженное кладбище. Склон справа был круче, но быстрее переходил в ровную поверхность, на ней тоже стояли голые фруктовые деревья, фермерские дома, тянулись поля.

Падал снежок, и сцена могла бы показаться вполне пасторальной, если бы не сожженный автобус, перегораживающий дорогу у ворот кладбища. Отдельные выстрелы, автоматные очереди и крики боя все еще звучали в нескольких сотнях метров внизу. Пино почувствовал, как тает его решимость.

«Я не подписывался на это», – подумал он и чуть было не развернулся.

Но тут в его ушах снова раздался голос Порции, умоляющий его привезти матери тело Габриелы. И потом, оставлять девочку, с которой он играл в детстве, на растерзание птицам было бы неправильно.

Пино вытащил генеральский бинокль из бардачка, вышел из машины на мороз и навел окуляры на долину внизу. Ему сразу же удалось засечь движение, и он вскоре понял, что чернорубашечники контролируют южную сторону дороги, а партизаны в красных шарфах удерживают северную, вплоть до стены кладбища приблизительно в пятистах метрах от него. На дороге, в кюветах, на полях и в рощах лежали убитые.

Пино задумался на секунду, потом составил план, который пугал его до смерти, но ничего лучше в голову ему не пришло. На некоторое время страх перед необходимостью спуститься с холма парализовал его. Всевозможные «а если» не давали сделать первый шаг, и каждое новое сомнение все сильнее скручивало узлом желудок.

Но, приняв решение, он попытался не думать об опасностях. Проверив заряженный вальтер в кармане пальто, Пино надел перчатки, вытащил из багажника две белые простыни. Он взял их с собой, чтобы завернуть тело, но сейчас они должны были послужить другой цели. Одну простыню он намотал на себя, как юбку, а другую, словно шаль, набросил на голову поверх шерстяной шапки и на плечи. Пино направился на север, в сторону от дороги; завернутый в простыни, он двигался, как призрак, сквозь метель по вершине холма, потом стал спускаться все ниже и ниже и наконец оказался в одной из ближайших оливковых рощ.

Пино прошел еще двести метров, а потом свернул на восток и двинулся вдоль каменной стены в сторону дальней северной границы рощи. В бинокль сквозь падающий снег он видел фигуры партизан далеко справа от себя, они лежали в снегу у стволов старых оливковых деревьев и вели огонь по чернорубашечникам, которые пытались пересечь дорогу.

Пино продвигался дальше, пригнувшись, прячась за низкой каменной стеной. Со стороны чернорубашечников раздавались очереди из автоматического оружия, пули попадали в деревья, рикошетили от каменной стены, а время от времени доносились звуки, похожие на шлепки, – как предполагал Пино, это пули достигали цели и поражали кого-нибудь из партизан.

В паузах между стрельбой раненые с обеих сторон кричали от боли, звали своих жен и матерей, умоляли Иисуса, Деву Марию, всемогущего Бога помочь им или прекратить их мучения. Голоса страдальцев звучали в голове Пино, приводили его в ужас, но тут стрельба начиналась снова. Он не мог заставить себя двигаться. А если пуля попадет в него? Если он умрет? Что будет делать мать, если потеряет его? Он лежал на животе в снегу за каменной стеной, его трясло, и он думал, что нужно развернуться и возвращаться домой.

А потом перед его мысленным взором возник Миммо, назвавший его трусом, предателем, и ему стало стыдно прятаться за каменной стеной.

«Да не смущается сердце ваше», – сказал кардинал Шустер накануне Рождества.

«Веруйте», – много раз говорил ему отец Ре.

Пино приподнялся и, согнувшись, двинулся вперед и на восток, он прошел не меньше сотни метров до того места, где каменная стена сходила на нет. Он помедлил, потом припустил бегом позади другой оливковой рощи, он видел партизан, которые двигались среди деревьев приблизительно в семидесяти метрах справа от него. Со стороны противника застрочил тяжелый пулемет.

Пино нырнул в снег, обнял ствол старого дерева. Пули прочесывали рощу с востока на запад, потом в обратном направлении, обрывали ветки деревьев, вонзались в тела партизан, чьи вскрики Пино слышал время от времени. На несколько мгновений все вокруг него превратилось в тягучий заснеженный кошмар, все, кроме звериного рева пулемета и криков раненых.

Пули ложились все ближе и ближе к Пино, и он поднялся на ноги и пустился со всех ног, надеясь убежать от них. Он слышал, как пули за его спиной попадают в деревья, но угол кладбища уже был близко, и Пино

рассчитывал успеть.

Он зацепился ногой за корень и споткнулся. Попытался сохранить равновесие, но другая нога угодила в пустоту, и он упал лицом в занесенную снегом мелиорационную канаву.

Пули разорвали воздух над его головой, застучали об угол кладбищенской стены, скалывая кусочки камня и цемент, а потом пулеметчик повел стволом в другую сторону.

Лежа лицом в снегу, Пино слышал жуткие крики раненых, цепляющихся за жизнь, просящих о помощи или молящих прикончить их. Их боль заставила его подняться на ноги. Он стоял в мелиорационной канаве, смотрел на то место, где лежал, осознавая, что если бы продолжал бежать к кладбищу, то теперь почти наверняка был бы мертв, может быть, перерезан пополам.

Он увидел движение на юге. Через дорогу перебежали чернорубашечники. Пино завернулся в простыню, выбрался из канавы, сделал несколько больших шагов и исчез из виду за торцевой стеной кладбища. Пино скомкал простыни, забросил их на стену, потом подпрыгнул и ухватился за обледеневший верх. Он подтянулся, забросил на стену ногу, а потом спрыгнул и приземлился в глубоком снегу. Мольбы раненых и искалеченных остались по другую сторону кладбищенской ограды.

Потом он услышал выстрел. Из пистолета малого калибра, судя по звуку. Потом еще один. И еще.

Пино вытащил вальтер из кармана, завернулся в простыню и быстро двинулся по засыпанному снегом кладбищу мимо надгробий, статуй, склепов ко входу. Он предположил, что друг Габриелы не смог бы затащить ее тело далеко, а оставил у ворот.

Еще один выстрел за стеной кладбища, потом пятый и шестой. Пино шел, не останавливаясь, крутил головой во все стороны, но никого на кладбище не видел. Он сделал крюк, чтобы его не смогли увидеть через ворота кладбища, и наконец оказался у надгробий, ближайших ко входу.

С помощью бинокля он осмотрел открытое пространство перед кладбищем, но и там ничего не увидел. Потом он развернулся, осмотрел первый ряд надгробий, затем второй и увидел Габриелу Року, вернее, контуры ее тела под пятнадцатисантиметровым снежным покрывалом.

Пино по прямой направился к ней. Когда за стеной прогремели седьмой и восьмой выстрелы, он посмотрел в сторону ворот, но никого там не увидел.

Дочь лучшей подруги Порции лежала на спине у основания большого надгробия, благодаря которому ее нельзя было увидеть от ворот и с дороги. Он опустился на колени перед засыпанным снегом телом, сдул рассыпчатый снег с ее лица, красивого, холодно-голубоватого. Глаза Габриелы были закрыты. Губы застыли в почти удовлетворенной улыбке, словно по пути на небеса она услышала что-то смешное. Пино сдул остатки снега с ее лица и темных волос, увидел кровь, застывшую ледяными кристаллами, образовавшими светло-красный венец у нее под головой.

Его лицо исказила гримаса, когда он, попытавшись приподнять ее голову, обнаружил, что шея окоченела. Он все же определил, что пуля прошла в нижней части затылка – почти никаких повреждений, только две дырочки с обеих сторон у основания черепа, примерно на том уровне, где спинной мозг соединяется с головным. Пино опустил ее, смел снег с тела, вспоминая, как они играли детьми. Хорошо, что она не страдала, подумал он. Секунду назад она была испуганной, живой, а через миг – она даже следующий вдох сделать не успела – мертвой и удовлетворенной.

Расстелив простыни, Пино положил вальтер на надгробие, завернул Габриелу в первую простыню. Подворачивая ткань, он подумал о том, как ему без веревок перенести тело через стену.

Пино повернулся, чтобы взять вторую простыню, но вдруг это перестало иметь значение. Через ворота на кладбище вошли три чернорубашечника. Они с расстояния сорок метров целились в него.

– Не стреляйте! – закричал Пино. Оставаясь на коленях, он поднял руки. – Я не партизан. Я работаю на генерал-майора Ганса Лейерса, высокого немецкого начальника в Милане. Он послал меня, чтобы я отвез тело этой девушки ее матери в Лекко.

Два чернорубашечника смотрели на него, один скептически, другой кровожадно. Третий начал смеяться и, не опуская винтовки, двинулся к Пино.

– Лучшего партизанского объяснения я не слышал, даже жалко сносить тебе башку, – сказал он.

– Не делай этого, – остерег его Пино. – У меня есть документы,

подтверждающие мои слова. Здесь – у меня в пальто.

– Нам насрать на твои поддельные документы, – усмехнулся чернорубашечник.

Он остановился в десяти метрах от Пино, который сказал:

– Ты готов объяснить дуче, почему застрелил меня, а не позволил увезти тело этой девушки?

После этих слов чернорубашечник задумался. Потом усмехнулся:

– Теперь ты утверждаешь, что дружишь с Муссолини?

– Не дружу. Я перевожу для него, когда генерал Лейерс приезжает к нему. Это все правда. Дай мне предъявить вам бумаги – сам увидишь.

– Может, проверим, Рафаэль? – спросил другой чернорубашечник. Он явно занервничал.

Рафаэль задумался, потом протянул руку за документами. Пино передал свое удостоверение из «Организации Тодта», письмо, подписанное генералом Лейерсом, и документ, позволяющий свободный проезд и подписанный Бенито Муссолини, президентом Республики Сало. Это единственное, что Пино похитил из саквояжа Лейерса.

– Опустите винтовки, – сказал наконец Рафаэль.

– Спасибо, – с облегчением сказал Пино.

– Тебе повезло – я тебя мог сразу пристрелить за то, что ты оказался здесь.

Пино встал, и Рафаэль спросил у него:

– Почему ты не в армии Сало, а возишь немца?

– Долго рассказывать, – сказал Пино. – Синьоры, я хочу одного – доставить тело этой девушки ее матери, она в горе, она хочет похоронить дочь.

Рафаэль неодобрительно посмотрел на него, но сказал:

– Валяй, забирай ее.

Пино взял пистолет, сунул его в кобуру, потом завернул Габриелу во вторую простыню. Вытащил нарукавную повязку со свастикой, надел ее, после чего нагнулся и поднял тело.

Она была не очень тяжела, но Пино перехватил тело несколько раз, прежде чем приспособился. Кивнув, он прошел мимо ряда надгробий по глубокому снегу, ощущая на себе взгляды чернорубашечников.

Когда Пино вышел из ворот кладбища, сквозь тучи прорвался

солнечный луч, осветил сгоревший автобус слева от него, превратил снежинки в бриллианты, падающие на землю. Но, идя по дороге к далекой вершине холма, Пино не смотрел на эти небесные алмазы. Он стрелял глазами направо и налево: чернорубашечники топорами и пилами обезглавливали мертвых партизан.

Пятнадцать или двадцать голов уже были установлены на кольях вдоль дороги. Глаза многих были открыты, а смерть искривила их рты, застывшие в агонии. Мертвое тело девушки в его руках стало вдруг невыносимо тяжелым под темными и безмолвными взглядами отрубленных голов. Пино хотелось бросить Габриелу, оставить ее и бежать от этого варварства, окружавшего его. Но он только положил ее на землю и опустил на одно колено, чтобы отдохнуть, глаза его были закрыты, он молил Бога, чтобы тот дал ему силы донести тело.

– Так поступали римляне, – раздался голос Рафаэля у него за спиной.

Пино в ужасе повернул голову, посмотрел на чернорубашечника.

– Что?

– Цезарь выставлял головы своих врагов вдоль дорог в Рим – достойное предупреждение тем, кто переходил дорогу императору. Я думаю, такое же воздействие это окажет и теперь. Дуче будет гордиться, я думаю. А ты что скажешь?

Пино непонимающе моргнул:

– Не знаю. Я всего лишь водитель.

Он поднял Габриелу и снова двинулся по заснеженной дороге, стараясь не смотреть на окровавленные колья с головами, число которых все увеличивалось, на мясницкие движения чернорубашечников, орудующих над мертвыми телами.

Глава двадцать четвертая

1

С лучшей подругой Порции случилась истерика, когда Пино подошел к дверям ее дома в Лекко с телом Габриелы. Он помог положить тело на стол, у которого ждали женщины в траурных одеждах, чтобы подготовить убитую к похоронам. Пино, не дожидаясь слов благодарности, выскользнул из дома, когда они начали оплакивать ее. Он больше ни секунды не мог оставаться близ мертвого тела или слышать рыдания живых.

Пино сел в «фиат», завел его, но не тронулся с места. Обезглавливание потрясло его до глубины души. Убийство на войне – это одно. Осквернение тела – совсем другое. Откуда взялись такие варвары? Какие люди способны на такое?

Он вспоминал все те ужасы, свидетелем которых был после прихода войны в Северную Италию. Маленький Никко с гранатой. Туллио перед расстрельным взводом. Рабы в туннеле. Детские пальчики в щели красного вагона на платформе двадцать один. А теперь головы на кольях вдоль заснеженной дороги.

«Почему я? Почему я должен видеть это?»

Пино чувствовал себя так, словно он и Италия обречены выносить жестокости, которым, казалось, нет конца. Какое новое зверство ожидает его? Кто умрет следующим? И насколько страшной будет эта смерть?

Голова у него кружилась от этих и других темных мыслей. Он был взволнован, испуган, а теперь еще близок к панике. Он все еще сидел неподвижно, но дышал слишком часто, потел, его лихорадило. А сердце работало так, словно он бежал вверх по склону холма. Он понял, что не может вернуться в Милан в таком состоянии. Ему нужно какое-нибудь тихое, уединенное место, где он может выплакаться и где никто не будет глазеть на него. Более того, ему требовался кто-нибудь, кто помог бы ему, с кем он мог бы поговорить...

Пино посмотрел на север и понял, куда поедет и кого хочет увидеть.

Он включил передачу и поехал вдоль северного берега озера Комо, не замечая его красоты; теперь он был одержим одной мыслью – побыстрее добраться до Кьявенны и перевала Шплюген.

Дорога после Камподольчино стала почти непроезжей, и Пино

пришлось надеть цепи на колеса, чтобы добраться до Мадезимо. Он оставил машину у дорожки на Мотту и зашагал вверх по этой утоптанной тропе, на которой лежало двадцать пять сантиметров свежего снега.

Солнце наконец пробилось сквозь тучи. Когда Пино добрался до плато, сильный ветер разгонял остатки туч. Пино хватал ртом морозный воздух и думал не о величии этого места, а только о «Каса Альпина». Убежище только показалось впереди, а Пино уже потерял терпение и бросился бегом, на крыльце принялся звонить, как бьют в набат при пожаре.

Краем глаза Пино увидел четверых вооруженных людей, вышедших из-за угла здания. На них были красные шарфы, в руках – направленные на него винтовки.

Пино поднял руки и сказал:

– Я друг отца Ре.

– Общитесь его, – сказал один из них.

Пино перепугался – в его кармане все еще лежали документы: один – выданный генералом Лейерсом, другой – Муссолини. Партизаны пристрелят его за одно только это.

Но прежде чем они подошли к нему, дверь открылась, и он увидел отца Ре.

– Да? – сказал священник. – Чем могу вам помочь?

Пино снял шапочку.

– Это я, отец Ре. Пино Лелла.

Глаза священника широко раскрылись сначала от недоумения, а потом от радости и удивления. Он обнял Пино и вскричал:

– Мы думали, тебя нет в живых!

– Нет в живых? – переспросил Пино, едва сдерживая слезы. – С чего вы взяли?

Священник отступил, уставился на него, сияя улыбкой, потом сказал:

– Не имеет значения. Важно, что ты жив!

– Да, отец, – сказал он. – Могу я войти? Поговорить с вами?

Отец Ре увидел наблюдающих за ними партизан:

– Я ручаюсь за него, мои друзья. Я знаю его много лет, и в горах нет человека надежнее его.

Пино не видел, произвело ли это на них впечатление, – он пошел за отцом Ре по знакомому коридору, чувствуя аромат свежее испеченного братом Бормио хлеба, а потом услышал стоны и разговоры на пониженных тонах.

Более половины столового зала «Каса Альпина» было превращено в

госпиталь. Человек, в котором Пино узнал доктора из Камподольчино, вместе с медсестрой занимались одним из раненых, которые лежали на кушетках, стоящих у печки.

– Из Девятнадцатой бригады Гарибальди, – сказал отец Ре.

– Не ребята Тито?

– Девятнадцатая выгнала этот сброд из долины несколько месяцев назад. Последнее, что нам стало известно о Тито и его шпане, – они промышляют и мародерствуют на дороге к перевалу Бреннер. Трусы. Те, кого ты здесь видишь, отважные ребята.

– Мы можем где-нибудь поговорить, отец? Я проделал неблизкий путь, чтобы увидеть вас.

– Поговорить? Конечно, – сказал отец Ре и повел его в свою комнату.

Священник показал на маленькую скамейку, Пино сел, ломая руки.

– Я хочу исповедаться, отец, – сказал он.

Отец Ре озабоченно посмотрел на него:

– В чем?

– В моей жизни с того дня, когда я покинул вас, – ответил Пино и рассказал отцу Ре обо всем без прикрас.

2

Он срывался четыре раза, когда рассказывал о генерале Лейерсе, рабах, Карлетто Белтрамини, который проклял Пино, когда умирал его отец, о децимации в тюрьме Сан-Витторе, расстреле Туллио Галимберти, насмешках над ним Миммо, уходе сегодня утром с кладбища под мертвыми взглядами голов на кольях.

– Я не знаю, почему это происходит со мной, – сквозь слезы сказал Пино. – Мне это не по силам, отец. Не по силам.

Отец Ре положил руку ему на плечо:

– Мне тоже кажется, что это не по силам человеку, Пино, но, боюсь, если Господь взваливает это на твои плечи, то считает, что тебе это по силам.

– Что именно? – в недоумении спросил Пино.

– Быть свидетелем того, что ты видел и слышал, – сказал священник. – Туллио не должен умереть напрасно. Убийцы с Пьяццале Лорето должны предстать перед судом. Как и те фашисты, которых ты видел сегодня утром.

– Видеть, как они оскверняют мертвые тела... Не знаю, отец... Это ставит под вопрос мою веру в человечество, в то, что люди в глубине души

добры, что они не дикари, не такие, какими я их вижу.

– Любой, кто видел такое, усомнился бы в человечестве, – сказал священник. – Но большинство людей в глубине души добры. Ты должен верить в это.

– Даже нацисты?

Отец Ре задумался, потом сказал:

– Я не могу понять нацистов. Думаю, что нацисты и сами себя не могут объяснить.

Пино высморкался.

– Наверно, я хочу быть одним из тех, кто лежит сейчас в столовой, отец. Сражаться открыто. Делать что-то, имеющее значение.

– Господь хочет, чтобы ты сражался по-другому и ради большего блага, иначе ты бы не оказался на своем нынешнем месте.

– Шпионить за генералом Лейерсом, – сказал Пино, пожав плечами. – Отец, если не считать знакомства с Анной, то в последний раз я чувствовал себя хорошо здесь, в «Каса Альпина», когда помогал людям пересекать Валь-ди-Леи, когда спасал жизни.

– Послушай, – сказал отец Ре, – я не специалист, но я думаю, что ты спас немало жизней союзников, обеспечивая их информацией, которую добывал, рискуя своей жизнью.

Пино никогда прежде не думал об этом в таком ключе. Утирая слезы, он сказал:

– Генерал Лейерс... как вы думаете, отец, по тому, что я вам рассказал, – он носитель зла?

– Изматывать человека работой до смерти – то же самое, что убивать его из винтовки, – сказал священник. – Просто другой вид оружия.

– Я тоже так думаю, – сказал Пино. – Иногда кажется, что Лейерс такой же, как и все, а через минуту он превращается в чудовище.

– Судя по тому, что ты видел и рассказал мне, я думаю, настанет день и ты посадишь этого монстра в клетку, заставишь его заплатить за все преступления, прежде чем он ответит перед Господом.

Пино почувствовал себя лучше.

– Я бы хотел, чтобы это случилось, – сказал он.

– Тогда так оно и будет. Ты и вправду был в канцелярии кардинала в Милане?

– Один раз, – ответил Пино.

– И на вилле Муссолини в Гарньяно?

– Два раза, – сказал Пино. – Это очень странное место, отец. Мне там очень не нравится.

– Я не хочу об этом знать. Но Расскажи мне побольше об Анне.
– Она забавная, красивая и умная. Она на шесть лет старше меня и уже вдова, но я ее люблю. Она еще не знает, но я хочу жениться на ней, когда война закончится.

Старый священник улыбнулся:

– Тогда обрети заново свою веру в человечество в своей любви к Анне и черпай силы через любовь к Господу. Сейчас темные времена, Пино, но я чувствую, что тучи вот-вот рассеются и солнце снова взойдет над Италией.

– Даже генерал Лейерс говорит, что война окончена.

– Будем молиться, чтобы твой генерал оказался прав, – сказал отец Ре. – Ты останешься на обед? Можешь провести здесь ночь, поговорить с ранеными. И ко мне сегодня придут два сбитых американских пилота, которым нужен проводник к Валь-ди-Леи. Ты сможешь?

«Американцы!» – подумал Пино.

Вот будет здорово. Поход в Валь-ди-Леи будет полезен для его тела, а помощь двум американцам – для души. Но потом он подумал о генерале Лейерсе и о том, что тот может сделать, если узнает о поездках Пино по Северной Италии с трупом на заднем сиденье его автомобиля.

– Отец, я должен вернуться, – сказал Пино. – Я могу понадобиться генералу.

– Или Анне.

Пино улыбнулся, услышав ее имя:

– Или Анне.

– Так оно и должно быть. – Отец Ре усмехнулся. – Пино Лелла. Влюбленный молодой человек.

– Да, отец.

– Береги себя, сын мой. Не разбей ее сердце.

– Нет, отец. Никогда.

Пино оставил «Каса Альпина», чувствуя какое-то очищение. Предвечерний воздух был свеж и холоден. Зубец Гропперы торчал, как вонзившаяся в синее небо колокольня, а альпийское плато Мотта снова казалось Пино подобием самого величественного собора Господа.

Спеша из гаража вскоре после наступления темноты, Пино думал, что он словно прожил три жизни за один день. Войдя в холл своего дома, он увидел там Анну – она шутила с часовыми.

– Ну наконец-то! – сказала она голосом, который явно свидетельствовал о том, что первый стаканчик вина она уже выпила.

Один из часовых сказал что-то, и Анна перевела:

– Он хочет знать, понимаешь ли ты, как тебе повезло в жизни.

Пино ухмыльнулся эсэсовцу.

– Скажи ему, что понимаю. Скажи ему, когда я с тобой, то чувствую себя самым счастливым парнем на земле.

– Ты милый, – сказала она и перевела.

Один из часовых скептически поднял брови, но другой кивнул, возможно вспоминая женщину, которая сделала его самым счастливым парнем на земле.

Документов у Пино они не спросили, и вскоре он и Анна уже поднимались в лифте. Когда они проехали пятый этаж, Пино прижал ее к себе и страстно поцеловал. Они разъединились, когда кабина остановилась.

– Значит, ты скучал по мне? – спросила Анна.

– Жутко скучал, – ответил он и взял ее за руку.

Они вышли на площадку.

– Что случилось? – спросила она, когда он вставил ключ в замок.

– Ничего, – ответил он. – Просто... просто мне нужно снова забыть рядом с тобой про эту войну.

Анна нежно потрепала его по щеке:

– Это похоже на замечательную сказку.

Они вошли в квартиру, заперли дверь и не выходили оттуда почти тридцать часов.

4

Утром в понедельник Пино остановился у квартиры Долли на десять минут раньше назначенного срока, наслаждаясь воспоминаниями о часах, проведенных с Анной, когда время словно остановилось, когда не было войны, остались только наслаждение и головокружительное счастье расцветающей любви, торжествующей и радостной, как ария принца Калафа.

Задняя дверь «фиата» открылась, в машину сел, занеся сначала саквояж, генерал Лейерс в длинном шерстяном гражданском пальто.

– Монца, – сказал Лейерс. – Вокзал.

Пошел снег, и Пино тронулся с места, злясь, что Лейерс снова едет за своим ворованным золотом и собирается везти его в Швейцарию.

Пино уже представлял себе грядущий день. Он проведет его в машине на границе над Лугано, будет мерзнуть долгие часы, пока генерал проворачивает свои тайные делишки. Но, вернувшись из депо, Лейерс приказал Пино ехать не на швейцарскую границу, а на Центральный вокзал Милана.

Они приехали туда около полудня. Лейерс не позволил Пино нести саквояж, он перебрасывал тяжелый груз из одной руки в другую, пока они шли к ветхому поезду из выцветших, прежде красных вагонов для скота, стоящих на платформе двадцать один в этот лютый мороз.

Пино молился о том, чтобы никогда больше не видеть этого поезда, но вот он стоял перед ним, и он шел к нему с ужасом, моля Бога о том, чтобы больше не увидеть детских пальчиков в щели вагона. Но он увидел пальцы с расстояния в тридцать метров, десятки рук людей всех возрастов, молящих о сострадании, а голоса изнутри зывали о помощи. Сквозь щели вагона Пино видел, что большинство людей одеты не теплее, чем в сентябре.

– Мы замерзаем! – донесся голос. – Пожалуйста!

– Моя дочь! – раздался другой голос. – У нее жар. Пожалуйста.

Если генерал Лейерс и слышал эти крики, то проигнорировал их – он направился прямо к полковнику Рауффу, который ждал отправления поезда вместе с десятком эсэсовцев. Пино надвинул фуражку на глаза и замедлил шаг. Два эсэсовца рядом с Рауффом держали на коротких поводках немецких овчарок. На Лейерса они не произвели впечатления, он подошел к Рауффу и что-то спокойно сказал ему.

Секунду спустя полковник гестапо приказал охранникам отойти. Пино стоял возле железного столба и наблюдал за ожесточенным спором между генералом и Рауффом, спор продолжался, пока Лейерс не показал на саквояж.

Рауфф недоуменно посмотрел на генерала, потом на саквояж, потом снова на Лейерса, потом сказал что-то. Лейерс кивнул. Полковник гестапо пролаял приказ эсэсовцам. Двое из них подошли к заднему вагону, отперли двери, откатали их. В пространство для двадцати коров были набиты восемьдесят человек – мужчин, женщин, детей. Они были в ужасе и дрожали от холода.

– Форарбайтер! – сказал генерал Лейерс.

Пино поспешил к Лейерсу, избегая встречаться взглядом с Рауффом.

– Oui, mon général.

– Я слышал, кто-то из них сказал, что у дочери жар.

– Oui, mon général.

– Попросите мать, пусть покажет мне больную девочку.

Пино пребывал в смятении, но обратился к людям в вагоне и перевел слова генерала.

Несколько секунд спустя сквозь толпу протолкалась женщина, помогая бледной, покрытой потом девочке лет девяти.

– Переведите ей, что я спасу ее дочь, – сказал генерал Лейерс.

Пино запнулся на мгновение, потом перевел.

Женщина начала рыдать:

– Спасибо. Спасибо.

– Скажите ей, что я обеспечу девочке медицинскую помощь и она никогда не попадет на платформу двадцать один, – сказал генерал. – Но девочка должна пойти одна.

– Что? – спросил Пино.

– Переведите ей, – сказал Лейерс. – И никаких возражений. Либо она хочет спасти девочку, либо нет. И тогда я найду кого-нибудь более сговорчивого.

Пино не знал, что ему думать, но перевел слова генерала.

Женщина проглотила комок в горле, но ничего не сказала.

Женщины вокруг нее говорили:

– Спасай ее. Не медли!

Наконец мать больной девочки кивнула, и Лейерс сказал эсэсовцам:

– Отведите ее в мою машину и ждите с ней там.

Эсэсовцы замерли в нерешительности, но полковник Рауфф прикрикнул на них. Девочка, хотя и ослабевшая и больная, впала в истерику, когда ее забрали у матери. Ее визг и крики разносились по всему вокзалу. Лейерс приказал остальным выйти из вагона. Он двинулся мимо них, разглядывая каждого по очереди, наконец остановился перед девушкой лет семнадцати.

– Спросите ее, хочет ли она оказаться где-нибудь в безопасном месте.

Пино перевел, и девушка без колебаний кивнула.

Генерал приказал двум другим эсэсовцам отвести ее в машину.

Лейерс пошел дальше, разглядывая людей, и Пино не мог не вспомнить, как он оценивал рабов на стадионе в Комо в первый день, когда Пино начал работать на него. За две-три минуты генерал Лейерс отобрал еще двоих, это были мальчики, подростки. Один мальчик отказался, но мать и отец настояли.

– Возьмите его, – твердо сказал отец. – Если там безопасно, он ваш.

– Нет, папа, – сказал мальчик. – Я хочу...

– Мне все равно, – сказала его мать, обнимая его и плача. – Ступай, с

нами все будет хорошо.

Когда эсэсовцы увели их, Лейерс кивнул Рауффу, который приказал остальным вернуться на место. Ужас переполнял Пино, когда он смотрел, как люди возвращаются в вагон, в особенности мать и отец последнего отобранного мальчика. Они оглянулись через плечо, прежде чем войти, чтобы еще раз увидеть любимое дитя, приносившее им столько радости.

«Вы правильно поступили, – думал Пино. – Это трагедия, но поступили вы правильно».

Он отвел глаза, когда задвигали и запирали дверь вагона.

– Идемте, – сказал Лейерс.

Они прошли мимо полковника Рауффа. Саквояж генерала стоял у ног шефа гестапо.

Когда они подошли к «фиату», отобранная четверка сидела внутри, все тряслись от холода – трое на заднем сиденье, один на переднем. Их охраняли четыре эсэсовца, которые неохотно ушли, когда Лейерс их отпустил.

Генерал открыл заднюю дверь и, улыбаясь, посмотрел на ребят.

– Форарбайтер, скажите им, что я – генерал-майор Лейерс из «Организации Тодта». И пусть они повторят.

– Повторят, *mon général*?

– Да, – раздраженно ответил Лейерс. – Мое имя, звание, Организация Тодта.

Пино сделал, как ему было сказано, и каждый из ребят повторил имя и чин Лейерса, название организации.

– Отлично, – сказал генерал. – А теперь спросите, кто их спас с платформы двадцать один.

Пино этот приказ показался странным, но он перевел, и четверо ребят покорно повторили имя генерала.

– Живите долго и счастливо и благодарите вашего Бога так, будто сегодня Пасха, – сказал Лейерс и закрыл дверь.

Генерал, чье дыхание клубилось на морозном воздухе, посмотрел на Пино:

– Отвезите их в канцелярию кардинала Шустера. Скажите ему, пусть спрячет их или переправит в Швейцарию. Скажите ему, мне жаль, что я не мог привезти ему больше.

– *Oui, mon général*, – сказал Пино.

– Приезжайте за мной на телефонную станцию в шесть часов. У нас много работы, – сказал Лейерс, после чего развернулся и пошел назад на вокзал.

Пино проводил генерала взглядом, пытаясь понять, что сейчас произошло. Почему он?.. Что он?.. Но потом Пино решил, что все это не имеет значения. Важно привезти четверых ребят в канцелярию. Он сел в машину, завел двигатель.

Больная девочка, Сара, плакала и звала мать.

– Куда мы едем? – спросила старшая девочка.

– В самое безопасное место в Милане, – ответил Пино.

5

Он остановил «фиат» во дворе канцелярии и сказал своим пассажирам ждать в машине. Потом поднялся по заснеженной лестнице к двери кардинальской резиденции и постучал.

Дверь открыл незнакомый ему священник. Пино назвалса, сказал, у кого он работает и кто сидит в машине.

– Почему они были в вагоне? – спросил священник.

– Я не спрашивал, но я думаю, они евреи.

– Почему немецкий генерал считает, что кардинал Шустер занимается евреями?

Пино посмотрел на священника, казавшегося неумолимым, и ярость закипела в нем. Пино расправил плечи, вытянулся в полный рост, возвышаясь над плюгавым священником.

– Я не знаю, почему Лейерс так считает, – сказал Пино. – Но я знаю, что кардинал Шустер помогал евреям бежать в Швейцарию в течение последних полутора лет, потому что я сам помогал ему в этом. А теперь, почему бы нам не спросить, что думает об этом кардинал?

Он произнес это таким угрожающим тоном, что священник словно стал еще меньше ростом и сказал:

– Я не могу вам ничего обещать. Кардинал работает в библиотеке. Но я схожу...

– Нет, схожу я, – возразил Пино. – Я знаю куда.

Он прошел мимо священника, потом по коридору к библиотеке, постучал.

– Я просил не беспокоить меня, отец Боннано, – ответил изнутри Шустер.

Пино снял фуражку, открыл дверь и вошел. Поклонившись, сказал:

– Прошу простить, милорд кардинал, но дело неотложное.

Кардинал Шустер недоуменно посмотрел на него:

– Я вас знаю.

– Пино Лелла, милорд кардинал. Я водитель генерала Лейерса. Он снял четверых еврейских ребят с поезда на двадцать первой платформе и приказал мне привезти их сюда и передать вам: он сожалеет, что не мог спасти больше.

Кардинал поджал губы:

– Сейчас?

– Они здесь. В его машине.

Шустер промолчал.

– Ваше высокопреосвященство, – сказал отец Боннано, – я говорил ему, что вы не можете лично заниматься такими...

– Почему нет? – резко спросил Шустер, потом посмотрел на Пино: – Приведите их.

– Спасибо, милорд кардинал, – сказал Пино. – Одна девочка больна, у нее температура.

– Мы вызовем доктора. Отец Боннано займется этим, верно, отец?

Священник неуверенно посмотрел на кардинала и низко поклонился:

– Немедленно, ваше высокопреосвященство.

Пино привел четверых ребят в библиотеку кардинала, а отец Боннано принес им одеяла и горячий чай.

– Мне пора, милорд кардинал.

Шустер посмотрел на Пино, потом отвел его в сторону, чтобы не слышали ребята.

– Не знаю, что и подумать о вашем генерале Лейерсе, – сказал кардинал.

– И я тоже. Он меняется каждый день. Не перестает удивлять.

– Да, – задумчиво сказал Шустер. – Не перестает удивлять.

Глава двадцать пятая

1

Безжалостные, резкие ветра приносили с Альп холодный северный воздух, и Милан засыпало снегом весь январь и начало февраля 1945 года. Генерал Лейерс приказал захватывать основные продукты питания – муку, сахар и масло. В длинных очередях, выстраивавшихся за продуктами, возникали беспорядки. В антисанитарных условиях, вызванных бомбардировками, стали распространяться такие болезни, как тиф и холера. Во многих частях города обстановка была почти эпидемическая. Для Пино Милан превратился в проклятое место, и он понять не мог, за что его жителей так жестоко наказывают.

Жестокость Лейреса и холодная погода породили ненависть по всей Северной Италии. Несмотря на мороз, Пино, когда на нем была нарукавная повязка со свастикой, чувствовал жар ненависти, исходящий от каждого встречного итальянца. Спазмы отвращения. Судороги скрытой злобы. Он видел все эти реакции и не только. Он хотел накричать на них, сказать им, чем занимается на самом деле, но он помалкивал, глотая стыд, и шел дальше.

Генерал Лейерс после спасения четверых еврейских ребят стал непредсказуемым. Несколько дней он мог работать в своем обычном неистовом, бессонном режиме, а потом впадал в депрессию и напивался в квартире Долли.

– Он то ложится, то вскакивает, – сказала Анна как-то в начале февраля, когда они с Пино выходили из кафе в квартале от дома Долли. – Сегодня у него война окончена, а завтра борьба продолжается.

Снег покрыл Виа Данте, мороз кусал их за щеки, но солнце в этот день светило так ярко, что они решили прогуляться.

– Что будет после войны? – спросил Пино, когда они подошли к парку Семпионе. – Я имею в виду – с Долли.

– Когда откроется перевал Бреннер, он увезет ее в Инсбрук, – сказала она. – Долли хочет уехать сейчас, поездом, но он говорит, это небезопасно. Союзники на перевале бомбят поезда. Но я думаю, она нужна ему здесь, как он будет нужен ей там какое-то время.

Пино почувствовал пустоту в желудке.

– И ты поедешь в Инсбрук с Долли?

Анна остановилась у длинной, широкой и глубокой впадины в снегу – здесь проходил древний ров вокруг Кастелло Сфорцеско. Каменная крепость пятнадцатого века пострадала во время бомбардировок 1943 года. Средневековые круглые башни по двум концам стены лежали в руинах. Башня над подъемным мостом имела повреждения, которые на фоне белого снега выглядели как черные, покрытые струпьями раны.

– Анна? – спросил Пино.

– Пока Долли не устроится, – сказала Анна, разглядывая поврежденную башню, словно та хранила какие-то тайны. – Она знает, что я хочу вернуться в Милан. К тебе.

– Ну, тогда хорошо, – сказал Пино и поцеловал руку Анны в перчатке. – В горах слой снега метров пятнадцать. Пока дороги расчистят, пройдет не одна неделя.

Она отвернулась от замка и сказала с надеждой:

– Генерал говорит, что нужен месяц после окончания снегопадов, а может, и больше.

– Дай бог, чтобы больше, – сказал Пино, обнял ее и принялся целовать, пока оба не услышали хлопанье крыльев и не разомкнули объятия.

Из проделанных бомбами проломов в центральной башне крепости вылетали черные вóроны. Три птицы полетели прочь с карканьем, пронзительными криками, а самая крупная стала описывать неторопливые круги над израненным сооружением.

– Мне пора возвращаться, – сказала Анна. – И тебе тоже.

Они пошли по Виа Данте, держась за руки. В одном квартале от дома Долли Пино увидел генерала Лейерса – тот вышел из двери и направился к «фиату».

– Я должен бежать, – сказал Пино, поцеловал Анну и бросился навстречу Лейерсу. Он открыл дверь машины со словами: – Тысяча извинений, mon général.

Генерал ошетинился:

– Где вы были?

– Прогулялся, – сказал Пино. – С горничной. Куда вас везти?

Лейерс смотрел на Пино так, будто готов был его прибить, но тут увидел в окно приближающуюся Анну.

Генерал выдохнул и сказал:

– К кардиналу Шустеру.

Двенадцать минут спустя Пино въехал во двор канцелярии, который сегодня оказался заполнен автомобилями. Пино удалось найти место для парковки, он вышел и открыл генералу дверь.

– Вы можете мне понадобиться, – сказал Лейерс.

– Oui, mon général, – ответил Пино и пошел за генералом по заснеженному двору, потом вверх по лестнице к двери.

Генерал Лейерс постучал, дверь открыл Джованни Барбарески.

Неужели молодому семинаристу удалось бежать еще раз? По Лейерсу невозможно было сказать, узнал ли он поддельвателя документов, которого обошла децимация в тюрьме Сан-Витторе. Но Пино узнал его и пришел в ужас при мысли о том, что семинарист увидит его повязку со свастикой.

– Генерал Лейерс к его высокопреосвященству.

Барбарески отошел в сторону. Пино помедлил, потом прошел мимо семинариста, который внимательно разглядывал его, словно вспоминая. Пино поблагодарил Бога, что этого не случилось в тюрьме Сан-Витторе. Но Барбарески видел там Лейерса. Понял ли он, что генерал пытался остановить децимацию? Они вошли в библиотеку кардинала Шустера. Кардинал Милана стоял за своим столом.

– Спасибо, что приехали, генерал Лейерс, – сказал Шустер. – Вы знаете синьора Долмана?

Пино изо всех сил старался скрыть удивление, глядя на еще одного человека в комнате. Вся Италия знала его. Высокий, изящного сложения, с неестественно длинными пальцами и напористой заученной улыбкой – фотографии Ойгена Долмана часто появлялись в газетах. Долман переводил для фюрера каждый раз, когда тот приезжал в Италию. Или когда Муссолини отправлялся в Германию.

Пино начал переводить для Лейерса на французский, но Долман остановил его.

– Я могу переводить, кто бы вы ни были, – сказал Долман, взмахнув рукой.

Пино кивнул и попятился к двери, не зная, уходить ему, или оставаться. То, что он не вышел, заметил, кажется, один Барбарески. Долман встал, протянул руку и заговорил с Лейерсом по-немецки. Генерал улыбнулся, кивнул и ответил.

Обращаясь к кардиналу Шустеру, Долман сказал по-итальянски:

– Его устроит мой перевод. Попросить водителя выйти?

Кардинал мимо Лейерса и Барбарески посмотрел на Пино.

– Пусть останется, – ответил Шустер и взглянул на Лейерса. – Генерал, до меня дошел слух, что в случае отступления Гитлер собирается оставить здесь выжженную землю и разрушить немногие еще сохранившиеся сокровища Милана.

Доллман перевел, Лейерс выслушал, потом быстро заговорил по-немецки. Переводчик переводил на итальянский:

– Генерал тоже слышал об этом, и он хочет довести до сведения кардинала, что не согласен с такой политикой. Он инженер, он любит прекрасную архитектуру и искусство. Он возражает против дальнейших разрушений, в которых нет никакой нужды.

– А новый фельдмаршал Фитингоф? – спросил кардинал.

– Я думаю, нового фельдмаршала можно убедить повести себя правильно.

– И вы готовы его убедить?

– Я готов попробовать, ваше высокопреосвященство, – сказал Лейерс.

– Тогда я благословляю вас на это, – сказал кардинал Шустер. – Вы будете меня информировать?

– Буду, ваше высокопреосвященство. Должен также предостеречь вас, кардинал: не делайте резких публичных заявлений. Есть немало влиятельных людей, которые ищут повод поместить вас в тюрьму, а то и совершить что-нибудь похуже.

– Они не осмелятся, – сказал Доллман.

– Не будьте наивным. Или вы не слышали про Аушвиц?

Лицо кардинала побледнело.

– Это кощунство перед Господом.

«Аушвиц? – подумал Пино. – Трудовой лагерь, куда отправлялись красные вагоны для скота?»

Он вспомнил детские пальчики в щели вагона. Что случилось с этим ребенком? Со всеми остальными? Наверняка умерли...

– До встречи, ваше высокопреосвященство, – сказал Лейерс и, щелкнув каблуками, развернулся.

– Генерал? – окликнул его кардинал.

– Ваше высокопреосвященство?

– Берегите вашего водителя, – сказал Шустер.

Лейерс пристально посмотрел на Пино, но потом, словно вспомнив что-то, смягчился и сказал:

– А как иначе? Он напоминает мне моего погибшего племянника.

«Аушвиц».

Это слово, это место, трудовой лагерь «ОТ» не выходили у Пино из головы, пока он вез генерала Лейерса в следующий пункт назначения – на завод «Фиат» в Турине. Он хотел спросить Лейерса, в чем заключалось кощунство, но побоялся, спасовал перед его возможной реакцией.

Пино размышлял над этим и тогда, когда они встретились с Калабрезе, директором «Фиата», который отнюдь не был на седьмом небе от счастья при виде Лейерса.

– Я ничего не могу сделать, – сказал Калабрезе. – Число случаев саботажа резко увеличилось. Мы больше не можем запускать конвейер.

Пино думал, что Лейерс взорвется, но тот сказал:

– Я ценю вашу честность и хочу, чтобы вы знали: я работаю над тем, чтобы защитить «Фиат».

– Защитить от чего? – неуверенно спросил Калабрезе.

– От полного разрушения, – сказал генерал. – Фюрер приказал в случае отступления оставлять выжженную землю. Но я принимаю меры, чтобы становой хребет вашего предприятия и вашей экономики сохранился. «Фиат» останется, что бы ни случилось.

Директор задумался, потом сказал:

– Я сообщу моему начальству. Спасибо, генерал Лейерс.

– Он оказывает им услуги, – сказал Пино позднее тем же вечером, сидя со своими дядюшкой и тетушкой на кухне. – Это его жизненный принцип.

– По крайней мере, он помогает кардиналу Шустеру защитить Милан, – сказал дядя Альберт.

– После того как ограбил все окрестности, – горячо сказал Пино. – После того как уморил людей работой. Я видел, что он сделал.

– Мы знаем, что ты видел, – сказала тетя Грета, казавшаяся озабоченной. Да и дядя тоже выглядел обеспокоенным.

– Что случилось? – спросил Пино.

– Сегодня утром на коротких волнах передавали тревожные известия, – сказал дядя Альберт. – О концентрационном лагере в Польше. Как-то он называется – Ауш... не помню.

– Аушвиц, – сказал Пино, чувствуя, как тошнота подступает к горлу. – И что?

Дядя Альберт сказал, что, когда русские вошли в Аушвиц 27 января, часть лагеря оказалась взорвана, а все документы сожжены. Эсэсовцы, которые орудовали в лагере, сбежали, взяв с собой в качестве рабов пятьдесят восемь тысяч евреев.

– Семь тысяч евреев остались, – сказал дядя Альберт дрожащим голосом.

Тетя Грета удрученно покачала головой:

– Они были похожи на живые скелеты, потому что нацисты пытались уморить их работой.

– Я же вам говорил! – воскликнул Пино. – Я видел, как они это делают!

– Там все хуже, чем ты говорил, – сказал дядя Альберт. – Выжившие рассказывают, что в зданиях, которые немцы взорвали перед уходом, евреев убивали газом, а тела сжигали в крематории.

– Они говорят, что дым заволакивал небо над лагерем в течение нескольких лет, – сказала его тетушка, отирая слезы. – Там были убиты сотни тысяч людей.

Пальчики, маленькие пальчики, которые постоянно возникали перед мысленным взором Пино, и мать больной девочки, и отец, который хотел спасти сына. Их отправили в Аушвиц всего несколько недель назад. Неужели они мертвы? Отравлены и сожжены? Или они среди рабов, которых увозят в Берлин?

Он тогда возненавидел немцев, всех до последнего, а в особенности Лейерса.

Генерал сказал, что Аушвиц – это трудовой лагерь «Организации Тодта». Они участвуют в строительстве, сказал Лейерс. В строительстве чего? Газовых камер? Крематориев?

Стыд и отвращение переполняли Пино, когда он думал о своей форме «ОТ», такую же форму носили люди, строившие газовые камеры, в которых убивали евреев, и крематории, в которых они сжигали тела – свидетельство своих преступлений. В представлении Пино, строители этих лагерей были не менее виновны, чем те, кто заправлял в них. А Лейерс не мог не знать об этом. Ведь он же был приближенным Гитлера.

Пино и генерал Лейерс добрались до деревни Остерия-Ка'Ида 20 февраля 1945 года после нескольких часов езды. Последние двадцать минут они буксовали в ледяной грязи на крутом подъеме к какому-то сооружению, обращенному фасадом к средневековой крепости Монте-Кастелло в трех километрах.

Пино три раза приезжал сюда предыдущей осенью, так что Лейерс мог изучить замок издали, чтобы лучше понять, как его укрепить. Монте-Кастелло возвышался на восемьсот метров над дорогой, которая вела на север к Болонье и Милану. Контроль над дорогой был ключом для удержания Готской линии.

За последний месяц замок совместно с оборонительными сооружениями, построенными в городках Бельведер и Делла-Торрачча, четыре раза отражал атаки союзников. Но сегодня, бледным морозным утром, Монте-Кастелло находился в осаде.

Пино пришлось закрывать уши – так громко был свист пролетающих снарядов и грохот взрывов вокруг замка, похожих на удары кувалдой в грудь. Каждый выстрел поднимал фонтан земли, окутанный огненной вспышкой, а затем появлялось облако маслянистого дыма, которое поднималось, клубилось, чернило свинцовое небо.

Пино дрожал и поглядывал на Лейерса, закутанного в длинное шерстяное пальто, генерал через полевой бинокль обозревал поле боя, потом он повернулся на юго-восток к линии хребтов и вершин. Пино невооруженным глазом видел километрах в пяти армию, наступающую через серо-белые и бурые зимние холмы.

– Десятая американская горнострелковая дивизия сражается за Делла-Торрачча, – сказал генерал Лейерс, протягивая Пино бинокль. – Очень хорошо подготовленные, очень закаленные солдаты.

Пино посмотрел в бинокль, увидел сцены сражения, но тут Лейерс сказал:

– Бинокль.

Пино быстро вернул бинокль генералу, который направил его на юго-восток за Монте-Кастелло. Лейерс выругался, потом язвительно рассмеялся.

– Вот, – сказал он, передавая бинокль Пино. – Посмотрите, как подымают черномазые.

Пино после некоторых колебаний взял бинокль и увидел солдат Бразильского экспедиционного корпуса, они атаковали, выйдя на открытое пространство у подножия северо-западного склона горы. Первая линия атакующих находилась в сорока метрах от склона, когда один из них

наступил на мину и, разорванный на части, взлетел в воздух вместе с комьями земли, окутанный дымом, истекающий кровью. Потом на мину наступил еще один солдат, потом третий, а потом наверху застрекотали немецкие пулеметы, кроша бразильскую пехоту.

Но артиллерия союзников не переставала обстреливать крепость. Часам к десяти в стенах по обе стороны замка появились проломы, и бразильцы продолжили наступление, они накатывались волна за волной и наконец пересекли минное поле, добрались до основания Монте-Кастелло и начали смертельно опасный подъем, который продолжался несколько часов.

Генерал Лейерс и Пино все это время стояли и смотрели, как Десятая горнострелковая дивизия захватывает Делла-Торрачча, а около пяти часов после рукопашной схватки на вершину Монте-Кастелло поднялись бразильцы. Когда артобстрел союзников прекратился, весь склон горы был изрыт воронками взрывов. Замок лежал в дымящихся руинах. Немецкие войска отошли.

– Здесь они меня победили. А через несколько дней они возьмут и Болонью. Везите меня в Милан, – сказал генерал Лейерс.

За весь обратный путь генерал не проронил ни слова, сидел, опустив голову, делал пометки на документах из своего саквояжа, пока они не остановились у дома Долли.

Пино понес саквояж, следуя за Лейерсом мимо старухи в холле, они поднялись по лестнице. Генерал постучал, и Пино с удивлением увидел, что дверь открыла Долли, облаченная в черное обтягивающее платье.

Глаза у нее слезились, словно она была пьяна. Сигарета чадила в ее руке, когда она, пошатываясь на высоких каблуках, сказала:

– Замечательно, генерал, что вы пришли домой. – Она посмотрела на Пино. – К сожалению, Анна чувствует себя неважно. Что-то вроде расстройства желудка. Лучше держаться от нее подальше.

– Тогда нам всем лучше держаться от нее подальше, – сказал генерал Лейерс, пятясь. – Я не могу позволить себе заболеть. Не сейчас. Я посплю где-нибудь в другом месте.

– Нет, – сказала Долли. – Ты мне нужен здесь.

– Не сегодня, – холодно сказал Лейерс, развернулся и оставил Долли, которая что-то сердито закричала ему вслед.

Пино высадил генерала в немецком штабе, получив приказ явиться в семь ноль-ноль.

Пино оставил машину в гараже и потащился домой, а перед его мысленным взором мелькали сцены бойни и разрушения, которые он видел днем. Сколько человек погибло, пока он стоял на безопасном месте и наблюдал? Сотни?

Ему не давала покоя эта невероятная жестокость. Он ненавидел войну. Ненавидел немцев, развязавших ее. Ради чего? Чтобы поставить свой сапог на голову другого человек и грабить его до нитки, пока не придет кто-то, у кого сапог побольше, и не вышвырнет тебя? Как это понимал Пино, цель войны – убийство и грабеж. Одна армия убивала, чтобы завоевать какую-нибудь гору, потом убивала другая, чтобы ее отвоевать.

Пино знал, что должен чувствовать себя счастливым, видя поражение и отступление немцев, но сейчас, кроме пустоты и одиночества, не испытывал ничего. Ему отчаянно хотелось увидеть Анну. Но это было невозможно, и оттого у него возникло желание расплакаться. Он подавил в себе эмоции, заставил мозг отгородиться от воспоминаний о сражении.

Это действовало, пока он показывал охране в своем доме документы, пока ехал в лифте мимо часовых на пятом этаже, пока открывал дверь. Входя в квартиру, он думал, что теперь, в одиночестве, сможет упасть на пол и дать волю чувствам.

Но там уже была тетушка Грета, его отец обнимал ее, успокаивал. Она увидела Пино и разрыдалась.

У Микеле тряслась нижняя губа, когда он сказал:

– Люди полковника Рауффа сегодня пришли в мастерскую. Они обыскали квартиру и мастерскую и арестовали твоего дядю. Его отвезли в отель «Реджина».

– В чем его обвиняют? – спросил Пино, закрывая дверь.

– Его обвиняют в участии в Сопротивлении, – плача сказала тетя Грета. – В шпионаже. А ты знаешь, что гестапо делает со шпионами.

У Микеле челюсть задрожала и слезы покатались по щекам.

– Ты слышишь ее, Пино? Слышишь, что они сделают с дядей Альбертом? Что они сделают с тобой, если он не выдержит и расскажет им о тебе?

– Дядя Альберт не скажет им ни слова.

– А если скажет? – спросил Микеле. – Ведь тогда они придут за тобой.

– Папа...

– Пино, я хочу, чтобы ты бежал. Уведи машину своего генерала, езжай

к швейцарской границе, в форме и с твоим паспортом. Я дам тебе достаточно денег. Ты можешь дожидаться конца войны в Лугано.

– Нет, папа, я этого не сделаю, – сказал Пино.

– Ты сделаешь то, что я тебе скажу!

– Мне восемнадцать! – прокричал Пино. – Я могу делать то, что считаю нужным.

Он сказал это с таким напором и решимостью, что его отец сник, и Пино стало неловко, что он накричал на него. Он не контролировал себя, когда у него вырвались эти слова.

Пино трясло, и он, пытаясь успокоиться, сказал:

– Извини, папа, но я и без того уже пересидел немалую часть войны. Я не стану убегать, пока работает рация и продолжается война. Я буду рядом с генералом Лейерсом. Извини, но это мой долг.

7

Десять дней спустя, 2 марта 1945 года, Пино стоял возле «фиата» генерала Лейерса, разглядывая виллу в холмах к востоку от озера Гарда и пытаясь понять, что происходит внутри.

У виллы стояли семь других машин. На двух водителях была форма СС, на одном – вермахта. На остальных – гражданская одежда. Пино по приказу Лейерса тоже не надел форму. По большей части Пино не обращал внимания на других водителей, он со все большим вниманием наблюдал за домом, потому что узнал двух немецких генералов, которые двадцатью минутами ранее последовали внутрь за генералом Лейерсом.

Это были генерал Вольф, глава войск СС в Италии, и фельдмаршал Генрих фон Фитингоф, командующий немецкими вооруженными силами в Италии.

«Почему здесь Фитингоф? И Вольф? Что у них на уме?»

Эти вопросы не давали Пино покоя, наконец он не выдержал, вышел из машины и направился к живой изгороди из декоративных кедров на краю парка. Он остановился и помочился – на тот случай, если на него кто-нибудь смотрит, потом двинулся вглубь парка и исчез из виду.

Используя заросли как укрытие, Пино подошел к северной стене виллы, а там, пригнувшись, двинулся вдоль стены, замедляя шаг у окон, прислушиваясь, потом поднимая голову, чтобы заглянуть внутрь.

Подойдя к третьему окну, он услышал крик. Один из голосов разразился тирадой: «Was du redest ist Verrat! Ich werde an einer solchen

Dickussion nicht teilneement!»^[28]

Пино разобрал лишь отдельные слова. Но он слышал, как хлопнула дверь. Кто-то покинул комнату. Генерал Лейерс?

Пино пробежал назад вдоль стены к живой изгороди из кедров, глядя сквозь просветы. Он увидел фельдмаршала Фитингофа – тот в ярости вышел из дверей и устремился к своей машине. Его водитель выскочил из машины, открыл заднюю дверь, и вскоре они уехали.

Пино замер в нерешительности. Вернуться ли ему к окну и попытаться услышать что-то еще? Или вернуться к машине и не испытывать судьбу?

В дверях появился Лейерс и принял решение за него. Пино выскочил из зарослей и потрусил к машине, пытаясь запомнить слова Фитингофа, перед тем как тот хлопнул дверью.

«Was du redest ist Verrat!»

Он повторял про себя эту фразу, открывая дверь генералу Лейерсу, который, судя по его виду, был готов весь мир испепелить взглядом. Пино сел за баранку, ощущая ярость, волнами распространяющуюся от генерала.

– Mon général?

– В Гарньяно, – сказал Лейерс. – В сумасшедший дом.

8

Пино проехал ворота виллы Муссолини над озером Гарда, опасаясь того, что они могут там увидеть. Когда генерал Лейерс назвал свое имя у дверей покоев дуче, один из его адъютантов сказал, что сейчас неудобное время.

– Конечно неудобное, – отрезал Лейерс. – Поэтому-то мы и здесь. Проводите меня к нему, или я вас пристрелю.

Адъютант в раздражении проговорил:

– Чьей властью?

– Адольфа Гитлера. Я здесь по прямому приказу фюрера.

Адъютант, продолжая пребывать в ярости, кивнул:

– Хорошо, если вы пойдете за мной.

Он повел их в библиотеку, чуть приоткрыл дверь. Несмотря на приближение вечера, в библиотеке Муссолини не были включены лампы, свет проникал только через большие окна. Слабый луч по диагонали рассекал комнату, в которой повсюду были разбросаны книги, бумаги и битое стекло, мебель была перевернута, ее содержимое валялось на полу. Дуче, устроивший этот жуткий кавардак, сидел теперь, уперев локти в

письменный стол и положив квадратную челюсть на ладони. Его глаза были опущены, дуче, словно пронзая взглядом столешницу, смотрел на руины своей жизни. Кларетта Петаччи сидела в мягком кресле перед Муссолини, дымок неторопливо поднимался над сигаретой в ее руке, а другая рука прижимала к груди пустой бокал. Пино подумал, что они, вероятно, сидят так, не двигаясь, уже несколько часов.

– Дуче, – сказал генерал Лейерс, входя в разгромленную комнату.

Если Муссолини и слышал его, то никак не прореагировал, он продолжал сидеть, тупо уставившись в столешницу, пока Лейерс и Пино приближались к нему. Но любовница диктатора услышала их и оглянувшись через плечо с легкой улыбкой облегчения.

– Генерал Лейерс, – заплетающимся языком проговорила Петаччи. – У бедного Бено был трудный день. Надеюсь, вы не собираетесь еще больше расстроить его.

– Нам с дуче нужно откровенно поговорить, – сказал генерал.

– О чем? – спросил Муссолини, не поднимая головы.

Пино, который теперь подошел совсем близко, увидел, что марионеточный диктатор смотрит на карту Италии.

– Дуче? – начал опять Лейерс.

Муссолини поднял голову, сумасшедшим взглядом посмотрел на генерала и сказал:

– Мы завоевали Эфиопию, Лейерс. А теперь эти свиньи-союзники привезли негров на север, в землю Тосканы. Мало того, негры заправляют на улицах Болоньи и Рима! Мне в тысячу раз лучше умереть, чем жить. Вы так не считаете?

Лейерс выслушал перевод Пино и сказал:

– Дуче, я вам не советчик в таких делах.

Глаза Муссолини обшаривали комнату, будто в поисках чего-то давно потерянного, а потом посветлели, словно очарованные каким-то новым блестящим предметом.

– Это правда? – спросил марионеточный диктатор. – Неужели у дорогого Гитлера есть секретное супероружие в рукаве? Ракета, бомба, каких не было раньше? Я слышал, что фюрер выжидает, хочет использовать свое супероружие, когда враги подойдут поближе, и тогда он сотрет их с лица земли серией сокрушительных ударов.

Лейерс задумался на секунду, потом произнес:

– Да, слухи о секретном оружии ходят, дуче.

– Так-так! – сказал Муссолини, вскакивая на ноги. Уставив палец в потолок, он продолжил: – Я так и знал. Разве я тебе это не говорил, Клара?

– Говорил, Бено, – ответила ему любовница.

Она налила себе еще вина в бокал.

Если секунду назад Муссолини пребывал в депрессии, то теперь его настроение улучшилось. Он в возбужденном, чуть ли не в радостном состоянии обошел стол.

– Это что-то вроде ракеты «Фау-два»? – спросил он. – Но гораздо мощнее, ведь она способна уничтожить целый город. Только ваша немецкая инженерная мысль способна создать такую гениальную вещь, я преклоняюсь.

Лейерс молчал несколько секунд, потом кивнул:

– Спасибо, дуче, я в полной мере оценил ваш комплимент, но меня прислали узнать, каковы ваши планы в том случае, если ситуация будет развиваться по худшему сценарию.

Этот вопрос, казалось, смутил Муссолини.

– Но есть мощная ракета. Как ситуация в дальней перспективе может ухудшиться, если у нас есть такая ракета?

– Я верю в планирование на случай всяких непредвиденных обстоятельств, – сказал Лейерс.

– Вот как, – сказал диктатор, и его взгляд, казалось, поплыл.

– Вальтеллина, Бено, – сказала Кларетта Петацци.

– Да, – сказал Муссолини, снова собравшись. – Если нас вынудят, у меня есть двадцать тысяч солдат, которые последуют за мной в долину Вальтеллина к северу отсюда, на самой границе со Швейцарией. Они будут защищать меня и моих соратников-фашистов, пока герр Гитлер своими ракетами не уничтожит наших врагов.

Муссолини усмехнулся, отвел взгляд и погрузился в счастливые мысли об этом чудесном дне.

Генерал Лейерс несколько секунд молчал, и Пино искоса посмотрел на него. В самом ли деле у Гитлера есть такое супероружие? Воспользуется ли он им против союзников, если они приблизятся к Берлину? Если Лейерс и знал что-то, то ничем не выдал этого.

Генерал щелкнул каблуками и поклонился:

– Спасибо, дуче. Это все, что мы хотели знать.

– Вы нас предупредите, Лейерс? – спросил Муссолини. – О том дне, когда Гитлер будет готов использовать свою ракету.

– Я уверен, вы первым узнаете об этом, – сказал Лейерс, поворачиваясь.

Он остановился перед любовницей диктатора.

– И вы тоже собираетесь в Вальтеллину?

Кларетта Петацци улыбнулась, словно давно уже смирилась со своей судьбой:

– Я любила моего Бено в хорошие времена, генерал. Я буду любить его еще сильнее, когда времена станут совсем плохи.

Позднее в тот же день, прежде чем рассказать об этой поездке к Муссолини, Пино повторил те несколько слов, что слышал под окном виллы в холмах близ озера Гарда.

«Was du redest ist Verrat!»

Тетя Грета выпрямилась на диване. Она жила в их квартире после ареста дяди Альберта и каждый день помогала Баке, когда у него были сеансы радиосвязи.

– Ты уверен, что эти слова произнес Фитингоф?

– Нет, не уверен, но голос был сердитый, и сразу после этого я видел, как фельдмаршал, очень злой, вышел из дверей виллы. Что это значит?

– Was du redest ist Verrat! – сказала она. – «То, что ты предлагаешь, – это измена».

– Измена? – переспросил Пино.

Его отец подался вперед:

– Что-то вроде заговора против Гитлера?

– Не исключено, если они говорили Фитингофу именно так, – сказала тетя Грета. – И там был Вольф? И Лейерс?

– И другие. Но их я не видел. Они приехали до нас и уехали после.

– Они предвидят неизбежное, – сказал Микеле, – и хотят устроить заговор, чтобы выжить.

– Союзники должны знать об этом, – сказал Пино. – И о Муссолини, и о супероружии, которое, как он говорил, есть у Гитлера.

– А что думает о супероружии Лейерс? – спросила тетя Грета.

– Не могу сказать. У него бóльшую часть времени совершенно непроницаемое лицо. Но он бы знал. Он сам мне говорил, что его работа на Гитлера началась с создания пушек.

– Бака придет утром, – сказал отец. – Запиши, что ты хочешь передать в Лондон. Он отправит это вместе с другими сведениями.

Пино взял бумагу и ручку и набросал свой отчет. Тетя Грета записала слова об измене, которые он услышал.

Наконец Пино зевнул, посмотрел на часы. Почти девять.

– Я должен явиться к генералу. Получить задание на завтра.
– Ты вернешься сегодня?
– Не думаю, папа.
– Будь осторожен, – сказал Микеле. – Ты бы не услышал разговоров этих генералов об измене, если бы война не подходила к завершению.
Пино кивнул, взял свою шинель и сказал:
– Я не спросил о дяде Альберте. Вы ведь видели его сегодня утром в тюрьме? Как он?
– Он похудел, что неплохо, – сказала тетя Грета, слабо улыбаясь. – И они его не сломали, хотя и пытались. Он знаком со многими заключенными, и это ему на пользу. Они защищают друг друга.
– Надолго он там не задержится, – сказал Пино.
И в самом деле, пока Пино шел до квартиры Долли, у него возникло твердое убеждение, что время между сегодняшним вечером и концом войны все сжимается и сжимается, а время после войны кажется бесконечным и наполненным Анной.
Мысль о бесконечном будущем с ней подняла Пино к дверям Долли. К его облегчению, открыла ему Анна, она выздоровела и теперь улыбалась, радуясь встрече с ним.
– Генерал и Долли ушли, – сказала Анна, впуская его.
Она закрыла дверь и оказалась в его объятиях.

10

Позднее, в постели Анны, их влажные от пота тела пели на языке любви.
– Я скучала по тебе, – сказала Анна.
– Я только о тебе и думаю, – сказал Пино. – Ведь это плохо, что я думаю о тебе, вместо того чтобы следить за генералом Лейерсом или пытаться запомнить, где мы были и что я видел?
– Я думаю, это совсем не так уж плохо, – сказала Анна. – А очень даже мило.
– Нет, я серьезно. Когда тебя нет рядом, словно музыка смолкает.
Анна посмотрела на него:
– Ты необыкновенный, Пино Лелла.
– Да нет же.
– Необыкновенный, – повторила она, проводя пальцами по его груди. – Ты отважный. Забавный. Ты прелестный.

Пино смущенно рассмеялся:

– Прелестный – это скорее о женщине.

– Ты красивый, – сказала Анна, лаская его щеку. – Но ты так полон любви ко мне, ты просто излучаешь любовь, и поэтому я чувствую прелестной себя, и это распространяется и на тебя.

– Значит, мы оба прелестны, – сказал он, крепче прижимая ее к себе.

Пино рассказал Анне о своем ощущении, о том, что когда-нибудь время между сегодняшним вечером и концом войны будет казаться очень коротким, а время после войны протянется к невидимому горизонту.

– Мы будем делать то, что захотим, – сказал Пино. – Жизнь бесконечна.

– Мы можем искать счастья, жить страстно?

– Ты и вправду этого хочешь? Искать счастья и жить страстно?

– А ты можешь представить себе что-то другое?

– Нет, – сказал он, целуя Анну и проникаясь еще большей нежностью. – Пожалуй, не могу.

Глава двадцать шестая

1

Следующие две недели генерал Лейерс и Пино почти постоянно находились в дороге. Лейерс два раза побывал в Швейцарии, посетив предварительно депо в Комо, а не в Монце, и Пино решил, что генерал перевел вагон с золотом туда. Помимо этих поездок в Лугано, Лейерс немало времени проводил, инспектируя состояние дорог и железнодорожных путей, идущих на север.

Пино не понимал, зачем это делается, но спросить не имел права. Однако, когда 15 марта они ехали по дороге, ведущей к перевалу Бреннер, намерения генерала стали ему ясны. Железнодорожные пути через перевал в Австрию постоянно бомбили. Коммуникации нарушались, и серые рабы ремонтировали их чуть не каждый день.

Дорога через перевал Бреннер была завалена снегом, заносы доходили до самой долины внизу. Чем выше Пино и генерал поднимались, тем выше становились заносы с обеих сторон, и в конечном счете начинало казаться, что они едут по пугающе-белому туннелю без крыши. Они подъехали к повороту, откуда открывался вид на громадный бассейн Бреннер.

– Стойте, – сказал Лейерс и вышел из машины с биноклем.

Пино не нужен был бинокль, он и так видел дорогу впереди и армию серых людей, работающих как единый поработоченный организм, разгребающих снег, который блокировал путь к перевалу и дальше в Австрию.

«Они далеко от границы», – подумал Пино и посмотрел выше. Здесь снежный покров достигал толщины десяти – двенадцати метров. Темные пятна наверху в направлении австрийской границы были, вероятно, местами схода лавин. Под этими пятнами толщина заноса на дороге доходила до пятнадцати метров.

Лейерс, вероятно, сделал такой же вывод. Когда они проехали туда, где эсэсовцы надзирали за работой серых людей, генерал вышел из машины и набросился на старшего офицера, судя по знакам различия – майора. Они несколько секунд переругивались, и Пино уже стало казаться, что сейчас они пустят в ход кулаки.

Генерал Лейерс, вернувшись к машине, все еще кипел от ярости.

– При такой скорости работ мы никогда не выберемся из этой чертовой Италии, – сказал он. – Мне нужны грузовики, рыхлители и бульдозеры. Настоящие машины. Иначе все это коту под хвост.

– Mon général? – сказал Пино.

– Молчите и садитесь за руль, форарбайтер!

Пино знал, что лучше не трогать генерала, когда он пребывает в таком состоянии, а потому закрыл рот, думая о том, что сейчас сказал Лейерс. И тут он понял, чем они занимались все последнее время.

Генералу Лейерсу поручили обеспечить маршрут отступления войск. Немцам требовался путь для отхода. Железные дороги были взорваны, а потому перевал Бреннер оставался единственным надежным путем к отступлению. Остальные вели в Швейцарию, но швейцарцы несколько дней назад отказались пропускать немецкие поезда или конвои через свою границу.

«Так что в настоящий момент, – с радостью подумал Пино, – нацисты оказались в ловушке».

2

Тем вечером Пино написал послание для Баки – сообщал об огромной снежной преграде между Италией и Австрией. Он советовал партизанам и союзникам предпринять бомбежку склонов, чтобы вызвать новые сходы лавин.

Пять дней спусти они с Лейерсом вернулись на перевал. Пино в глубине души порадовался, когда генерал пришел в неистовство, узнав, что союзники бомбежками вызвали новые лавины, которые полностью завалили перевал снегом.

С каждым часом Лейерс становился все более эксцентричным, то он был разговорчив, то погружался в молчание. В конце марта генерал шесть дней провел в Швейцарии, и Пино, который понять не мог, почему генерал не отвезет Долли в Лугано или даже в Женеву, имел возможность без ограничений встречаться с Анной.

Но надолго на мыслях о генерале и его делах он не задерживался. Пино был влюблен, и любовь, как это нередко случается, исказила его восприятие времени. Каждое мгновение с Анной казалось захватывающим и коротким, а когда они расставались, он испытывал бесконечное томление.

Закончился март 1945 года, начался апрель, и словно кто-то переключил рукоять какого-то космического рубильника. Холодная

снежная погода, терзавшая Северную Италию и замедлявшая продвижение союзников, сменилась более теплой, снега начали таять. Пино чуть не каждый день возил генерала Лейерса на перевал Бреннер. На дороге теперь работали рыхлители, а самосвалы увозили снег и камни, сошедшие с лавинами. Солнце грело серых людей, работавших рядом с механическими лопатами, их ослепляла яркая белизна снега. Их спины и руки напрягались под тяжестью талого снега и льда, их воля была сломлена годами рабства.

Пино хотелось утешить их, сказать, чтобы они не отчаивались, что война почти закончилась. Теперь уже остались недели, даже не месяцы. Продержитесь. Выживите.

3

8 апреля 1945 года, уже после наступления темноты, Пино и генерал Лейерс добрались до деревни Молинелла к северо-востоку от Болоньи.

Лейерс взял спальный мешок на лагерной стоянке вермахта, а Пино спал урывками на переднем сиденье «фиата». К рассвету они уже поднялись повыше, по дороге к западу от деревни Арджента, откуда открывался вид на затопленную долину по обе стороны от реки Сенио, которая впадала в озеро Комаккьо. Озеро не позволяло союзникам обойти укрепления Лейерса на северном берегу реки.

Танковые ловушки. Минные поля. Окопы. Огневые точки. Даже с расстояния в несколько километров Пино отчетливо видел их. За ними, по другую сторону реки, на территории союзников, не было заметно никакого движения, один лишь странного вида грузовик ехал то ли в сторону Римини и Адриатического моря, то ли в противоположном направлении.

В течение многих часов с этого холма в тот день не доносилось никаких звуков, кроме щебета весенних птиц и стрекота насекомых, а теплый ветерок приносил запах вспаханных полей. И Пино вдруг понял, что земля не знает войны, природе безразлично, какие жестокости творят друг с другом люди. Ее не волновали ни люди, ни их потребность убивать и завоевывать.

После прохладного рассвета потеплело. Около полудня до Пино донеслись отдаленные глухие удары, взрывы с акватории близ Римини, а вскоре он увидел поднимающийся далеко в море дым. Он не мог понять, что произошло.

Генерал Лейерс словно услышал его.

– Они бомбят наши корабли, – сказал он как ни в чем не бывало. – Они

пытаются нас задушить. Но здесь они попытаются свести счеты лично со мной.

Проходили часы, и вскоре стало жарко, как летом, хотя и не так сухо. Пекла не было, вся влага, выпавшая за зиму, теперь поднималась от земли, сгущая и утяжеляя воздух. Пино сидел в тени машины, а Лейерс нес свою вахту.

– Что вы будете делать после войны, фюрарбайтер? – спросил вдруг Лейерс.

– *Moï, mon général?* – сказал Пино. – Не знаю. Может быть, вернусь в школу. Может быть, стану работать у моих родителей. А вы?

Генерал Лейерс опустил бинокль:

– Так далеко я еще не вижу.

– А Долли?

Лейерс наклонил голову, словно прикидывая, устроить ли Пино взбучку за дерзость, но в конце концов сказал:

– Когда откроется Бреннер, я о ней позабочусь.

С юга раздался тяжелый воющий звук. Лейерс запрокинул голову и уставился в небо.

– Начинается, – сказал он.

Пино вскочил на ноги, приставил к глазам ладонь, сложенную козырьком, и увидел тяжелые бомбардировщики, летящие с юга, – двадцать в ширину и десять в глубину. Двести военных самолетов летели справа от них и наконец приблизились настолько, что Пино испугался, как бы они не сбросили свой груз прямо им на головы.

Но самолеты, пролетев еще милю, построились в боевой порядок, и у каждого на брюхе раскрылся бомбовый люк. Ведущее звено бомбардировщиков резко снизилось, спикировало на Готскую линию и германскую территорию. Они сбросили бомбы, которые с воем полетели вниз, словно рыбы, ныряющие с неба.

Первая упала далеко за линией немецкой обороны и взорвалась, взлетели комья земли, появилась светящаяся радуга и пламя. Еще несколько бомб взорвались за Готскими укреплениями, оставив воронки с обугленной землей и медно-красные пожары, будто вышивая ковер насилия и разрушения, распростершийся до устья реки и самого моря.

Десять минут спустя за последними из «птичек» первой волны последовала вторая, потом третья и четвертая – в целом более восьми сотен тяжелых бомбардировщиков. Ревущие самолеты сбрасывали свой смертоносный груз в том же самом ритме, только слегка сдвинувшись, так что новые бомбы поражали другие участки германской обороны.

Взрывались склады оружия. Запасы бензина. Казармы, дороги, грузовики, танки, склады снабжения были уничтожены первой атакой. Потом средние и легкие бомбардировщики прошли над рекой в более низком порядке, атакуя самую оборонительную линию. Целые участки танковых ловушек Лейерса были уничтожены. Огневые укрепления взлетели в воздух. Артиллерийские точки были разрушены.

В течение нескольких следующих часов бомбардировщики союзников сбросили на этот район двадцать тысяч бомб. В промежутках между воздушными атаками две тысячи орудий союзников обстреливали Готскую линию двадцатиминутными огневыми валами. Когда предвечернее солнце пробило дым вдоль реки, весеннее небо опустилось низко и казалось небом ада.

Пино кинул взгляд на Лейерса, который в бинокль осматривал поле боя к югу от проломленных оборонительных сооружений, руки генерала тряслись, он слал проклятия на немецком.

– Mon général? – сказал Пино.

– Они наступают, – сказал Лейерс. – Танки. Джипы. Артиллерия. На нас наступают целые армии. Наши мальчики будут держаться сколько смогут, а многие умрут, обороняя эту реку. Но в какой-то момент всем солдатам там внизу придется сделать неизбежный выбор побежденного: отступить, сдаваться или умирать.

Сгущающиеся сумерки подгоняли уходящий день. Солдаты союзников с огнеметами прорвались в немецкие окопы и укрепленные огневые сооружения. Наступила черная беззвездная ночь. Рукопашный бой продолжался в темных окопах, а Пино видел только вспышки взрывов и неторопливодвигающиеся огоньки.

– Завтра утром их сметут, – сказал Лейерс. – Все кончено.

– Мы в Италии говорим, что ничего не кончено, пока поет толстая дама, mon général, – сказал Пино.

– Ненавижу оперу, – проворчал генерал и пошел к машине. – Везите меня назад в Милан, а то у меня не останется вариантов.

Пино не знал, что в точности стоит за этими словами, но спешно сел за руль.

«Теперь немцам придется отступить, сдаться или умереть, – подумал он. – Сама война умирает. Считанные дни остаются до мира и – ура! – прихода американцев!»

Пино возвращался в Милан в темноте, радуясь мысли о том, что наконец-то увидит американцев. Вернее, целую американскую армию! Может быть, когда они с Анной поженятся, то уедут в Штаты, как его

родственница Личия Альбанезе, откроют дело – будут в Нью-Йорке, Чикаго и Лос-Анджелесе изготавливать сумочки по моделям матери и кожаные изделия, как у дяди Альберта. Заработают там состояние.

У Пино мурашки по коже побежали от предвкушения, когда перед ним открылась эта перспектива, о которой он час назад даже и подумать не смел. Возвращаясь, он даже ни разу не вспомнил о колоссальных разрушениях, которые только что видел. Он думал о каком-нибудь хорошем деле, которым он занимался бы со *сop smania* и которое приносило бы прибыль, и не мог дождаться встречи с Анной – горел желанием рассказать ей о своих планах.

4

Готская линия у реки Сенио была прорвана тем же вечером. А на следующий день союзные силы из Новой Зеландии и Индии находились уже в пяти километрах за прорванными оборонительными сооружениями Лейерса, немцы отступали на север и перегруппировывались. 14 апреля после очередной немилосердной бомбежки Пятая армия США проломила западную стену Готской линии и покатила на север к Болонье.

Ежедневно приходили новые известия о продвижении союзников. Пино каждый вечер слушал Би-би-си по коротковолновику Баки. И почти каждый день возил Лейерса с одной линии фронта на другую или по путям отступления, где они видели немецкие колонны, бегущие гораздо медленнее, чем когда они вторгались в Италию.

Немецкая военная машина казалась Пино искалеченной. Он видел ее вибрирующие танки, теряющие гусеницы, оглушенных солдат, бредущих за волами, тянущими пушки. Десятки раненых немцев лежали в открытых грузовиках на нещадном жарком солнце. Пино надеялся, что они отдадут богу душу здесь и сейчас.

Каждые два-три дня он и Лейерс ездили на перевал Бреннер. С наступлением жары снега начали таять и потоки грязной воды стекали с перевала, затопляя дренажные трубы и дороги. Добравшись до конца проезжей дороги, Пино и Лейерс видели рабов, работающих по колено в ледяной воде рядом с экскаваторами и грузовиками. 17 апреля серые люди были в миле от австрийской границы. Один из них упал в воду. Эсэсовец вытащил его и отбросил в сторону.

Генерал Лейерс, казалось, ничего не замечал.

– Пусть работают круглосуточно, – сказал он капитану, который

руководил работами. — Меньше чем через неделю здесь пройдет вся десятая дивизия вермахта.

Глава двадцать седьмая

*Суббота,
21 апреля 1945 года*

1

Генерал Лейерс стоял в стороне, а офицеры «Организации Тодта» поливали бензином груды документов во дворе штаба «ОТ» в Турине. Лейерс кивнул офицеру, тот чиркнул спичкой и кинул ее на бумажные кучи, которые занялись везде одновременно.

Генерал с большим интересом смотрел, как горят документы. Пино тоже.

Что за важные тайны они хранили, заставившие Лейерса покинуть постель Долли в три часа ночи, чтобы присутствовать при их уничтожении? А потом стоять и ждать, когда все сгорит дотла? Были ли там какие-то свидетельства преступлений Лейерса? Наверняка.

Прежде чем Пино успел основательно подумать об этом, генерал пролаял приказы офицерам «ОТ», потом повернулся к Пино.

– Падуя, – сказал он.

Пино поехал на юг к Падуе, огибая Милан. По дороге он сражался со сладкой дремотой, которая одолевала его при мысли о конце войны. Союзники прорвали оборону Лейерса в районе Ардженты. Десятая горнострелковая дивизия армии США приближалась к реке По.

Лейерс, казалось, чувствовал усталость Пино. Он вытряхнул из пузырька на ладонь маленькую белую таблетку и протянул ему.

– Примите. Амфетамин. Не даст уснуть. Я сам этим пользуюсь.

Пино проглотил таблетку, и вскоре сон как рукой сняло, но он почувствовал прилив раздражения, и, когда они доехали до Падуи, где генерал наблюдал за еще одним массовым сожжением документов «ОТ», у Пино разболелась голова. После этого они снова поехали на перевал Бреннер. Теперь немцев от очищенной дороги в Австрию отделяли всего двести пятьдесят метров снежных заносов, и Лейерсу доложили, что дорога будет расчищена в течение сорока восьми часов.

Утром воскресенья, 22 апреля Пино видел, как в присутствии Лейерса уничтожались документы «ОТ» в Вероне. Днем огонь пожрал бумаги в

Брешии. Каждый раз перед сожжением генерал направлялся со своим саквояжем в здание и некоторое время просматривал архивы, после чего наблюдал, как сжигают документы. Лейерс не позволял Пино прикасаться к саквояжу, который после каждой остановки становился все тяжелее. Ранним вечером они присутствовали при сожжении в Бергамо, а потом вернулись в штаб Лейерса за стадионом Комо.

На следующее утро, 23 апреля, генерал Лейерс наблюдал, как офицеры «ОТ» устроили громадный костер из документов на поле стадиона. Лейерс несколько часов смотрел, как подкармливали этот огонь. Пино к документам и близко не подпускали. Он сидел на трибуне под безжалостным солнцем и смотрел, как немецкие документы превращаются в пепел и золу.

Когда они к вечеру того дня вернулись в Милан, район вокруг Дуомо оказался заперт двумя танковыми взводами, и даже Лейерса внимательно проверили, прежде чем пропустить внутрь оцепления. Причину этого Пино узнал в отеле «Реджина», где располагалось управление гестапо. Полковник Рауфф был пьян и пребывал в ярости, он пытался сжечь каждый клочок бумаги, на котором стояло его имя. Но, увидев Лейерса, он оживился и пригласил его в свой кабинет.

Лейерс взглянул на Пино и сказал:

– На сегодня все, но завтра утром у меня встреча в девять часов. Жду вас в восемь сорок пять у Долли.

– Oui, mon général, – сказал Пино. – А машина?

– Пусть будет при вас.

2

Генерал Лейерс последовал за Рауффом. Пино было не по себе оттого, что исчезает столько документов. Доказательства преступлений нацистов в Италии сгорали, а единственное, что он мог сделать, – это сообщить союзникам. Он припарковал машину неподалеку от своего дома, оставил на сиденье нарукавную повязку – свастикой вверх – и направился домой. Ему снова пришлось проходить мимо часовых.

Микеле поднес палец к губам, а тетя Грета закрыла дверь.

– Что? – спросил Пино.

– У нас гость, – вполголоса сказал отец. – Сын моего двоюродного брата. Марио.

Пино скосил взгляд:

– Марио? Мне казалось, он летчик-истребитель.

– Да, я по-прежнему летчик, – сказал Марио, выходя из тени. Это был невысокий широкоплечий человек с открытой улыбкой. – Меня вчера сбили, но я выпрыгнул с парашютом, и вот я здесь.

– Марио будет прятаться у нас, пока не кончится война, – сказал Микеле.

– Твой отец и тетушка рассказали мне о твоих подвигах, – сказал Марио, похлопав Пино по спине. – Для этого нужно немало мужества.

– Ну, не знаю, – сказал Пино. – Я думаю, Миммо достается куда больше.

– Чепуха, – сказала тетя Грета, прежде чем Пино поднял руки, показывая, что сдается.

– Я не принимал душ три дня, – сказал он. – И мне еще нужно поставить генеральскую машину. Рад, что ты живой, Марио.

– Взаимно, Пино, – сказал Марио.

Пино пошел по коридору в ванную рядом со своей спальней. Он снял пропитанную дымом одежду, потом принял душ, чтобы смыть запах гари с тела и волос. Надел лучшую одежду, брызнул на лицо немного отцовского лосьона. Он четыре дня не видел Анну и хотел произвести на нее впечатление.

Пино оставил в столовой записку для Баки, сообщая о сожжении документов, попрощался с отцом, тетушкой и родственником и ушел.

Темнело, но здания и дороги все еще излучали тепло. Пино шел, и ему было хорошо. Тепло и влага словно добавили смазки в его суставы после нескольких дней езды, стояния, наблюдения. Пино сел в «фиат» и уже хотел его завести, когда на заднем сиденье произошло какое-то движение, и Пино почувствовал холодное дуло пистолета на своем затылке.

– Не двигайся, – сказал человек. – Руки на руль. Пистолет?

– Нет, – сказал Пино, слыша дрожь в своем голосе. – Что вам надо?

– А ты как думаешь?

Теперь Пино узнал голос, и внезапно его охватил ужас при мысли о том, что сейчас жизнь его оборвется – брат выстрелит ему в голову.

– Не делая этого, Миммо, – сказал он. – Мама и папа...

Пино почувствовал, что сталь уже не упирается в его голову.

– Пино, извини ты меня, бога ради, за то, что я тебе наговорил, – начал Миммо. – Я теперь знаю, что ты делал, секретная работа, и я... я восхищаюсь твоим мужеством. Твоей преданностью делу.

Сначала Пино расчувствовался, а потом разозлился:

– Тогда зачем эти шутки с пистолетом?

– Я не знал, вдруг ты вооружен. Боялся, что можешь меня застрелить.

– Я бы никогда не застрелил младшего брата.

Миммо поднялся с сиденья и обнял брата:

– Ты меня прощаешь?

– Конечно, – сказал Пино, уже без гнева. – Откуда ты мог знать? А мне нельзя было тебе говорить – дядя Альберт сказал, что так будет безопаснее.

Миммо кивнул, отер глаза рукавом и сказал:

– Меня прислали командиры моего отряда передать тебе приказ.

– Приказ? Я подчиняюсь приказам генерала Лейерса.

– Уже нет, – сказал Миммо, передавая ему лист бумаги. – Ты должен арестовать Лейерса в ночь на двадцать пятое и привезти по этому адресу.

Арестовать генерала Лейерса? Поначалу эта мысль обескуражила Пино, а потом он представил, как наводит пистолет на голову Лейерса, и ему это понравилось.

Он арестует генерала, а потом скажет ему, что все это время работал на Сопротивление. Швырнет эти слова Лейерсу в лицо: «Я был у вас под носом все это время. Я видел все, что вы делали, надсмотрщик».

– Я сделаю это, – сказал наконец Пино. – Для меня это будет честью.

– Тогда встретимся, когда война закончится, – сказал Миммо.

– Куда ты?

– Сражаться.

– Как? Что ты будешь делать?

– Сегодня мы будем устраивать диверсии. И мы ждем, когда нацисты начнут отступать из Милана. Тогда мы устроим засаду, проучим их – больше никогда не сунутся в Италию.

– А что чернорубашечники?

– Они тоже получают по заслугам. Если мы хотим начать все сначала, нам нужно чистое государство.

Пино тряхнул головой. Миммо, несмотря на свои шестнадцать лет, был закаленным ветераном.

– Ты только береги себя, – сказал Пино.

– И ты тоже, – ответил Миммо, выскальзывая из машины в темноту.

Пино повертел головой, высматривая брата, но ничего не увидел. Миммо исчез, как призрак.

Пино при этой мысли улыбнулся. Он завел машину генерала, впервые за несколько дней чувствуя приподнятое настроение, по крайней мере с тех пор, как он в последний раз видел Анну.

Сердце у Пино забилося быстрее, когда он остановил машину у квартиры Долли около восьми часов в тот вечер. Помахав старухе в холле, он поднялся на третий этаж и нетерпеливо постучал в дверь.

Дверь открыла улыбающаяся Анна. Она чмокнула его в щеку и прошептала:

– Долли расстроена. Генерала не было дома почти четыре дня.
– Сегодня он вернется, – сказал Пино. – Я уверен.
– Пожалуйста, скажи ей об этом, – прошептала Анна и подтолкнула его по коридору.

Долли Штоттлемейер лежала на диване в гостиной, и, кроме белого халата Лейерса, на ней почти ничего не было. Она пила чистое виски со льдом из стакана, а судя по ее виду, это была уже не первая, не вторая и даже не пятая порция за день.

Увидев Пино, Долли состроила оскорбленную гримаску и сказала:

– Где мой Ганси?
– Генерал в штабе вермахта, – сказал Пино.
– Мы уже должны были быть в Инсбруке, – сказала Долли заплетающимся языком.

– Завтра перевал откроют, – сказал Пино. – И он на днях сказал мне, что переправит вас туда.

В глазах Долли появились слезы.

– Правда?
– Это его слова.
– Спасибо, – сказала Долли, дрожащей рукой поднимая стакан. – Я не знала, что со мной будет. – Она отхлебнула виски, улыбнулась и встала. – А теперь идите. Я должна прихорошиться.

Долли пошатнулась, уперлась рукой в стену, прошла мимо них и исчезла в коридоре.

Они услышали, как захлопнулась дверь спальни, и поспешили на кухню. Пино повернул Анну лицом к себе, приподнял ее, поцеловал. Анна обвила его ногами и поцеловала с неменьшей страстью. Когда их губы наконец разъединились, она сказала:

– Я тебя покормлю. Сосиски и брокколи, как тебе нравится, еще хлеб с маслом.

Пино понял вдруг, что голоден как волк, неохотно отпустил Анну и тихо сказал:

– Боже, как я скучал по тебе. Ты и представить не можешь, как мне хорошо с тобой здесь, сейчас.

Анна улыбнулась ему:

– Я и не предполагала, что так будет.

– И я тоже, – сказал Пино, снова и снова целуя ее.

Они съели горячие сосиски и брокколи, обжаренные с чесноком в оливковом масле, вместе с хлебом и маслом, выпили генеральского вина, а потом ускользнули в комнату Анны – когда Долли на стук во входную дверь крикнула, что откроет сама. В маленькой жаркой темной комнате стоял запах Анны, тут же опьянивший Пино. Он искал глазами ее силуэт в темноте, протянул руку, чтобы притронуться к ее телу. Анна уже успела раздеться и сгорала от желания.

4

В дверь горничной постучали, потом еще раз.

Пино проснулся утром 24 апреля 1945 года, огляделся в недоумении, когда Анна подняла голову с его груди и сказала:

– Да?

– Без двадцати восемь, – раздался голос Долли. – Генералу через двадцать минут нужен водитель, а мы должны собирать вещи, Анна. Перевал Бреннер чист.

– Мы уезжаем сегодня? – спросила Анна.

– Как можно скорее, – ответила Долли.

Они дождались, когда шаги Долли стихли в коридоре – она направилась в кухню.

Пино нежно поцеловал Анну и сказал:

– Это была самая удивительная ночь в моей жизни.

– И в моей тоже, – сказала она, глядя в его глаза, словно в них прятались мечты. – Я никогда не забуду ее волшебства.

– Никогда. На всю жизнь.

Они снова поцеловались, их губы едва соприкоснулись. Она делала вдох, когда он – выдох, и наоборот, и Пино снова почувствовал, что они вместе – единое существо.

– Как я тебя найду? – спросил Пино. – Я имею в виду – в Инсбруке.

– Я позвоню твоим родителям, когда доберусь.

– Почему бы тебе прямо сейчас не пойти туда? Или хотя бы после того, как ты поможешь Долли собраться?

– Я нужна Долли, чтобы помочь ей обосноваться в Инсбруке, – сказала Анна. – Она знает, что я хочу как можно скорее вернуться в Милан.

– Точно?

– Да. Я сказала, что ей придется нанять новую горничную.

Пино поцеловал ее, они разъединились и стали одеваться. Прежде чем уйти, он обнял Анну и сказал:

– Я не знаю, когда увижу тебя.

– Я дам о себе знать. Обещаю. Я позвоню, как только будет возможность.

Пино заглянул в глаза Анны, провел своей сильной рукой по ее лицу и пробормотал:

– Война почти закончилась. Ты выйдешь за меня, когда вернешься?

– Выйти за тебя замуж? – спросила она со слезами в глазах. – Ты уверен?

– Больше чем уверен.

Анна поцеловала его ладонь и прошептала:

– Тогда да.

Пино захлестнула мощная волна радости.

– Да?

– Конечно. Всем сердцем, Пино. Всей душой.

– Я знаю, это сентиментально, но ты сделала меня самым счастливым везунчиком во всей Италии.

– Я думаю, мы оба сделали друг друга счастливыми везунчиками, – ответила она, снова целуя его.

Слыша стук шагов генерала уже в кухне, Пино прижимал к себе Анну, сколько было можно, потом прошептал:

– Наша любовь вечна.

– На все времена, – отозвалась она.

Они расстались. Пино в последний раз посмотрел на Анну и ушел, унося ее красоту, ее запах и прикосновение – все это осталось с ним.

Генерал Лейерс сначала отправился в управление гестапо; через час он вышел из дверей отеля «Реджина». Потом они поехали на телефонную станцию, где генерал исчез на много часов, оставив Пино на безжалостном миланском солнце.

Пино пристроился в тени. Он обратил внимание, что люди,

проходящие мимо, крайне напряжены, словно в предчувствии сильнейшей бури. Он думал об Анне. Когда он увидит ее? Он чувствовал пустоту при мысли о том, что может пройти неделя, а то и месяц! Она будет любить его вечно. И он будет любить ее вечно. Что бы ни случилось, теперь в будущем была какая-то уверенность, и это успокаивало его.

«Да не смущается сердце ваше», – подумал Пино, наслаждаясь уверенностью, что он часть чего-то большего, чем он сам, часть вечности.

Он уже предвидел их фантастическую совместную жизнь, уже влюблялся в чудеса того, что таит завтра. Ему нужно обручальное кольцо? Он мог бы...

Пино понял, что он всего в нескольких кварталах от Пьяццале Лорето и магазина Белтрамини.

Там ли Карлетто? Что с его матерью? Он не видел своего старого друга более восьми месяцев, с того самого дня, когда оставил Карлетто с мертвым отцом на руках.

Пино хотел было пойти к Карлетто и объяснить с ним, но из страха, что тот не поверит ему, он остался у телефонной станции, вспотевший, голодный и уставший от генеральских прихотей. Он попросит Миммо рассказать все Карлетто, когда придет время...

– Форарбайтер! – раздался крик генерала Лейерса.

Пино вскочил, отсалютовал и побежал к генералу, который со своим саквояжем уже стоял у задней двери «фиата», на лице его были написаны нетерпение и раздражение. Пино извинился, обвинив во всем жару.

Лейерс посмотрел на небо и солнце, обжигающее город.

– Тут всегда так в конце апреля?

– Non, mon général, – сказал Пино, с облегчением открывая дверь. – Такое случается очень редко. Погода в этом году совершенно необычная. Куда мы едем?

– Комо, – сказал Лейерс. – Мы проведем там ночь.

– Oui, mon général, – сказал Пино, глядя в зеркало заднего вида на Лейерса, который копался в своем саквояже. – А когда Долли и Анна поедут в Инсбрук?

Генерал, казалось, погрузился в какие-то свои дела и не поднял головы.

– Они, я думаю, уже в пути. Больше никаких вопросов. У меня работа.

Пино приехал на стадион Комо. Три днями ранее он видел на поле костер. Пепел уже сдуло, и на поле разместились несколько групп солдат и офицеров «Организации Тодта». Они растянули брезент на шестах и отдыхали под ним в тени, как на каникулах.

Когда Лейерс направился к ним, Пино свернулся калачиком на переднем сиденье «фиата». Судя по громкому шуму со стадиона, немецкие солдаты выпивали. И Лейерс, вероятно, с ними. Они проиграли, но война кончилась. Или кончится через несколько дней. Пино подумал, что это достаточный повод, чтобы напиться, и уснул.

Пино проснулся на следующее утро, во вторник, 25 апреля 1945 года, от стука в пассажирское окно машины. Он с удивлением увидел, что солнце уже встало. Спал он крепко, снилась ему Анна, и...

Дверь машины открылась. Солдат «ОТ» сказал, что его требует генерал Лейерс.

Пино вскочил, провел пятерней по волосам, посмотрел на себя в зеркало. Чумазый, но сойдет. Он последовал за солдатом по длинным коридорам в комнату с окном, выходящим на поле стадиона.

Генерал, одетый в штатское, попивал кофе с невысоким черноволосым человеком с тоненькими черными усами. Он посмотрел на Пино и кивнул.

– Вы предпочитаете английский или итальянский? – спросил человек с американским акцентом.

Возвышавшийся над ним Пино сказал:

– Английский меня устроит.

– Макс Корво, – сказал человек и протянул руку.

Пино, помедлив, пожал ее:

– Пино Лелла. Откуда вы?

– Америка. Коннектикут. Скажите генералу, что я работаю в Управлении стратегических служб. И я представляю Аллена Даллеса.

Пино после некоторой паузы перевел сказанное на французский для генерала. Тот кивнул.

Корво сказал:

– Мы хотим получить ваше заверение в том, что ваши люди останутся в казармах и не будут оказывать сопротивления, когда им предложат сложить оружие и сдаться.

Пино перевел. Лейерс кивнул:

– Пока сохраняются условия соглашения, подписанного фельдмаршалом Фитингофом, мои люди будут подчиняться этим требованиям. И переведите ему, что я продолжаю работать над спасением Милана от разрушения.

– Соединенные Штаты ценят ваши усилия, генерал Лейерс, – сказал Корво. – Я думаю, что менее чем через неделю будут выработаны и подписаны соответствующие соглашения. А может быть, и раньше.

Лейерс кивнул:

– До этого времени передайте мои наилучшие пожелания мистеру Даллесу.

Пино перевел, потом добавил:

– Он в течение последних трех дней сжигал документы по всей Северной Италии.

Корво наклонил голову:

– Это правда?

– Да, – сказал Пино. – Они сжигают все документы. Все документы!

– Понял, – сказал агент УСС. – Спасибо, что сообщили.

Корво пожал руку генералу, потом Пино, и ушел.

Спустя несколько неловких секунд Лейерс спросил Пино:

– Что вы ему сказали перед уходом?

– Я спросил его про Коннектикут, а он ответил, что по красоте он не может сравниться с Италией.

Генерал внимательно посмотрел на него:

– Поехали. У меня встреча с кардиналом Шустером.

Они вернулись в город около двух часов. Атмосфера в Милане была словно наэлектризована. Надрывались заводские гудки. Кондукторы и водители оставляли автобусы и трамваи, отчего в городе усугубился хаос, создаваемый немецкими колоннами, пытающимися пройти по улицам Милана на север. Когда Пино остановился на перекрестке, до него издали донеслись – он мог в этом поклясться – звуки выстрелов.

Он посмотрел на генерала Лейерса, сидящего на заднем сиденье, и подумал о том удовлетворении, которое испытает, когда арестует этого нациста и скажет ему, что все это время работал на Сопротивление. Где это лучше сделать? И как? В машине? Или где-то в дороге?

Чем ближе они подъезжали к Дуомо, тем больше немцев видел он на улицах. Большинство из них эсэсовцы – убийцы, насильники, мародеры и надзиратели за рабами. Они находились на улицах близ управления гестапо, отдыхали за танками вокруг собора и канцелярии кардинала; Пино остановил «фиат» перед воротами, потому что внутри, во дворе, было

слишком много машин.

Пино поспешил по лестнице за Лейерсом. Их остановил священник:

– Его высокопреосвященство примет вас сегодня в своем кабинете, генерал.

Когда они вошли в изысканный кабинет Шустера, кардинал Милана сидел за столом, словно судья в белой мантии, его красная митра лежала на полке позади него. Пино оглядел переполненную комнату. Джованни Барбарески, семинарист, стоял у левого плеча кардинала. Рядом с ним находился Ойген Доллман, итальянский переводчик Гитлера. Рядом с Доллманом стояли генерал СС Вольф и несколько незнакомых Пино мужчин, все в деловых костюмах.

Слева, у дальнего конца стола, за которым сидел кардинал, расположился пожилой сердитый человек, опирающийся на трость. Пино не узнал бы его, если бы рядом с ним не сидела его любовница. Бенито Муссолини словно вывернули наизнанку, он напоминал взведенную до отказа пружину, которая дала обратный ход. Марионеточный диктатор похудел, он сидел согнувшись, словно при болях в желудке, его бледное лицо было покрыто потом. Кларетта Петаччи легонько гладила его руку, утешительно прижимаясь к нему.

За Муссолини и его любовницей находились два человека в красных шарфах. Руководители Сопротивления, подумал Пино.

– Все, кого вы приглашали, пришли, ваше высокопреосвященство, – сказал Барбарески.

Шустер оглядел всех:

– Ничто из сказанного здесь не должно выйти за пределы этой комнаты. Согласны?

Все один за другим закивали, включая и Пино, который понять не мог, почему он находится здесь, если для перевода есть Доллман.

– Наши цели – спасение Милана от дальнейших страданий и ограничение кровопролития в отношении отступающей германской армии.

Муссолини кивнул. После того как Доллман перевел на немецкий, кивнули Вольф и Лейерс.

– Хорошо, – сказал кардинал. – Генерал Вольф, что вы можете сообщить?

– Я два раза был в Лугано за последние несколько дней, – сказал эсэсовский генерал. – Переговоры продвигаются медленнее, чем ожидалось, но продвигаются. Нам понадобится три, может быть, четыре дня для подписания документа.

Муссолини вышел из состояния ступора:

– Какого документа? Какие переговоры?

Вольф посмотрел на кардинала, потом на генерала Лейерса, который сказал:

– Дуче, война проиграна. Гитлер сошел с ума в своем бункере. Мы работаем над тем, чтобы конфликт закончился с минимальными разрушениями и смертями.

Муссолини, сгорбившись, сидел, опираясь на трость, пепельное лицо его стало свекольно-красным. Пузырьки слюны появились в уголках рта дуче, губы его искривились, потом он выставил вперед свой квадратный подбородок и начал, размахивая тростью, кричать на Вольфа и Лейерса.

– Вы, нацистские недоделки! – взревел Муссолини. – Мы снова можем сказать, что Германия вонзила нож в спину Италии! Я выступлю по радио! Я сообщу всему миру о вашем предательстве!

– Вы ничего такого не сделаете, Бенито, – сказал кардинал Шустер.

– Бенито? – возмущенно воскликнул Муссолини. – Кардинал Шустер, обращайтесь ко мне «ваше превосходительство»!

Кардинал сделал глубокий вдох, потом, склонив голову, сказал:

– Ваше превосходительство, важно достичь договоренностей о сдаче, прежде чем народ поднимет восстание. В случае восстания нас ждет анархия, которую я хочу предотвратить. Если у вас другие цели, то я попрошу вас выйти.

Муссолини оглядел комнату, с отвращением тряхнул головой, протянул руку своей любовнице:

– Ты посмотри, Клара, как они обходятся с нами. Мы теперь остались одни.

Петаччи взяла руку вождя итальянских фашистов и сказала:

– Я готова, дуче.

Они поднялись и двинулись к двери.

– Ваше превосходительство, – сказал вслед Муссолини кардинал, – постойте.

Прелат подошел к полкам, вытащил книгу и протянул ее Муссолини.

– Это история святого Бенедикта. Покайтесь в своих грехах, и, возможно, вы найдете утешение в этой книге в те трудные дни, которые вам предстоят.

Муссолини мрачно посмотрел на Шустера, но книгу взял и передал своей любовнице. Выходя, он бросил:

– Нужно было расстрелять их всех.

Дверь за ними захлопнулась.

– Продолжим? – сказал кардинал. – Генерал Вольф, германское верховное командование согласилось с моей просьбой?

– Фитингоф написал мне сегодня утром. Он дал приказ своим солдатам воздерживаться от оборонительных действий, оставаться в казармах до особого распоряжения.

– Трудно назвать это сдачей, – сказал кардинал Шустер. – И здесь, на улицах близ Дуомо, все еще остается значительная группа солдат СС. Они подчиняются полковнику Рауффу?

– Я так думаю, – ответил Вольф.

– Но Рауфф подчиняется вам, – сказал Шустер.

– Не всегда.

– Прикажите ему. Запретите ему и этим чудовищам в форме и дальше творить жестокости, пока они не покинут страну.

– Жестокости? – переспросил Вольф. – Я не понимаю, что вы...

– Не оскорбляйте меня, – отрезал кардинал Милана. – Мы не сможем возместить все утраты, понесенные Италией и итальянцами. Но вы можете предотвратить продолжение бойни. Мы с вами согласны в этом?

Вольф выглядел очень взволнованным, но все же кивнул:

– Я сейчас же напишу приказ.

– Я доставлю его по назначению, – сказал Барбарески.

Кардинал Шустер взглянул на семинариста:

– Вы уверены?

– Я хочу посмотреть в глаза пытавшему меня человеку, когда он получит этот приказ.

Вольф написал приказ, запечатал его воском Шустера, приложил свой перстень и передал семинаристу. В дверях Барбарески столкнулся со священником, который привел их в кабинет.

– Кардинал Шустер, заключенные Сан-Витторе подняли бунт, – сказал священник.

Глава двадцать восьмая

1

Они до темноты оставались в канцелярии кардинала. Генерал Вольф ушел. Генерал Лейерс и кардинал Шустер обсуждали способы обмена пленными между немцами и отрядами Сопротивления.

И только когда село солнце, Пино вспомнил, что до полуночи должен арестовать Лейерса. Он жалел, что партизаны не дали ему более точных инструкций – один только адрес, куда он должен доставить генерала. Но они возложили на него ответственность, дали задание, как дали задание Миммо совершать диверсии. А детали он уж додумывал сам.

Но, возвращаясь в штабной автомобиль, Пино все еще размышлял, как ему арестовать генерала, – ведь тот всегда сидел сзади прямо за Пино.

Открыв заднюю дверь, Пино увидел внутри саквояж и выругался про себя. Саквояж находился там все время, пока они были у кардинала. Он мог бы найти предлог, чтобы выйти и просмотреть его содержимое, возможно, какие-то документы Лейерс сохранил, не захотел сжигать.

Генерал Лейерс сел в машину, не глядя на Пино, и сказал:

– Отель «Реджина».

Пино хотел было вытащить вальтер и арестовать Лейерса, но он сомневался в себе, а потому закрыл дверь и сел за руль. Поскольку все улицы были запружены немецким транспортом, Пино пришлось ехать в управление гестапо объездным путем.

Около Пьяцца Сан-Бабила он увидел немецкий грузовик, заполненный вооруженными солдатами, грузовик остановился у въезда в гараж в полуквартале, а кто-то стоял на улице с автоматом и целился в лобовое стекло грузовика. Когда человек повернулся, у Пино отвисла челюсть.

– Миммо, – выдохнул он, ударяя по тормозам.

– В чем дело, форарбайтер? – спросил генерал Лейерс.

Пино проигнорировал его и выскочил из машины. Он был не больше чем в сотне метров от брата, который размахивал автоматом и кричал:

– Все вы, нацистские свиньи, бросайте оружие, выкидывайте его из грузовика, а потом ложитесь лицом вниз на тротуар.

Следующая секунда, казалось, тянулась целую вечность.

Когда ни один из немцев не шелохнулся, Миммо дал очередь.

Свинцовые пули рикошетили от стенки гаража. В наступившей затем звонкой тишине немцы в задней части грузовика принялись выкидывать оружие.

– Форарбайтер! – сказал Лейерс, и Пино с удивлением увидел, что генерал тоже вышел из машины и наблюдал за происходящим через его плечо. – Отель «Реджина» отменяется. Везите меня к Долли. Я только сейчас понял, что оставил там важные бумаги, и я хочу...

Воодушевленный храбростью Миммо и не размышляя более, Пино вытащил пистолет, развернулся и направил его в грудь Лейерса. С удовольствием увидел шок в глазах генерала.

– В чем дело, форарбайтер? – сказал Лейерс.

– Вы арестованы, *mon général*, – ответил Пино.

– Форарбайтер Лелла, – твердо сказал генерал. – Уберите оружие, и мы забудем эту историю. Вы отвезете меня к Долли. Я заберу бумаги и...

– Я вас никуда не повезу, надсмотрщик!

Генерал воспринял это как пощечину. Ярость исказила его лицо.

– Как вы смеете так со мной говорить?! Я могу расстрелять вас за измену!

– Вам и Гитлеру я готов изменять хоть каждый день, – с наименьшей яростью ответил Пино. – Повернитесь и положите руки на голову, *mon général*, или я буду стрелять вам по ногам.

Лейерс кипел от злости, но, видя, что Пино не шутит, подчинился. Пино протянул руку, вытащил у Лейерса пистолет, который тот носил в гражданской одежде, сунул себе в карман, махнул своим вальтером и сказал:

– Садитесь.

Лейерс двинулся было к заднему сиденью, но Пино показал ему на водительское место, сам сел на заднее и захлопнул дверь. Он положил локоть на саквояж, как нередко делал это Лейерс, и улыбнулся: ему нравилось, что они поменялись ролями, он чувствовал, что заслужил это, что теперь наконец справедливость восторжествует.

Он смотрел мимо Лейерса сквозь лобовое стекло. Его брат уложил лицом на дорогу двадцать нацистов, а теперь разряжал их автоматы и складывал на противоположный тротуар.

– Нам не обязательно делать это таким образом, форарбайтер, – сказал Лейерс. – У меня есть деньги. Много денег.

– Немецких? – фыркнул Пино. – Они через день-другой обесценятся, если уже не обесценились. Заводите двигатель и, как вы мне часто говорили, молчите, пока с вами не заговорят.

Когда генерал завел машину, Пино опустил заднее стекло и крикнул:

– Увидимся дома, Миммо!

Его брат удивленно оглянулся, понял, чей голос услышал, и выбросил вверх кулак.

– Восстание, Пино! – прокричал Миммо. – Восстание!

2

У Пино мурашки бежали по коже, пока Лейерс вел машину из Сан-Бабилы на адрес, полученный Пино от командиров Сопротивления. Он понятия не имел, почему должен везти Лейерса именно туда, но его это и не волновало. Он вышел из тени. Перестал быть секретным агентом. Теперь он стал частью восстания, а потому чувствовал свою правоту, выкрикивая указания генералу, который ссутулившись вел машину.

Десять минут спустя Лейерс сказал:

– У меня есть не только германские деньги.

– Мне все равно, – ответил Пино.

– У меня есть золото. Мы можем поехать...

Пино ткнул стволом пистолета в затылок генерала:

– Я знаю, что у вас есть золото. Золото, которое вы украли у Италии. За которое вы убили четырех ваших рабов. И оно мне не нужно.

– Убил? – переспросил Лейерс. – Нет, форарбайтер, это не...

– Я надеюсь, вас поставят перед расстрельным взводом за все, что вы сделали.

Генерал Лейерс напрягся:

– Вы не сделаете этого.

– Замолчите. Я больше не хочу слышать ни слова.

Лейерс, казалось, подчинился судьбе, он мрачно вел машину по городу, а Пино общался с внутренним голосом, который говорил ему: «Не упусти своего шанса. Пусть он понесет хоть какое-то наказание от твоей руки. Ну, хотя бы прострели ему ногу. Пусть он встретит свою судьбу раненый и в мучениях. Ведь так и должны преступники попадать в ад».

Генерал в какой-то момент опустил окно и высунул голову, словно чтобы вкушать последние мгновения свободы. Но когда они подъехали к воротам дома на Виа Брони, Лейерс снова смотрел перед собой.

Автоматчик в красном шарфе вышел из ворот. Пино сказал ему, что получил приказ арестовать генерала и вот привез его.

– Мы ждали, – сказал охранник и крикнул, чтобы открывали ворота.

Лейерс заехал внутрь и остановился. Он открыл дверь и попытался выйти. Другой партизан схватил Лейерса, развернул и надел на него наручники. Первый автоматчик взял саквояж.

Лейерс с отвращением посмотрел на Пино, но не сказал ни слова – его повели внутрь. Когда двери за Лейерсом закрылись, Пино понял: он так и не сказал генералу, что шпионил за ним.

– Что с ним будет? – спросил Пино.

– Его будут судить. Может быть, повесят, – сказал партизан, державший саквояж.

Пино почувствовал жжение в горле, говоря:

– Я хочу давать показания против него.

– У тебя наверняка будет такая возможность. Ключи от машины?

Пино передал ему ключи.

– Что мне теперь делать?

– Отправляйся домой. Вот, возьми это письмо. Если тебя будут останавливать партизаны, покажи им его.

Пино взял письмо, сложил, сунул в карман.

– Меня подвезут?

– Извини, – сказал партизан. – Тебе придется идти пешком. Не беспокойся – минут через десять – двадцать рассветет.

– Ты знаешь моего брата, Миммо Леллу? – спросил Пино.

Партизан рассмеялся:

– Мы все знаем этот вселенский ужас и рады, что он на нашей стороне.

3

Несмотря на услышанную похвалу в адрес Миммо, Пино шел к воротам с чувством досады, словно обманутый. Почему он не сказал Лейерсу, что шпионил за ним? Почему не спросил, что за документы они сжигали? Что в них было? Свидетельство преступлений? И что за бумаги он хотел взять в квартире Долли?

Имеют ли эти бумаги какое-то значение? У партизан теперь саквояж, и какие-то документы Лейерс, видимо, спас от огня. И Пино будет давать показания против него, расскажет миру, чем занимался генерал Лейерс.

Пино вышел на улицу. Это был юго-восточный район Милана, который больше всего пострадал от бомбежек. В темноте ему под ноги попадалось что-то, он спотыкался, боялся свалиться в какую-нибудь воронку.

Неподалеку раздался выстрел. Потом еще один. А за ними – автоматная очередь и взрыв гранаты. Пино уже хотел развернуться и найти другой путь домой, когда издали до него донесся звук малых колоколов Дуомо. Потом заговорили большие колокола – и начался мелодичный перезвон в темном городе.

Пино, словно почувствовав зов, направился к собору. Он шел на звон колоколов, не думая о перестрелке на улицах вокруг него. Начали звонить колокола еще одной церкви, и вскоре подключились все остальные, как в пасхальное утро. А потом неожиданно, впервые за почти два года, уличные фонари по всему Милану загорелись, прогоняя тьму, заставляя забыть о долгих страданиях города в сумерках войны. Пино моргнул от неожиданной яркости фонарей, от того, как они высветили черные, страшные руины и шрамы Милана.

Но фонари горели! И звонили колокола! Пино испытал огромное облегчение. Что это? Неужели все кончилось? Все немецкие части сложили оружие. Это правда? Но солдаты, которых арестовал Миммо, сдались только под угрозой расстрела.

Стрельба и взрывы переместились на северо-восток, к Центральному вокзалу и театру Пикколо, где размещался штаб чернорубашечников. Пино понял, что, вероятно, за контроль над Миланом с партизанами сражаются люди Муссолини. А возможно, и немцы. Так что бой ведут три силы.

Как бы то ни было, Пино пошел на запад, обходным путем направляясь к Дуомо. В уцелевших домах люди срывали с окон светомаскировку, отчего на улицах становилось еще светлее. Из окон выглядывали целые семейства, они радостно кричали, призывали изгнать нацистов из города. Многие высыпали на улицы, они смотрели на горящие фонари как на воплощенную в жизнь сказку.

Но радость была недолгой. Автоматный огонь раздался со всех сторон. Пино слышал очереди, потом паузы, вблизи и вдали. Он вспомнил бой близ кладбища, где лежало тело Габриелы Рокки.

«Война не окончена, – понял он. – Как и восстание». Соглашения, заключенные в кабинете кардинала Шустера, не выполнялись. Судя по ритму боя, Пино вскоре понял, что он явно слышит трехстороннее сражение: партизан с немцами и партизан с чернорубашечниками.

Когда на соседней улице взорвалась граната, люди бросились по домам. Пино перешел на неровный бег зигзагами. Когда он добрался до Пьяцца Дуомо, шесть немецких танков все еще стояли по периметру, их орудия были направлены в разные стороны от площади. Прожектора собора ярко горели, освещая всю базилику, колокола продолжали звонить, но

площадь была пуста. Пино сглотнул слюну и бросился по диагонали через открытое пространство, молясь о том, чтобы в верхних этажах зданий, выходящих на площадь, не сидели снайперы.

Пино без происшествий добрался до угла собора и двинулся в тени громадной базилики. Он поглядывал вверх, видел, как годы бомбардировок и пожаров зачернили бледно-розовый мрамор фасада. Неужели война, хотя бы в виде этих следов, навсегда останется в Милане?

Потом он подумал об Анне, обосновалась ли она на новом месте с Долли в Инсбруке, спит ли сейчас. Ему было спокойнее думать о ней такой – пребывающей в тепле и безопасности.

Пино улыбнулся и ускорил шаг. Через десять минут он был у квартиры родителей. Он проверил бумаги в кармане, поднялся по лестнице, вошел, ожидая встречи с часовыми-эсэсовцами. Но их не было, и, когда кабина лифта проезжала мимо пятого этажа, он увидел, что часовых не оказалось и там.

Их нет! Они все бегут!

Он чувствовал себя счастливым до глубины души, доставая ключи из кармана. Он распахнул дверь и оказался на небольшой вечеринке. Скрипка отца лежала на подставке, на столе стояли две открытые бутылки кьянти и две пустые. Микеле был пьян, он смеялся у очага с летчиком Марио, сыном его кузена. А тетя Грета? Она сидела на коленях у мужа, осыпала его поцелуями.

Дядя Альберт увидел Пино, победно вскинул руки и вскричал:

– Привет тебе, Пино Лелла! Подойди ко мне и обними дядюшку!

Пино рассмеялся и бросился обнимать их всех. Он пил вино, слушал дядю Альберта, который рассказывал драматическую историю восстания в тюрьме Сан-Витторе – как они разоружили охрану из чернорубашечников, открыли все камеры и выпустили заключенных на свободу.

– Лучшая минута моей жизни, кроме знакомства с Гретой, – когда я выходил из ворот этой тюрьмы, – сказал дядя Альберт, все еще сияя. – Кандалы сняты, мы свободны. Милан свободен!

– Еще не совсем, – сказал Пино. – Я сегодня проделал немалый путь по городу. Договоренности, достигнутые у кардинала Шустера, не соблюдаются. Повсюду еще продолжаются бои.

Потом он рассказал им о Миммо, о том, как тот в одиночку уложил на

землю всех немецких солдат, которые были в грузовике.

– Один? – ошарашенно спросил отец.

– Совершенно один, – с гордостью сказал Пино. – Я думаю, мне нельзя отказать в мужестве, но до младшего братишки мне далеко.

Он взял бутылку и налил себе еще один стакан. На душе у него было хорошо, как никогда. Если бы рядом была Анна, праздновала восстание вместе с его семьей, он вообще чувствовал бы себя на седьмом небе. Пино хотелось поскорее увидеть ее, услышать. Он проверил телефон и, к своему удивлению, обнаружил, что тот работает. Но отец сказал, что никаких звонков не было.

Уже за полночь, покрасневшись и опьянев от вина, Пино улегся в кровать. За открытым окном он слышал рев танков, потом клцанье гусениц по брусчатке, удаляющееся на северо-восток. Он уснул, не услышав взрывов и стрельбы в том направлении, куда уехали танки.

Всю ночь звуки боя в Милане то стихали, то снова нарастали, словно смолкал один хор, а другой подхватывал, все голоса звучали не в унисон, каждая песня разрасталась в крещендо, а потом переходила в эхо, словно надорвавшись. Пино зарылся головой в подушку и наконец уснул как убитый, погрузился в сны: он видел тот презрительный взгляд, которым смерил его, уходя, генерал Лейерс, видел себя, бегущего по городу, и стреляющих в него снайперов, но лучше всего он видел Анну и их последнюю ночь, все ее волшебство и силу, какой она была идеальной, эта ночь, дарованная самим Богом.

5

Пино проснулся в четверг, 26 апреля, и посмотрел на часы.

Десять? Когда он в последний раз спал до десяти? Он не помнил, но как же это было здорово – выспаться. Потом он почувствовал запах бекона. Бекона? Откуда?

Он оделся и вышел на кухню – там его отец, раскладывая на тарелке хрустящий бекон, показал на миску, полную свежих яиц, в руках Марио.

– Это принес приятель твоего дядюшки, он участник Сопротивления, – сказал Микеле. – Альберт разговаривает с ним в коридоре. Я достал остатки эспрессо, которые прятал в кладовке.

Вошел дядя Альберт. Судя по его лицу, он мучительно страдал от похмелья и немного – от донимавшей его мысли.

– Пино, ты нужен с твоим английским, – сказал он. – Они хотят, чтобы

ты поехал в отель «Диана» и поговорил с человеком по фамилии Кнебель.

– Кто такой Кнебель?

– Американец. Это все, что мне известно.

Еще один американец? Второй за два дня!

– Ну хорошо, – сказал Пино, с тоской поглядывая на бекон, яичницу и кофе. – Что, прямо сейчас?

– Когда поешь, – ответил отец.

Пилот Марио приготовил Пино яичницу с беконом, и тот мигом съел ее и запил двойным эспрессо. Пино забыл, когда в последний раз так роскошно завтракал, но вдруг вспомнил – в «Каса Альпина». Он подумал об отце Ре: как они там проживают с братом Бормио? Как только ему представится малейшая возможность, он отвезет Анну в Мотту и познакомит со священником, которого и попросит их обвенчать.

Эта мысль наполнила его счастьем, придала уверенности, какой он не чувствовал прежде. Видимо, это отразилось на его лице, потому что, когда Пино мыл посуду, к нему подошел дядя Альберт и шепнул на ухо:

– Ты улыбаешься, как идиот, и смотришь в никуда, а это значит, что ты влюблен.

– Может быть, – рассмеялся Пино.

– В ту самую молодую даму, которая помогла тебе с рацией?

– Ее зовут Анна. Ей нравятся ваши изделия.

– Отец знает? А мать?

– Они незнакомы. Но уже скоро.

Дядя Альберт похлопал Пино по спине:

– Быть молодым и влюбленным. Не удивительно ли, что такие вещи случаются в самый разгар войны? Это свидетельствует о том, что жизни изначально присуща доброта, несмотря на все зло, которое мы видели.

Пино восхищался своим дядюшкой. У него была светлая голова.

– Ну, я пошел, – сказал Пино, вытерев руки. – Знакомиться с синьором Кнебелем.

Пино вышел из дома и направился в отель «Диана» на Виале Пиаве, неподалеку от телефонной станции и Пьяццале Лорето. Он прошел два квартала, когда увидел мертвое тело – человек лежал лицом вниз в водостоке, с раной в голове. Потом он увидел второе и третье тела в пяти кварталах от их дома – мужчина и женщина в ночных одеждах, их словно

вытащили из кровати. Чем дальше он шел, тем больше тел видел – почти все убиты выстрелом в голову, почти все лежали лицом вниз в водостоке под лучами солнца, которое пекло все нещаднее.

Пино был в ужасе, его тошнило. Когда он дошел до отеля «Диана», у него за спиной осталось семьдесят трупов, разлагающихся на солнце. На севере продолжалась беспорядочная стрельба. Кто-то сказал, что партизаны окружили большой отряд чернорубашечников, которые пытались вырваться из Милана. Фашисты сражались до последнего патрона.

Пино потянул на себя дверь отеля – та оказалась заперта. Он постучал, подождал, никто ему не ответил. Он обошел отель, подергал заднюю дверь – она открылась. Вошел в пустую кухню – здесь пахло недавно приготовленной едой, одни распашные двери, обитые чем-то мягким, вели в темный, пустой ресторан, другие – в тускло освещенный танцевальный зал.

Толкнув дверь в танцевальный зал, Пино громко позвал:

– Есть кто-нибудь?

Услышав металлический звук – кто-то передернул затвор, – Пино поднял руки.

– Бросать ружье, – раздался мужской голос.

– У меня нет оружия, – отозвался Пино, слыша дрожь в своем голосе.

– Кто ты есть?

– Пино Лелла. Меня просили прийти сюда и встретиться с американцем по имени Кнебель.

Пино услышал хриловатый смех, а потом из тени появился высокий долговязый человек в американской военной форме. У него был широкий нос, редящие волосы и широкая улыбка.

– Опустить оружие, капрал Далоя, – сказал он. – У этого есть приглашение.

Капрал Далоя, невысокий, коренастый солдат из Бостона, опустил винтовку.

Более высокий американец подошел к Пино, протянул ему руку:

– Майор Франк Кнебель, Пятая армия Соединенных Штатов. Отбиваюсь за Пятую в прессе, пописываю в «Звезды и полосы» и спустя рукава занимаюсь психологическими операциями.

Пино не понял и половины из того, что сказал майор, но кивнул:

– Вы только что появились?

– Вчера вечером, – сказал Кнебель. – Опередил Десятую горнострелковую дивизию с группой разведчиков, чтобы получить самое свежее впечатление о городе для моих сообщений. Так что скажите мне,

Пино, что тут происходит? Что вы видели по дороге сюда?

– В водостоках лежат убитые – это акты возмездия, а немцы и чернорубашечники пытаются вырваться из города, – сказал Пино. – Партизаны их обстреливают. Но сегодня ночью впервые за несколько лет зажгли уличные фонари, и какое-то время казалось, что война и в самом деле закончилась.

– Мне это нравится, – сказал Кнебель, доставая блокнот. – Повторите, пожалуйста.

Пино повторил. Майор записал его слова.

– Вы не возражаете, если я назову вас участником партизанского Сопротивления?

– Не возражаю, – сказал Пино, которому понравилась формулировка американца. – Чем еще могу быть вам полезен?

– Мне нужен переводчик. Вы говорите по-английски, и вот вы здесь.

– Кто вам сказал, что я говорю по-английски?

– Птичка нащебетала, – ответил Кнебель. – Вы знаете ситуацию. Дело в том, что мне нужна помощь. Пино, вы готовы протянуть руку американцу в трудном положении?

Пино понравилось произношение американца. Пино все в нем понравилось.

– Конечно готов.

– Вот молодец, – сказал Кнебель, кладя руку на плечо Пино и продолжая заговорщицким тоном: – Что касается сегодня, то мне нужны от вас две вещи. Первое – проводите меня на телефонную станцию, чтобы я мог позвонить кое-кому и передать несколько историй.

Пино кивнул:

– Нет проблем. Что еще?

Кнебель улыбнулся, обнажив белые зубы.

– Вы можете достать нам вина? Виски? Может, девочек и музыку?

– Для?..

– Для вечеринок, черт возьми, – сказал Кнебель, улыбаясь еще шире. – У меня тут друзья рыщут после наступления темноты, а эта сучья война почти закончилась, так что они не против выпустить немного пара, отпраздновать. Вы не возражаете?

Майор обладал каким-то заразительным свойством, заставившим Пино улыбнуться:

– Что ж, это будет здорово!

– Можете устроить? Достать проигрыватель или коротковолновик? Итальянских красоток, чтобы потанцевать?

– И вино, и виски. У моего дядюшки есть и то и другое.

– Тогда ваш дядюшка награждается «Серебряной звездой» за исполнение долга с особым усердием, – сказал майор. – Вы можете доставить все это сюда к девяти вечера?

Пино посмотрел на часы – двенадцать. Он кивнул:

– Я отведу вас на телефонную станцию и займусь этим.

Кнебель посмотрел на американских солдат, отсалютовал им и сказал:

– Мне нравится этот парень.

– Если он приведет сюда хорошеньких девушек, то я бы предложил наградить его орденом Почета, – сказал капрал Далойа.

– А это высокая оценка со стороны человека, который получил «Серебряную звезду» за доблесть во время боев при Монте-Кассино, – сказал Кнебель.

Пино посмотрел на капрала новым взглядом.

– Медали – шелуха, – сказал Далойа. – Нам нужны женщины, музыка и выпивка.

– Найду вам одно, другое и третье, – сказал Пино, и капрал щегольски отсалютовал ему.

Пино рассмеялся, посмотрел на майора, изучая его униформу:

– Снимите мундир, чтобы не бросался в глаза.

Кнебель послушался и последовал за Пино из отеля в футболке, форменных брюках и ботинках. У телефонной станции охрана из партизан встала на их пути, но стоило Пино показать им бумагу, которую ему дали предыдущим вечером, и сказать, что Кнебель собирается написать блестящую историю о Миланском восстании для американцев, как его пропустили. Пино устроил Кнебеля в комнате со столом и телефоном. Майор, получив соединение, прикрыл микрофон ладонью и сказал:

– Мы на вас рассчитываем, Пино.

– Да, сэр, – сказал Пино и попытался отдать честь так, как это сделал капрал Далойа.

– Почти, – со смехом сказал Кнебель. – А теперь устройте нам такую вечеринку, чтобы мы ее запомнили.

Пино, зарядившись энергией, вышел из здания станции и направился к Корсо Буэнос-Айрес и Пьяццале Лорето, пытаясь понять, где ему найти все, о чем просил Кнебель, за восемь с половиной часов. Ему навстречу шла женщина лет двадцати с небольшим, без обручального кольца, с обеспокоенным выражением лица.

Пино, подчиняясь какому-то внутреннему голосу, спросил:

– Синьорина, per favore, вы не хотите прийти на вечеринку сегодня?

– На вечеринку? Сегодня? С вами? – Она издевательски хмыкнула. – Нет.

– Будет музыка, вино, еда и богатые американские солдаты.

Она откинула волосы с лица и сказала:

– В Милане еще нет американских солдат.

– Уже есть. А будет еще больше в отеле «Диана», в танцевальном зале, сегодня в девять. Придете?

Она помедлила, потом спросила:

– Не обманываете?

– Клянусь моей матерью.

– Тогда подумаю. Отель «Диана»?

– Он самый. Наденьте вечернее платье.

– Я подумаю, – снисходительно сказала она и пошла дальше.

Пино усмехнулся. Она придет. Он почти не сомневался.

Он пошел дальше, а когда ему попалась еще одна привлекательная девушка, он и ей сказала то же самое и получил приблизительно такой же ответ. Третья девушка реагировала иначе. Она хотела отправиться на вечеринку немедленно, а когда он сказал, что будут богатые американцы, пообещала, что приведет четырех подружек.

Пино от возбуждения не заметил, как дошел до угла Пьяццале Лорето, до магазина «Фрукты-овощи» Белтрамини. Дверь была открыта. Он увидел чей-то силуэт внутри.

– Карлетто, это ты?

7

Старый друг Пино хотел захлопнуть дверь, но Пино сунул плечо в проем и не дал Карлетто этого сделать. Меньший ростом Карлетто упал на спину.

– Убирайся из моего магазина! – прокричал Карлетто, отползая назад. – Предатель. Нацист!

Его друг сильно потерял в весе, Пино увидел это, как только закрыл за собой дверь.

– Я не нацист и не предатель.

– Я видел свастику! И папа видел! – брызгал слюной Карлетто, показывая на левую руку Пино. – Вон там. Так с каких это радостей ты перестал быть нацистом?

– Эта повязка позволяла мне делать то, что я делал, – ответил Пино и

рассказал Карлетто все.

Он видел – его старый друг поначалу не поверил ему, но когда Карлетто услышал имя Лейерса и понял: Пино в течение этого времени сообщал партизанам все, что узнавал благодаря близости к генералу, – его отношение к другу изменилось.

– Они могли убить тебя, если бы узнали, – сказал Карлетто.

– Да.

– И ты все равно делал это, – сказал он, качая головой. – Вот в чем разница между тобой и мной. Ты рискуешь и действуешь, а я... я смотрю и боюсь.

– Больше бояться нечего, – сказал Пино. – Война закончилась.

– Правда?

– Как твоя мама?

Карлетто склонил голову:

– Она умерла. В январе. Во время холодов. Я никак не мог ее согреть, потому что у нас не было ни топлива, ни продуктов на продажу. Она кашляла, кашляла и умерла.

– Какое горе, – сказал Пино, чувствуя комок в горле. – Доброта была свойственна ей так же, как шутливость твоему отцу. Жаль, что меня не было рядом и я не мог помочь тебе похоронить их.

– Ты был там, где тебе и положено быть, как и я, – сказал Карлетто с таким подавленным видом, что Пино захотелось его приободрить.

– Ты все еще играешь на ударнике?

– Давно не играл.

– Но инструмент у тебя остался?

– В подвале.

– А ты знаешь еще каких-нибудь музыкантов поблизости?

– А что?

– Сделай одолжение, скажи.

– Да, думаю, знаю. Если они, конечно, живы.

– Хорошо, пойдем.

– Что? Куда?

– Ко мне домой, чтобы ты поел что-нибудь, – ответил Пино. – А потом мы возьмем вина, еды, пригласим девушек. А когда у нас будет всего достаточно, мы устроим вечеринку по поводу окончания войны.

Глава двадцать девятая

1

К 21:00 второго дня всеобщего Миланского восстания Пино и Карлетто доставили шесть ящиков вина и двадцать литров пива домашнего производства из запасов дяди Альберта в отель «Диана». Отец Пино добавил две полные бутылки граппы. А Карлетто нашел три неоткрытые бутылки виски, которые несколько лет назад кто-то подарил его отцу.

Капрал Далойа тем временем обнаружил разобранную сцену в подвале отеля и приказал солдатам собрать ее в дальнем углу танцевального зала. В задней части сцены установили ударник Карлетто. Он постукивал по басовому барабану, настраивал тарелки, а тем временем налаживали свои инструменты трубач, кларнетист, саксофонист и тромбонист.

Пино сел за пианино, которое американцы водрузили на сцену, и нервно постукивал по клавишам. Он почти год не садился за инструмент. Но потом расслабился, сыграл несколько аккордов и остановился. Этого было достаточно.

Собравшиеся начали улюлюкать и кричать. Пино театрально приложил руку ко лбу, посмотрел на двадцать американских солдат, взвод новозеландцев, восемь журналистов и итальянских девушек числом не менее тридцати.

– Тост! – прокричал майор Кнебель и запрыгнул на сцену с бокалом вина в руке, немного вина пролилось, но он и внимания не обратил, поднял бокал: – За окончание войны!

Собравшиеся взревели. Капрал Далойа вскочил на сцену к майору и закричал:

– За конец убийц-диктаторов, их чумных черных челоков и поганеньких тонких усиков!

Солдаты покатывались со смеху и одобрительно кричали.

Пино тоже смеялся, но ему удалось перевести тост для женщин, которые тоже одобрительно закричали и подняли бокалы. Карлетто выпил вино одним большим глотком, а потом причмокнул губами, и на его лице осталась широкая улыбка. Ударив барабанными палочками, Карлетто прокричал:

– Давай на всю катушку, Пино!

Руки Пино на миг зависли над инструментом, а потом пальцы побежали по клавишам. Он начал с высоких нот, затем перешел на низкие в энергичном ритме, скоро перетекшем в одну из тех мелодий, что он осваивал до начала бомбежек.

На этот раз он играл вариацию «Буги-вуги Пайнтопа»^[29], чисто танцевальную музыку.

Собравшиеся впали в неистовство, а когда Карлетто взялся за щетки и тарелки и к ним присоединилась труба, неистовство еще усилилось. Солдаты принялись расхватывать итальянок, увлекая их в свинг, разговаривая движениями рук и ног, тряской бедер, поворотами. Другие солдаты окружали танцующих, нервно поглядывали на женщин или стояли на месте с бокалом в одной руке, помахивая другой и отбивая ритм поднятым указательным пальцем, их бедра покачивались, плечи подергивались в такт с мелодией Пино. Время от времени кто-нибудь из них вскрикивал просто от пьяного куража.

Кларнетист заиграл соло. Вступил саксофонист, а за ним тромбонист. Потом музыка стихла, раздались хлопки и требования играть еще. Вперед вышел трубач и поразил публику началом песни «Горнист играет буги-вуги».

Многие солдаты знали слова наизусть, и танец дошел до исступления, другие солдаты тем временем пили, орали, свистели, танцевали и снова пили, впадали в раж просто потому, что дали себе наконец расслабиться. Когда Пино вывел песню к финалу, потеющая толпа танцоров принялась одобрительно кричать и топать ногами.

– Еще! – кричали они. – Повторить!

2

Пино был мокрый от пота, но он чувствовал себя счастливым, как никогда. Ему только не хватало Анны. Она ни разу не видела Пино за роялем. Наверно, в обморок бы упала. Он рассмеялся при этой мысли, потом подумал о Миммо. Где он? Все еще сражается с нацистами?

Пино чувствовал себя немного виноватым: он тут празднует, а его младший брат воюет, но потом он посмотрел на Карлетто, который щедрой рукой наливал себе вино с идиотской улыбкой на лице.

– Ну, Пино, дадим им, что они хотят, – сказал Карлетто.

– А как же! – прокричал Пино толпе. – Но пианисту нужно выпить! Граппы!

Кто-то поспешил принести ему стакан. Пино осушил его и кивнул Карлетто, который застучал палочками. И они снова пустились во все тяжкие, раскачивая буги-вуги во все стороны, вставляя туда мелодии, которые Пино когда-то слышал или разучивал. «Стомп 1280». «Стомп буги-вуги». «Биг-бед буги-вуги».

Толпа неистовствовала. Пино еще никогда не получал такого удовольствия, и ему вдруг стало понятно, почему родители с такой радостью приглашали музыкантов на вечеринки.

Когда они остановились, чтобы передохнуть, около одиннадцати часов, майор Кнебель подошел к нему и сказал:

– Блестяще, солдат. Просто блестяще!

– Вам нравится? – улыбаясь, спросил Пино.

– Лучшей вечеринки у меня в жизни не было, и она еще только начинается. Одна из твоих девиц живет поблизости, и она клянется, что у ее отца полон подвал выпивки.

Пино заметил, что несколько пар покинули танцевальный зал и, держась за руки, направились вверх. Он улыбнулся и пошел налить себе вина с водой.

Подошел Карлетто, положил Пино руку на плечо и сказал:

– Спасибо, что оторвал меня от моих будней сегодня.

– А для чего еще существуют друзья?

– Друзья навсегда?

– До последнего.

Первая девушка, которую Пино пригласил на вечеринку, подошла к нему и спросила:

– Ты Пино?

– Верно. А тебя как зовут?

– София.

Пино протянул руку:

– Рад познакомиться, София. Хорошо проводишь время?

– Очень весело, только я не говорю по-английски.

– Некоторые солдаты здесь, как, например, капрал Далойа, говорят по-итальянски. А остальные... Просто танцуй и улыбайся, и пусть твое тело говорит языком любви.

София рассмеялась:

– Послушаешь тебя – все проще простого.

– Я буду приглядывать, – сказал Пино и направился обратно на сцену.

Он выпил еще граппы, и они продолжили: буги-вуги, потом попурри, потом опять буги-вуги, толпа притопывала, танцевала. В полночь он

посмотрел в зал и увидел, что София отплясывает с капралом Далойа, рот которого разошелся в улыбке чуть не до ушей.

Все складывалось как нельзя лучше.

Пино выпил еще граппы, потом еще, он играл и играл, чувствовал запах пота танцующих и духи девушек, все это сливалось в терпкий аромат, и он не удержался, выпил еще. Около двух часов ночи все вокруг стало терять четкость, а потом погрузилось в черноту.

3

Шесть часов спустя, в пятницу, 27 апреля 1945 года, Пино проснулся на полу в кухне отеля, голова у него раскалывалась, в животе бурлило. Он прошел в туалет, и его вырвало, после чего желудку стало лучше, а голове хуже.

Пино заглянул в танцевальный зал – повсюду лежали или сидели люди: на стульях, на столах, на полу. Карлетто лежал на спине на сцене за ударником, подложив руку под голову. Майор Кнебель свернулся на кушетке, обнимая Софию, и Пино, глядя на них, улыбнулся, подавляя зевоту.

Он подумал о собственной кровати, о том, как хорошо было бы переспать похмелье дома, а не на жестком полу. Он выпил воды и ушел из отеля, держа общее направление на Порта Венеция^[30] и сады. День стоял изумительный, прозрачно-голубой и теплый, как в июне.

Он не отошел и квартала от отеля, как увидел первый труп, лежавший в водостоке лицом вниз с раной в затылке. Еще через квартал он увидел троих убитых. Через восемь кварталов он увидел пять трупов. На двух из них были черные рубашки. Три – в ночной одежде.

Хотя утром Пино видел столько убитых, он знал: за ночь в Милане что-то изменилось, была достигнута и пройдена критическая точка, пока он веселился и спал в отеле, потому что на улицах близ Порта Венеция гулял народ. Играли скрипки. Аккордеоны. Люди танцевали, обнимались, смеялись и плакали. Пино показалось, будто дух вечеринки из отеля «Диана» переместился на улицы, соблазнил всех, радующихся концу долгого и страшного испытания.

Он вошел в сад, чтобы сократить путь до дома. Люди лежали на травке, наслаждались солнцем, Пино посмотрел вперед, на забитую народом дорожку, по которой шел через парк, и увидел знакомое лицо: ему навстречу в форме Итальянских союзнических ВВС шел его родственник

Марио, он сиял, и, судя по его виду, ему еще никогда не было так хорошо.

– Эй, Пино! – воскликнул он, обнимая его. – Я свободен. Отсидка в квартире закончилась!

– Здрóрово! – сказал Пино. – И куда ты теперь?

– Куда угодно, – сказал Марио, глядя на свои пилотские часы, сверкавшие на солнце. – Я хочу ходить и впитывать в себя все это, радость города, в котором нацистам и фашистам пришел капут. Ты понимаешь это чувство?

Пино его прекрасно понимал. И казалось, все остальные миланцы тоже.

– Я пойду домой отсыпаться, – сказал Пино. – Вчера вечером перебрал граппы.

Марио рассмеялся:

– Жаль, меня не было с тобой.

– Ты бы неплохо повеселился.

– До встречи.

– Пока, – сказал Пино и пошел дальше.

Он прошел не больше шести метров, когда за его спиной раздались крики.

– Fascista! – кричал человек – Fascista!

Пино развернулся и увидел невысокого, коренастого человека, целящегося в Марио из револьвера.

– Нет! – воскликнул Марио. – Я пилот Итальянских союзнических...

Раздался выстрел. Пуля насквозь пробила голову Марио. Он рухнул на землю.

– Он фашист! Смерть всем фашистам! – кричал человек, потрясая револьвером.

Люди начали кричать и разбегаться.

Пино был ошеломлен – не знал, что сказать, что сделать, только смотрел на тело Марио, на кровь, текущую из раны на голове. Он ощутил позыв рвоты. Но тут убийца присел перед телом и принялся снимать пилотские часы с руки Марио.

Ярость обуяла Пино. Он уже собирался наброситься на убийцу Марио, но тот поднял голову, увидел его и проговорил:

– Что смотришь? Эй, да это же с тобой он говорил. Ты тоже фашист?

Увидев, что убийца целится в него, Пино развернулся и побежал, делая неожиданные повороты и нырки. За его спиной прогремел выстрел, пуля попала в одно из немногих деревьев, оставшихся в саду. Пино не замедлил бега, пока не оказался вне парка, почти в Сан-Бабиле. И только тогда он позволил себе осмыслить то, что видел. Вся жидкость, которую он выпил, вышла из него наружу, его рвало, пока не заболели бока.

Он пошел дальше в полубморочном состоянии, направляясь к дому кружным путем.

Минуту назад Марио был жив, и вот лежит с простреленной головой. Эта неожиданная смерть стала для Пино потрясением, и он, идя по жарким улицам, дрожал, словно от холода. Как долго еще людей будет преследовать смерть?

В квартале моды люди на улицах праздновали, сидели на крылечках, смеялись и курили, ели и выпивали. Пино миновал оперный театр, потом увидел толпу, подошел к ней, стараясь не думать о мертвом Марио. Партизаны выставили оцепление у отеля «Реджина», бывшего управления гестапо.

– Что тут происходит? – спросил Пино.

– Они обыскивают дом, – ответил кто-то.

Пино знал, что не найдут там почти ничего ценного. Он видел, как горели документы. Пино до сих пор не мог прийти в себя от того зрелища – такой кипы горящих бумаг он и представить себе не мог. Его мозг искал убежища от ужаса, который охватывал его при мысли об убитом родственнике, и спасался в размышлениях о том, что могло быть в тех сожженных документах. И какие бумаги они оставили и почему.

Он подумал о Лейерсе, каким видел его два дня назад. Генерал просил его вернуться в квартиру Долли, перед тем как Пино его арестовал. Говорил что-то о бумагах, которые забыл там, и о чем-то еще. Он не меньше двух раз упомянул эти бумаги.

Подумав, что Лейерс мог оставить какие-нибудь разоблачительные документы в квартире Долли, Пино собрался, мысли о Марио отошли на второй план.

Квартира Долли была всего в нескольких кварталах, на Виа Данте. Он должен побывать там, прежде чем пойти домой и рассказать отцу о Марио. Он найдет бумаги, отдаст их майору Кнебелю. На основании этих бумаг и того, что он знает о Лейерсе, получится неплохая история. Пино и Кнебель поведают миру о генерале и «принудительном труде», о том, как этот фараоновский надсмотрщик доводил людей до смерти.

Двадцать минут спустя Пино поднялся по ступеням крыльца, прошел

мимо старухи, которая подмигнула ему за линзами очков, и дальше по лестнице в квартиру Долли.

– Кто тут? – раздался старческий голос ему вслед.

– Старый друг, синьора Пластино, – сказал Пино, не останавливаясь.

Дверь в квартиру Долли была выломана и висела на петлях. Чемоданы и коробки лежали раскрытые, их содержимое было разбросано по полу.

Пино охватила паника.

– Анна? Долли?

Он прошел на кухню, увидел разбитые тарелки, опустошенные шкафы. Его трясло, ему казалось, что сейчас его снова вырвет, когда он подошел к комнате Анны и отворил дверь. Матрас был скинут с кровати. Ящики и шкафчики открыты и пусты.

Потом он увидел что-то торчащее из-под матраса, нагнулся, потащил. Изящная сумочка, которую его дядя подарил Анне на Рождество. Он услышал ее голос: «У меня за всю жизнь не было такого замечательного подарка. Я с ним никогда не расстанусь».

Где она? В голове у Пино запульсировало. Когда она уехала – два, три дня назад? Что случилось? Она бы никогда не оставила сумочку.

Он понял, кто даст ему ответ. Бегом спустился по лестнице, тяжело дыша, подбежал к старухе:

– Что случилось с квартирой Долли? Где она? Где ее горничная – Анна?

За толстыми линзами глаза старухи показались в два раза больше обычного размера, когда холодная, довольная улыбка искривила ее губы.

– Вчера вечером забрали этих немецких шлюх, – прокудахтала старуха. – Видели бы вы, сколько из этого гнезда разврата всяких вещей вынесли. И вслух-то эти вещи назвать нельзя.

Растерянность Пино перешла в ужас:

– Куда их увели? Кто?

Синьора Пластино прищурилась, подалась вперед, разглядывая его. Пино грубо схватил ее за руку:

– Куда?

Старуха прошипела:

– Я тебя знаю. Ты один из них!

Пино отпустил ее, отступил.

– Нацист! – закричала она. – Он нацист! Здесь нацист!

Пино выскочил за дверь, а визгливый голос старухи раздавался за его спиной:

– Остановите его! Он предатель! Нацист! Друг немецких шлюх!

Пино бежал со всех ног, чтобы не слышать визгливых криков старухи. Наконец он остановился, прислонился к стене, чувствуя себя растерянным, оцепеневшим и испуганным.

«Анну и Доли увели», – подумал он, ощущая страх, который грозил лишить его способности думать.

Но куда? И кто мог их увести? Партизаны? Он в этом не сомневался.

Пино мог обратиться к партизанам, но станут ли они его слушать? Станут, он покажет им письмо, которое получил, когда привез Лейерса. Он порылся в карманах. Письма там не было. Порылся еще раз – ничего. Что ж, ему придется так или иначе найти командира партизан в Милане. Но без письма они могут решить, что он коллаборационист, потому что знаком с Долли и Анной, и он, таким образом, подвергнет себя опасности. Ему требовалась помощь. Ему нужен был дядя Альберт. Он найдет его, пусть тот воспользуется своими связями...

Пино услышал голоса вдалеке, которых не мог разобрать. Но крики становились громче, все больше голосов, больше неистовства, и Пино почувствовал себя еще более растерянным. По причине, которую он не мог объяснить, он бросился бежать не к дому, а на крики, словно эти голоса звали его. Он петлял по улицам, ориентируясь на громкие звуки, и наконец понял, что они исходят из парка Семпионе, из Кастелло Сфорцеско, где они с Анной гуляли в тот снежный день, когда видели воронов.

То ли с похмелья, то ли от усталости, то ли от парализующего страха при мысли о том, что Анну увели, то ли от сочетания всех трех причин он вдруг почувствовал, что теряет равновесие, будто сейчас ноги подкосятся и он упадет. Время, казалось, замедлилось. Каждое мгновение словно выпадало из реальности, как было на кладбище, откуда он забирал тело Габриеллы Роки.

Только теперь чувства Пино, казалось, отключались, сначала слух, потом вкус и осязание, наконец осталось только зрение, и он, пошатываясь, шел мимо сухого фонтана к опущенному подъемному мосту над пустым ровом к арке главного входа в средневековую крепость.

Впереди Пино двигалась толпа людей, которые прошли по мосту, а теперь протискивались через ворота. Сзади напирали все новые люди, толкали его, их лица горели от возбуждения. Он знал, что они все кричат и шутят, но не понимал ни слова, продвигаясь вперед с толпой. Он поднял голову. В сверкающем голубом небе над разбомбленными башнями снова

кружили вóроны.

Пино смотрел на птиц, пока не оказался у самого входа. Потом кто-то протолкнул его внутрь на громадный, в кратерах, двор, обжигаемый солнцем, двор тянулся метров на сто до второй крепостной стены – менее высокой, в три этажа, – с бойницами, из которых средневековые лучники обстреливали врагов. На открытом пространстве между двумя крепостными стенами стало посвободней, люди спешили, обгоняя Пино, к сотням других, напирающих на вооруженных партизан, оцепивших одну четверть двора. Они стояли спиной к Кастелло Сфорцеско.

6

Пино пробирался через толпу, и чувства постепенно возвращались к нему.

Сначала обоняние – он ощутил тошнотворно-сладковатый на жаре запах плотной толпы. Потом осязание – он вновь почувствовал свои пальцы и ощутил кожей на затылке нещадный жар солнечных лучей. Потом он слышал толпу, ее улюлюканье и свист, призывы к мести.

– Убейте их! – кричали люди – мужчины, женщины и дети. – Выводите их! Пусть за все заплатят!

Люди в первых рядах увидели что-то и одобрительно взревели. Они попытались подойти поближе, но партизанское оцепление не пустило их. Но Пино было не удержать. Он использовал свою силу, рост и вес, чтобы пробраться вперед. Наконец между ним и передними зрителями оказалось не более трех человек.

Восемь бойцов в белых рубашках, красных шарфах, черных брюках и таких же черных капюшонах вышли на открытое пространство за оцеплением. На плечах у них были карабины, они остановились метрах в сорока от Пино.

– Что тут происходит? – спросил Пино у какого-то старика.

– Фашисты, – ответил тот с беззубой улыбкой и провел ребром ладони по шее.

Люди в капюшонах выстроились в линию через три метра друг от друга, они стояли в непринужденных позах, повернувшись лицом к стене внутренней крепости. Толпа успокоилась и стихла, когда дверь в дальнем левом углу двора открылась.

Прошли десять секунд. Потом двадцать. Потом минута.

– Давайте там! – прокричал кто-то. – Жарко. Выводите их!

В дверях появился девятый человек в капюшоне. В одной руке он держал пистолет, в другой – толстую веревку. Он вышел наружу. Он вытащил за собой почти два метра веревки, когда наконец появился обвязанный ею первый пленник: пузатый, на тонких ножках мужчина лет пятидесяти, в одном нижнем белье, носках и туфлях.

Люди начали смеяться и одобрительно хлопать. У бедняги был такой вид, будто он может упасть в любой момент. За ним шел другой человек, в брюках и футболке без рукавов. Он шел с высоко поднятой головой, старался казаться смелым, но Пино видел, что его трясет. Следующим шел чернорубашечник, все еще в форме, и толпа зароптала.

Потом появилась рыдающая женщина средних лет в бюстгальтере, трусиках и сандалиях, и толпа зашлась в воплях. У женщины была бритая голова, какая-то надпись на лбу, лицо вымазано помадой.

Еще метр веревки – и появилась еще одна бритая женщина, потом третья. Когда Пино увидел четвертую, щурившуюся на ярком солнце, его охватила дрожь.

Это была Долли Штоттлемейер в халате цвета слоновой кости и зеленых тапочках. Когда любовница Лейерса увидела расстрельный взвод, она попыталась упереться каблуками в землю, потащила веревку на себя, принялась выкручиваться, сопротивляться, закричала по-итальянски:

– Нет, вы не имеете права! Это несправедливо!

Подошел партизан и ударил ее прикладом между лопаток. Долли подалась вперед, выдернув за собой на веревке Анну.

7

Анна была раздета до нижней юбки и бюстгальтера, ее волосы были ужасным образом острижены. Оставшиеся клочья торчали на голом черепе. На губах было столько помады, что она казалась каким-то персонажем мультипликационного фильма. Ее ужас усилился, когда она увидела расстрельный взвод, слышала толпу, требующую ее смерти.

– Нет, – сказал Пино, а потом крикнул: – Нет!

Но его голос утонул в диком вое жаждущей крови толпы во дворе Кастелло Сфорцеско, этот вой оглушал приговоренных, стоящих у стены. Толпа снова подалась вперед и сжала Пино со всех сторон. Беспомощный, в миг ослабевший, не верящий своим глазам, он увидел, как Анну поставили рядом с Долли.

– Нет, – сказал он. Его горло сдавил спазм, глаза наполнились

слезами. – Нет.

Анна впала в истерику, ее тело содрогалось от крика. Пино не знал, что ему делать. Он хотел броситься вперед, крикнуть партизанам, чтобы они освободили Анну. Но перед его глазами стояла старуха, которая обозвала его нацистом и предателем. И письма при нем не было. Они могли и его с таким же успехом поставить к стенке.

Командир партизан вытащил пистолет и выстрелил в воздух, чтобы успокоить толпу. Анну от страха отбросило к стене, ее трясло, она рыдала.

Командир прокричал приговор:

– Обвинения против этих восьми – измена, коллаборационизм, проституция и получение выгод от оккупации Милана нацистами и чернорубашечниками. Справедливым наказанием для них будет смерть. Да здравствует Итальянская республика!

Толпа радостно заулюлюкала. Пино не мог этого вынести. Слезы жгли ему глаза, он принялся в отчаянии пробиваться вперед, работая локтями, коленями, пока не оказался на передней линии.

Один из партизан увидел его напористость и упер ствол винтовки ему в грудь.

– У меня было письмо, но я не могу его найти, – сказал Пино, похлопывая себя по карманам. – Я работал в Сопротивлении. Произошла ошибка.

Партизан почти и не посмотрел на него.

– Я тебя не знаю. Где письмо?

– Было у меня в кармане прошлым вечером, но я... была вечеринка и... позвольте мне поговорить с вашим командиром.

– Сначала покажи мне что-нибудь, что обязывало бы его говорить с тобой.

– Нам нужно поесть! – раздался женский голос. Пино посмотрел через плечо партизана и увидел первую женщину на веревке, она кричала умоляющим голосом: – Мы хотим есть! Мы хотим есть и жить! Неужели это слишком много?

Долли, казалось, смирилась с судьбой. Она откинула назад волосы и попыталась поднять голову, но у нее не получилось.

– Готовы? – спросил командир.

Анна закричала:

– Нет! Я не шлюха! Я не коллаборационист! Я горничная. Только и всего. Поверьте мне, кто-нибудь. Я всего лишь горничная. Долли, скажите им. Долли, скажите!

Долли, казалось, не слышала ее. Она смотрела на партизан, которые

приставили приклады к плечу.

– Боже мой! – вскричала Анна. – Кто-нибудь, скажите им, что я всего лишь горничная!

– Целься.

Руки у Пино опустились. Он смотрел на партизана, который теперь внимательно разглядывал его. Пино напрягся и хотел крикнуть, что так оно и есть, что она ни в чем не виновата, что это ошибка и...

– Пли!

Выстрелы прозвучали, как удар в литавры.

Пуля пронзила сердце Анны-Марты.

Ее отбросило назад, на лице появилось удивленное выражение, а потом она вроде бы увидела Пино, словно ее душа почувствовала его присутствие и призвала в это последнее мгновение, а потом она скорчилась под стеной в пыли и умерла.

Глава тридцатая

1

Увидев, как дернулось тело Анны, как кровь растеклась по ее груди, Пино почувствовал, что сердце его разорвалось, вся любовь, вся радость, вся музыка ушли из него.

Толпа вокруг него одобрительно улюлюкала, а он стоял, ссутулившись, плача в мучительной агонии, которая скрутила его, он даже подумал, что все это ему снится, что его возлюбленная не лежит там в луже крови, что он не видел, как пуля сразила Анну, как жизнь в одно мгновение покинула ее, что он не слышал мольбу любимой к нему, чтобы он спас ее.

Теперь, когда шоу закончилось, толпа двинулась в обратную сторону. Пино остался на месте, глядя на тело Анны, распростертое у стены, он видел ее потухший взгляд, словно обвинявший его в предательстве.

– Уходи, – сказал ему партизан. – Все закончилось.

– Нет, – сказал Пино. – Я...

– Уходи, если жизнь дорога, – сказал партизан.

Бросив последний взгляд на Анну, Пино, вздрогнув всем телом, развернулся и поплелся прочь в хвосте толпы. Он прошел через ворота, по мостику. Он не мог принять того, что случилось. Словно это ему выстрелили в грудь, но настоящая боль пришла к нему только сейчас. Потом явилось понимание, вся тяжесть случившегося легла на его плечи, угрожая уничтожить его. Он не защитил Анну. Он не умер, защищая ее, как это делали трагические герои классических романов и пьес.

Пино страдал от собственной беспомощности. Сердце терзала ненависть к самому себе.

«Я трус», – думал он в темном отчаянии, не понимая, за что ему достался такой ад.

Он бродил вокруг замка и наконец не выдержал. Голова у него закружилась, его затошнило. Он поплелся к сухому фонтану. Его вырвало, потом еще раз. Он понимал, что плачет и что на него смотрят люди.

Когда Пино наконец поднялся, кашляя, сплевывая и вытирая глаза, какой-то парень по другую сторону фонтана сказал:

– Ты знал кого-то из них?

Пино увидел подозрительность и угрозу в выражении его лица. Пино

хотел было заявить о своей любви к Анне и принять благородный конец. Но тут человек двинулся к нему, ускоряя шаг, потом указал пальцем на Пино.

– Кто-нибудь, задержите его! – прокричал он.

2

Первобытный инстинкт самосохранения взял верх, и Пино бросился прочь, по диагонали от фонтана, к Виа Белтрамини. Послышались крики. Кто-то попытался схватить Пино, но тот ударил его кулаком, и человек распростерся на мостовой. Пино бежал без оглядки, зная, что люди гонятся за ним, потом заметил, что кто-то пытается перехватить его сбоку.

Пино ударил локтем в лицо этого человека, другого саданул в пах коленом и, обогнув машины, ушел на Виа Джузеппе Поццоне. Он перепрыгнул через капот одной из машин, а потом коротким путем бросился к Виа Ровелло, где перепрыгнул через наполненную водой воронку от бомбы, отрываясь от своих преследователей. Заверачивая за угол на Виа Сан-Томазо, он оглянулся: за ним гнались шесть человек с криками: «Он предатель! Коллаборационист! Остановите его!»

Но Пино знал эти улицы как свои пять пальцев. Он прибавил скорости, сделал правый поворот на Виа Бролетто, потом левый – на Виа дель Босси. Впереди на Пьяцца делла Скала стояла небольшая группа людей. Пино решил не рисковать и свернул в «Галерею» до того, как до ушей донеслись крики «предатель».

По диагонали на другой стороне улицы в стене знаменитого оперного театра была открыта дверь. Пино бросился туда, забежал в фойе, потом, двигаясь в тени, переместился в темный угол. Там он остановился, уверенный, что никто снаружи его не увидит. Он стоял и наблюдал, как шесть преследователей пробежали мимо в направлении площади. Тяжело дыша в темноте, он оставался там, пока не убедился, что они потеряли его.

3

Где-то в глубине театра начал распевку тенор.

Пино повернулся и случайно задел что-то металлическое. Предмет издал громкий звук, Пино посмотрел на дверь и увидел человека, с которым столкнулся у фонтана, он заглядывал внутрь с улицы.

Человек вошел, отряхивая руки от пыли:

– Ты здесь, предатель, я знаю.

Пино ничего не сказал, он оставался в темном углу и, почти уверенный, что человек не заметит его, повернулся в его сторону и медленно присел. Человек подходил все ближе, и пальцы Пино нащупали на полу кусок металлической арматуры, вероятно оставшийся после ремонта пострадавшего от бомбежки театра. Арматура была толщиной с большой палец Пино, длиной с его руку и тяжелая. Когда, человек, который преследовал его от фонтана, находился от Пино на расстоянии двух метров и прищурился, чтобы лучше видеть, Пино замахнулся арматурой, целя ему в голень. Но он прицелился неточно и попал по колену.

Человек вскрикнул, Пино быстро сделал два широких шага, нанеся кулаком удар по челюсти сбоку. Человек упал. Но за ним появились два других преследователя. Пино развернулся и ушел глубже в темноту, он двигался, выставив вперед руки, на ощупь перемещаясь в ту сторону, где пел тенор. Два раза Пино споткнулся, зацепился брюками за проволоку; в то же время он напряженно прислушивался к шагам преследователей позади него, а потому не сразу узнал арию, которую разучивал тенор.

Но потом узнал.

«Vesti la Giubba» – «Надеть костюм» из оперы «Паяцы». Ария была преисполнена скорби, и у Пино мысль о бегстве отступила перед воспоминанием о гибели Анны. Он споткнулся, ударился обо что-то головой, искры посыпались у него из глаз, и он чуть не упал.

Когда он поднялся, тенор пел вторую строфу. Канию, паяц с разбитым сердцем, убеждал себя продолжать жить, надеть маску и скрывать свою душевную боль. Пино десятки раз слышал эту арию в записи, и теперь она подтолкнула его к действию, как и звук шагов у него за спиной.

Он продолжал двигаться по-прежнему на ощупь и вдруг ощутил щекой дуновение воздуха и увидел косые лучи света впереди. Он припустил бегом, распахнул дверь и оказался в закулисном пространстве знаменитого оперного театра. Он был здесь прежде несколько раз, слушал, как репетирует его родственница Личия. Теперь в середине сцены стоял молодой тенор. Пино мельком увидел его в свете низких ламп. Певец перешел к третьей строфе.

«Ridi, Pagliaccio, sul tuo amore infranto».

«Смейся, паяц, над разбитой любовью».

Пино прошел за занавес и вниз по лестнице, которая вела к боковому проходу в ложи. Он двинулся к выходу, когда тенор запел: «Ridi del duol, che t'avvelena il cor!» («Смейся и плачь ты над горем своим!»)

Эти слова, казалось, ударили Пино, как стрелы, они ослабили его, и тут тенор смолк и испуганно вскрикнул:

– Кто вы? Что вам надо?

Пино повернулся и увидел, что певец обращается к трем преследователям Пино, которые подошли к сцене.

– Мы ищем предателя, – сказал один из них.

4

Пино толкнул дверь, и она издала жуткий скрип. Он снова припустил бегом, вниз по лестнице, в фойе. Двери были открыты. Он выскочил наружу, стянул с себя рубашку, остался в белой футболке.

Он посмотрел налево. До дома оставалось пять или шесть кварталов. Но он не мог укрыться там и поставить под угрозу семью. Вместо этого он пересек трамвайные пути и влился в толпу людей, празднующих окончание войны у памятника Леонардо. Он пытался сосредоточиться, но в его голове все время повторялись слова из трагической арии паяца, а перед глазами стояла Анна, она плакала, умоляла о помощи, потом пуля отбрасывала ее назад, и она падала.

Пино потребовались все его силы, чтобы не упасть на землю в рыданиях. Ему потребовались все силы, чтобы улыбаться, словно и его, как и всех остальных, переполняет радость оттого, что нацистам пришел конец. Он, улыбаясь, продолжал идти по «Галерее», не понимая толком куда.

Потом он вышел из магазина и понял, куда ему нужно. На Пьяцца Дуомо огромная толпа праздновала, ела, выпивала, танцевала под музыку. Пино растворился в толпе, замедлил шаг, он улыбался, стараясь выглядеть нормальным, направляясь к ручейку людей, спешащих в собор помолиться.

Дуомо означал для Пино прибежище. Они могут преследовать его в соборе, но вывести оттуда не смогут.

Он был уже перед дверями собора, когда услышал крик у себя за спиной:

– Вот он! Остановите его! Он предатель! Коллаборационист!

Пино оглянулся и увидел, что они бегут по площади. Следом за несколькими женщинами, которые годились ему в матери, он проскользнул в базилику.

5

Витражные окна все еще оставались заколоченными, а потому единственный свет в Дуомо создавали поставленные прихожанами свечи, которые мерцали в разных альковах и приделах по сторонам от центрального прохода, горели свечи и вокруг алтаря. Пино ушел в сторону от приделов по левой стороне, направляясь к правому проходу и исповедальням: мрачные сооружения, не дающие уединения кающимся, которым приходится стоять на коленях перед высокой деревянной кабинкой и шепотом рассказывать о своих грехах священнику внутри.

Это было унижительно, и Пино не хотел здесь исповедоваться. Но он, по своим детским годам, когда не раз стоял на коленях перед кабинкой в Дуомо, знал, что между кабинкой и стеной есть пространство сантиметров в тридцать, максимум в пятьдесят. Он надеялся, что для него этого будет достаточно, затискиваясь за третью кабинку, самую дальнюю от больших подсвечников.

Он стоял там, его трясло, он горбился, чтобы стать менее заметным, и радовался тому, что в день освобождения, похоже, никто не пришел исповедоваться. Ария снова зазвучала в его голове, а с нею вернулся ужас смерти Анны; наконец он заставил себя прогнать из памяти эту сцену и слушать. До него донеслось бормотание женщин, произносящих молитвы. Позвякивание. Кашель. Скрип большой двери. Мужские голоса. Пино подавил желание выглянуть из-за кабинки, он ждал, слыша приближение громких шагов. Мужчины двигались быстро.

– Куда он делся? – раздался голос.

– Он где-то здесь, – сказал другой, стоявший, казалось, прямо перед исповедальной кабинкой.

– Иду, – послышался голос с другой стороны и звук приближающихся шагов.

– Нет, отец, – сказал один из мужчин. – Не сегодня. Мы пойдем помолиться в один из приделов.

– Если согрешите по пути туда, я буду ждать, – сказал священник, и дверь исповедальной кабинки открылась.

Пино почувствовал, как кабинка просела под весом священника. Он услышал, что два человека ушли в глубину собора. Он ждал, тяжело дыша, и не спешил. Снова ария паяца зазвучала у него в ушах. И снова он попытался прогнать эту мелодию, но ария звучала и звучала.

Он вынужден был уйти, боясь снова разрыдаться. Пино попытался осторожно выбраться из-за кабинки, но задел ногой скамеечку для коленопреклонения.

– Наконец-то кто-то пришел, – сказал священник.

Сеточка сдвинулась, но Пино видел за ней только черноту. Он сделал единственное, что ему пришло в голову: опустился на колени.

– Благослови меня, святой отец, исповедаться, ибо я грешен, – сдавленным голосом проговорил Пино.

– Да?

– Я не сказал ничего, – покаянно рыдал Пино, – ничего не сделал.

– О чем ты говоришь, сын мой? – спросил священник.

6

Пино, чувствуя, что продолжение исповеди совсем сломит его дух, вскочил на ноги и пошел вглубь собора. Он быстрым шагом миновал трансепт^[31], вышел к двери, которую помнил по прежним временам, и через секунду оказался на Виа дель Арчивесковадо.

Тут он увидел толпу счастливых людей, направляющихся на площадь. Он прошел против движения, обогнул собор сзади. Пино хотел было пойти к дяде Альберту, когда увидел священника и рабочего, выходящих из дверей на дальней стороне собора близ Корсо Витторио. За ними находилась лестница, и он вспомнил, что поднимался по ней мальчишкой вместе с классом.

Появился еще один рабочий. Пино придержал дверь, прежде чем она закрылась, и стал подниматься по крутой узкой лестнице, уходящей на высоту тридцати этажей к галерее вдоль длинной стороны базилики, мимо горгулий, шпилей и готических арок. Он не сводил глаз с безупречной многоцветной статуи Мадонны на самой высокой башне Дуомо, дивясь тому, как она пережила войну и сколько разрушений видела.

Мокрый от холодного пота, дрожа, несмотря на пекло, он двигался между и под арочными контрфорсами, поддерживающими крышу. Наконец Пино остановился, достигнув балкона высоко над главным входом в собор. Он посмотрел на свой разрушенный город, на разрушенную жизнь, распростертую под ним, словно изорванная в клочья, пробитая пулями юбка.

Пино, мучимый страданиями, которым не было конца, поднял лицо к небу и прошептал:

– Я не сказал ничего, чтобы спасти ее, Господи. Я ничего не сделал.

Это признание снова вернуло его к трагедии, и он захлебнулся рыданиями.

– После всего... после всего, что было, у меня не осталось ничего.

Пино услышал смех, музыку и пение, доносящиеся с площади. Он шагнул на балкон и посмотрел вниз, опершись на ограду. В девяноста метрах под ним, в том месте, где он видел рабочих, устанавливающих прожекторы почти два года назад, теперь играли скрипки, аккордеоны и гитары. Он видел, как из рук в руки передаются бутылки вина, как целуются, танцуют, любят по другую сторону войны.

Боль и скорбь терзали его. Пино решил, что эта пытка дана ему в наказание. Он склонил голову... Ария паяца с разбитым сердцем звучала в его ушах, а Анна скрючивалась и падала снова и снова, и... за несколько секунд его вера в Бога, в жизнь, в любовь, в лучшее завтра растаяла.

Пино, держась за мраморный столбик, забрался на перила балкона – предатель, брошенный, одинокий... Он посмотрел на перистые облака, плывущие по лазурному небу, и решил, что в миг смерти хорошо смотреть на небо и облака.

– Господи, ты видел все, что я совершил, – сказал Пино, отпуская столбик, чтобы сделать худший из шагов. – Смилуйся над моей душой.

Глава тридцать первая

1

– Стой! – раздался за его спиной мужской голос.

Пино вздрогнул, чуть не потерял равновесие и не свалился с перил, он был близок к тому, чтобы пролететь тридцать этажей до брусчатки площади и разбиться. Но его рефлекс альпиниста были слишком сильны. Пальцы вцепились в столбик. Он удержался на перилах, смог оглянуться через плечо и почувствовал, что его сердце словно пытается уползти из груди.

Менее чем в трех метрах от него стоял кардинал Милана.

– Что вы делаете? – спросил Шустер.

– Умираю, – тупо ответил Пино.

– Вы не сделаете ничего такого. По крайней мере, в моей церкви. И не в этот день, – сказал кардинал. – Хватит кровопролитий. Спуститесь с перил, молодой человек. Немедленно.

– Милорд кардинал, так будет лучше.

– Милорд кардинал?

Князь Церкви прищурился, поправил очки, присмотрелся:

– Только один человек называет меня так. Вы водитель генерала Лейерса. Пино Лелла.

– Именно поэтому мне лучше спрыгнуть, чем жить.

Кардинал Шустер отрицательно покачал головой и шагнул к нему:

– Вы предатель и коллаборационист, который прячется в Дуомо.

Пино кивнул.

– Тогда спускайтесь, – сказал Шустер, протягивая руку. – Вы в безопасности. Я даю вам убежище. Вы под моей защитой, никто не посмеет прикоснуться к вам.

Пино хотелось зарыдать, но он поборол себя и сказал:

– Вы бы не дали мне убежища, если бы знали, что я сотворил.

– Я знаю, что говорил мне о вас отец Ре. Для меня этого достаточно, чтобы знать: я должен вас спасти. Возьмите мою руку. Мне становится нехорошо, когда я смотрю на вас там.

Пино посмотрел на протянутую руку Шустера, его кардинальское кольцо, но не взял ее.

– Чего бы хотел от вас отец Ре? – спросил кардинал Шустер.

При этих словах что-то дало слабину у Пино внутри. Он ухватил кардинала за руку, прыгнул и встал перед ним, ссутулившись.

Шустер положил руку на дрожащее плечо Пино:

– Не может быть, чтобы все было так плохо, сын мой.

– Все гораздо хуже, милорд кардинал, – сказал Пино. – Хуже не бывает. Я совершил такое, что мне теперь прямая дорога в ад.

– Позволь мне быть твоим судьей, сын мой, – сказал Шустер, уводя его с балкона.

Он усадил Пино под одним из арочных контрфорсов собора. Пино сидел, смутно воспринимая музыку, которая доносится снизу, смутно понимая, что кардинал попросил кого-то принести еду и воду. Потом Шустер присел рядом с Пино.

– Расскажи мне все, – сказал кардинал. – Я выслушаю твою исповедь.

Пино пересказал Шустеру историю своих отношений с Анной, как он встретился с ней в день первой бомбардировки Милана, а потом четырнадцать месяцев спустя в доме любовницы генерала Лейерса, о том, как влюбился в нее, как они собирались пожениться, как она трагически погибла меньше часа назад.

– Я ничего не сказал, чтобы их остановить, – сквозь слезы проговорил он. – Ничего не сделал, чтобы ее спасти.

Кардинал Шустер закрыл глаза. Пино, у которого сдавило горло, с трудом произнес:

– Если бы я по-настоящему любил ее, я... я был бы готов умереть с ней.

– Нет, – сказал прелат, открывая глаза и устремляя взгляд на Пино. – Трагедия, что твоя Анна умерла так, но у тебя есть право жить. У каждого человека есть это право, дарованное Господом, а ты опасался за свою жизнь.

Пино вскинул руки и воскликнул:

– Вы знаете, сколько раз опасался я за свою жизнь в последние два года?

– И представить себе не могу.

– Во всех предыдущих случаях я верил, что нужно поступать правильно, какой бы ни была опасность. Но я просто... не мог поверить в Анну достаточно, чтобы...

Он снова начал плакать.

– Вера – вещь странная, – сказал Шустер. – Как сокол, который год за годом селится в одном месте, а потом вдруг улетает. Иногда на годы, но для того, чтобы вернуться окрепшим спустя время.

– Я не знаю, вернется ли она когда-нибудь ко мне.
– Вера вернется. Со временем. Пойдем со мной, сын мой. Мы тебя покормим, я найду тебе место для ночлега.
Пино подумал, отрицательно покачал головой и сказал:
– Я спущусь с вами, милорд кардинал, но я думаю, что оставлю храм с наступлением темноты и пойду домой к моей семье.
Шустер, помолчав, сказал:
– Как хочешь, сын мой. Благословляю тебя. Ступай с Богом.

2

С наступлением темноты Пино вышел из собора и добрался до дома родителей. В холле он тут же вспомнил канун Рождества, вспомнил, как Анна морочила часовых, чтобы пронести наверх рацию. Когда он ехал в лифте, на него нахлынули новые мучительные воспоминания: как они целовались, проезжая часовых на пятом этаже, как они...

Лифт остановился. Пино поплелся к двери, постучал.

Тетушка Грета открыла дверь с улыбкой:

– Ну наконец-то! Мы не садились ужинать – ждали тебя и Марио. Ты его видел?

Пино проглотил комок в горле и сказал:

– Он убит. Они все убиты.

Его тетушка осталась стоять, потрясенная, а он прошел мимо нее в квартиру. Дядя Альберт и отец Пино слышали его слова и поднялись с дивана ему навстречу.

– Как это – убит? – спросил Микеле.

– Человек, которому понравились его часы, назвал Марио фашистом и пристрелил в саду близ Порто Венеция, – глухо сказал Пино.

– Нет! – сказал его отец. – Этого не может быть!

– Я видел это своими глазами, папа.

Его отец рухнул как подкошенный на диван с криком:

– Боже мой, как я скажу его матери?

Пино смотрел на ковер, вспоминал, как они с Анной занимались здесь любовью. Лучший подарок на Рождество за всю жизнь. Он не слышал вопросов, которые дядя Альберт задавал ему один за другим. Ему хотелось упасть на ковер и завывать.

Тетя Грета погладила его по руке.

– Все образуется, Пино, – сказала она утешительным тоном. – Что бы

ты ни видел, что бы ты ни выстрадал, все образуется.

Слезы наполнили глаза Пино, он отрицательно покачал головой:

– Нет, не образуется. Никогда.

– Бедный мальчик! – тихо воскликнула она. – Пожалуйста, садись, поешь. Расскажи нам все.

Пино дрожащим голосом сказал:

– Я не могу говорить об этом. Я больше не могу думать об этом. И я не хочу есть. Я хочу одного – уснуть.

Его трясло, будто на самом лютном морозе.

Микеле подошел к Пино, положил руку ему на плечо:

– Давай я провожу тебя в спальню. Утром тебе станет лучше.

Пино едва ли понимал, куда его ведет отец. Он сел на кровать, пребывая в ступоре.

– Хочешь послушать приемник? – спросил отец. – Теперь это безопасно.

– Мой приемник у отца Ре.

– Я принесу тебе приемник Баки.

Пино безразлично пожал плечами. Микеле, поколебавшись, вышел и вскоре вернулся с рацией Баки. Поставил ее на угол стола.

– Послушай, если хочешь.

– Спасибо, папа.

– Если я тебе понадобится, позови.

Пино кивнул.

3

Микеле вышел, закрыв за собой дверь. Пино слышал его разговор с дядей Альбертом и тетей Гретой, потом они перешли на шепот, и Пино вообще перестал различать слова. Через открытое окно до него донесся одиночный выстрел где-то на севере, потом смех и шаги людей по мостовой.

Они словно дразнили его своей радостью, издевались над ним в худший час его жизни. Он закрыл окно, снял ботинки и брюки, лег в кровать, дрожа от ярости и боли, выключил свет. Он попытался уснуть, но его преследовали теперь даже не звуки арии, а черные, обвиняющие глаза Анны, устремленные на него в момент ее смерти, и любовь, утраченная вместе с ее душой.

Он включил приемник и крутил верньер, пока не услышал медленную

мелодию, исполняемую фортепьяно в сопровождении тарелок. Тихий, теплый джаз. Пино закрыл глаза и постарался погрузиться в музыку, нежную и игривую, как весенний ручей. Он попытался вообразить этот ручей, попытался найти свое место в нем, уснуть, уйти в небытие.

Но потом мелодия закончилась, и послышалась песня «Горнист играет буги-вуги». Пино, вздрогнув, сел, ему казалось, что каждая нота ударяет в него, причиняет боль. Он видел себя предыдущей ночью в отеле «Диана» с Карлетто, видел, как они играли на той вечеринке. Анна тогда еще была жива, эта банда еще не схватила ее. Если бы он пошел к Долли, а не...

Музыка снова разбредила его рану. Пино схватил приемник и чуть было не швырнул его о стену, чтобы он разлетелся на тысячу кусков. Но вдруг он испытал такое изнеможение, что его сил хватило лишь на то, чтобы повернуть верньер, – из динамиков теперь доносился только шум помех. Пино свернулся в позу эмбриона. Он слушал пощелкивание и шипение эфира и молился о том, чтобы разверстая рана в сердце остановила наконец его биение.

4

Пино спал и видел Анну живой. Она в его снах по-прежнему смеялась, как смеялась наяву, и целовала его, как целовала наяву. Он чувствовал ее запах, и она искоса удивленно посматривала на него, отчего у Пино всегда возникало желание обнять ее, прижать к себе...

Кто-то тряс его за плечо, и Пино проснулся в своей спальне. Сквозь окно лился солнечный свет. У его кровати стояли отец и дядя. Пино посмотрел на них как на незнакомых людей.

– Уже десять, – сказал дядя Альберт. – Ты проспал почти четырнадцать часов.

Кошмар предыдущего дня мигом вернулся к нему. Пино так долго пробыл во снах с живой Анной, что чуть снова не разрыдался.

– Я знаю, тебе нелегко, – сказал Микеле. – Но нам нужна твоя помощь. Дядя Альберт кивнул:

– Мы должны поискать тело Марио на «Чимитеро монументале»^[32].

Пино все еще хотелось накрыться с головой одеялом и искать Анну в своих снах, но он сказал:

– Я оставил его в саду около Порта Венеция. Я убежал оттуда.

Дядя Альберт сказал:

– Когда ты уснул вчера, я ходил туда. Мне сказали, что тело перенесли

на кладбище, и мы можем найти его там среди других тел, найденных на улице за последние дни.

– Так что вставай, – сказал Микеле. – Втроем мы найдем Марио быстрее, чем вдвоем. Мы обязаны сделать это ради его матери.

– Меня узнают, – сказал Пино.

– Со мной тебе ничто не грозит, – сказал дядя Альберт.

Пино понял, что ему от них не отделаться.

– Дайте мне минуту. Я сейчас.

Они оставили его, он сел, чувствуя удары молота в голове и огромную, безмерную пустоту в сердце. Его мозг искал воспоминания об Анне, но он заставил себя прекратить эти поиски. Он не мог думать о ней, потому что в этом случае он должен был лежать и предаваться скорби.

Пино оделся и вышел в гостиную.

– Ты не хочешь поесть перед уходом? – спросил отец.

– Не хочу, – ответил Пино, он слышал, какой у него безжизненный голос, но ему было все равно.

– Воды, по крайней мере, выпей.

– Не хочу! – закричал Пино. – Ты оглох, старик?

Микеле отступил от него:

– Хорошо, Пино. Я только хочу тебе помочь.

Он устался на отца – он не хотел и был не в силах рассказывать ему об Анне.

– Я знаю, папа, – сказал он. – Извини. Идем искать Марио.

5

В одиннадцать утра на улицах уже стояла удушающая жара и было почти полное безветрие. Они сначала шли пешком, потом сели на один из редких трамваев, потом их подвез друг дяди Альберта, сумевший раздобыть бензин.

В памяти Пино почти ничего не осталось от этой поездки. Милан, Италия, весь одичавший мир перестал для него существовать, порвалась связующая нить дней. Он смотрел на израненный город, словно издалека, он был чужим для этой бурлящей жизни, которая начала возвращаться в город после ухода немцев.

Они вышли из машины на площади перед кладбищем. Пино казалось, что он снова видит сон, который вот-вот обернется кошмаром. Они пошли к Фамедио, восьмиугольной часовне на «Чимитеро монументале», и к

длинным арочным открытым колоннадам, отходившим от часовни вправо и влево.

Скорбный плач доносился из-за колоннад, потом вдалеке прозвучали выстрелы, а за ними раздался низкий, рокошущий звук взрыва. Пино было все равно. Упав на них бомба, он бы только порадовался этому. Он обнял бы ее и ударил по взрывателю молотком.

Они слышали гудок грузовика-самосвала. Дядя Альберт оттащил Пино в сторону, и тот посмотрел вслед машине мутным взглядом. Этот грузовик ничем не отличался от всех других, пока он не оказался с наветренной стороны от них и они не ощутили запах смерти. В кузове, словно дрова, были свалены убитые, посиневшие, распухшие тела, одетые и обнаженные, мужчины, женщины и дети. Пино согнулся пополам, его вырвало.

Микеле погладил его по спине:

– Что делать, Пино. Такая жара. Я на всякий случай взял носовые платки и камфору.

Самосвал развернулся на сто восемьдесят градусов и сдал назад к нижним аркам западной колоннады. Кузов начал подниматься. Сотня или больше трупов вывалились на клумбу и щебень.

Пино в ужасе стоял и смотрел. Неужели и Анна здесь? Среди этих тел?

Он услышал, как один из водителей сказал, что привезут еще несколько сотен убитых.

Дядя Альберт потянул Пино за рукав.

– Уйдем отсюда пока, – сказал он.

Пино, как послушная собака, последовал за ним в часовню.

– Вы ищете кого-то из близких? – спросил человек, стоящий за дверями.

– Сына моей родственницы, – сказал Микеле. – Его ошибочно приняли за фашиста и...

– Я вам сочувствую, но меня не интересует, как умер ваш родственник, – сказал человек. – Я хочу, чтобы тело опознали и забрали. Здесь возникает чрезвычайно серьезная угроза для жителей. У вас есть маски?

– Платки и камфора, – сказал Микеле.

– Сгодится.

– Тела лежат в каком-то порядке? – спросил дядя Альберт.

– В том порядке, в каком их привозили, и там, где мы нашли для них место. Вам придется искать. Вы знаете, как он был одет?

– В форму Итальянских ВВС, – сказал Микеле.

– Тогда вы его найдете. Идите по той лестнице. Начните с нижней восточной колоннады и двигайтесь к прямоугольным проходам у главной галереи.

Они не успели его поблагодарить, а он уже объяснял следующей скорбящей семье, как найти родственника. Микеле вытащил носовые платки и камфорные шарики из пакетика. Положил шарик в центр платка и связал концы, получилось что-то вроде мешочка, потом показал, как прижимать мешочек к губам и рту.

– Я научился этому на первой Великой войне, – сказал он.

Пино взял мешочек, уставился на него.

– Мы осмотрим нижние галереи, – сказал дядя Альберт. – А ты, Пино, начинай здесь.

6

Голова у Пино плохо соображала, но он открыл боковую дверь в восточной стороне часовни, а потом поднялся на верхний этаж колоннады. Параллельные открытые арки галереи тянулись метров на девяносто до восьмиугольной башни, в которой встречались три прохода.

В любой другой день эти галереи были бы почти пусты, если не считать статуй давно забытых государственных деятелей и ломбардской аристократии. Но сейчас колоннада и галереи за ней во всю свою длину представляли собой колоссальный морг, который теперь, после ухода немцев, принимал не менее пятисот трупов в день. Мертвые тела лежали по обе стороны открытых галерей, ногами к стене, а головами к метровому проходу между ними.

По галереям мертвых в этот день бродило много миланцев. Старухи в траурных одеждах прижимали черные кружевные шали к носу и губам. Мужчины помоложе вели жен, дочерей и сыновей, чьи плечи сотрясались в рыданиях. Над трупами, громко жужжа, летали зеленые мухи. Пино приходилось отмахиваться от них, чтобы не залетели в глаза и уши.

Мухи обсели ближайшее тело – человека в деловом костюме. Его убили выстрелом в висок. Пино смотрел на него не больше секунды, но этот образ запечатлелся в его мозгу. То же случилось и когда он посмотрел на следующее тело – женщину лет пятидесяти в ночной рубашке. Одинокая папилютка все еще оставалась в ее седых волосах.

Пино шел и шел, рассматривая одежду, отмечая пол и возраст, вглядываясь в лица, он искал среди них Марио. Он ускорил шаг, лишь

мельком оглядывая мертвые тела, принадлежавшие, вероятно, прежде процветающим и влиятельным фашистам и их женам. Дородные. В возрасте. Их кожа посинела, покрылась трупными пятнами.

Он прошел по первой галерее до места, где пересекаются коридоры, свернул направо. Эта колоннада, более длинная, чем первая, выходила на площадь кладбища.

Пино видел задушенных, зарубленных, застреленных. Смерть во всех ее проявлениях. От числа убитых у него голова шла кругом, а поэтому он сосредоточился на двух мыслях: найти Марио и поскорее выбраться отсюда.

Вскоре он нашел его, тот лежал среди шести или семи убитых чернорубашечников. Глаза Марио были закрыты. В ране на голове ползали мухи. Пино огляделся, увидел лежащую простыню, поднял ее и накрыл тело Марио.

Теперь ему оставалось найти дядю Альберта и отца и уйти. Он бежал к часовне, одолеваемый клаустрофобией. Он обгонял других ищущих, тяжело дышал, тревога переполняла его.

Пройдя через часовню, он спустился по лестнице к нижней колоннаде. Справа от него семья заворачивала мертвое тело в саван. Он посмотрел налево – его дядя шел к нему из нижней галереи, прижимая платок с камфорой к губам и носу и мотая головой.

Пино подбежал к нему:

– Я нашел Марио.

Дядя Альберт опустил руку с камфорным мешочком и сочувственно посмотрел на него опухшими глазами:

– Хорошо. Где он?

Пино сказал ему, дядя кивнул, прикоснулся к руке Пино.

– Теперь я понимаю, почему ты был так расстроен вчера, – хриплым голосом сказал он. – Я... я тебе очень сочувствую. Она казалась такой замечательной девушкой.

Желудок у Пино завязался узлом. Он старался убедить себя, что Анны здесь нет. Но где тогда? Он направил взгляд за плечо дяди Альберта вдоль длинной галереи за ним.

– Где она? – спросил он, пытаясь пройти.

– Нет, – сказал дядя Альберт, становясь перед ним. – Ты не пойдешь туда.

– Дядя Альберт, лучше отойдите, иначе мне придется применить силу.

Альберт опустил глаза, отошел в сторону и сказал:

– Она в дальнем проходе справа. Тебе показать?

– Нет, – ответил Пино.

Глава тридцать вторая

1

Первой Пино увидел Долли Штоттлемейер.

На любовнице генерала Лейерса был все тот же халат цвета слоновой кости. Между грудей Долли расцвела, увяла и засохла алая хризантема крови. Тапочки с ее ног исчезли. Глаза и рот у нее были полуоткрыты в трупном окоченении. Она, умирая, сжала руки в кулаки так, что большие пальцы были не видны; он видел ее красные наманикюренные ногти, которые в сочетании с синюшной кожей делали картину еще более кошмарной.

А потом Пино увидел Анну. Слезы наполнили его глаза, дыхание стало коротким, прерывистым, он старался смирить эмоции, закипавшие в нем, пытавшиеся вырваться наружу. Его рот был приоткрыт, губы двигались в безмолвных словах скорби. Он опустился рядом с ней на колени.

Под бюстгальтером он увидел пулевое отверстие, и такой же, как у Долли, кровавый цветок расцвел на ее обнаженном животе. На лбу у нее той же помадой, которой партизаны немилосердно раскрасили ее губы, было написано «шлюха».

Пино смотрел на нее, обезумев от горя и скорби, дрожа от чувства утраты. Он убрал мешочек с камфорой от носа. Вдыхая жуткий запах тления, он развязал платок, вытащил оттуда камфору, стер помаду со лба и губ Анны, и наконец она стала почти похожа на ту Анну, которую он помнил. Он положил платок, сцепил руки и уставился на нее, ощущая запах ее смерти, вдыхая его глубоко в легкие.

– Я был там, – сказал Пино. – Видел, как ты умерла, и не сказал ничего, Анна. Я...

Слезы потекли из его глаз, он согнулся пополам.

– Что я наделал? – простонал он. – Что я наделал?

Слезы струились по его щекам, а он покачивался взад-вперед, глядя на обломки своей любви.

– Я предал тебя, – глотая слезы, сказал Пино. – В канун Рождества ты была вынуждена встать рядом со мной, пойти на этот огромный риск. Но я не сделал все, что должен был сделать. Я... я не знаю почему. Я даже себе не могу это объяснить. Я бы хотел стоять рядом с тобой у той стены, Анна.

Он потерял счет времени, стоя перед ней на коленях, почти не осознавая, что мимо него проходят люди, кидают взгляд на остриженную голову Анны и вполголоса отпуская комментарии на ее счет. Теперь они не могли ей навредить. Он был здесь, и они больше ничем не могли ей навредить.

2

– Пино?

Он почувствовал руку на своем плече, поднял голову, увидел отца и дядю.

– Мы собирались иметь... все, папа, – сказал Пино изумленно. – Наша любовь должна была длиться вечно, никогда не кончаться. Мы не заслужили этого.

Душа Микеле разрывалась.

– Ужасное горе, Пино. Альберт только что сказал мне.

– Это горе для нас обоих, – сказал его дядя. – Но мы должны идти, и мне тяжело говорить тебе об этом, но ты теперь должен оставить ее.

Пино хотелось подняться и избить дядюшку до полусмерти.

– Я останусь с ней.

– Нет, – сказал Микеле.

– Я должен похоронить ее, папа. Нужно, чтобы ее отпели.

– Это невозможно, – сказал дядя Альберт. – Партизаны проверяют, кто забирает тела. Они и тебя сочтут коллаборационистом.

– Мне все равно.

– Но нам – нет, – твердо сказал Микеле. – Я знаю, сынок, это больно, но...

– Знаешь? – воскликнул Пино. – Если бы здесь лежала мама, ты бы оставил ее?

Его отец ссутулился и отошел:

– Нет, я...

Дядя Альберт прервал его:

– Пино, именно этого хотела бы Анна.

– Как вы можете знать, чего хотела бы Анна?

– Я собственными глазами видел, как она любит тебя, в тот канун Рождества. Она бы не хотела, чтобы ты умер из-за нее.

Пино смотрел на Анну.

– Но у нее не будет ни похорон, ни надгробия – ничего.

– Я спросил у человека в часовне, – сказал дядя Альберт, – что будет с невостребованными телами, и он ответил, что все они получат благословение кардинала Шустера, будут кремированы и захоронены.

Пино медленно отвернулся от Анны и посмотрел на дядюшку, потом снова на Анну:

– Но куда я буду приходить...

– Чтобы поклониться ей? – спросил его отец. – Туда, где вы оба были счастливы, и она всегда будет там. Можешь мне поверить.

Пино подумал о маленьком парке в Черноббио на юго-западном побережье озера Комо, где Анна фотографировала его с ее лентой на голове и все казалось идеальным. Он посмотрел на холодное лицо Анны. Уйти от нее казалось ему предательством, которое не подлежит прощению.

– Пино, – тихонько сказал отец.

– Я иду, папа.

Он шмыгнул носом, отер глаза платком, оставив следы помады на своем лице, и подsunул платок, мокрый от его слез, под ее бюстгальтер.

«Я любил тебя, Анна, – подумал Пино. – И буду любить вечно».

Потом он наклонился, поцеловал ее и простился.

3

Пино поднялся на нетвердых ногах. Отец и дядя поддерживали его под локти. Он пошел не оглядываясь. Не мог оглянуться. Если бы оглянулся, то не сделал бы больше ни шагу.

Когда они вернулись в часовню, Пино уже шел без их помощи. Он пытался прогнать из головы образ мертвой Анны, вспоминая Анну в кухне Долли тем вечером, когда он спас генерала от смерти, Анну, которая рассказывала ему о том, как проводила на море утро своих дней рождения.

В его воспоминаниях остались последующие события – они заворачивают тело Марио в простыню, выносят его из верхней галереи к партизанам, которые проверяли тела. Партизаны идентифицировали форму Марио и пропустили их. Потом они нашли телегу и отвезли тело через весь город к гробовщику, другу семьи.

Домой они добрались затемно. У Пино от усталости, горя, жажды и голода кружилась голова. Он заставил себя поесть и выпил слишком много вина. Спать он лег так же, как вчера, настроив приемник на помехи. Он закрыл глаза и помолился о том, чтобы снова увидеть во сне Анну.

Но она больше не приходила к нему живой, по крайней мере в ту ночь.

В снах Пино Анна, мертвая, лежала одна в нижней галерее «Чимитеро монументале». Пино видел ее, не открывая глаз, словно освещенную сверху. Каждый раз, когда он во сне пытался приблизиться к ней, она отступала все дальше и дальше.

Такая жестокость причиняла ему мучительную боль, и он плакал. Пино каждый раз пробуждался в кошмар реальности, снова и снова оставляя Анну. Он стонал, хватался за голову руками из опасения, что она разорвется. Он пытался забыть об Анне, но не мог, и уснуть он не мог. Он не видел выхода. Не мог ни лежать, пока воспоминания и сожаления разрывали его, ни встать и начать ходить, чтобы движения, как в детстве, успокоили его.

Пино посмотрел на часы. Три часа ночи, воскресенье, 29 апреля 1945 года.

4

Пино оделся и вышел из квартиры, спустился по лестнице, прошел по пустому холлу. На улице было темно, в Сан-Бабиле горели лишь редкие фонари. Он шел на север, почти тем самым маршрутом, которым они доставили тело Марио в похоронную контору. В четыре десять Пино снова был на «Чимитеро монументале». Партизаны остановили его, проверили бумаги. Он сказал, что там, в галерее, его невеста. Кто-то видел ее тело.

– И как ты ее найдешь? – спросил один из охранников.

Другой закурил сигарету.

– Вы можете дать мне три спички? – спросил Пино.

– Нет.

– Да ладно, Луиджи, – сказал первый. – Парень хочет найти свою мертвую девушку, бог с ним.

Луиджи глубоко затянулся, вздохнул, кинул Пино коробок.

– Благослови вас Господь, синьор, – сказал Пино и поспешил по площади к колоннадам.

Он не стал идти между телами, а сделал петлю в направлении двери, которая вела в проход, где лежала Анна. Подойдя к тому месту, где должно было находиться тело, он чиркнул спичкой, осветил ею.

Анны здесь не было. Пино огляделся, попытался сориентироваться, решил, что не дошел до нужного места. Спичка погасла. Он прошел еще три метра, зажег еще одну спичку. Тела Анны и здесь не было. Здесь никого не было. Пол галереи был пуст метров на десять в обе стороны от того

места, где она лежала вчера. Невостребованные тела исчезли. Анна исчезла.

Окончательность случившегося оглушила его. Прислонившись к стене, он рыдал, пока оставались слезы.

Когда Пино наконец спустился по ступеням из часовни, бремя смерти Анны легло на его плечи вечным грузом.

– Нашел? – спросил первый охранник.

– Нет, – ответил Пино. – Вероятно, ее отец забрал тело. Рыбак из Триеста.

Они переглянулись.

– Конечно, – сказал Луиджи. – Она теперь с папочкой.

5

Пино бесцельно брел по городу, он обогнул Центральный вокзал, который теперь охранялся партизанами. Свернул в неосвещенный район, в какой-то момент даже потерялся. Но потом рассвет начал прорываться сквозь низкие тучи, и вскоре Пино видел уже достаточно хорошо, чтобы понять: он находится к северо-западу от Пьяццале Лорето и магазина «Фрукты-овощи» Белтрамини. Он побежал и с первыми яркими лучами наступающего дня оказался у прилавка. Постучал в дверь, крикнул, подняв голову к окну:

– Карлетто? Карлетто, ты здесь? Это Пино!

Никто не ответил. Он продолжал стучать и звать, но его друг не отвечал.

Пино, подавленный, направился на юг. И только пройдя мимо телефонной станции, понял, куда и зачем идет. Пять минут спустя он прошел через кухню отеля «Диана», толкнул дверь в танцевальный зал. Тут он увидел американских солдат и итальянских женщин, хотя и не в таком количестве, как два дня назад. Но пустых бутылок хватало, и битое стекло хрустело под ногами. Он заглянул в коридор, который вел в фойе.

Там за столиком у стены сидел майор Франк Кнебель. Он попивал кофе и, видимо, страдал от похмелья.

– Майор? – сказал Пино, направляясь к нему.

Кнебель поднял голову и рассмеялся:

– Пино Лелла, классный исполнитель буги-вуги! Где ты пропадал, парень? Все девчонки про тебя спрашивали.

– Я... – Пино не знал, с чего начать. – Мы можем поговорить?

Майор увидел скорбное выражение на его лице и сказал:
– Конечно, дружище. Тащи стул.
Но Пино не успел сказать ни слова – в фойе вбежал мальчишка лет десяти и закричал на ломаном английском:
– Дуче, майор К.! На Пьяццале Лорето привозить Муссолини!
– Вот сейчас? – спросил майор Кнебель, быстро вставая. – Ты уверен, Виктор?
– Мой отец, он слышать это.
– Идем, – сказал Кнебель Пино.
Пино помедлил, он хотел поговорить с майором, сказать ему...
– Идем, Пино, ты станешь свидетелем истории, – сказал американец. – Возьмем велосипеды – я их вчера купил.

6

Пино ощутил, как начинает чуточку рассеиваться туман, окутавший его после смерти Анны. После того как он в последний раз видел дуче в кабинете кардинала Шустера, когда Муссолини все еще надеялся на супероружие Гитлера или на комнатку в тайном убежище фюрера в горах Баварии, Пино часто думал о том, что случится с итальянским диктатором.

Они схватили два велосипеда, стоявших за регистрационной стойкой, и выбежали на улицу, по которой к Пьяццале Лорето уже неслись другие люди с криками: «Его поймали! Дуче поймали!»

Пино и американец вскочили на велосипеды и поехали, с силой нажимая на педали. Вскоре к ним присоединились другие велосипедисты, они размахивали красными флагами и шарфами, все хотели увидеть низложенного диктатора. Они проехали мимо магазина «Фрукты-овощи» Белтрамини на Пьяццале Лорето, где вокруг бензозаправки «Эссо» и металлических ферм, на которых стоял Пино, когда казнили Туллио Галимберти, уже собралась небольшая толпа.

Пино и майор Кнебель поставили велосипеды и поспешили туда, где на фермы карабкались четыре человека, обвешанные веревками и цепями. Пино следовал за американцем, который пробирался в первый ряд растущей толпы.

У бензоколонок лежали шестнадцать тел. В середине босой Бенито Муссолини, его массивная голова покоилась на груди его любовницы. Глаза марионеточного диктатора были пустыми и мутными, безумие, которое Пино видел в них на вилле близ озера Гарда, исчезло. Верхняя губа дуче

была приподнята в оскале, он словно собирался начать одну из своих очередных тирад.

Кларетта Петаччи лежала под Муссолини, отвернув голову от любовника, словно застеснявшись. Некоторые партизаны в толпе говорили, что Муссолини занимался сексом со своей любовницей, когда за ним пришли.

7

Пино огляделся. Толпа увеличивалась. С разных сторон подходили все новые люди, словно хор, собирающийся на сцене в конце трагической оперы. Раздавались сердитые крики, все собравшиеся, казалось, исполнились жаждой мести к человеку, который привел нацистов в их дом.

Кто-то вложил игрушечный скипетр в руку Муссолини. Потом женщина, возрастом не уступавшая старухе в доме Долли, подошла и помочилась на лицо любовницы дуче.

Пино испытывал отвращение, но толпа одичала, озлобилась, люди впали в неистовство, раздавался истерический смех, одобрительные выкрики, добавлявшие куража к этой человеческой стихии. Другие требовали новых глумлений, пока привязывались веревки и цепи. Вперед выскочила какая-то женщина и пять раз выстрелила в череп Муссолини из пистолета, что вызвало новый приступ одобрительных криков и требований избить тела, отделить мясо от костей.

Два партизана выстрелили в воздух, чтобы оттеснить толпу. Третий попытался направить на них пожарный шланг. Пино и майор Кнебель к тому времени уже отошли, но другие продолжали нажимать, пытались прорваться к телам, дать волю своей ярости.

– Повесить их! – раздался голос из толпы. – Пусть болтаются там, чтобы мы все видели!

– Крючьями, крючьями их подцепить! – пропел еще кто-то. – Пусть висят, как свиные туши!

Муссолини подвесили первым – за ноги, голова и руки болтались внизу. Растущая толпа неистовствовала. Люди одобрительно кричали, топали, выбрасывали вверх кулаки, радостно улюлюкали. Дуче к тому времени был избит до неузнаваемости, ему проломили череп. Он стал ни на что не похож, монстр из ночного кошмара, это тело не имело ничего общего с тем человеком, с которым не раз за прошедший год разговаривал Пино.

Потом подвесили Кларетту Петацци. Ее юбка свалилась ей на голову, обнажив неприкрытый срам. Когда партизанский капеллан подошел к ней, чтобы подоткнуть юбку между ее ног, его закидали мусором.

На ферму вздернули еще четыре тела – все высокопоставленные фашисты. Глумление продолжалось и нарастало, это варварство в конечном счете пробило даже скорбь Пино – ему стало нехорошо, голова кружилась, его тошнило, он боялся, что упадет в обморок.

Вперед вытолкнули человека. Это был Стараче^[33].

Стараче поставили под телами Муссолини и его любовницы, и он вскинул вперед руку в фашистском приветствии. Шестеро партизан застрелили его.

Кровожадный хор на Пьяццале Лорето исступленно пел, требуя еще. Но расстрел Стараче вызвал в памяти Пино умирающую Анну. Он подумал, что может сойти с ума и присоединиться к толпе.

– Вот какой конец ждет тиранов, – с отвращением сказал майор Кнебель. – Я бы сделал эти слова эпитафией, если бы писал историю Муссолини: «Вот какой конец ждет тиранов».

– Я пойду, майор, – сказал Пино. – Мне это невыносимо.

– Я с тобой, приятель, – сказал Кнебель.

8

Они протолкались через толпу, численность которой теперь достигала двадцати, а то и более тысяч человек. Только дойдя до фруктового прилавка, Пино и Кнебель смогли более или менее спокойно идти дальше против движения – народ спешил на Пьяццале Лорето, чтобы отдать свою дань презрения.

– Майор, – сказал Пино, – мне нужно поговорить с вами...

– Знаешь, парень, я хотел поговорить с тобой с того самого момента, когда ты появился сегодня утром, – сказал Кнебель, когда они пересекли улицу.

Дверь в магазин «Фрукты-овощи» Белтрамини была открыта, на пороге стоял Карлетто, зеленый с похмелья. Он слабо улыбнулся Пино и американцу.

– Еще одна бездумная ночь, майор, – сказал Карлетто.

– Безумная, – со смехом поправил его майор. – Но так даже лучше. Тут вы теперь у меня оба, голубчики.

– В каком смысле? – спросил Пино.

– Хотите помочь Америке, ребята? – спросил майор. – Сделайте для нас кое-что? Кое-что крутое? Опасное?

– Например? – спросил Карлетто.

– Прямо сейчас я не могу вам сказать, – ответил Кнебель. – Но это очень важно, и если вы согласитесь, у вас появится много друзей в Штатах. Никогда не хотели побывать в Штатах?

– Я всегда хотел, – ответил Пино.

– Вот тебе и пожалуйста, – сказал майор.

– А насколько это опасно? – спросил Карлетто.

– Врать не буду. Могут и убить.

Карлетто подумал и сказал:

– Запишите меня.

Пино, чувствуя, как его сердце колотится, словно бешеное, сказал:

– И меня.

– Отлично, – сказал Кнебель. – Можете достать машину?

– У моего дядюшки есть, – сказал Пино, – но она стоит на подставках, и покрышки долго не протянут.

– Покрышки дядя Сэм возьмет на себя, – сказал майор. – Дай мне ключи и адрес, где стоит машина, и я позабочусь, чтобы она, готовенькая, ждала вас у отеля «Диана» в три часа ночи послезавтра. Первого мая. Договорились?

– И когда мы узнаем, что надо делать?

– В три часа послеза...

Кнебель замолчал на полуслове. Все трое услышали танки. Рев дизелей. Клацание гусениц. Когда танки выехали на Пьяццале Лорето, Пино показалось, что он видит боевых слонов.

– Это «шерманы», ребятки! – прокричал майор Кнебель, выбрасывая над головой кулак. – Кавалерия Пятой армии. Что касается этой войны, то толстая дама продолжает петь.

Часть пятая

**«Мне отмщение, Я воздам, говорит
Господь» [\[34\]](#)**

Глава тридцать третья

*Вторник,
1 мая, 1945 года*

1

Приближаясь к отелю «Диана» в 2:55, Пино и Карлетто почти ничуть не протрезвели по сравнению с тем, какими они были всего несколькими часами ранее, перед тем как уснуть. Только теперь желудки у них были готовы вывернуться наизнанку, а головы раскалывались. Правда, повод для радости у них был: Адольф Гитлер покинул сей мир. Немецкий фюрер застрелился в своем берлинском бункере, совершил самоубийство вместе с любовницей на следующий день после того, как Муссолини и Петацчи повесили на Пьяццале Лорето.

Пино и Карлетто узнали эту новость днем ранее и нашли бутылку виски синьора Белтрамини. Они обосновались в магазине «Фрукты-овощи», праздновали смерть Гитлера и рассказывали друг другу свои военные истории.

– Ты и вправду так любил Анну, что хотел на ней жениться? – спросил в какой-то момент Карлетто.

– Да, – ответил Пино, пытаясь сдержать эмоции, которые захлестывали его каждый раз, когда он думал об Анне.

– Когда-нибудь ты встретишь другую девушку, – сказал Карлетто.

– Таких, как она, больше нет, – сказал Пино, и его глаза повлажнели. – Она была не такая, как все, Карлетто. Она была... Не знаю, единственная в своем роде.

– Как мои мама и папа.

– Особенности люди, – сказал Пино, кивая. – Хорошие. Лучшие.

Они выпили еще, вспоминали самые смешные шутки синьора Белтрамини, смеялись. Они говорили о ночи на холме в первое лето бомбардировок, когда их отцы так безупречно исполнили арию Калафа. Слишком многие воспоминания вызывали у них слезы. К одиннадцати они прикончили бутылку, допившись до беспамятства, до бреда. Времени на сон они себе почти не оставили, и будильник разбудил их всего через три с половиной часа.

Осоловелые, они свернули за угол, и Пино увидел старый «фиат» дяди Альберта перед отелем «Диана», машина с шикарными покрышками выглядела как новенькая. Пино, прежде чем войти в отель, восторженно пнул колесо. Вечеринка, посвященная окончанию войны, к утру сходилась на нет. Несколько пар медленно танцевали – пластинка на фонографе была поцарапана и издавала потрескивающий звук. Капрал Далойа, поднимаясь по лестнице, прижимал к себе Софию, оба хихикали. Пино смотрел на них, пока они не скрылись из виду.

Майор Кнебель вышел из дверей за стойкой регистрации, увидел их, усмехнулся:

– Вот и вы. Я знал, что на Пино и Карлетто можно положиться. У меня для вас несколько подарков, прежде чем я расскажу, что от вас требуется.

Майор присел за стойкой и вытащил оттуда два новеньких пистолета-пулемета «томпсон» с роторными магазинами.

– Умеете с ними обращаться? – спросил Кнебель.

Теперь Пино окончательно проснулся и, с почтением разглядывая оружие, сказал:

– Нет.

– Ничуть, – сказал Карлетто.

– На самом деле все очень просто, – сказал Кнебель. Он убрал один пистолет-пулемет, на втором нажал защелку и снял магазин. – У вас здесь пятьдесят унитарных патронов сорок пятого калибра. – Он положил магазин на стойку, потом вынул патрон из патронника, показал им рычаг над и за рукоятью. – Вот предохранитель, – сказал он. – Если нужно стрелять, переводите его до упора вперед. Не собираетесь стрелять – до упора назад.

Майор перехватил оружие: правой рукой стиснул заднюю рукоять, левой – переднюю, прижал приклад к туловищу.

– Если хотите стрелять прицельно, нужны три точки опоры. Иначе ствол из-за отдачи будет скакать, пули будут уходить черт знает куда. И кому это нужно? Так что обеими руками держим рукоятки, приклад упираем в бедро – три точки контакта. Видите, как я поворачиваюсь вместе с оружием?

– А если стрелять из машины? – спросил Карлетто.

Кнебель плотно прижал приклад к плечу.

– Три точки: плечо, щеку кладу на приклад и обе руки. Короткие очереди. Больше вам ничего и не нужно знать.

Пино взял второй пистолет. Ему понравилась его компактность, тяжесть в руке. Он ухватился за рукоятки, прижал приклад плотно к телу,

представил себе, как косит немцев.

– Запасные магазины, – сказал майор, кладя на стойку еще два магазина. Потом он вытащил из кармана конверт. – Вот ваши документы. С ними вы проедете через все пропускные пункты союзников. Дальше – вы сами по себе.

– Вы так и не сказали, что мы должны делать, – сказал Карлетто.

Кнебель улыбнулся:

– Вы отвезете друга Америки на верхнюю точку перевала Бреннер.

2

– Бреннер? – переспросил Пино, вспоминая, о чем дядя Альберт говорил ему днем ранее. – В районе перевала война продолжается. Там царит анархия. Немецкая армия бежит, партизаны устраивают засады, пытаются убить как можно больше солдат, прежде чем они пересекут границу с Австрией.

Кнебель с непроницаемым лицом сказал:

– Нам нужно доставить нашего друга на границу.

– Это самоубийственное задание, – сказал Карлетто.

– Это вызов, – сказал майор. – Мы дадим вам карту, фонарик. На карте все основные пропускные пункты союзников. Территорию, контролируемую союзниками, вы покинете, только когда шоссе А4 повернет на север к Больцано.

Немного подумав, Карлетто сказал:

– Чтобы пойти на это, мне понадобятся еще две бутылки вина.

– Даю четыре, – сказал Кнебель. – Устройте попойку. Только не попадите в аварию.

Пино молчал. Карлетто посмотрел на него:

– С тобой или без тебя, я еду.

Пино увидел в своем старом друге столько энергии, сколько не видел никогда прежде. Казалось, что Карлетто рвется в бой и готов погибнуть. Совершить самоубийство с помощью войны. Эта мысль пришла по душе и Пино.

– Хорошо. Так кого мы везем? – спросил Пино, глядя на Кнебеля.

Майор встал и исчез в дверях за стойкой. Несколько секунд спустя дверь открылась и Кнебель вышел в сопровождении человека в темном деловом костюме, темной шинели и коричневой фетровой шляпе, надвинутой чуть не на глаза. Он с трудом нес большой кожаный чемодан,

наручниками пристегнутый к его левому запястью.

Майор Кнебель и человек вышли из-за стойки.

– Я думаю, вы знаете друг друга, – сказал Кнебель.

3

Человек поднял голову и из-под полей шляпы посмотрел Пино в глаза.

Ничто не могло потрясти Пино сильнее. Он сделал шаг назад, чувствуя, как ярость закипает в нем.

– Он? – закричал Пино на Кнебеля. – Как он может быть другом Америки?

На лице майора появилось жесткое выражение.

– Генерал Лейерс – настоящий герой, Пино.

– Герой? – сказал Пино. Ему хотелось плюнуть на пол. – Он гитлеровский надсмотрщик. Он морил людей до смерти работой, майор. Я видел это. Слышал. Я свидетель.

Кнебель был ошеломлен этими словами, он посмотрел на немецкого генерала, потом сказал:

– Я не знаю, верно ли это, Пино. Но у меня приказ, и так мне сказала начальство: он герой, который заслуживает нашей защиты.

Лейерс стоял там, не понимая ни слова, но глядя на них с отстраненной усмешкой, которую Пино успел так возненавидеть. Он хотел было сказать, что отказывается, но тут другая мысль, гораздо более соблазнительная, вошла в его мозг. Он подумал об Анне и Долли, обо всех рабах и понял, что так и нужно поступить. В конечном счете у Бога был-таки план для Пино Леллы.

Пино дружелюбно усмехнулся и сказал:

– Mon général, позвольте взять ваш чемодан?

Лейерс решительно покачал головой – нет.

– Я понесу его сам, спасибо.

– До свидания, майор Кнебель, – сказал Пино.

– Найди меня, когда вернешься, приятель, – сказал Кнебель. – У меня для тебя есть еще предложения. Я буду здесь, ждать тебя, чтобы рассказать обо всем.

Пино кивнул, будучи уверен, что больше никогда не увидит ни американца, ни Милан.

Он вышел из отеля, прижимая к груди свой «томпсон». Лейерс следовал за ним. Пино открыл заднюю дверь «фиата» и отошел в сторону. Лейерс посмотрел на Пино, потом залез внутрь со своим чемоданом.

Карлетто сел на переднее сиденье, положив «томпсон» между ног. Пино сел за руль, но оружие уместил между Карлетто и рычагом переключения передач.

– Приглядывай и за моим пулеметом, – сказал Пино, посмотрев в зеркало заднего вида на Лейерса, который снял шляпу и теперь пятерней приглаживал свои мышастого цвета волосы.

– Я вполне смогу стрелять из этой штуки, – сказал Карлетто, восхищенно глядя на смазанную маслом поверхность оружия. – Я видел, как это делают в гангстерских фильмах.

– Все, что тебе нужно знать, – сказал Пино и включил передачу.

Он ехал, а Карлетто был у него за штурмана – изучал карту с помощью фонарика и подсказывал Пино направление. Их маршрут лежал через Пьяццале Лорето, потом на восток из города, где им пришлось остановиться перед первым американским пропускным пунктом.

– Америка лучше всех, – сказал Пино скептически настроенному солдату, который подошел с фонариком к окну их машины.

Пино подал ему конверт с их документами.

Солдат вытащил бумаги из конверта, посветил фонариком, его скептицизм как рукой сняло. Он быстро сложил бумаги, сунул их в конверт и нервно проговорил:

– Господи Иисусе, можете ехать без проблем.

Пино сунул документы в нагрудный карман, проехал пропускной пункт и направился на восток к Тревилю и Караваджо.

– Что там, в этих бумагах? – спросил Карлетто.

– Посмотрю потом, – сказал Пино. – Или ты посмотришь, если понимаешь по-английски.

– Читать не могу. Немного говорю. Что, ты думаешь, в этом чемодане?

– Понятия не имею, но по виду тяжелый, – сказал Пино, глядя в зеркало заднего вида, когда они проезжали под уличным фонарем.

Генерал Лейерс уже некоторое время назад снял чемодан с колен. Он стоял рядом с ним, справа. Лейерс сидел с закрытыми глазами, может быть, думал о Долли, или о своей жене, или о детях, или о рабах. Или ни о чем.

Один-единственный взгляд на Лейерса – и сердце Пино сковало

леденящей ненавистью. В первый раз за свою короткую непростую жизнь он почувствовал, что такое сладкое предвкушение мести.

– Я бы сказал, что у него в чемодане те самые золотые бруски, которые ты видел, – заметил Карлетто, выводя Пино из его раздумий.

– А может, у него там бумаги. Сотни документов. А то и больше.

– Каких?

– Опасных. Которые дают тебе некоторую власть во времена безвластия.

– Что это значит?

– Возможность влияния. Объясню потом. Где следующий пропускной пункт?

Карлетто включил фонарик, посмотрел на карту и сказал:

– Там, где мы выезжаем на главную дорогу перед Брешией.

5

Пино нажал на педаль газа, и они понеслись сквозь ночь. До второго пропускного пункта добрались в четыре часа утра. Проверка документов не заняла много времени, их пропустили и предупредили, что нужно держаться подальше от Больцано, где еще идут бои. Проблема, однако, была в том, что на дорогу, ведущую к перевалу Бреннер, можно было попасть, только через Больцано.

– Я тебе говорю, у него в этом чемодане золото, – сказал Карлетто, когда они снова набрали скорость. Он открыл одну из бутылок и время от времени прикладывался к ней. – Не может быть, чтобы там были одни бумаги. Я что хочу сказать: золото – оно и есть золото, да?

– Когда дойдет до дела, мне все равно, что там у него в чемодане.

Шоссе перед ними было изрыто воронками, часто приходилось объезжать размытые после зимы участки, поэтому Пино не мог ехать с той скоростью, с какой ему хотелось. Когда он, направляясь на север к Австрии, свернул к Тренто и Больцано, часы показывали четыре сорок пять. Они ехали вдоль восточного берега озера Гарда – на противоположном находилась вилла Муссолини, что напомнило Пино о неистовстве толпы на Пьяццале Лорето. Он оглянулся на дремлющего генерала и подумал: знает ли Лейерс о том, что случилось, насколько это его волнует? Или он просто спасает собственную шкуру?

«Услуги, – подумал Пино. – Вот его валюта. Он сам мне так говорил. Его чемодан полон услуг».

Теперь он ехал агрессивно. Машины на дороге, которая пострадала меньше, чем главное шоссе, встречались реже. Карлетто сидел с закрытыми глазами, опустив подбородок на грудь. Бутылка и пистолет-пулемет лежали у него между ног.

К северу от Тренто примерно в четверть шестого Пино увидел впереди огни и стал снижать скорость. Раздался выстрел, пуля ударила по боковине «фиата». Карлетто мигом открыл глаза, а Пино нажал на педаль газа и стал петлять по дороге, выстрелы теперь звучали с обеих сторон. Одни пули попадали в машину, другие со свистом пролетали мимо.

– Бери оружие! – крикнул Пино. – Отстреливайся!

Карлетто принялся возиться с «томпсоном».

– Кто в нас стреляет? – спросил генерал Лейерс.

Он лежал на заднем сиденье, закрывая собой чемодан.

– Это не имеет значения, – сказал Пино и увеличил скорость, приближаясь к огням. Дорога была забаррикадирована козлами для пилки дров, вокруг стояла группа вооруженных оборванцев. Сразу было видно, что порядка там нет, и это повлияло на решение Пино.

– Когда я скажу – стреляй, – сказал Пино. – С предохранителя снял?

Карлетто встал на одно колено, плечо и голову высунул в окно, прижал оружие к плечу.

Не доезжая семидесяти метров до баррикады, Пино притормозил, словно собираясь остановиться. Но за пятьдесят метров, когда лучи фар ослепили стоящих там людей, Пино снова нажал на газ и крикнул:

– Стреляй!

Карлетто нажал на спусковой крючок, и из «томпсона» полетели пули – то вверх, то вниз, то куда-то вперед.

Люди бросились врассыпную. Пино направил машину на баррикаду. Карлетто продолжал палить как сумасшедший. Он не убирал палец со спускового крючка, и пистолет-пулемет, словно градом, осыпал пространство впереди пулями. Машина ударила по козлам. «Томпсон» вылетел из рук Карлетто, упал на дорогу, а они помчались дальше.

– Черт! – закричал Карлетто. – Возвращайся!

– Нет, – сказал Пино.

Он выключил освещение и набирал скорость, а за ними трещали выстрелы.

– Там мой пулемет! Возвращайся!

– Тебе не следовало все время жать на спусковой крючок, – прокричал Пино. – Кнебель же говорил – короткими очередями.

– Он мне чуть не выбил плечо, – сердито сказал Карлетто. – Черт

побери! Где мое вино?

Пино протянул ему бутылку. Карлетто вытащил пробку зубами, сделал глоток и выругался. Потом выругался еще раз.

– Ничего страшного, – сказал Пино. – У нас есть мой пистолет и два запасных магазина.

Друг посмотрел на него:

– И ты рискнешь, Пино? Доверишь мне стрелять еще раз?

– Только теперь держи его крепче. И стреляй короткими очередями. Нажал – отпустил. Не дергай.

Карлетто усмехнулся:

– Ты можешь поверить в то, что сейчас случилось?

Генерал Лейерс с заднего сиденья сказал:

– Я всегда считал вас удивительным водителем, форарбайтер. Помните, как прошлой осенью нас преследовал истребитель? А мы были в «даймлере»? Я попросил, чтобы именно вы доставили меня на границу, помня, как вы действовали тем вечером. Вот почему вы здесь. Если кто и может доставить меня на перевал Бреннер, так это вы.

Пино слушал эти слова так, будто их произносил человек, которого он не знал и не хотел знать. Он ненавидел Лейерса. Тем отвратительнее был для него тот факт, что Лейерс убедил какого-то идиота в американской армии, будто он герой. Ганс Лейерс не был героем. Человек на заднем сиденье машины был фараоновским надсмотрщиком, военным преступником и заслуживал наказания за свои преступления.

– Спасибо, mon général, – сказал Пино, желая закончить этот разговор.

– Не за что, форарбайтер, – ответил генерал Лейерс. – Я всегда считал, что, если кто заслуживает похвалы, он должен ее получать.

Когда они подъезжали к Больцано, небо начало проясняться. Пино считал, что наступает последний рассвет в его жизни. Розовые полосы пересекали голубое небо, очерченное линией гор в снежных шапках, последние сорок километров войны оставалось преодолеть им. Пино почти не думал об опасностях, которые ждут их впереди. Он думал о генерале Лейерсе предвкушая развязку, и чувствовал приток адреналина в кровь.

Пино протянул руку, вытащил бутылку с вином, зажатую между ног Карлетто, вызвав тем самым недовольное ворчание: его друг уснул.

Он отхлебнул вина, сделал еще глоток.

«Нужно найти место где-нибудь повыше, – подумал он. – Это должно случиться в самом величественном из соборов Господа».

Пино съехал на обочину.

– Ты чего? – спросил Карлетто, не открывая глаз.

– Посмотреть, есть ли объезд Больцано, – сказал Пино. – Дай мне карту.

Карлетто застонал, нашел карту, протянул ее Пино.

Пино изучал карту, пытаясь вспомнить основные пути объезда Больцано с севера, ведущие на перевал Бреннер.

Лейерс тем временем отстегнул ключом наручники, пристегивавшие его к ручке чемодана, и вышел помочиться.

– Давай уедем, – сказал Карлетто. – Золото разделим.

– У меня другие планы, – сказал Пино, рассматривая карту.

Генерал вернулся, уселся на заднем сиденье и через плечо Пино заглянул в карту.

– Главная дорога лучше всего охраняется, – сказал Лейерс. – Нужно ехать по второстепенной, близ станции, потом на северо-запад от Больцано до Андриано, по дороге на Швейцарию. Швейцарская граница для нас закрыта, так что вермахт этой дорогой не пользуется. Вы проедете через американские посты, потом пересечете реку Адидже с их левого фланга. За рекой вы снова направитесь в горы, вот здесь, за германскими войсками, прямо на дорогу, ведущую к перевалу Бреннер. Понимаете?

Пино не хотелось в этом признаваться, но генерал предложил наилучший план. Пино кивнул, посмотрел в зеркало заднего вида, увидел оживленное лицо Лейерса, который пристегивал себя наручниками к чемодану. Генерал казался довольным собой.

«Для него это игра, – подумал Пино, снова наливаясь злостью. – Игра в услуги и тени».

Лейерс хочет веселья? Сейчас он его получит. Пино включил передачу, отпустил сцепление и помчался как сумасшедший.

Когда они подъехали к американскому пропускному пункту на дороге близ Лагетти-Лааг, было совсем светло. К ним подошел американский сержант. До них доносились звуки боя где-то недалеко впереди.

– Дорога закрыта, – сказал сержант. – Вы можете развернуться здесь.

Пино протянул ему конверт. Сержант взял его, достал письмо, прочел и присвистнул.

– Можете проезжать. Но вы уверены, что вам это надо? Наши части ведут бой за Больцано с чернорубашечниками и немцами. А часа через два «мустанги» будут атаковать немецкие колонны – попытаются уничтожить

все, что можно.

– Мы едем, – сказал Пино, взял конверт и оставил его у себя на коленях.

– Что ж, вы вольны распоряжаться вашими жизнями, джентльмены, – сказал сержант и махнул солдату – тот убрал заграждение. Пино проехал.

– У меня голова болит, – сообщил Карлетто и потер виски, после чего еще раз глотнул вина.

– Оставь пока бутылку, – приказал Пино. – Там, впереди, бой, и понадобится твоя помощь, чтобы прорваться.

Карлетто уставился на него, увидел, что Пино не шутит, вставил пробку на место.

– Взять пистолет?

Пино кивнул:

– Держи его у правого плеча, параллельно двери, приклад упи в боковину сиденья. Так быстрее привыкнешь.

– Откуда ты знаешь?

– Это логично.

– Ты мыслишь иначе, чем я.

– Думаю, так оно и есть, – сказал Пино.

Через десять километров после пропускного пункта он съехал на второстепенную дорогу в направлении на северо-восток, как и советовал Лейерс. Дорога была в рытвинах и проходила через мелкие альпийские поселки, петляла в направлении Сан-Микеле и Северного Больцано.

На небе собирались тучи. Пино сбросил газ, они услышали звуки артиллерийской и автоматной стрельбы справа и к югу от них не менее чем в миле, а скорее – более. Они увидели окраины Больцано и клубы дыма: чернорубашечники пытались отбиваться, а немецкие войска защищали их тылы, чтобы дать своим больше времени для ухода в Австрию.

– Теперь снова на север, – сказал генерал Лейерс.

Пино поехал на север, делая шестнадцатикилометровую петлю, чтобы добраться до моста через Адидже, который, как и предполагал Лейерс, не охранялся. Они добрались до северо-западных окраин Больцано приблизительно без двадцати восемь.

Совсем рядом на юго-востоке шел серьезный бой. Пулеметы. Минометы. Так близко, что они слышали звуки вращающихся танковых башен. Но, судя по всему, Лейерс и тут оказался прав. Им удалось остаться на расстоянии четырехсот метров от линии соприкосновения противников, проскользнуть сзади.

«Но в какой-то момент мы увидим немцев. Они будут на перевале

Бреннер...»

– Танк! – крикнул Лейерс. – Американский танк!

Пино пригнул голову, посмотрел направо, пытаясь увидеть через плечо Карлетто.

– Вот он! – крикнул Карлетто, показывая в сторону большой открытой площадки на окраине города. – «Шерман»!

Пино не останавливался, обходя танк слева.

– Он наводит на вас пушку, – сказал генерал Лейерс.

Пино посмотрел на танк в семидесяти метрах от них – его башня поворачивалась в их сторону. Пино нажал на педаль газа.

Карлетто, высунувшись из окна, принялся обеими руками махать в сторону танка.

– Американские друзья! Американские друзья! – закричал он по-английски.

Танк выстрелил, снаряд прошел за их багажником и оставил дымящуюся дыру в двухэтажном фабричном здании по другую сторону улицы.

– Газу! Уходим отсюда! – взревел Лейерс.

Пино перешел на более низкую передачу и резко ускорился. Но прежде чем он успел выйти из зоны обстрела танка, из дымящегося здания застрекотали пулеметы.

– Пригнитесь! – прокричал Пино и наклонил голову, он слышал, как пули пролетают над ним, ударяют в броню и гусеницы танка.

Они свернули в переулок и оказались вне досягаемости сражающихся сторон. Лейерс похлопал Пино по плечу:

– Гений за рулем, настоящий гений!

Пино горько улыбнулся, он петлял по улицам. Американские войска, казалось, увязли за местом слияния двух ручьев, которые впадали в реку Адидже. Лейерс показал, как обогнуть участок, где шел бой, а потом предложил ехать в сторону от города на восток в направлении деревни Кардано.

Вскоре Пино свернул на дорогу – оказавшуюся почти пустой – к перевалу Бреннер. Он набрал скорость, снова двигаясь в северном направлении. Альпы впереди исчезли в тучах приближающейся бури. Закапал мелкий дождь, начал собираться туман. Пино вспомнил рабов,

раскапывавших здесь снег всего месяц назад, они стояли в талой воде, падали, их тела оттаскивали в сторону.

Он проехал мимо Кольмы и Барбиано. И только когда они оказались к югу от городка Кьюза, он увидел далеко впереди хвост немецкой колонны, запрудившей обе полосы дороги, – искалеченная армия ползла на север к Австрии через город Брессаноне.

– Мы можем их объехать, – сказал генерал Лейерс, изучая карту. – Но эта узкая дорога идет на восток вот здесь. Она поднимается вверх, там можно свернуть на север, а потом спуститься здесь прямо к перевалу Бреннер. Видите?

Пино согласился и снова поехал маршрутом, предложенным Лейерсом.

Сначала некоторое время они ехали по ровной, в глинистой жиже дороге, которая вскоре сузилась и начала крутой подъем, перешедший затем в горную альпийскую долину, с севера ограниченную хвойным лесом, а с юга – пастбищным лугом. Они поехали вдоль северной границы по серпантину, который привел их в горную деревушку Фунес.

Потом дорога спустилась на тысячу метров, почти до верхней границы лиственных лесов, где тучи и туман начинали рассеиваться. Дальше дорога была двухполосной и скользкой. Она проходила через бескрайние поля желтых и розовых диких цветов.

Облака поднялись выше, открывая каменные осыпи и длинную стену Доломитовых Альп, величайших соборов Господа в Италии: известковые шпили стояли здесь один за другим, восемнадцать шпилей воспаряли на тысячи метров к небесам и походили на громадную корону из светло-серых шипов.

– Остановите здесь, – сказал генерал Лейерс. – Мне опять нужно помочиться. И я хочу осмотреться.

Пино решил, что это знак судьбы, потому что он сам хотел воспользоваться этим предлогом, чтобы остановиться. Он притормозил у узкого лужка среди хвойного леса, откуда открывался вид на Доломитовые Альпы во всем их величии.

«Подходящее место для Лейерса исповедоваться и заплатить за свои грехи, – подумал Пино. – Открытое место. Никакие услуги не помогут. Не спрячешься в тени. Один в храме Господа».

Лейерс отстегнул наручники и вышел со стороны Карлетто. Он пошел по сырой траве и альпийским цветам. Остановился на краю утеса, оглядел узкую долину, посмотрел вверх на Доломитовые Альпы.

– Дай мне пистолет, – пробормотал Пино.

– Зачем? – спросил Карлетто.

– А ты как думаешь?

Карлетто широко раскрыл глаза, но потом улыбнулся и протянул Пино «томпсон». Оружие показалось Пино странно знакомым, когда он взял его в руки. Он никогда не стрелял из такого, но много раз видел, как это происходит в гангстерских фильмах. К тому же майор Кнебель объяснял, как это делается, – ничего сложного.

– Сделай это, Пино, – сказал Карлетто. – Он нацистское чудовище. Он заслуживает смерти.

Пино вышел, держа «томпсон» в одной руке и пряча его за спиной. Впрочем, можно было не трудиться, не прятать оружие – генерал Лейерс стоял спиной к Пино, расставив ноги, – мочился с края утеса, наслаждаясь величественным видом.

«Он считает, что рулит ситуацией, – холодно подумал Пино. – Считает себя хозяином своей судьбы. Но он больше не хозяин. Мы с ним поменялись ролями».

8

Пино обошел «фиат» своего дядюшки сзади, сделал два шага по лугу; дыхание у него слегка сбивалось, ему казалось, что время замедлилось, как в тот момент, когда он входил в Кастелло Сфорцеско. Но теперь он владел собой и был уверен в том, что собирается сделать, как в любви Анны. Фараоновский надсмотрщик должен заплатить. Лейерс упадет на колени и станет просить о пощаде, но Пино будет неумолим.

Генерал Лейерс застегнул ширинку, еще раз оглядел поразительный пейзаж. Удивленно тряхнул головой, поправил пиджак, повернулся и увидел в десяти метрах Пино с прижатым к бедру «томпсоном». Немец остановился и замер.

– В чем дело, форарбайтер? – спросил он с ноткой испуга в голосе.

– Возмездие, – спокойно сказал Пино, испытывая странное чувство, будто он существует отдельно от своего тела. – Итальянцы верят в это, mon général. Итальянцы считают, что кровопролитие хорошо для раненой души.

Лейерс стрельнул глазами в одну, в другую сторону.

– И вы собираетесь просто пристрелить меня?

– После того, что вы сделали? После того, что я видел? Если справедливость существует, то вас нужно застрелить из сотни, из тысячи стволов.

Генерал поднял обе руки ладонями к Пино:

– Вы не слышали, что вам сказал ваш американский майор? Я герой.
– Никакой вы не герой.
– И все же они меня отпустили. И все же они отправили меня с вами.
Американцы.

– Почему? – спросил Пино. – Что вы для них сделали? Какие услуги им оказали? Кого подкупили золотом или информацией?

В душе Лейерса происходила какая-то внутренняя борьба.

– Я не вправе говорить вам, что я сделал, но могу вас заверить, что я был ценен для союзников. И остаюсь ценным.

– Вы ни гроша не стоите! – воскликнул Пино, чувствуя, как эмоции закипают в нем. – Вам все безразличны, кроме вас самого, и вы заслуживаете...

– Это неправда! – закричал генерал. – Вы мне не безразличны, форарбайтер. Долли не безразлична. Ваша Анна.

– Анна мертва! – воскликнул Пино. – И Долли тоже мертва!

Генерал Лейерс, ошеломленный, отступил на шаг:

– Нет. Неправда. Они уехали в Инсбрук. Я должен встретиться с Долли... сегодня вечером.

– Долли и Анна расстреляны. Я видел это своими глазами.

Эти слова потрясли Лейерса.

– Нет. Я отдал приказ...

– Машина за ними так и не пришла, – сказал Пино. – Они находились в квартире, когда туда ворвалась толпа, потому что Долли была вашей шлюхой.

Пино спокойно снял «томпсон» с предохранителя.

– Но я отдал приказ, форарбайтер, – сказал Лейерс. – Клянусь вам!

– Но вы не проверили, выполнен ли ваш приказ! – крикнул Пино, поднимая пистолет к плечу. – Вы могли бы поехать к Долли и убедиться, что их увезли. Но вы не сделали этого. Вы оставили их умирать. А теперь умрете вы.

Гримаса отчаяния искривила лицо Лейерса, он поднял руку, словно чтобы отвести пули:

– Пино, вспомните, я хотел поехать в квартиру Долли. Я хотел проверить. Не забыли?

– Не было этого.

– Было. Я попросил вас отвезти меня туда за бумагами, которые оставил там, но вы вместо этого арестовали меня. Сдали меня бойцам Сопротивления, вместо того чтобы позволить мне убедиться, что Долли и Анна благополучно переправлены из Милана в Инсбрук.

Генерал посмотрел на него безжалостным взглядом и добавил:

– Если и есть кто непосредственно виновный в смерти Долли и Анны, то это вы, Пино.

Глава тридцать четвертая

1

Палец Пино замер на спусковом крючке.

Он собирался стрелять в генерала от бедра, чтобы пули прошили его живот, чтобы он упал, но еще оставался живым. Чтобы он долго страдал от своих ран. А Пино стоял бы и смотрел, как он корчится от боли, смакуя каждую судорогу, упиваясь каждым стоном и каждой мольбой.

– Убей его, Пино! – прокричал Карлетто. – Мне плевать, что он там тебе говорит. Пристрели эту нацистскую свинью.

«Он ведь и в самом деле просил меня отвезти его к Долли в тот вечер, – думал Пино. – А я арестовал его. Арестовал, вместо того чтобы...»

Голова у него закружилась, желудок снова свело. Он слышал арию паяца, выстрелы расстрельного взвода, снова увидел, как падает Анна.

«Это я виноват. Я мог спасти Анну. Но сделал все, чтобы ее убили».

Силы оставили Пино. Он отпустил переднюю рукоятку пистолета-пулемета. «Томпсон» повис у его ноги. Пино пустыми глазами смотрел на громаду великого собора Господа и алтарь искупления грехов, и ему хотелось превратиться в прах, чтобы его унес ветер.

– Убей его, Пино! – кричал Карлетто. – Что ты там возишься? Стреляй, черт побери!

Пино не мог стрелять. Он чувствовал себя слабее умирающего старика.

Генерал Лейерс коротко кивнул Пино, сказал ледяным тоном:

– Завершайте свою работу, форарбайтер. Доставьте меня на перевал Бреннер, мы вместе закончим эту войну.

Пино закрыл глаза, он был не в состоянии думать, не в состоянии действовать.

Лейерс презрительно посмотрел на него и рявкнул:

– Давайте, Пино!

2

Пино тупо пошел следом за генералом к «фиату». Он открыл заднюю

дверь и закрыл ее, когда Лейерс расположился на своем месте. Поставил «томпсон» на предохранитель, передал оружие Карлетто, сел за руль.

Генерал пристегнул себя к чемодану.

– Почему ты не убил его? – недоуменно спросил Карлетто.

– Потому что я хочу убить себя, – сказал Пино, завел двигатель и включил передачу.

Они тронулись с места, скользя в жидкой грязи, которой вскоре покрылся весь автомобиль. Они ехали по пересеченной местности на север и наконец оказались на двухполосной дороге, которая шла серпантинном и длинными спусками, параллельными дороге на перевал Бреннер над городком Брессаноне. Колонна немецкой армии заблокировала городок и дорогу впереди более чем на милю.

Внизу раздавались выстрелы. Из окна подпрыгивающей на рытвинах машины Пино видел, что остановило колонну – пять или шесть тяжелых артиллерийских орудий впереди. Мулы, протаскившие орудия по всей Италии, обессилели. Они стояли на месте и отказывались двигаться дальше.

Погонщики хлестали мулов, пытались убрать орудия с пути, чтобы пропустить колонну. Остановившихся мулов пристрелили и оттащили в сторону. Последнее орудие уже заканчивали убирать с дороги. Караван был почти готов тронуться.

– Езжайте быстрее, – приказал Лейерс. – Нужно опередить эту колонну, прежде чем она заблокирует нас.

Пино перешел на пониженную передачу и сказал Карлетто:

– Держись.

3

Дорога здесь была посуше, и Пино смог удвоить, а потом и утроить скорость, ведя машину все еще параллельно колонне, близко к голове змеи. Через километр дорогу пересекала другая, круто уходящая вниз к перевалу Бреннер, где она пересекала деревеньку Варна не более чем в сотне метров от пушек и мертвых мулов.

Пино перешел на более низкую передачу и аккуратно переместился на дорогу, круто уходящую вниз. Он утопил педаль газа. «Фиат», подпрыгивая, неся по последнему склону горы, пока оттаскивали последнюю пушку, и танки во главе колонны включили двигатели и продолжили движение к Австрии.

– Опередите их! – крикнул Лейерс.

Чтобы удержать машину на дороге, потребовалось вспомнить все, что когда-то Альберто Аскари преподавал Пино, обучая его вождению. Пино смеялся как безумный, преодолевая последний участок дороги, когда первый танк уже набирал скорость.

Но вдруг, словно из ниоткуда, с юга появился американский истребитель-бомбардировщик «Мустанг Р-51», спикировал на колонну, сбросил бомбы, а потом открыл огонь, атакуя с бреющего полета.

Генерал, видимо, понимал, как будут развиваться события, и поэтому закричал:

– Быстрее, форарбайтер, быстрее!

4

Они шли борт о борт с танком, которому до блокировки пересечения дорог оставалось около восьмидесяти метров. «Фиату» до дороги на перевал Бреннер оставалось сто десять метров, но он ехал быстрее по мере приближения «мустанга», пилот которого каждые несколько секунд нажимал на гашетку пулемета.

Когда до перекрестка осталось сорок метров, Пино наконец ударил по тормозам и перешел на более низкую передачу, отчего «фиат» стало заносить туда-сюда, потом они почти легли набок, подъезжая к перекрестку одновременно с танком, и все же, когда они перемахнули через закраину дороги, то приземлились перед танком. Их занесло, они еще раз чуть не легли набок, но Пино все же удалось выровнять машину, и он нажал на газ.

– Из башни танка вылезает солдат! – крикнул Лейерс. – У него пулемет!

Пино увеличил расстояние между «фиатом» и танком, но оно все еще оставалось смешным для крупнокалиберного пулемета, грозившего разорвать машину на части. Ссутулившись над рулевым колесом, Пино до упора вдавливал в пол педаль газа, ожидая пулю в затылок.

Но прежде чем солдат открыл огонь, американский истребитель вылетел из-за поворота на бреющем полете на головную часть колонны. Пули застучали по броне танка, рикошетили от дороги прямо за «фиатом». Неожиданно стрельба прекратилась, и самолет заложил крутой вираж.

Дорога сделала еще один поворот, скрывший машину от пулеметчика. Несколько секунд в салоне царило молчание. Потом Лейерс принялся хохотать, ударяя кулаками по бедрам и чемодану.

– Ты сделал это! – воскликнул он. – Ты сумасшедший итальянский сукин сын, ты снова сделал это!

Пино не был в восторге оттого, что он сделал это. Он предпочел бы умереть во время этой гонки, а теперь, когда расстояние между ним и отступающими немцами увеличивалось, а граница с Австрией приближалась, он не знал, что ему делать. Казалось, ему самой судьбой предопределено вывезти генерала Лейерса из Италии, и он в конечном счете сдался перед этим предназначением.

Двадцать четыре километра между Брессаноне и Випитено дорога поднималась и достигла границы таяния снега, который выглядел здесь зернистым, влажным, но все еще оставался глубоким. Они снова оказались в тумане, из-за которого было не разобрать, где кончается снег и начинается воздух. Доступ на перевал был теперь перекрыт немецкой колонной, а пустая дорога петлями поднималась в клочьях все более густого тумана. Скорость упала до черепашей.

– Уже близко, – сказал Лейерс, когда они миновали Випитено. Он положил чемодан себе на колени. – Минута-другая.

– Что ты собираешься делать, Пино? – спросил Карлетто, снова отпивая вино из горлышка. – Для чего было все это, если он уйдет с золотом?

– Майор Кнебель говорит, что он герой, – ответил Пино; все его чувства притупились. – Он уйдет – и все дела.

Прежде чем Карлетто успел возразить, Пино перешел на более низкую передачу и резко затормозил, входя в крутой поворот последнего подъема перед границей. Низкая снежная стена перегораживала дорогу, и ему пришлось снова резко затормозить и остановить машину.

Шестеро потрепанных на вид мужчин в красных шарфах вышли из-за сугроба с винтовками, нацеленными на машину.

Со стороны Карлетто из зарослей вышел еще один с пистолетом в руке. Восьмой человек появился из-за деревьев слева от Пино. Он курил сигарету, в руках держал обрез. Пино даже спустя год узнал его с первого взгляда.

Отец Ре говорил, что Тито и его бандиты грабят людей на перевале Бреннер, и вот теперь Тито шел прямо на Пино.

– Что у нас здесь? – спросил Тито, подходя к открытому окну машины,

выставив перед собой обрез. – Это куда вы все собрались в такое чудное майское утро?

Пино натянул шапку по самые брови, протянул конверт и сказал:

– Выполняем задание американцев.

Тито взял конверт, вытащил бумаги, посмотрел на них так, что Пино подумал: грамоте этот человек не обучен. Тито сунул письмо назад в конверт и отшвырнул его в сторону.

– И что за задание?

– Этого человека нужно доставить на австрийскую границу.

– Правда? А что у него в чемодане, который он пристегнул к запястью?

– Золото, я думаю, – сказал Карлетто.

Пино внутренне застонал.

– Неужели? – сказал Тито.

Стволom своего обреза он поднял шапочку Пино повыше, чтобы видеть его лицо. Секунду или две спустя Тито презрительно рассмеялся:

– Ну не perfetto^[35] ли?

Он ткнул в щеку Пино ствол обреза, порвал кожу под глазом.

Пино охнул от боли, поднял руку к щеке, почувствовал кровь.

Тито сказал:

– Передай своему пассажиру сзади, чтобы он отстегнул наручник и дал мне чемодан, или я сначала снесу твою голову, а потом его.

Карлетто тяжело и быстро дышал. Пино посмотрел на друга – того трясло с похмелья и от ярости.

– Скажи ему, – повторил Тито и снова ударил Пино в лицо стволom.

Пино перевел его слова на французский. Лейерс ничего не ответил, ни один мускул не дрогнул на его лице.

Тито направил обрез на генерала.

– Скажи ему, что он сейчас умрет, – проворчал Тито. – Скажи ему, вы все умрете, и я так или иначе заберу чемодан.

Пино вспомнил Никко, погибшего сына хозяина гостиницы, и дернул ручку двери, всей своей массой навалился на нее, ударил ею по левому боку Тито.

Того отбросило влево, он поскользнулся на снегу и чуть не упал.

С заднего сиденья «фиата» раздался выстрел.

Человек, стоящий у двери Карлетто, упал, сраженный пулей в голову.

Тито устоял на ногах, приложил обрез к плечу, пытаясь навести его на Пино, и закричал:

– Убейте их всех!

Следующая секунда, казалось, длилась бесконечно.

Карлетто нажал на спусковой крючок «томпсона», и лобовое стекло машины рассыпалось мелкими осколками, в то же мгновение генерал Лейерс выстрелил второй раз – пуля попала прямо в грудь Тито. Он упал, его обрез выстрелил, крупная дробь разнесла заднюю часть багажника. Вторая очередь из пулемета Карлетто уложила еще двоих из шести оставшихся членов банды Тито. Остальные четверо бросились наутек.

Карлетто распахнул дверь и пустился за убегающими. Один из них был уже ранен и прихрамывал. Карлетто добил его и бросился за тремя остальными с истерическим криком:

– Вы, партизанская мерзота... вы убили моего отца! Убили его и разбили сердце моей матери!

Он остановился и снова открыл огонь.

Одному попал в спину – тот упал. Двое оставшихся развернулись, чтобы дать отпор, но Карлетто скосил их обоих.

– Я им отплатил сполна! – дико прокричал Карлетто. – Отплатил...

Его плечи ссутулились, затряслись. Карлетто начал всхлипывать. Потом он упал на колени и зарыдал.

Пино подошел к нему сзади, положил руку на плечо друга. Карлетто резко повернулся, направил ствол на Пино и, казалось, был готов нажать на спусковой крючок.

– Хватит, – тихо сказал Пино. – Хватит, Карлетто.

Его друг посмотрел на него, потом снова зарыдал. Он уронил оружие, обнял Пино, запричитал:

– Они убили моего папу, и после этого мама потеряла волю к жизни. Я должен был отомстить. Должен.

– Ты сделал то, что был должен, – сказал Пино. – Как и все мы.

Солнце начало пробиваться сквозь тучи. Они быстро расчистили дорогу от снега, оттащили тела. Пино обыскал карманы Тито, думая о Никко, нашел зажим для денег, украденный у него почти два года назад. Он посмотрел на ботинки Тито и не стал их трогать, но конверт с бумагами подобрал. Он остановился у двери водителя, заглянул на заднее сиденье, где все еще сидел генерал Лейерс, держа «Кольт М1911», такой же, как у майора Кнебея.

– Мы квиты. Обменялись услугами, – сказал Пино.

– Договорились, – ответил Лейерс.

Последние восемь километров до Австрии Карлетто вел себя как сумасшедший. Он сидел опустошенный, обессиленный. Пино чувствовал себя не лучше. Он ехал, потому что ничего другого ему не оставалось. Он крутил баранку и теперь ничего не чувствовал – ни скорби, ни потрясения, ни сожаления. Думал только о дороге впереди. Когда до границы оставалось чуть больше трех километров, он включил радиоприемник, нашел танцевальную музыку под сильные помехи.

– Выключите это, – сказал Лейерс.

– Пристрелите меня, если хотите, – сказал Пино. – Но музыка останется.

Он посмотрел в зеркало заднего вида, увидел собственные пустые глаза и победный взгляд генерала.

На границе, в узкой, поросшей лесом долине, их ждали американские десантники и два седана «мерседес-бенц». Тут же, у одного из «мерседесов», стоял незнакомый Пино нацистский генерал в форме, курил сигару и наслаждался солнцем.

«Неправильно это», – подумал Пино, останавливая «фиат».

Два десантника подошли к нему. Пино открыл конверт, просмотрел бумаги, прежде чем передать их американцам. Это было письмо, дающее предъявителю право беспрепятственного проезда и подписанное генерал-лейтенантом Марком Кларком, командующим Пятой армией, по указанию генерала Дуайта Эйзенхауэра, главнокомандующего вооруженными силами союзников.

Рыжеволосый десантник кивнул Пино и сказал:

– Чтобы привезти его сюда в целости и сохранности, нужно было проявить немало отваги и выдержки. Армия Соединенных Штатов благодарит вас за помощь.

– Почему вы помогаете ему? – спросил Пино. – Он нацист. Военный преступник. Он морил людей до смерти рабским трудом.

– Мы исполняем приказ, – сказал солдат, кинув взгляд на генерала.

Второй солдат открыл заднюю дверь и помог генералу Лейерсу выйти, чемодан по-прежнему был пристегнут наручниками к его запястью.

Пино вышел из машины. Генерал стоял и ждал его. Протянул ему свободную руку. Пино долго смотрел на нее, прежде чем протянуть свою.

Лейерс крепко пожал его руку, потом притянул Пино к себе и шепнул ему в ухо:

– Теперь вы понимаете, Наблюдатель.

Пино недоуменно посмотрел на генерала: «Наблюдатель? Он знает мой псевдоним?»

Генерал Лейерс подмигнул ему, отпустил его руку, развернулся и пошел не оглядываясь. Десантник открыл для него заднюю дверцу одной из машин. Генерал исчез внутри вместе с чемоданом, а Пино так и остался стоять с открытым ртом.

За спиной Пино в «фиате» по радио стали передавать сводку новостей – Пино из-за помех не мог разобрать, о чем говорят. Он просто стоял, прокручивая в голове последние слова Лейерса, которые добавили смятения к его отчаянию и поражению, тогда как всего час назад все в его голове было так убийственно ясно, он был уверен, что отмщение – его дело, а не Господа.

«Теперь вы понимаете, Наблюдатель».

Откуда он мог знать? Давно ли он узнал?

– Пино! – закричал Карлетто. – Ты слышишь, что передают?

Машина с генералом тронулась с места и вскоре скрылась из виду на дороге, ведущей к Штубайталю и Инсбруку.

– Пино! – кричал Карлетто. – Германия сдалась! Немцам приказано сложить оружие к одиннадцати утра завтра!

Пино не сказал ничего, он только смотрел на дорогу, по которой генерал-майор Ганс Лейерс исчез из его жизни.

Карлетто подошел к Пино и осторожно положил руку ему на плечо.

– Ты не понимаешь? – спросил он. – Война закончилась.

Пино покачал головой, почувствовал, как льются по щекам слезы.

– Я не понимаю, Карлетто. И война не закончилась. Я думаю, для меня она никогда не закончится. По-настоящему.

Послесловие

1

К концу Второй мировой войны треть Милана лежала в руинах. В ходе бомбардировок и боев погибло две тысячи двести миланцев, четыреста тысяч остались бездомными.

Город и горожане начали возвращаться к жизни, хоронить прошлое и камни руин под новыми дорогами, парками, высотками. Копоть войны счистили с Дуомо. За углом от банка, в помещении которого располагался прежде магазин «Фрукты-овощи» Белтрамини, поставили памятник Туллио Галимберти и мученикам Пьяццале Лорето. Отель «Диана» стоит на своем месте, как и канцелярия, тюрьма Сан-Витторе и населенные призраками мертвецов колоннады «Чимитеро монументале».

Башни Кастелло Сфорцеско отремонтировали, но на внутренних стенах остались щербины от пуль. В попытке забыть варварские события на Пьяццале Лорето городские власти снесли бензозаправку «Эссо». Снесли и здание отеля «Реджина», в котором размещалось управление гестапо. Мемориальная доска на Виа Сильвио Пеллико – это все, что напоминает об убитых и замученных в этом здании. Миланский мемориал холокоста расположен внутри Центрального вокзала, под платформой двадцать один.

Из приблизительно сорока девяти тысяч евреев, проживавших в Италии во время немецкой оккупации, около сорока одной тысячи удалось избежать ареста или выжить в концентрационном лагере. Многие вывезли по католической «подпольной железной дороге», которая несколькими маршрутами, в том числе и через Мотту, уходила на север в Швейцарию. Другим помогали отважные итальянцы, католики и священники, которые прятали евреев в подвалах монастырей, домов, в самом Ватикане.

Альфредо Ильдефонсо Шустер, который спасал евреев и пытался сохранить город от разрушения, оставался кардиналом Милана до самой смерти в августе 1954 года. Похоронную мессу кардиналу Шустеру служил будущий папа римский^[36]. А один из тех, кто нес гроб с телом кардинала, стал впоследствии папой Иоанном Павлом II и в 1996 году причислил его к лику блаженных. Его благословенное тело лежит в запечатанном стеклянном гробу под Дуомо.

Отец Луиджи Ре продолжал предоставлять убежище в «Каса Альпина» всем, кому грозила опасность. После окончания Второй мировой войны он скандально защищал Ойгена Доллмана, итальянского переводчика Гитлера, отвергая требования армии США выдать его.

Еврейская община Милана отметила отца Ре за то, что он рисковал жизнью, спасая евреев. Отец Ре умер в 1965 году и похоронен на одном из лыжных склонов над Моттой, под позолоченной статуей Мадонны, созданной на деньги всех тех, кому он помогал во время и после войны. Его школу для мальчиков перестроили в отель, названный «Каса Альпина». Часовни отца Ре более нет.

Джованни Барбарески был рукоположен в священники вскоре после казни Туллио Галимберти. Он был также основателем ОСКАРа, подпольного Сопротивления нацистской оккупации и ее целям. Действуя совместно с Aquile Randagie («Бродячие орлы»), запрещенной группой, схожей по структуре с организацией бойскаутов в США, Барбарески и другие из ОСКАРа изготовили более трех тысяч поддельных документов для беженцев, чтобы те могли добраться до Швейцарии. С помощью ОСКАРа двум тысячам ста шестидесяти шести евреям удалось покинуть Италию через Мотту, Валь-Кодеру и по другим северным маршрутам, которые вели к Шплюгену. После войны Еврейская община Милана отметила Барбарески, его имя увековечено в мемориальном парке в Милане, посвященном праведникам Италии, которые рисковали жизнью, спасая евреев. Он умер в январе 2017 года.

Альберто Аскари, обучавший Пино Леллу вождению, воплотил в жизнь мечту детства и стал национальным героем Италии. За рулем «феррари» Аскари выигрывал Гран-при «Формулы-1» в 1952 и 1953 годах. В мае 1955 года во время испытательного заезда на автодроме Монцы его машина перевернулась и разбилась, Аскари выкинуло на трассу. Он умер на руках Миммо Леллы. В день похорон Аскари тысячи людей собрались в Дуомо и на площади у собора. Он похоронен рядом с отцом на «Чимитеро монументале» и до сих пор считается одним из самых выдающихся гонщиков всех времен.

Полковник Вальтер Рауфф, глава гестапо Северной Италии, считался непосредственно ответственным за смерть более чем сотни тысяч людей и опосредованно – сотен тысяч, погибших в мобильных газовых камерах его конструкции в Восточной Европе до его перевода в Милан. Рауфф попал в плен, но бежал из лагеря и оказался в Чили, где подвизался частным детективом и был близок к властям страны.

Симон Визенталь, знаменитый охотник за нацистскими

преступниками, нашел Рауффа в 1962 году. Немецкое правительство потребовало экстрадиции Рауффа. Он оспорил это требование, дело дошло до Верховного суда, который пять месяцев спустя отказал в выдаче. Рауфф умер в Сантьяго в 1984 году от инфаркта. На его похороны приехали многие нацистские офицеры, об этом писали как о скандальном торжестве Рауффа, Адольфа Гитлера и Третьего рейха в целом.

Майор Дж. Франк Кнебель вернулся в Штаты, демобилизовался и занялся журналистикой. Он издавал «Гарден-Гроув ньюс» в Калифорнии и «Оджай-Вэлли ньюс». В 1963 году он купил «Лос-Банос энтерпрайз». Кнебель и Пино изредка переписывались до смерти журналиста в 1973 году. Кнебель почти не оставил никаких воспоминаний о войне, кроме загадочной записки, найденной в его документах. В записке говорилось о его планах написать «никому не известную правдивую историю о последних днях войны в Милане». Эти планы так и остались неосуществленными.

Капрал Питер Далойа вернулся в Бостон. Когда он умер несколько десятилетий спустя, его сын был потрясен, обнаружив «Серебряную звезду», которую его отец получил за доблесть и героизм, проявленные в сражении под Монте-Кассино. Награда лежала в коробке на чердаке. Как и многие другие солдаты, Далойа никому не рассказывал о своем участии в войне в Италии.

Альберт и Грета Альбанезе продолжили свой успешный бизнес. Они заработали состояние, когда Альберт стал выпускать кожаные футляры для пенковых курительных трубок и продавать их по всему миру. Они умерли в 1980-х. В их магазине на Виа Пьетро Вери, дом семь, расположен магазин «Пиза оролоджерия», или «Роскошные часы из Пизы».

Микеле и Порция Лелла открыли несколько успешных магазинов кожаных изделий и спортивной одежды, до конца своих дней они вели активную жизнь в квартале моды. Еще до их смерти, а умерли они в 1970-е годы, их первый магазин на Виа Монтенаполеоне был восстановлен, а теперь в нем находится бутик Сальваторе Феррагамо. Улица, известная прежде как Корсо дель Литторио, после войны переименована в Корсо Маттеотти, дом, в котором жили Лелла, стоит на своем месте, хотя лифт демонтировали.

Сестра Пино Сиччи стала такой же энергичной предпринимательницей, как и ее мать. Она популяризировала Милан как всемирный центр моды и работала в семейном бизнесе. Умерла в 1985 году.

Доменико «Миммо» Лелла был отмечен за храбрость, проявленную в рядах Сопротивления, прежде всего за действия в первые дни всеобщего

восстания. Миммо работал в семейном бизнесе, потом основал собственную компанию «Лелла спорт», которая занималась кейтерингом для непрофессиональных спортсменов и любителей турпоходов. Невысокий, задиристый, успешный, Миммо женился на красавице-модели Валерии, которая была на фут выше его. У них родилось трое детей. Он построил дом в Мотте близ «Каса Альпина» – он говорил, что это его самое любимое место на земле. В 1974 году в возрасте сорока семи лет Миммо умер от рака кожи.

Карлетто Белтрамини и Пино Лелла дружили всю жизнь. Карлетто стал успешным дистрибьютором «Альфа-Ромео», колесил по всей Европе. Он никогда не женился и в течение пятидесяти трех лет не говорил о войне. Но в 1998 году, когда Карлетто лежал в больнице, его посетили Пино и американец по имени Роберт Делендорф. Карлетто чуть не в исповедальном тоне рассказал о последних днях войны. Он помнил безумную вечеринку в отеле «Диана» и мстительное выражение на лице Пино, когда они узнали, что им предстоит везти в Австрию генерала Лейерса. Карлетто всю жизнь верил, что в чемодане у Лейерса лежало золото. Еще он признался в том, что расстрелял грабителей, которые пытались убежать. Он разрыдался и попросил у Бога прощения за свои безумные действия.

Через несколько дней Карлетто умер на руках Пино.

2

Когда машина с генералом Лейерсом уехала в сторону Австрии, Пино отправился назад в Милан, где в течение двух недель был гидом майора Кнебея по Италии. Майор отказывался говорить о Лейерсе под тем предлогом, что эта тема строго засекречена, к тому же война закончилась.

Но для Пино война не закончилась. Его терзали скорбь и воспоминания, его вера пошатнулась, его преследовали вопросы, ответов на которые не знал никто. Было ли известно генералу Лейерсу с самого начала, что Пино работает на Сопротивление? Не показывал ли Лейерс ему специально все, что он видел и слышал, чтобы Пино мог рассказать дяде Альберту, а тот с помощью Баки передал союзникам?

Дядя Альберт сказал, что он удивлен не меньше Пино и понятия не имеет, откуда генерал узнал его псевдоним. Но его дядюшку и родителей больше волновало то, что Пино может стать объектом преследования. Их страхи были оправданны. К концу мая 1945 года в Северной Италии были

убиты тысячи чернорубашечников и коллаборационистов – кого-то казнили, кто-то стал жертвой вендетты.

По настоянию семьи Пино уехал из Милана в Рапалло. Он перебивался разными заработками в этом прибрежном городе до осени 1945 года. Потом он вернулся в Мадезимо, где обучал желающих катанию на горных лыжах и в долгих разговорах с отцом Ре пытался примириться со своей трагедией. Они говорили о любви. О вере. О невыносимой тяжести потерь, которые они понесли.

В горах Пино молил о помощи, об отдохновении от не отпускающей его скорби, смятения и печали. Но Анна не оставляла его. Она была воспоминанием о лучших минутах его жизни – ее улыбка, ее запах, музыка ее смеха, которая все еще звучала в его ушах. А в темноте ночи она представляла перед ним и обличала, горько и требовательно, поднимая бурю в его душе.

«Кто-нибудь, скажите им, что я всего лишь горничная!»

Более двух лет Пино провел в тумане вины и скорби, он не думал о будущем, был глух к словам надежды. Летом он наматывал километры по берегу, поднимался в Альпы осенью до начала снегопадов на «соборах Господа» и каждый день молил о прощении, но так и не получал его. И с каждым днем Пино укреплялся в вере, что кто-нибудь придет и спросит его о генерале Лейерсе.

Но никто не приходил. Вернувшись в Рапалло в третье лето, в 1947 году, Пино все еще пытался осознать пережитое, помириться с призраком Анны. Он с горечью думал о том, что она так и не назвала ему свою фамилию. Или хотя бы фамилию мужа. У него даже не было шансов найти ее мать, чтобы сообщить о смерти дочери.

Анна словно и не существовала ни для кого, кроме него. Она любила его, а он ее предал. Он оказался в невероятной ситуации и своим молчанием отказался от нее, от любви к ней. Он верил, что бескорыстно выводил евреев-беженцев, бескорыстно работал на Сопротивление, но, увидев расстрельный взвод, оказался вероломным и эгоистичным.

Эта пытка продолжалась и продолжалась, пока во время одной из своих долгих прогулок по берегу, где Анна все еще жила в его памяти, он не вспомнил, как Анна сказала ему, что не особо верит в будущее, что пытается жить каждой минутой, искать поводы для благодарности, пытаться создать собственное счастье и радость и использовать это как средство для хорошей жизни в настоящем, а не цель, к которой нужно стремиться в будущем.

Слова Анны звучали в голове Пино, и по какой-то причине по

прошествии всего этого времени эти слова вдруг странным образом подошли друг к другу, заставили его признаться себе в том, что он хочет чего-то большего, чем страдальчески вспоминать о ней и терзаться из-за того, что не попытался ее спасти.

На том пустынном берегу он в последний раз страдал по Анне. Но в его голове, в его воспоминаниях теперь на первом плане оказалась не ее смерть, не ее безжизненное тело на полу в колоннаде, не ария паяца, которая преследовала его в часы безверия.

Вместо этого слышал он теперь арию принца Калафа «Nessun dorma» – «Никто не будет спать» – и вспоминал обстоятельства их странного знакомства: Анна перед пекарней в первый день бомбардировок, Анна, исчезнувшая в трамвае, Анна, открывающая дверь квартиры Долли полтора года спустя. Анна, поймавшая его в комнате Долли с ключом генерала, Анна, фотографирующая его в парке у озера Комо, Анна, притворяющаяся пьяной перед часовыми в канун Рождества, Анна, обнаженная и жаждущая его.

Когда музыка арии устремилась к крещендо, Пино посмотрел на Лигурийское море и поблагодарил Бога за то, что в его жизни была Анна, пусть и на такое короткое и трагическое время.

«Я все еще люблю ее, – сказал он ветру и морю там, где они когда-то были счастливы. – Я благодарен за нее. Она стала даром, который навсегда останется в моем сердце».

За несколько часов Пино почувствовал, что железная хватка скорби отпускает его, слабеет и исчезает. Покинув берег, Пино дал себе клятву оставить войну позади, никогда больше не думать об Анне, генерале Лейерсе, Долли, о том, что он видел.

Он прежде всего будет стремиться к счастью и делать это con smania.

Пино вернулся в Милан и некоторое время пытался обрести счастье и страсть, работая у родителей. Его общительность вернулась к нему, и он стал превосходным продавцом. Но Пино чувствовал себя беспокойно в городе, а лучше всего ему было в «соборах Господа», приходил ли он туда на лыжах или пешком. О его мастерстве альпиниста ходила молва, и так он стал тренером и переводчиком национальной итальянской команды лыжников, которая в 1950 году отправилась в Аспен, штат Колорадо, на первый послевоенный чемпионат.

Пино приехал в Нью-Йорк, он слушал джаз в прокуренном ночном клубе и в нью-йоркском оперном театре Метрополитен увидел Личию Альбанезе, свою родственницу, – она пела в «Мадам Баттерфляй», а дирижировал Тосканини.

В первый вечер в Аспене у него завязался разговор в баре с двумя людьми. Страстный лыжник Гэри был из Монтаны. Хем катался в Италии на Валь-Гардене, одной из любимых гор Пино.

Гэри оказался актером Гэри Купером, он пытался убедить Пино отправиться в Голливуд на пробы. А Хем оказался Эрнестом Хемингуэем, он много пил и мало говорил. У Пино с Купером завязалась дружба, длившаяся всю жизнь. Хемингуэя он больше не видел.

Пино не вернулся с лыжной командой в Италию, он отправился в Лос-Анджелес, но на пробы так и не пошел. Мысль о том, что миллионы людей будут следить за каждым его движением, вызывала у него ужас, к тому же он сомневался, что сможет выучить роль.

Вместо проб он воспользовался дружбой с Альберто Аскари, который помог ему получить работу в «Интернешнл моторс» на Беверли-Хиллз, он стал продавать «феррари» и другие спортивные машины класса люкс. Хороший английский Пино, его знание скоростных машин и любовь к шутке сделали его великолепным профессионалом.

Его любимая тактика продаж состояла в том, чтобы поставить один из своих «феррари» на парковке при ресторане напротив студии «Уорнер бразерс». Так он познакомился с Джеймсом Дином; потом он говорил, что не советовал молодому актеру покупать «порше», предупреждал, что тот еще не готов к такой мощной машине. Он расстроился, когда Дин не послушал его.

В «Интернешнл моторс» Пино работал с механиками Дэном Гурни, Ричи Джинтером и Филом Хиллом, ребятами из Санта-Моники, что в пригороде Лос-Анджелеса, ставшими гонщиками «Формулы-1». В 1952 году Хилл, после того как Пино представил его Альберто Аскари в Ле-Мане во Франции, был принят в команду «Феррари». Как и Аскари, Хилл стал чемпионом мира.

Зимой Пино нередко приезжал на гору Маммот в Центральной Сьерра-Неваде и преподавал там в горнолыжной школе. Обучать спуску на лыжах по горным склонам – это стало самой большой радостью и страстью его жизни. Он преподавал катание на лыжах как способ получения удовольствия и креативное приключение. Дейв Маккой, основатель школы «Маммот», говорил, что Пино на лыжах в глубоком снегу был похож на героя из сказки.

Пино вскоре обрел такую популярность, что нанять его стало невозможно – только через личные знакомства. Так он подружился с Лэнсом Ревентлоу^[37], сыном Барбары Хаттон^[38], «Бедной маленькой богачки». Так жизнь свела его с Патрицией Макдауэл, наследницей состояния, заработанного ее семьей в газетном бизнесе на изданиях «Лос-Анджелес дейли джорнал», «Сан-Диего таймс» и «Сан-Бернардино сан».

После бурного ухаживания Пино женился на Патриции, они купили дом в Беверли-Хиллз и проводили жизнь в полетах между Калифорнией и Италией. Пино оставил торговлю машинами. Он теперь владел ими, гонял на них по автодромам. Он катался на лыжах. Поднимался в горы. Жил активной жизнью и был подлинно счастлив каждый день на протяжении многих лет.

У Пино и Патриции родились трое детей – Майкл, Брюс и Джеми. Пино души не чаял в детях, учил их кататься на лыжах и любить горы. И он всегда становился душой компании, которая, казалось, неизменно находила Пино, в какой бы части света он ни оказался.

Но время от времени, по вечерам, нередко на прогулках, он вспоминал Анну и генерала Лейерса, и тогда сразу же тоска, смятение и чувство утраты одолевали его.

4

В 1960-х годах, когда Пино было около тридцати пяти лет, у них с Патрицией начались ссоры. Он считал, что она слишком много пьет. А она упрекала его в том, что он слишком много внимания уделяет другим женщинам, что он так ничего и не добился в жизни, разве что стал горнолыжным инструктором с мировой славой.

Семейная жизнь Пино стала нелегкой, он все чаще вспоминал об Анне, становился все беспокойнее при мысли о том, что больше никогда в жизни не будет у него такой глубокой и искренней любви. Он чувствовал себя как в клетке, и ему все чаще хотелось куда-то идти, ехать, бродить по свету.

После года путешествий Пино попросил у жены развода. Он познакомился с необычной, поразительно красивой молодой женщиной по имени Ивонна Уинсер, родственницей индонезийского президента Сукарно. Стоило им встретиться, как Пино влюбился по уши. Развод и повторный брак Пино стали сильным ударом для Патриции, она вскоре превратилась в алкоголичку. Пино отправил мальчиков в швейцарскую

школу-пансион. Они много лет не могли его простить.

Когда умерли родители Пино, он унаследовал третью часть семейного бизнеса, что привело к трениям между ним и сестрой. Сиччи возмутилась: пока Пино наслаждался жизнью, она все силы отдавала рекламе бренда Лелла, а он теперь, почти ничего не сделав для бизнеса, получает третью его часть.

Деньги дали Пино еще больше свободы, но много лет тяга к бродяжничеству не посещала его. У них с Ивонной родились двое детей, Джоги и Елена. И он наладил отношения со своими сыновьями от первого брака.

Но после смерти Миммо старое беспокойство вернулось. Пино отправился в путешествие, которое должно было начаться во Франкфурте рейсом компании «Пан Ам» в Нью-Йорк. Но Эмилио Киареллотто уговорил Пино отложить отъезд на день, чтобы у них было время пообщаться. Пино так и сделал, а на следующий день узнал, что самолет, которым он собирался лететь, взорвался над Локерби в Шотландии, все пассажиры погибли.

Пино на этот раз отсутствовал несколько месяцев, путешествовал, смотрел мир, сам не понимал, чего ищет. Когда он вернулся, Ивонна после тринадцати лет брака решила, что, хотя и любит его, дальше жить с ним не может. Они развелись, но сохранили добрые отношения.

Пино старел. Его дети выросли, а банковский счет съезжился, но он, даже когда ему перевалило за шестьдесят, пребывал в удивительно хорошем расположении духа. Катался на лыжах. Писал о спортивных автогонках для нескольких итальянских журналов. У него были интересные друзья и интересные женщины. Он никогда не говорил об Анне, генерале Лейерсе, отце Ре, «Каса Альпина». О том, чем занимался во время войны.

Одна исследовательница из Института альтруистической личности и просоциального поведения^[39] при Калифорнийском университете Гумбольдта в 1980-е годы обратилась к Пино. Она писала работу о людях, которые рисковали своей жизнью, спасая других. Она сказала, что его имя попало ей в Яд ва-Шеме, и это стало сюрпризом для Пино. Его никто никогда не спрашивал о том, чем он занимался под руководством отца Ре.

У Пино состоялся короткий разговор с молодой женщиной, но цель ее

исследования выбила его из колеи, разбудила воспоминания об Анне, и он закончил беседу, пообещав, что заполнит подробный вопросник и отправит его исследовательнице. Он так никогда и не сделал этого.

Пино хранил молчание до конца 1990-х, когда познакомился в Северной Италии с Робертом Делендорфом, успешным американским предпринимателем, которому среди прочего принадлежала небольшая лыжная трасса в Калифорнии. Делендорф отошел от дел и теперь отдыхал на озере Маджиоре.

Они были приблизительно одного возраста, а потому подружились. Они ужинали вместе. Разговаривали. Смеялись. На третий вечер их знакомства Делендорф спросил:

– Пино, чем была для тебя война?

Взгляд Пино устремился вдаль, и после долгих колебаний он сказал:

– Я никому не рассказывал о моей войне, Боб. Но один мудрый человек сказал мне как-то, что, открывая наши сердца, мы становимся человечными, ранимыми и цельными. Пожалуй, я готов стать цельным.

Он рассказывал далеко за полночь. Делендорф ошеломленно слушал. Как же получилось, что никто не знал этой истории?

6

Случайная встреча Делендорфа и Пино в конечном счете привела неожиданно к обеду в городе Бозман (о чем я упоминал в предисловии), штат Монтана, – в тот самый вечер, когда моя жизнь зашла в тупик, – и к моему решению полететь в Италию и услышать историю из первых уст. Когда я впервые приземлился в Милане, Пино было почти восемьдесят. Но характером и энергией он был на двадцать лет моложе. На машине он гонял как сумасшедший. Прекрасно играл на рояле.

Когда три недели спустя я прощался с ним, Пино казался старше своих лет. Он поведал миру историю, которую держал в себе шесть десятилетий, и это больно ударило по нему, его, как и прежде, мучили вопросы, на которые он за всю жизнь так и не нашел ответов, в особенности вопросы, касающиеся генерала Ганса Лейерса. Что стало с ним?

Почему его не преследовали как военного преступника? Почему никто так и не удосужился выслушать мнение Пино о нем?

Мне потребовалось почти десять лет исследований, чтобы дать Пино ответы хотя бы на часть его вопросов, главным образом потому, что генерал Лейерс оказался весьма предприимчивым человеком с точки зрения

заметания своих следов в истории. Как и другие офицеры «Организации Тодта». Хотя нацисты показали себя маниакальными архивариусами и хотя в подчинении «ОТ» были миллионы пленных и рабов, всех оставшихся документов об их деятельности не хватило, чтобы заполнить три шкафа.

Что касается генерала Лейерса, который, по собственному признанию, сидел по левую руку от Гитлера и предположительно являлся вторым по влиятельности человеком в Италии в течение двух последних лет Второй мировой войны, то осталось менее двух сотен страниц материалов, относящихся ко времени его пребывания на этой должности в Италии. В большинстве этих документов он назван всего лишь одним из участников тех или иных совещаний. Лишь на нескольких бумагах присутствует подпись Лейерса.

Однако из сохранившихся документов ясно, что, после того как Пино доставил генерала десантникам на перевал Бреннер, активы генерала в Германии и Швейцарии были заморожены. С перевала Лейерса отвезли в лагерь близ Инсбрука, где союзники содержали военнопленных. По странному стечению обстоятельств записей его допросов не сохранилось. Или они не были опубликованы. Не упоминается его фамилия и в открытых документах Нюрнбергского процесса по военным преступлениям.

Однако генерал написал для армии США отчет о деятельности «Организации Тодта» в Италии. Этот отчет находится в Национальном архиве Соединенных Штатов и, если в нескольких словах, представляет собой оправдание деятельности Лейерса.

В апреле 1947 года, через двадцать три месяца после окончания войны, Ганса Лейерса освободили из заключения. Тридцать четыре года спустя он умер в городе Эшвайлере, Германия. В течение почти девяти лет эти две даты были единственными сведениями о Лейерсе, в которых я не сомневался.

И вот, в июне 2015 года, работая с превосходным немецким исследователем и переводчиком Сильвией Фритцшинг, я нашел дочку генерала Лейерса Ингрид Брук, которая все еще жила в Эшвайлере. Хотя фрау Брук была при смерти, она согласилась рассказать мне об отце и о том, что случилось с ним после войны.

– Его поместили в лагерь для военнопленных, где он ждал суда в

Нюрнберге, – сказала она, бледная и больная, в своей спальне в обширном немецком особняке, который унаследовала от родителей. – Его обвиняли в военных преступлениях, но...

Фрау Брук зашла в кашле, а потом ей стало слишком плохо, и она не смогла продолжать свой рассказ. Но выяснилось, что духовный советник генерала Лейерса, в течение двадцати пяти лет бывший при нем, а также его друг и помощник на протяжении тридцати лет – оба могут дать мне объяснения или, по крайней мере, пересказать то, что поведал им Лейерс о своей службе в Италии и чудесном освобождении из лагеря для военнопленных.

8

Как рассказали Георг Кашел и преподобный Валентин Шмидт из Эшвайлера, генералу Лейерсу и в самом деле предъявлялись обвинения в военных преступлениях. Конкретные детали обвинения им неизвестны, и они заявили, что ничего не знают о рабах Лейерса или его участии в геноциде путем осуществления «Vernichtung durch Arbeit», нацистской доктрины «уничтожения работой», которая была частью политики Гитлера.

И преподобный, и управляющий именем Лейерса сходились, однако, в том, что Лейерса должны были судить в Нюрнберге вместе с другими нацистами и фашистами, совершившими военные преступления в Италии. Прошел год после окончания войны, потом еще один. За это время большинство из оставшихся гитлеровских палачей были осуждены и повешены, многие из них дали показания против Альберта Шпеера – рейхсминистра вооружений и военного производства и главы «Организации Тодта».

В Нюрнберге Шпеер заявил, что ничего не знал про концентрационные лагеря, хотя их и строила «Организация Тодта» и многие лагеря имели особенности, по которым безошибочно определялась их принадлежность к трудовым лагерям «ОТ». Поверили судьи Шпееру или просто отблагодарили его за избыточную информацию, которой он поделился, – но так или иначе петля не затянулась на его шее.

Узнав, что Шпеер сдал и отправил на виселицу ближний круг Гитлера, генерал Лейерс заключил собственную сделку со следствием. Что касается себя лично, то генерал Лейерс предоставил доказательства того, что он среди прочего помогал евреям бежать из Италии, защищал

высокопоставленных католиков, включая и кардинала Шустера, и спас компанию «Фиат» от полного уничтожения. Генерал также согласился дать показания на закрытом суде против своего высокопоставленного босса Альберта Шпеера. На основании показаний Лейерса личный архитектор Гитлера был в конечном счете осужден за обращение людей в рабов и отправлен отбывать двадцатилетний срок в тюрьме Шпандау.

Так, по крайней мере, священник и многолетний помощник Лейерса объясняли, почему тот был освобожден из лагеря для военнопленных в апреле 1947 года.

Хотя эти свидетельства весьма правдоподобны, легенда семьи Лейерса несколько сложнее. Менее чем через два года после окончания войны мир устал от ее последствий, продолжающийся Нюрнбергский процесс утратил свою актуальность. Кроме того, росла политическая озабоченность в связи с возрастающим влиянием коммунистических идей в Италии. Возобладала мысль, что сенсационные процессы над фашистами и нацистами будут только играть на руку красным.

«Несостоявшийся итальянский Нюрнберг» – так охарактеризовал произошедшее историк Микеле Баттити. Нацисты и фашисты (включая и генерала Лейерса), на совести которых немыслимые преступления, весной и летом 1947 года были просто отпущены на свободу.

Лейерса не судили за его преступления. Ему не предъявили обвинения в убийстве дармовой рабочей силы. Все зверства, совершавшиеся в Северной Италии в последние два года войны, с помощью юридических закорючек были объявлены неподсудными и забыты.

Лейерс с женой Ханнелизе, сыном Гансом Юргеном и дочерью Ингрид вернулся в Дюссельдорф. Во время войны его жена унаследовала «Хаус палант» – средневековый особняк и имение в Эшвайлере. Лейерсу понадобилось шесть лет юридических баталий, чтобы стать полновластным владельцем этой собственности, и он до конца дней восстанавливал поместье и управлял им.

Начал он с реставрации большого особняка и подсобных построек, которые по иронии судьбы незадолго до окончания войны были сожжены поляками, находившимися в рабстве у «Организации Тодта». Священник и помощник Лейерса сказали, что он ни разу не говорил о тех двенадцати миллионах людей, принуждавшихся к рабскому труду по всей Европе.

Не знали они и о том, откуда у генерала взялись огромные деньги, необходимые для восстановления имения, они только говорили, что Лейерс после войны консультировал крупнейшие немецкие компании, включая стального магната Круппа и производителя снарядов Флика.

Они говорили, что у Лейерса было множество знакомых и кто-то из них неизменно оказывался в долгу перед ним. Если ему вдруг требовалось что-то, ну, скажем, трактор, некто вдруг дарил ему трактор. Это происходило постоянно. Говорили, что «Фиат» так благодарен Лейерсу, что раз в два года посылает ему бесплатно новую машину.

Послевоенная жизнь Ганса Лейерса сложилась удачно. Как он и предсказывал, после Адольфа Гитлера ему было так же хорошо, как до Адольфа Гитлера и при Адольфе Гитлере.

10

Лейерс после освобождения из лагеря стал примерным прихожанином. Он оплатил постройку церкви Воскресения в Эшвайлере, которая находится в нескольких минутах езды от имения по дороге Ганс-Лейерс-Вег, названной так в память о генерале.

Лейерс имел репутацию человека, умевшего «доводить дело до конца», и люди, включая его священника и помощника, советовали ему заняться политикой. Генерал отказался, сказав, что он предпочитает быть «человеком в тени, нажимающим на кнопки». Он никогда не хотел быть на виду.

Лейерс дожил до преклонных лет, присутствовал на защите диссертации сына, получившего степень доктора технических наук. Его дочь благополучно вышла замуж. Лейерс редко говорил о войне, разве что хвастался иногда, что никогда не работал на Альберта Шпеера, а подчинялся непосредственно Гитлеру.

Личный архитектор Гитлера вышел из тюрьмы Шпандау в 1966 году и вскоре нанес визит Лейерсу. Шпеер поначалу вел себя дружелюбно, потом, выпив, стал враждебен, намекал, что ему известно о показаниях, которые дал против него генерал. Лейерс выставил Шпеера из дома. Книга Шпеера «Внутри Третьего рейха», рассказывающая о взлете и падении Гитлера, вызвала у Лейерса раздражение, он назвал это сочинение нагромождением лжи.

Лейерс умер в 1981 году, после продолжительной болезни. Он похоронен под огромным камнем на кладбище между церковью, которую

он построил, и домом, в котором жил долго после того, как оставил Пино Леллу на перевале Бреннер.

– Тот Лейерс, которого я знал, был добрым человеком, выступавшим против насилия, – сказал преподобный Шмидт. – Лейерс был инженером, он поступил в армию, потому что там ему предложили работу. Он не был членом нацистской партии. Если на его совести есть военные преступления, то я убежден, что его вынудили к этому. Вероятно, он делал это, потому что к его виску приставили пистолет и у него не оставалось выбора.

11

Неделю спустя после этих разговоров я нанес Пино Лелле еще один визит в доме у озера Маджиоре. В то время ему было восемьдесят девять лет. Моложавый старик с седой бородой, в очках в металлической оправе и модном черном берете. Как и всегда, он был общителен, склонен пошутить, бодр, он жил *con stapia*, и это было тем более удивительно, что незадолго до моего приезда он катался на мотоцикле и попал в дорожную аварию.

Мы отправились в его любимое кафе на берегу озера в городке Леза, где он жил. За стаканчиком кьянти я рассказал Пино о судьбе генерала Лейерса. Я закончил, а он долгое время сидел, глядя на воду, на его лице отражалась буря эмоций. Семьдесят лет прошло. Завершились семь десятилетий незнания.

То ли дело было в выпитом вине, то ли я слишком долго размышлял над этой историей, но Пино, эта добрая и отзывчивая душа, Пино, выживший, чтобы рассказать свою историю, в тот момент, казалось, приоткрыл мне дверь в давно ушедший мир, в котором все еще действовали призраки войны и мужества, демоны ненависти и бесчеловечности и где звучали арии веры и любви. Я сидел рядом с Пино, и, пока рассказывал ему то, о чем мне стало известно, у меня мурашки бежали по коже, и я снова думал о том, как мне повезло, какая для меня честь – дополнить его историю.

– Вы уверены во всем этом, мой друг? – спросил наконец Пино.

– Я был на могиле Лейерса. Разговаривал с его дочерью. Со священником, которому он исповедовался.

Наконец Пино недоуменно покачал головой, пожал плечами и воздел к небу руки:

– *Mon général* – он пребывал в тени, он так и остался до самого конца

призраком моей оперы.

Потом он закинул назад голову и рассмеялся над нелепостью и несправедливостью жизни.

Помолчав несколько мгновений, Пино сказал:

– Знаете, мой друг, на будущий год мне исполнится девяносто, а жизнь не перестает меня удивлять. Мы никогда не знаем, что произойдет завтра, что мы увидим, какой важный человек появится в нашей жизни или какого важного человека мы потеряем. Жизнь – это изменения, постоянные изменения, если только нам не повезет и мы не найдем в жизни комедию, а перемены – это всегда драма, чтобы не сказать – трагедия. Но когда все позади, даже когда небеса становятся алыми и угрожающими, я все же верю: если удача сопутствует нам и мы остаемся живы, мы должны быть благодарны за чудо каждого мгновения, каждого дня, каким бы плохим он ни был. И мы должны верить в Господа, и во Вселенную, и в лучшее завтра, даже если эта вера не всегда оправданна.

– Таково представление Пино Леллы о долгой счастливой жизни? – спросил я.

Он рассмеялся и погрозил пальцем:

– Во всяком случае, о счастливой части долгой жизни. Песня, которая должна быть спета.

Потом Пино посмотрел на север, по другую сторону озера, на свои любимые Альпы, устремляющиеся в летнем воздухе ввысь, как невероятные соборы. Он сделал глоток кьянти. Его глаза затуманились, поднялись к небу, и мы долгое время сидели молча, а старик пребывал где-то очень, очень далеко.

Озерная вода плескалась о подпорную береговую стену. Пролетел белый пеликан. Где-то за нами прозвучал велосипедный звонок, и девушка в седле рассмеялась.

Когда Пино наконец снял очки, солнце уже садилось, окрашивая озеро в медно-золотистый цвет. Он отер слезы и снова надел очки. Потом посмотрел на меня, улыбнулся печальной, милой улыбкой и приложил ладонь к сердцу.

– Простите старику его воспоминания, – сказал Пино. – Бывает такая любовь, которая не умирает никогда.

Cognome *Lella*
Nome *Giuseppe*
Padre *Michèle*
Madre *Gemma Albanese*
nato il *1-6-1931*
a *Pozzi*
Stato civile *celibe*
Nazionalità *Italiana*
Professione *studente*
Residenza *Milano*
Via *Monteuapoleone*

CONNOTATI E CONTRASSEGNI SALIENTI

Statura *180*
Corporatura *regolare*
Capelli *castani*
Occhi
Contrassegni salienti

FIRMA DEL TITOLARE

Giuseppe Lella
Milano, 6 LUG. 1943
Anna XXI

IMPRONTA DEL DITO
INDICE SINISTRO

p. IL PODESTA'

Благодарности

Я благодарен глубоко уважаемому мной Джузеппе «Пино» Лелле за то, что он доверил мне свою удивительную историю и открыл свое израненное сердце, чтобы я смог поведать о его судьбе. Пино преподавал мне много жизненных уроков, изменивших меня к лучшему. Здоровья вам, Пино.

Мои благодарности Биллу и Деб Робинсон, которые пригласили меня в свой дом в худший день моей жизни, и Ларри Минкоффу, который поделился со мной за обедом первыми отрывочными сведениями о тех событиях. Я глубоко признателен Роберту Делендорфу, который первым попытался написать о Пино, а потом, когда уперся в тупик, передал этот проект мне. Это самый большой подарок в моей жизни, если не считать моей жены и сыновей.

Судьба подарила мне жену – Элизабет Масколо Салливан. Когда я вернулся с того памятного обеда и вдруг заявил ей – а мы были тогда совсем на мели, – что собираюсь без нее в Италию в поисках нерассказанной военной истории, случившейся шестьдесят лет назад, она ни секунды не колебалась и не пыталась разубедить меня. Неколебимая вера Бетси в меня и в этот проект сыграла решающую роль.

Майкл Лелла, сын Пино, вычитал все черновики, помог мне отыскать новых свидетелей и оказал неоценимую помощь в правке итальянских названий. Спасибо, Майк. Без тебя я бы не смог этого сделать.

Я также благодарен выпускнику программы Фулбрайта Николасу Салливану за его громадную помощь в течение тех недель, что мы провели в Государственных архивах Германии в Берлине и Фридрихсберге. Приношу свою благодарность и Сильвии Фритцшинг, моему немецкому переводчику, которая помогла мне из обрывков собрать послевоенную жизнь генерала Лейерса и найти ответы на вопросы Пино.

Моя сердечная благодарность всем, кто помогал мне проводить разыскания по истории Пино в Италии, Германии, Великобритании и США. Каждый раз, когда я упирался в стену, какой-нибудь щедрый человек приходил мне на помощь и указывал нужное направление.

Среди этих людей назову (впрочем, список далеко не полный) Лиллиану Пиччиотто из Мемориального фонда депортации и Фиолу делла Шоа из Милана; оставившего церковную службу преподобного Джованни Барбарески и Джулио Серниторе, одного из ребят отца Ре в «Каса Альпина». Благодарю за неоценимую помощь друга Миммо и участника

Сопротивления Эдуардо Панцинни, а также Микаэлу Монику Финали, моего миланского гида, и Рикардо Сурретте, который возил меня по маршруту бегства на перевал Бреннер.

Кроме того, выражаю благодарность Стивену Ф. Сейджу из Центра углубленных исследований холокоста при Мемориальном музее холокоста, Полу Олайнеру из Института альтруистической личности и просоциального поведения при Калифорнийском университете Гумбольдта, исследователям доктору Стивену Б. Роджерсу и Симу Смайли из Национального архива США, итальянскому и ватиканскому историку и исследователю Фабиану Леммесу и монсеньору Босатра из архива Миланской канцелярии. В Мадезимо мне помогали Пьерре Луиджи Скарамеллини и Пьерино Перинчелли, который потерял руку и зрение при взрыве гранаты, убившей сына владельца гостиницы. Моя благодарность Виктору Далойа, который рассказал про найденную им военную медаль отца, и Энтони Кнебелю, который поделился со мной перепиской своего отца. А также Хорсту Шмитцу, Франку Хиртцу, Георгу Кашелу, Валентину Шмидту и Ингрид Брук, которые довели до конца историю генерала Лейерса.

По мере того как я пытался понять контекст, в котором разворачивалась история Пино, мне помогали различные организации, историки, авторы и исследователи. Среди них был персонал Яд ва-Шема, члены форума «История стран Оси», писатели и исследователи Джудит Веспера, Алессандра Кьяппано, Рената Броджинни, Мануэла Артом, Энтони Шугар, Патрик К. О’Доннелл, Пол Новачек, Ричард Брейтман, Рей Мосли, Пол Шульц, Маргерита Маркионе, Александер Стилл, Джошуа Д. Циммерман, Элизабет Беттина, Сюзан Цуккотти, Томас Р. Брукс, Макс Корво, Мария де Блазио Вильгельм, Никола Караччоло, Р. Дж. Б. Босуорт и Эрик Моррис.

Я признателен также терпеливым читателям первых черновиков, включая Ребекку Шерер из литературного агентства Джейн Ротрозен, пентагоновскому корреспонденту Национального общественного радио Тому Боуману, Дэвиду Хейлу Смиту, Терри Остроу Питтс, Дамьену Ф. Слэттери, Керри Катрелл, Шону Лоулору, Бетси Салливан, Коннору Салливану и Лоренсу Т. Салливану.

Мой удивительный литературный агент Мег Рули с первого взгляда оценила размах и эмоциональную мощь истории Пино, она поддерживала меня на всем протяжении этого проекта, когда другие теряли веру. Мне повезло, что она была рядом.

Когда мы начали искать издателя этой книги, я написал, что хотел бы

иметь редактора, которого эта история поразила бы так же, как и меня. Мое желание нашло воплощение в лице Даниеллы Маршалл, моего редактора из «Лейк-юнион» и знатока жанра романа в «Амазон пубблишинг». Она и ее коллега Дэвид Даунинг поверили в эту историю и помогли мне довести роман до его нынешнего вида. Я не нахожу слов, чтобы в полной мере выразить вам мою благодарность.

notes

СНОСКИ

День Д – общепринятое военное обозначение дня начала какой-либо военной операции. (Здесь и далее прим. ред.)

Автор называет так подпольную систему, созданную Католической церковью для спасения итальянских евреев во время Второй мировой войны. При этом он использует понятие из истории США: *The Underground Railroad* – так называлась подпольная система для организации побегов и переброски рабов из южных (рабовладельческих) штатов на Север.

Пилеолус – традиционный головной убор клира Римско-католической церкви, а также Англиканской церкви.

«Ступень Ангела» (*ит.*).

«Пик Звезда» (*ит.*).

Kübelwagen (Volkswagen Typ 82) – германский автомобиль повышенной проходимости военного назначения, выпускавшийся с 1939 по 1945 г.

7

Отлично (*ut.*).

Хьюмидор (от *лат.* humidus – влажный) – ящик, шкатулка (реже шкаф или комната) для хранения сигар, с неременным приспособлением для поддержания влажности воздуха ок. 70 % (в самом простом варианте это емкость с водой и смоченная губка).

Сен-Сен – освежитель дыхания, поставившийся на рынок с конца XIX в. как «дыхательный парфюм».

Ньокки – итальянские клецки.

Будьте добры (*ит.*).

Имеется в виду – по Фаренгейту: 1 градус разницы температур по Фаренгейту = 0,556 °C.

«*Организация Тодта*» (нем. Organisation Todt) – военно-строительная организация, действовавшая в Германии во времена Третьего рейха. Организация названа А. Гитлером по имени Фрица Тодта, возглавившего ее в 1938 г.

Vorarbeiter – досл.: старший рабочий, бригадир, десятник (нем.).

Дурак, болван (*нем.*).

Наружу, вон (*нем.*).

Готская линия – оборонительный рубеж немецких войск в Северной Италии во Второй мировой войне (немецкое название – «Зеленая линия»). Проходила по юго-западным склонам Апеннин до побережья Адриатического моря. Перед Готской линией 15-я группа армий союзников, пытавшаяся прорвать этот рубеж, была задержана с августа 1944 до весны 1945 г.

Имеется в виду рейхсминистр Альберт Шпеер, который был личным архитектором Гитлера.

Проклятые идиоты (*нем.*).

Этторе Мути (1902–1943) – итальянский фашистский политический и военный деятель, летчик; первый (генеральный) секретарь Национальной фашистской партии. После смерти Мути стал героем итальянского фашистского режима, и его именем назвали полицейский легион, размещенный в Милане, и одну из наиболее жестоких черных бригад.

Так точно, мой фюрер (*нем.*).

Да, мой фюрер (*нем.*).

Vaterland – отечество (нем.).

Да здравствует победа! (нем.)

Железнодорожный путь, платформа (*ит.*).

Великолепное (*ит.*).

Стой (нем.).

То, что ты предлагаешь, – это измена! Я не буду обсуждать это! (нем.)

Перкинс Пайнтоп (1913–2011) – американский блюзовый пианист, певец. В 1950-е он записал ставшую известной композицию «Буги-вуги Пайнтопа».

Дословно «Ворота в Венецию», это название арке было дано в XIX в. в надежде на соединение Милана и Венеции.

Трансепт – поперечный неф в храме, пересекающий основной (продольный) неф под прямым углом.

Одно из двух крупнейших кладбищ Милана, считается одним из самых богатых надгробными украшениями и памятниками в Европе.

Акилле Стараче (1889–1945) – итальянский политик-фашист.

Новый Завет. Послание к Римлянам апостола Павла, 12: 19.

Идеально (*ит.*).

Иоанн XXIII (Анджело Джузеппе Ронкалли) избран папой в 1958 г. В 1954 г. был патриархом Венеции.

Лэнс Ревентлоу – американский автогонщик, более известный как разработчик собственной марки автомобиля.

Барбара Хаттон – американская мультимиллионерша, самая богатая женщина середины XX столетия, по ее биографии в 1987 г. снят художественный фильм «Бедная маленькая богачка: История жизни Барбары Хаттон».

The Altruistic Personality and Prosocial Behavior Institute, California's Humboldt State University.